Руская империя. Польский взглядна ...

Берлин 1882

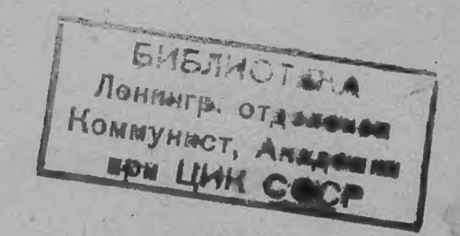
Das russische Reich.

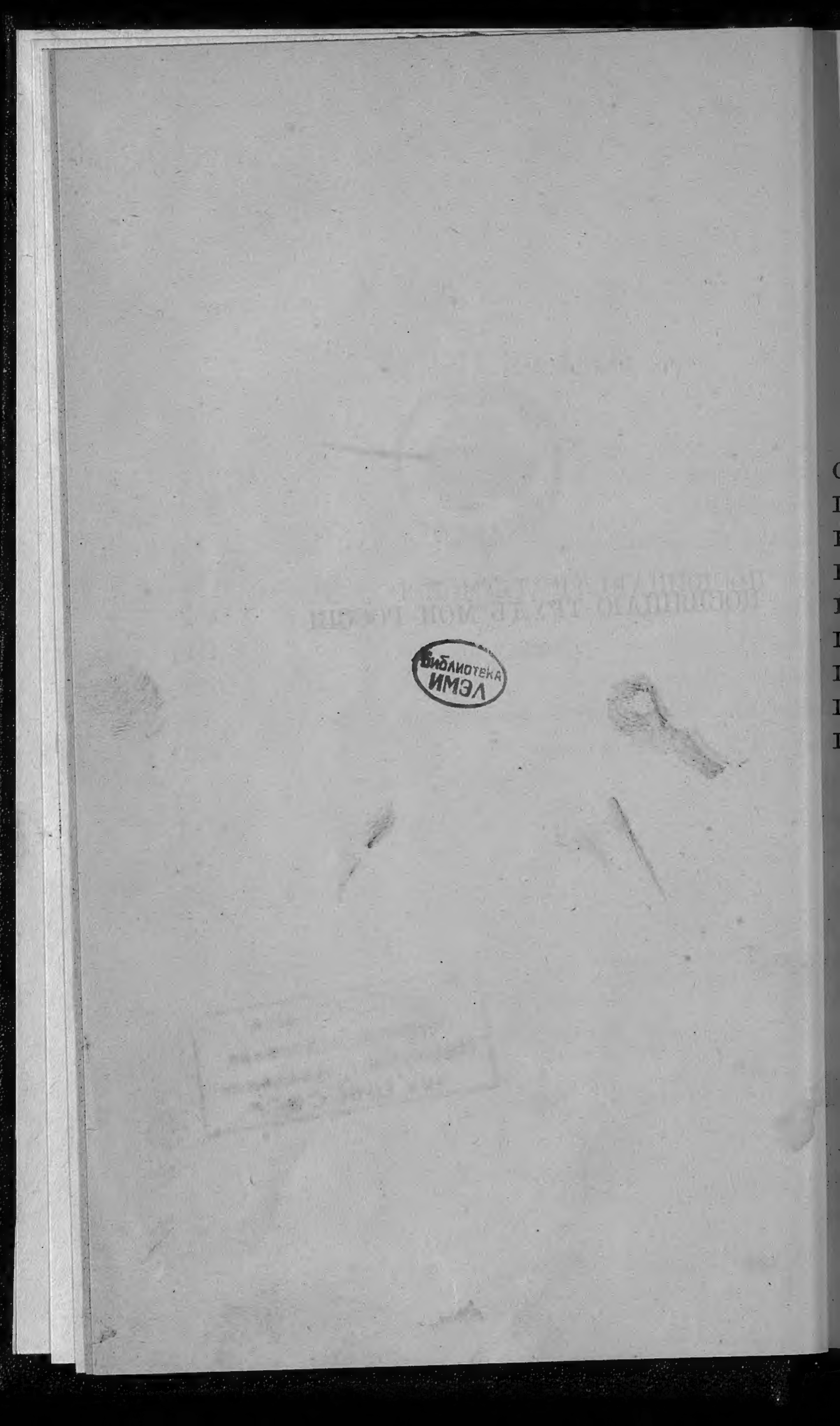
РУССКАЯ ИМПЕРІЯ.

ПОЛЬСКІЙ ВЗГЛЯДЪ
на
русскіе государственные вопросы.

Berlin 1882.
Verlag der Stuhr'schen Buch- und Kunsthandlung.

ПОСВЯЩАЮ ТРУДЪ МОЙ РОССІИ.

Библиотека
ИМЭЛ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ издателя.

Настоящій трудъ былъ оконченъ въ началѣ 1880 г. Приготовленіе къ печати протянулось слишкомъ долго, по причинамъ отъ насъ независящимъ. Кромѣ того, отъ обнародованія этого труда удерживала неизвѣстность положенія, какъ между тѣмъ смѣлость предположеній, которыя однакожъ всякій день оправдывались, казалась слишкомъ близкой къ назойливости, можетъ быть, въ представителѣ побѣжденной національности неприличной. Но происшествія шли дальше своимъ неотразимымъ и зловѣщимъ путемъ. Предвидѣнія послѣдствій оправдывались все болѣе и болѣе, приводя къ убѣжденію, что явныя причины необходимо должны вызвать въ будущемъ, впередъ уже авторомъ предсказанныя бѣдствія. Поэтому, если намѣренія прійти съ честнымъ совѣтомъ на помощь въ соціальномъ кризисѣ искренни, если лишь одинъ свѣтъ истины можетъ достаточно ясно обозначить предѣлы общественнаго разоренія, если наконецъ Поляки искренно желаютъ достигнуть государственнаго соглашенія, то медлить дольше мы не были въ правѣ.

Но совершилось чудовищное злодѣяніе 1/13 марта, потрясшее основы исполинской державы. Не здѣсь мѣсто доказывать, до какой степени намъ отвратительно это раз-

бойническое посягательство, неизвѣстное въ преданіяхъ польской исторіи. Люди, прибѣгающіе къ какому бы ни было роду насилія, никогда не обращаютъ вниманія на чувства негодованія, которыя возбудитъ въ будущемъ такое явное и безстыдное попраніе публичной нравственности, а злодѣянія ихъ производятъ лишь отрицательныя дѣйствія потому именно, что они не берутъ въ расчетъ требованій общественнаго порядка.

Однако возможность такого печальнаго происшествія оттого и была впередъ предвидѣна, что самодержавная власть въ государствѣ, не связанная никакими обязательными соображеніями общественнаго блага, необходимо когда либо должна вызвать въ народѣ взрывъ отчаянія, котораго несчастныя проявленія мы видимъ теперь.

Такимъ образомъ, стеченіе независящихъ отъ насъ обстоятельствъ вынуждаетъ насъ издать настоящій трудъ въ странѣ, гдѣ неволя не связываетъ проявленій мысли, не принуждаетъ скрывать свѣта истины.

Поляки полагаютъ, что ихъ благосклонная откровенность и лойяльные совѣты, будутъ встрѣчены признательно, тѣмъ болѣе, что даже между ихъ русскими согражданами, всѣ честно преданные публичному интерессу сознаютъ необходимость рѣшительныхъ преобразованій въ либеральномъ духѣ, для спасенія государства отъ угрожающаго ему паденія. Поляки могутъ съ Русскими расходиться во мнѣніяхъ лишь относительно подробностей исполненія, относительно же общихъ основаній реформъ они должны быть согласны. —

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прибѣгая къ содѣйствію гласности въ роковую минуту кризиса, нынѣ переживаемаго Россіей, я не увлекаюсь ни честолюбіемъ, ни страстью.

Смотря на факты объективно и съ высшей точки зрѣнія, я постараюсь произносить мои сужденія какъ безпристрастный философъ.

Преслѣдуя мою цѣль, я не убоюсь обидѣть кого бы то ни было, ни отдѣльныхъ лицъ, ни сословій, ни мнѣній, ни воспоминаній, какъ бы они ни были достойны почтенія. Я это сдѣлаю съ сожалѣніемъ, но безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти. Здѣсь я пишу не хвалебное слово, моя цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы превозносить великія качества русскаго народа; я указываю лишь на ошибки и заблужденія.

Надѣюсь, что общественное мнѣніе оцѣнитъ мою откровенность, въ уваженіе безкорыстной и честной моей цѣли.

Если же вѣрно то, что мнѣ предстоитъ встрѣтить много непріятностей, затрудненій и даже опасностей, то съ другой стороны надѣюсь найти вознагражденіе въ

одобреніи моихъ согражданъ, ибо возвышая свой голосъ, я исполняю мой гражданскій долгъ.

Буду говорить какъ подобаетъ подданному, вѣрному и отважному, который, когда дѣло идетъ о спасеніи государства, не смущается никакими соображеніями преимуществъ или преданій, личной выгоды или потери, опасности или славы, но устраняясь отъ всякой другой партіи, присоединяется лишь къ той, которая способна спасти общественный порядокъ.

Примкнувшая къ европейской цивилизаціи послѣдней, Россія имѣетъ обязанность и право пользоваться опытностью другихъ народовъ. Поэтому мы постараемся позаимствовать изъ безсмертнаго словаря соціальной науки, завѣщаннаго намъ великими мыслителями человѣчества и доблестными публицистами либеральной вѣры, сражающимися за спасеніе народовъ. Ибо въ жизни народовъ все повторяется сообразно мѣстности и временамъ.

Мой трудъ составляетъ плодъ критическихъ наблюденій цѣлой жизни и въ тоже время мудрости столѣтій.

Мнѣ кажется, теперь настало время прибѣгнуть къ пособію гласности, чтобы убѣдить тѣхъ, кто еще не хочетъ покориться очевидности.

Твердо надѣюсь, что мои записки вызовутъ пренія и содѣйствіе національной интеллигенціи.

И если скудость моего ума, недостаточное знаніе современныхъ событій, могутъ сдѣлать мою попытку безплодной и мало полезной, то все таки она откроетъ до-

рогу кому нибудь другому, кто краснорѣчивѣе и сильнѣе меня, обладая большимъ запасомъ свѣдѣній, будетъ въ состояніи довершить то, что я теперь исполнить пытаюсь.

Знаю очень хорошо, что лойяльная моя рѣчь возбудитъ недоброжелательные толки, ненавистныя инсинуаціи и тѣ своекорыстные крики, которые, завладѣвъ идеей и человѣкомъ, представляютъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ, пародируютъ и предаютъ ихъ насмѣшкѣ, этой первѣйшей изъ казней, которымъ подвергается истина. Но на это надо расчитывать и не обращать вниманія.

Послѣдовать политической и соціальной истинѣ, воспринимать ее умомъ и сердцемъ, было бы слишкомъ заманчиво, если бы между нами и нею не было коварныхъ интригъ рутины и язвительныхъ острій клеветы.

Противу меня вѣроятно возстанутъ какъ беззаботные доктринёры абсолютизма, такъ и горячіе исповѣдники демократіи.

Но истина всегда посерединѣ крайностей, и охранить общественный интерессъ среди этой отчаянной борьбы враждебныхъ партій можно не иначе, какъ умѣряя въ надлежащей степени стремленя противоположныхъ мнѣній.

Мы сознаемся откровенно, что авторъ настоящаго сочиненія — польскій дворянинъ, русскій подданный. Нашъ безпристрастный разборъ политическихъ и соціальныхъ отношеній въ Имперіи, можетъ убѣдить нашихъ русскихъ согражданъ, что общественное мнѣніе въ Польшѣ занимается благосклонно и съ знаніемъ дѣла будущностью русскаго народа. Не смотря на очень естествен-

ное негодованіе, внушаемое излишествами настоящаго р
жима, по мнѣнію большей части моихъ земляков
скажу почти всѣхъ представителей польской интел
генціи въ Россіи, развитіе національныхъ силъ тѣс
связано съ будущимъ той самой Россіи, которой гума
ные принципы мы изображаемъ въ настоящемъ со
неніи.

Надо опасаться, что одно лишь то, что критическ
разборъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, каса
щихся Россіи, и проводимыя рѣшительныя доказате
ства исходятъ отъ Поляка, можетъ возбудить нѣкотор
раздраженіе, даже постоянное недовѣріе нашихъ р
скихъ согражданъ, по той единственно причинѣ, что
появляются изъ противоположнаго лагеря, который об
новенно почитается за непримиримый. Это може
быть и прискорбно, но что же намъ дѣлать, наход
въ этомъ заколдованномъ кругу, изъ котораго од
лишь выходъ. Поэтому, если вѣрно, что въ будущ
мы должны составлять одно несокрушимое славянс
единство, то между нами не должно быть ни побѣди
лей, ни побѣжденныхъ, такъ какъ мы всѣ одинак
были жертвами историческаго рока. Если также
пустить, что стремленія Польши лойяльны, то какъ
гическое послѣдствіе мы должны согласиться, что Ро
обязана предоставить намъ право разбора политическ
и соціальныхъ вопросовъ, на которыхъ основываю
взаимныя отношенія въ государственномъ единствѣ.
всякомъ случаѣ, это рѣшеніе легче принять доброво
побѣдителю, чѣмъ заставить побѣжденную національн
усвоить его себѣ на всегда.

Я желалъ бы убѣдить. Людей нашего времени увлекаетъ необъяснимая сила, то направляя слегка, то толкая ихъ стремительно къ свободѣ и равенству. Силой этой можно управлять, можно ее иногда замедлить, но побѣдить ее нельзя. Мы думаемъ, что спасти общество отъ бѣдствія можетъ лишь дѣятельность самаго общества, руководимая стариннымъ прямодушіемъ вѣковой династіи.

Да могутъ мои рѣчи всегда обладать сдержанной силой, осмотрительной смѣлостью и лойяльной свободой, которыя Богъ, по своей милости, ниспосылаетъ иногда доблестнымъ сердцамъ для убѣжденія людей.

АВТОРЪ.

РУССКАЯ ИМПЕРІЯ.

Глава I. Наша дѣйствительность и наши опасенія.

Обращаюсь къ просвѣщенному патріотизму моихъ)усскихъ согражданъ въ полной увѣренности, что всѣ ни страшатся за будущность отечества. Всѣ безъ со-інѣнія сознаютъ и скажутъ, что всѣми умами овладѣло езпокойство и неизвѣстность, что въ первый можетъ ыть разъ послѣ двадцати лѣтъ, инстинктивное чувство епостоянства и шаткости, чувство обыкновенно быва-ющее предвѣстникомъ революцій, часто предвѣщающее иногда ихъ порождающее, въ высшей степени гос-одствуетъ въ Россіи. Само правительство допускаетъ ѣйствительное существованіе такого впечатлѣнія, но оно рипісываетъ его не настоящимъ причинамъ; оно его сточникъ видитъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ, ѣкоторыхъ недавнихъ случаяхъ политической жизни, ь тайныхъ сходкахъ, взволновавшихъ умы, въ рѣчахъ збудившихъ страсти.

Мнѣ кажется, что приписывать такимъ причинамъ явленіе зла завѣдомо и неоспоримо существующаго, ачитъ вмѣсто самой болѣзни принимать во вниманіе ея мптомы. Я глубоко убѣжденъ, что болѣзнь заклю-ется не въ однихъ этихъ симптомахъ, она обширнѣе глубже. Эта болѣзнь, которую необходимо излѣчить что бы ни стало, которая если мы не остерегемся,

очевидно унесетъ насъ всѣхъ, это: состояніе обществе
наго духа, состояніе общественныхъ нравовъ. Вотъ г
болѣзнь и на это обстоятельство я желаю обратить в
маніе моихъ русскихъ согражданъ.

Я полагаю, что общественный духъ, общественн
нравы, находятся въ состояніи угрожающемъ опас
стью; кромѣ того я думаю, что само правительство с
собствовало и продолжаетъ способствовать усиленію э
опасности.

Если обращу внимательный взоръ на сословіе у
вляющее, то что тамъ происходитъ приводитъ меня
ужасъ и безпокойство. То, что я тамъ замѣчаю, могу
разить словами: Общественные нравы тамъ извращаю
они уже извращены глубоко и всякій день извращаю
больше и больше; патріотическій образъ мыслей, ч
ства и идеи общежительныя все больше и больше
мѣняются возрѣніями почерпнутыми изъ жизни част
и эгоистическаго интересса. Если обращусь къ част
домашней жизни и замѣчаю и тамъ громкіе сканд
проступки, преступленія и необыкновенные изъ р
выходящіе пороки, разбираемые въ судахъ, или ост
щіеся публикѣ неизвѣстными, то не въ правѣ ли я
зать, что въ Россіи не только развращаются нравы
щественные, но растлѣваются и нравы частные. А
чину такого извращенія нравовъ частныхъ, при
главную, дѣйствительную, глубокую, составляетъ,
моему мнѣнію, порча нравовъ общественныхъ. Н
ственность не руководитъ главными отправленіями ж
потому она не имѣетъ вліянія и на отправленія м
важныя. Корысть замѣнила въ общественной ж
чувства безкорыстныя и благородныя, потому таже
рысть господствуетъ и въ жизни частной.

Да! Роковая участь угрожаетъ русскому отече
Въ слѣдствіе совершеннаго упадка основнаго

неннаго принципа, въ слѣдствіе заблужденія, свойственнаго обществамъ состарѣвшимся въ раболѣпномъ безстрастіи, всѣ права, вся власть, все вліяніе, всѣ почести, вся безъ исключенія политическая жизнь сосредоточилась среди одного класса, одной весьма тѣсной котеріи. Среди этого небольшаго класса происходитъ то, что обыкновенно случается современемъ со всякими исключительными, немногочисленными аристократіями: публичная жизнь гаснетъ, развратъ распространяется ежедневно, интрига занимаетъ мѣсто публичныхъ добродѣтелей, все уменьшается, мелчетъ и приходитъ въ упадокъ.

Вотъ почему русское общество, забытое такъ сказать внѣ всякаго офиціальнаго движенія, выработало себѣ жизнь особенную, ему свойственную. Нація все болѣе и болѣе отчуждается духомъ и сердцемъ отъ людей почитавшихся за руководителей. Она отдаетъ свой умъ и сердце то ненависти и злобѣ, въ убѣжденіи, что ничего ожидать отъ режима, не умѣющаго ничего предвидѣть, то фантазіямъ пустыхъ утопистовъ, или опасныхъ демагоговъ злоупотребляющихъ публичнымъ легковѣріемъ.

Мы видимъ какъ эти два класса, одинъ большой, другой немногочисленный, мало по малу отдѣляются другъ отъ друга, какъ одинъ изъ нихъ переполненъ завистью, недовѣріемъ и гнѣвомъ, другой — беззаботенъ, эгоистиченъ и нечувствителенъ, видимъ какъ эти два класса идутъ отдѣльно и въ противоположныхъ направленіяхъ. Вотъ почему наша предусмотрительная прозорливость возбуждаетъ въ насъ роковыя опасенія.

По несчастью, наше правительство кажется не вѣдитъ опасности, потому что на своей сторонѣ имѣетъ силу штыковъ. Говорятъ даже, что такъ какъ въ обществѣ никакіе матеріяльные безпорядки еще не обнаружились, потому до взрыва еще далеко. Мнѣ кажется,

что утверждающіе это ошибаются; ибо не только наружный безпорядокъ сталъ уже фактомъ, что доказывается достаточно и до очевидности недавними катастрофами, но онъ глубоко проникъ въ умы. Испытайте мнѣнія интелигентныхъ классовъ, которые сосредоточиваются въ себѣ потому, что стараются между собою условиться и согласиться. Посмотрите, что дѣлается среди нисшихъ классовъ, которые далеко не спокойны. Первые изъ нихъ волнуются страстями политическими, но страсти другихъ сдѣлались соціяльными. Развѣ вы не видите, что среди этихъ послѣднихъ классовъ мало по малу распространяются мнѣнія и идеи, стремящіяся не только къ отмѣнѣ того, или другаго режима, но къ низверженію цѣлаго общества, къ потрясенію основъ, на которыхъ оно покоится въ настоящее время. Развѣ вы не вслушиваетесь въ то, что среди ихъ говорится ежедневно? Можно-ли не слышать безпрестанно между простолюдинами повторяемыхъ толковъ о томъ, что во... стоящее выше ихъ недостойно и неспособно управлять ими? Что теперешнее распредѣленіе имуществъ несправедливо, что собственность основана на началахъ неправедныхъ? И не знаете-ли, что если такія мнѣнія вкоренятся, когда охватятъ массы, то онѣ рано или поздно, не знаю какъ и какимъ образомъ, но непремѣнно приведутъ съ собою самые грозные перевороты? Спрашиваю, что тогда помогутъ для разрѣшенія вопроса штыки, взятые изъ народа ради борьбы съ самымъ народомъ.

Знаю очень хорошо, что несчастья, о которыхъ я только что говорилъ, не всѣ и можетъ быть не главнымъ образомъ происходятъ по винѣ настоящаго правительства, потому что теперешнее состояніе составляетъ лишь окончательный результатъ историческихъ причинъ и послѣдствій прошедшаго. Но я питаю слишкомъ высокое мнѣніе о значеніи въ мірѣ власти, чтобы не быть

убѣжденнымъ, что если въ обществѣ появляется большое зло политическое или нравственное, то значительная доля вины въ этомъ должна быть приписана власти.

Говорятъ, что есть два различныхъ рода нравственности, — нравственность политическая и нравственность частной жизни. По истинѣ, ложность такого положенія никогда не была доказана болѣе блистательнымъ и болѣе печальнымъ образомъ, какъ въ наше время. И когда изслѣдуя различные времена, эпохи и народы, замѣчаю паденіе сословій управляющихъ, и доискиваюсь причины такого паденія, мнѣ представляется, правда, какое нибудь происшествіе, какое либо лицо, или другая какая нибудь случайная причина, условившая и довершившая это паденіе, но окончательно не могу не прійти къ убѣжденію, что первѣйшая, настоящая и дѣйствительная причина, отнявшая у этихъ сословій власть, была та, что они сдѣлались недостойными ее удержать. Такое паденіе имѣетъ всегда причину болѣе глубокую и болѣе дѣйствительную, и причина эта состоитъ въ томъ, что сословіе управлявшее въ то время, по своему равнодушію, эгоизму или по своимъ порокамъ, сдѣлалось неспособно и недостойно управлять.

И такъ, для насъ очевидно, что мы въ Россіи близки къ кризису рѣшительному и пагубному. Вотъ почему мы не можемъ оставаться спокойными и терпѣливыми, — такъ какъ мы твердо и рѣшительно убѣждены, что упадокъ нравовъ общественныхъ и растлѣніе нравовъ частныхъ, привести насъ могутъ, въ очень короткое время, къ гибельной революціи.

Эти именно опасенія, слѣдствіе встревоженнаго патріотизма, заставляютъ насъ высказать всю чистую правду безъ замедленія и безъ умолчаній.

§ 1.

Въ Россіи существуетъ своеобразный общественн строй, бывшій причиной появленія особенныхъ, ей одн свойственныхъ обычаевъ и законовъ. Историческія п чины, породившія этотъ строй, отдаленны, ибо ихъ на отнести еще къ нашествію Монголовъ. Не смотря отдаленность отъ насъ этой эпохи по времени, оно им на общественное устройство въ Россіи вліяніе несо нѣнное. Какъ въ безконечности міра не исчезаетъ одинъ атомъ матеріи, точно также въ мірѣ нравств номъ и историческомъ всякій принципъ долженъ про водить извѣстное дѣйствіе необходимо и неотразимо, тому что причины безъ послѣдствій быть не може И въ жизни народовъ не можетъ быть случайност такъ какъ нѣтъ слѣдствія безъ причины. Задача фи софа состоитъ въ указаніи фактамъ исторіи надлежащ мѣста, геній же государственнаго человѣка извлека зъ этихъ фактовъ заключенія, на основаніи которы долженъ управлять общественной жизнью народа.

§ 2.

Тысяча лѣтъ прошла съ тѣхъ поръ, какъ сла ская община, утомленная свойственной ей неуряди призвала Варяга Рюрика съ тѣмъ, чтобы онъ уст вилъ въ ней порядокъ и благоустройство. Норма сохраняя до извѣстной степени старинныя своб славянъ, все таки съ самаго начала ввели между н основанія феодальнаго права; верховенство князя, п сильнаго, гарантирующее порядокъ и основанное подчиненіи слабаго, который уважаетъ благород воина, какъ своего защитника. Это былъ родъ ле ной свободы въ тѣ героическія времена, и хотя за тогда часто походилъ на произволъ, но все таки это

лучше, чѣмъ народная анархія славянъ. У князей была вѣрная дружина; дружина эта сдѣлалась началомъ дворянства въ такойже степени независимаго у себя дома, какъ и гордаго относительно своего сюзерена. Но города сохранили свои льготы; небольшія, состоявшія изъ одной общины, республики уже тогда образовались среди славянства и, разбогатѣвъ отъ прибыльной торговли, усилились и сдѣлались равными въ могуществѣ сосѣдимъ князямъ. Еслибы ничто не помѣшало нормальному развитію народныхъ силъ, феодализмъ въ Россіи преобразовался бы въ аристократическое государство на подобіе сосѣдней Польши, или скорѣе въ федеративную республику, потому что торговые города были уже слишкомъ независимы, чтобы подчиниться часто оспариваемой власти какого либо князя. Кто знаетъ, можетъ быть двѣ сосѣдки и соперницы, которыя тогда еще существенно не различались одна отъ другой ни по языку, ни даже по религіи, соединились бы по взаимному соглашенію подъ одной верховной властью и такимъ образомъ избавили бы насъ отъ продолжительныхъ войнъ и вражды, приводящихъ въ отчаяніе всякаго честнаго государственнаго человѣка.

§ 3.

Ничего подобнаго не случилось. Нашествіе Монголовъ, разрушивъ или видоизмѣнивъ прежнія отношенія, установило отношенія новыя, и духъ гражданскаго общества измѣнился точно также, какъ и внѣшній видъ славянскаго политическаго міра. Если обратимъ вниманіе на свойство, сообщенное новымъ вліяніемъ племенному характеру народа, то увидимъ прежде всего, что татарское иго внесло въ русское общество чувство раболѣпства, отличительную черту монгольскаго племени, чуждую народамъ славянскимъ. Вмѣсто безусловной независи-

мости, существовавшей въ славянской общинѣ, вмѣс
свободнаго соглашенія между человѣкомъ сильнымъ
человѣкомъ свободнымъ, какъ это было въ общест
феодальномъ, Русскіе, силою обстоятельствъ, прину
дены были сдѣлаться безотвѣтными рабами госуда
и такой образъ правленія былъ преобладающимъ
исторіи послѣдующихъ столѣтій. Слѣдствіемъ было
что народъ русскій, отторгнутый отъ гармоническа
единенія съ другими, соплеменными ему народами, ук
нился отъ всякаго съ ними общенія. Равно способн
къ самому крайнему раболѣпству, какъ и къ велич
шему самоотверженію и преданности, герой или му
никъ, смотря по сообщенному ему направленію свыш
направленію геніяльному или нелѣпому, онъ составля
всегда безсознательную силу, дѣйствующую всегда
самостоятельно, но подъ вліяніемъ безусловной необ
димости. Типъ единственный въ исторіи.

§ 4.

Политическое состояніе края приняло видъ стр
ный. Монгольское управленіе отъ туземныхъ кня
требовало столькоже дани, сколько и раболѣпства. П
нужденные являться въ ханскій станъ лично, они т
часто подвергались опасности жизни, встрѣчаясь съ
трыми происками раболѣпныхъ соперниковъ. Лиша
жизни одного, поставить на его мѣсто другаго, б
политическимъ средствомъ, которое кочевые властел
употребляли для того, чтобы осязательнымъ обра
доказать вѣнценоснымъ рабамъ свое неоспоримое
щество. Вслѣдствіе этого, одинъ изъ нихъ смѣлѣе, с
ливѣе или искуснѣе другихъ, вздумалъ сдѣлаться
средникомъ между своими товарищами и ханомъ; сп
какъ услужливый царедворецъ, потомъ признанный
этомъ качествѣ формально, — онъ успѣлъ пріобрѣсти

ченіе и часто имъ злоупотреблялъ при дворѣ. Роль эта, доставшись князьямъ Московскимъ, положила начало верховной власти въ Россіи. Послѣ множества политическихъ хитростей, употребленныхъ московскими князьями для устраненія отъ власти старинныхъ династій, имъ удалось, наконецъ, нанести народному притѣснителю рѣшительное пораженіе и это завершило дѣло; единодержавное государство было основано. Такимъ образомъ національнымъ единствомъ Россія обязана не нормальному развитію политической жизни своего народа, но иноземному притѣснителю. По этому то, не смотря на различіе странъ, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи, различіе климатовъ и племенъ, это государственное единство, возникшее вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ нетерпимаго ига, почитается въ народныхъ мнѣніяхъ безусловно необходимымъ и является единственнымъ залогомъ спасенія отечества. Никогда, никакая національная династія не моглабы соединить членовъ государственнаго тѣла, часто другъ другу враждебныхъ, такъ слитно, какъ это совершила судьба посредствомъ угнетѣнія и тиранніи.

§ 5.

Народное единство совершилось. Но пріученные двухсотлѣтнимъ притѣсненіемъ раболѣпствовать передъ ханомъ, вожди народа не могли имѣть даже понятія ни о правахъ человѣка, ни объ установленныхъ и признанныхъ обычаемъ обязанностяхъ государя; и потому славянскія преданія забылись окончательно, а на ихъ мѣсто при Велико-княжескомъ дворѣ появились азіятская пышность и азіятскіе обычаи. Названіе: „Рабъ царскій" противно славянскимъ преданіямъ, а этимъ именно названіемъ стали гордиться первѣйшіе вельможи. Иванъ III, низвергая Новгородъ и Псковъ, уничтожилъ послѣдніе слѣды славянской свободы. Иванъ IV, своими

гоненіями истребилъ большую часть древнихъ родо
Все, что могло требовать себѣ правъ человѣка или
хранило рыцарскія преданія, исчезло. Остались тол
рабы и царь. Послѣ пришла анархія.

§ 6.

Со вступленіемъ на престолъ династіи Романовы
въ Русской исторической жизни совершается види
прогресъ. Въ реформахъ Петра Великаго въ пер
разъ ясно обнаруживается идея государства, въ т
решнемъ значеніи этого слова; тамъ всегда говор
или подразумѣвается, что благо государства и его
тателей составляетъ конечную цѣль общества и пре
права. Это доселѣ неизвѣстное начало показалось
довольно страннымъ во времени Ивана Грознаго.
прежнія времена страна и народъ считались веща
составляли исключительное достояніе государя; от
на первомъ мѣстѣ становится благо государства.
государство олицетворяется въ Государѣ и его вол
ставляетъ законъ. Дѣйствительною, если не явно
знанною цѣлью всѣхъ реформъ было, такимъ обра
сосредоточеніе всѣхъ силъ страны въ рукахъ Госу
Современное государство, монархія единодержавн
централизованная была основана.

§ 7.

Какъ въ странѣ не было ни наслѣдственныхъ,
ми признанныхъ знатностей, ни самостоятельных
словныхъ преданій дворянства, то для управленія д
и для привлеченія всѣхъ силъ страны къ центру в
реформаторъ принужденъ былъ создать множеств
интерессованныхъ въ сохраненіи введенной имъ сис
служителей. Но выбирать ихъ было не изъ
Естественно, что при выборѣ требовалось не с

людей съ честными принципами, сколько лицъ заявляющихъ громко свою безусловную преданность. Контролировать успѣшно административную дѣятельность этихъ избранниковъ, единоличное правительство не имѣло никакой возможности, особенно при тайной процедурѣ безъ публичности и гласности. Такимъ образомъ, при содѣйствіи еще корпоративнаго духа, эти избранники вскорѣ сдѣлались силой, съ которою необходимо было считаться, отдѣльнымъ сословіемъ, которое пополнялось скорѣе изъ толпы ненасытныхъ личностей, чѣмъ изъ среды безкорыстныхъ добродѣтелей, кастой, уже по самому своему участію въ управленіи отдѣльной отъ націи. Вслѣдствіе этого, правительство, вмѣсто преданной по самымъ своимъ традиціямъ, хотя часто неугомонной и бурной, но всегда заинтересованной въ величіи отечества аристократіи, пріобрѣло касту жадную и готовую на все, ...браніе спеціяльностей, пригодныхъ для успѣшнаго ве...нія дѣлъ и выборъ служителей послушныхъ, но къ общественному благу совершенно равнодушныхъ. Скоро эта бюрократическая лига стала пользоваться волею Государя для своихъ выгодъ, а народъ за это поплатился. Такъ какъ легче измѣнить законы, чѣмъ нравы какого нибудь народа, и какъ во всякомъ обществѣ, основанномъ на рабствѣ, испорченность составляетъ непремѣнное качество правителей, то очень естественно, что не смотря на запрещеніе закона и на многочисленные указы, продажность и корысть вскорѣ сдѣлались цѣлью, средствомъ и побудительною причиной всей бюрократической дѣятельности. Съ той поры уровень общественной нравственности понизился, и внѣшнее величіе государства стало прикрывать упадокъ гражданскихъ нравовъ и растлѣніе общественной совѣсти. Народъ привыкъ въ представителяхъ власти видѣть людей заинтересованныхъ въ сохраненіи злоупотребленій, и чѣмъ больше понималъ

трудность измѣненія такого порядка, тѣмъ болѣе тер
довѣріе къ будущему. На это опасное и зловѣщее
ложеніе слѣдуетъ обратить вниманіе. Мы уже замѣти
Русскій народъ есть сила пассивная и безсознатель
онъ, правда, вѣруетъ въ свои преданія и многотер
ливъ...... но только до тѣхъ поръ доколѣ сохраня
вѣру. Онъ преданъ какъ рабъ, но также какъ р
пороченъ, злобенъ, мстителенъ и злопамятенъ.

§ 8.

Когда людей не соединяютъ узы обществен
блага, люди обыкновенно заботятся лишь о своихъ
ныхъ интерессахъ, они бываютъ слишкомъ располож
обращать вниманіе только на самихъ себя и пряч
въ свой тѣсный индивидуализмъ, въ которомъ чах
всякая общественная добродѣтель. Неограниченн
бюрократическій режимъ, не только этой наклонност
противудѣйствуетъ, напротивъ еще ее усиливаетъ,
онъ дѣлаетъ гражданъ хлоднокровными и равнодуш
ко всѣмъ общественнымъ интерессамъ, ко всякой
щественной потребности, не даетъ имъ чувствоват
обходимости взаимнаго соглашенія, лишаетъ ихъ вс
случая дѣйствовать съ обща, и, такъ сказать, запи
ихъ на глухо въ частной жизни. Такъ какъ неп
ная жажда наслажденій и роскошь, въ самомъ пагуб
значеніи этого слова, составляютъ рѣшительный при
нашего времени, то въ обществѣ, гдѣ ничто не
янно, потому что все зависитъ отъ „благоусмотрѣ
каждый безпрестанно волнуется страхомъ низой
пламенной жаждой возвыситься; и какъ деньги
вляютъ тамъ главный признакъ, по которому люди
предѣляются и различаются, то нѣтъ никого, кто
почиталъ себя обязаннымъ дѣлать всевозможныя
для ихъ пріобрѣтенія и сохраненія; по этому, въ т

ществѣ, желаніе обогатиться во что бы ни то стало и ажда чувственныхъ наслажденій, страсти самыя обыквенныя. Эти страсти легко распространяются во всѣхъ словіяхъ, даже въ тѣхъ, которымъ прежде онѣ были вершенно чужды, и, еслибы ихъ ничто не удержало, корѣ бы успѣли разслабить и унизить всю націю; а рократическая система, по самой своей природѣ бларіятствуетъ ихъ распространенію. Эти разслабляющія расти ей на руку; онѣ занимаютъ воображеніе людей, страняютъ ихъ отъ общественныхъ дѣлъ и приводятъ трепетъ при одной мысли о гласности. И наобоъ, эта система, въ свою очередь, негоднымъ страстямъ кетъ доставить тайну и потемки, выгодныя для жадти, дозволяющія дѣлать нечестивыя стяжанія и пререгать безчестіемъ. Безъ этой системы страсти эти ли бы сильны, она же дѣлаетъ ихъ повсемѣстно госствующими и преобладающими.

§ 9.

И такъ, общественная честность въ Россіи состаетъ миѳъ. Общественное имущество, казна, значиньшъ большинствомъ почитается за легальный вылъ, за какого то таинственнаго богача, для обобра-которато позволительны всевозможныя хитрости. окрадство въ общественномъ мнѣніи не приноситъ стія, его никто не стыдится, напротивъ, всякій пе- друзьями даже имъ хвастаетъ.

Это прискорбное явленіе имѣетъ нѣсколько причинъ; ая причина: отсутствіе въ дѣлахъ финансовыхъ юсти. Частный человѣкъ искони привыкшій къ отребленіямъ администраціи, въ законахъ казеннаго вленія видитъ одно лишь хищничество, и чувствуя, иожетъ его избѣгнуть посредствомъ ловкости, ищетъ

пополненія своихъ убытковъ тамъ, гдѣ другіе потер- все, что имѣли.

Вторая причина заключается въ темныхъ народн- преданіяхъ. Интеллигентными классами овладѣло н- мѣрное желаніе наслажденія; трудъ медленный и по- янный, трудъ земледѣльческій, не по ихъ вкусу. вмѣсто того, чтобы трудиться, бросаются на расхищ- общественнаго имущества, — „погоня за наживой" сд- лось выраженіемъ характеристическимъ. Когда при на глазахъ всѣхъ, множество людей вовсе недостойн- достигло на службѣ богатства и почестей, ихъ при- побудилъ и другихъ слѣдовать по томуже пути вошло въ обычай, равносильный закону. Отсюда произошла еще одна язва, точащая сердце Россіи — сентеизмъ дворянства и помѣщиковъ.

Наконецъ, послѣдняя причина та, что публика сознаетъ свою подчиненность по отношенію къ пр- тельственному чиновничеству. Незнаніе точнаго см- законовъ, примѣняемыхъ и толкуемыхъ чиновникам- рождаетъ неувѣренность въ своихъ правахъ, и на- не понимая истиннаго намѣренія законодателя, ду- только о томъ, какъ бы законъ обойти. Отсюда т- исходятъ подкупы и взятки.

§ 10.

Въ Россіи различіе классовъ и сословій сущ- етъ скорѣе въ законѣ, чѣмъ въ понятіяхъ и обы- народа; это различіе не имѣетъ корня въ историч- преданіяхъ, такъ какъ стариннаго дворянства въ очень мало. Старый девизъ храбрыхъ рыцарей blesse oblige," не имѣетъ для публики смысла. В- сіи современный дворянинъ — это по большей час- ставной чиновникъ; къ землѣ отцовъ его не при- ваетъ ничто, кромѣ развѣ дома, въ которомъ он-

ѣтъ и который, впрочемъ, онъ готовъ оставить сейчасъ же, ишь бы удалось получить теплое и обѣщающее выгоды ъ будущемъ мѣстечко. Люди съ историческими фамиіями не пользуются большимъ значеніемъ и по своей алочисленности не могутъ имѣть большаго вѣса. И какъ ворянство не имѣетъ по большей части на общественое мнѣніе никакого вліянія, какъ оно притомъ не свяно съ общественной почвой узами традиціи, то предъ щомъ неограниченной власти всѣ граждане кажутся вными, сама же эта власть хотя и неограничена, не ѣетъ надлежащей опоры, такъ какъ подведенная подъ инъ общественный уровень нація лишена всякаго заннаго органа для проявленія своей дѣятельности и всяй способности оказать власти какое либо содѣйствіе. тъ почему у насъ всѣ или хулители, или низкопоклонки, а чаще всего одно и другое вмѣстѣ, но рѣдко кто нируетъ прямодушно, рѣдко кто хулитъ злоупотренія по убѣжденію и добросовѣстно отстаиваетъ принты.

§ 11.

И такъ, Россія есть общество демократическое общества такого рода, когда въ нихъ нѣтъ свободы, утъ быть богаты, утонченны, украшены, даже веолѣпны, могущественны своей однородной массой, въ ъ можно встрѣтить домашнія добродѣтели, великихъ лителей, добрыхъ христіянъ; въ Римской Имперіи, послѣдніе дни передъ ея паденіемъ, ихъ было множтво, но въ нихъ, смѣло скажу, никогда не бываетъ икихъ гражданъ, а тѣмъ болѣе они не составляютъ каго народа. И я не боюсь утверждать, что въ ихъ обществахъ, общій уровень чувствъ и интеллиій не перестанетъ понижаться, доколѣ равенство и

бюрократическій деспотизмъ будутъ существовать
нихъ совмѣстно.

§ 12.

Думать, что въ мірѣ можетъ существовать вла
совершенно неограниченная и вмѣстѣ безотвѣтствен
составляетъ великое заблужденіе; такой власти нѣт
никогда не будетъ. Въ наше время во всякой на
существуетъ общій духъ, на которомъ основана с
власть. Когда власть противудѣйствуетъ этому ду
она противудѣйствуетъ самой себѣ и необходимо
нуждена бываетъ остановиться. Передача верхо
власти главѣ государства, естественно имѣетъ свою
и содержитъ въ себѣ собственное ограниченіе. Общ
венное благо есть цѣль этой передачи, а выраженіе
государя въ опредѣленной закономъ формѣ должно
служить ограниченіемъ. У насъ въ Россіи, воля Га
даря составляетъ законъ. Разъ эта воля выражена
гально, она при своемъ примѣненіи въ администр
не должна встрѣчать препятствій; но обыкновенно
ваетъ не такъ. За изданіемъ всякаго закона слѣд
вереница министерскихъ циркуляровъ, послѣ того я
ются мѣстныя толкованія и еще послѣ, поперекъ
законодателя, становятся личные интерессы, такъ
наконецъ изъ закона остается одна лишь мертвая б
а смыслъ его улетучивается и испаряется по ми
тѣхъ, которымъ онъ не нравится. Но что еще у
тельнѣе, часто какой нибудь законъ бываетъ обязате
въ одной какой либо провинціи, и тотъ же закон
другихъ провинціяхъ считается отмѣненнымъ ка
нибудь министерскимъ циркуляромъ; если же по
случаю обратиться къ Сенату, то Сенатъ непре
рѣшитъ въ пользу повсемѣстной обязательности за
противъ министерскаго произвольнаго распоряженія.

пивается: гдѣ же настоящая законодательная власть, огда ихъ на лицо двѣ? И какая личность осмѣливается фиціально отмѣнять законъ, изданный Верховной властью, ѣлать его недѣйствительнымъ, временно непримѣнимымъ, ли дѣйствующимъ въ видѣ опыта единственно по личому своему усмотрѣнію, и ослаблять его послѣдствія ля націи? У этой личности нѣтъ собственнаго имени, то легіонъ, система, это бюрократія. Легіонъ этотъ вляется на сцену и вмѣшивается не въ свое дѣло потому, что въ самой природѣ неограниченной власти лекитъ необходимость переказывать частицу своей непорѣшимости чиновникамъ, даже стоящимъ на самой низой ступени чиновничьей іерархіи. За то и каждый иновникъ почитаетъ себя за офиціальнаго истолкователя амѣреній и видовъ правительства, которые называетъ экретными на томъ основаніи, что отчетъ въ нихъ онъ аетъ лишь самому себѣ, но никогда не объявляетъ ихъ ублично; хорошо еще и слава Богу, если этотъ чиновикъ, какъ членъ какой нибудь партіи, не проводитъ акихъ либо особенныхъ, часто антисоціальныхъ стремній. Вотъ главный источникъ всѣхъ злоупотребленій, тъ которыхъ страдаетъ нація, и которыя въ свою очеедь усиливаютъ въ ней чувство ненависти.

§ 13.

Но личная тиранія государя никогда для государва не бываетъ такъ пагубна, какъ равнодушіе къ щественному благу бюрократіи. Преимущество ценализованнаго государства, по общему мнѣнію, заклюается въ томъ, что въ немъ общественныя силы упраяются правильнѣе; но если это предположеніе не оправвается, если напротивъ администрація тамъ хуже, то реимущество современнаго государства должно бы, по ей мѣрѣ, состоять въ томъ, чтобы въ немъ су-

ществовало равенство правъ и обязанностей. Но если
этого нѣтъ, если кромѣ родственниковъ и друзей госу-
даря, нужно еще обогащать всѣхъ участвующихъ въ
управленіи, тогда все пропало. Неисполненіе законовъ
и извращеніе ихъ смысла чиновниками, тамъ гораздо
опаснѣе, чѣмъ явное ихъ нарушеніе самимъ государемъ,
который въ качествѣ перваго гражданина государства
все таки больше всѣхъ заинтересованъ въ его сохра-
неніи.

§ 14.

Въ народахъ, у которыхъ правленіе централизовано,
первая мысль, приходящая въ голову каждому, кто
чувствовавъ свои силы, желаетъ составить себѣ карьеру,
получить общественную должность. Когда такихъ долж-
ностей не много, а жалованье чиновниковъ не значительно,
когда притомъ различные роды промышленности пред-
ставляютъ поприще обширное и прибыльное, то боль-
шинство искателей карьеры, которымъ гражданское ра-
венство доставляетъ всюду свободный доступъ, устрем-
ляется больше къ занятіямъ промышленнымъ, чѣмъ къ
администраціи. Но въ Россіи этого быть не может:
во первыхъ потому, что промышленность у насъ слабо
развита, а сельское хозяйство не во вкусѣ образованныхъ
классовъ; а во вторыхъ потому, что видъ бюрократи-
ческой фаланги, захватывающей въ свою пользу всѣ до-
ходы страны, порождаетъ въ народѣ опасное заблужденіе,
будто чиновничество составляетъ средоточіе власти, и
потому званіе чиновника есть единственный источникъ
матеріальнаго благосостоянія. По этому, тогда какъ
просвѣщеніе между нисшими классами не распростра-
няется, и умы остаются робкими, не смотря на равенство
правъ, какъ земледѣліе и промышленность, стѣсняемыя
въ своемъ развитіи, представляютъ способы обогащенія

ишь трудные и медленные, пылкіе охотники до расхи-
щенія общественнаго имущества, побуждаемые видомъ
римѣровъ успѣха часто не по заслугамъ, шумно сбѣ-
ются къ главѣ государства, съ раболѣпствомъ въ рѣ-
ахъ и поступкахъ, но съ дерзкими надеждами въ глу-
инѣ души. Пристроиться на счетъ казны, каждый
ъ нихъ почитаетъ средствомъ къ повышенію самымъ
чшимъ и для всѣхъ доступнымъ. Такимъ образомъ
гоня за мѣстами и за незаконными барышами дѣлается
обимѣйшимъ промысломъ; а какъ мѣста съ жалова-
емъ многочисленны, а никакой гласности вовсе нѣтъ,
при помощи кумовства, никто неотчаявается полу-
ть прибыльное мѣсто и пользоваться имъ какъ родо-
мъ имѣньемъ.

§ 15.

Но правительство, поощряющее подобныя наклон-
ти, рискуетъ своимъ спокойствіемъ и даже подвер-
тъ опасности самое свое существованіе, потому что
омѣрная жажда правительственныхъ мѣстъ соста-
етъ большое общественное зло. Промыселъ искате-
должностей вовсе непроизводителенъ, онъ только
ь пользы волнуетъ страну и, искореняя во всякомъ
жданинѣ духъ независимости и распространяя въ на
навыкъ къ продажности и раболѣпству, убиваетъ въ
всѣ гражданскія добродѣтели.

§ 16.

Можетъ статься, что въ настоящее время, въ виду
ояннаго исчезновенія любви и почтенія, которыми
кде пользовалась власть, покажется необходимымъ
вязать къ себѣ тѣснѣе всякаго собственнымъ его
ерессомъ и употребить, для удержанія людей въ по-
ѣ и безмолвіи, ихъ же собственныя страсти. Но

это продолжаться не можетъ и то, что казалось на которое время источникомъ силы, въ послѣдствіи лается причиной замѣшательства и слабости. Число щественныхъ должностей естественно ограничено, умноженіе честлюбцевъ по несчастью границъ не етъ, число ихъ, напротивъ, по мѣрѣ уравненія сосло увеличивается безпрестанно и неотразимо. По это какъ только у честолюбія, для его удовлетворенія, будетъ другаго исхода кромѣ службы, правитель неизбѣжно наживетъ себѣ противниковъ и постоян оппозицію, потому что ему придется ограничен средствами удовлетворять желанія и требованія нео ниченныя. Но просители такой народъ, который живать и которымъ руководить очень трудно; какія усилія начальство ни употребляло, оно ихъ удовле рить не успѣетъ, и надо всегда опасаться, чтобы он опрокинули учрежденій страны единственно изъ за требности сдѣлать мѣста вакантными.

§ 17.

Въ Россіи мы видимъ ясно, что бюрократиче система, готовая испустить послѣднее дыханіе, и различныхъ средствъ для своего спасенія; выдумы исключительные законы и этимъ создаетъ искусстве потребность въ испытанныхъ служителяхъ для ихъ мѣненія; сама вызываетъ разныя анормальныя по нія, для того чтобы имѣть случай безпрестанно рять и укрощать, и при этомъ случаѣ преданных новниковъ снабжать мѣстами; возбуждаетъ небы страхи и борется съ ними безъ опасенія; для возна денія многочисленныхъ раболѣпныхъ преданносте необходимы во что бы то ни стало синекуры, и ходя подъ рукою довольно мѣстъ для удовлетворен насытныхъ желаній, она волнуется и мечется в

стороны. И мы присутствуемъ при чудовищномъ зрѣлищѣ центра, питающагося на счетъ членовъ. Бюрократическая система заперла насъ въ безисходный кругъ, гдѣ средства превращаются въ цѣль, и для достиженія этой цѣли, то — есть развращенія общественной совѣсти, бюрократіи всѣ средства хороши, даже средства убивающія, потому что надо вѣдь существовать, что бы ни случилось.

§ 18.

Міромъ не управляетъ ни счастье, ни случай. Есть общія причины физическія, или нравственныя; онѣ дѣйствуютъ во всякомъ государствѣ: возносятъ его, сохраняютъ, или низвергаютъ. Всѣ случайности государственной жизни подчинены этимъ общимъ и основнымъ причинамъ, и, если случайная потеря сраженія, то-есть причина ближайшая и спеціальная, когда нибудь разрушила какое нибудь государство, то внимательное изслѣдованіе исторіи этого государства покажетъ намъ непремѣнно, что кромѣ этой случайной, была еще причина общая и главная, вслѣдствіе которой государство это должно было погибнуть отъ потери одного сраженія. Это сбылось на Австріи послѣ Сольферино и Садовой. При равныхъ обстоятельствахъ и при вмѣшательствѣ какого либо смѣлаго сосѣда, тоже приключалось бы и Россіи. Вину за такое несчастье непремѣнно надо бы было приписать режиму, который, не признавая лойяльныхъ и умѣренныхъ стремленій общественнаго мнѣнія, проявляющихся при настоящемъ столкновеніи злоупотребленій власти съ правами общества, принуждаетъ партіи, вмѣсто спокойнаго заявленія о своихъ нуждахъ, вести озлобленную и ожесточенную борьбу. Самая же большая часть отвѣтственности должна бы была падать на режимъ, заинтересованный въ поддержаніи кастоваго

фаворитизма, на пагубное вліяніе бюрократіи, окружа
щей престолъ непроницаемой и недоступной прегра
и недопускающей къ нему живыхъ и молодыхъ си
которыя, не имѣя возможности пробиться сквозь р
злобныхъ посредственностей, истощаются въ безп
ныхъ жалобахъ и разрѣшаются, наконецъ, въ отри
тельныхъ стремленіяхъ.

§ 19.

Случись теперь какая нибудь политическая ка
строфа, она будетъ для настоящаго режима испытані
рѣшительнымъ. Народъ, который пустымъ призрак
легко дѣлаемыхъ обѣщаній поддается не такъ уд
какъ воображаютъ, давно уже переставшій прини
личное участіе въ дѣлахъ отечества, сохранитъ и т
полное и безжалостное безучастіе. Напрасно вожди
станутъ стараться возбудить въ немъ тотъ дѣятель
патріотизмъ, который дѣлалъ столько чудесъ когда
интерессы отечества самые важные останутся для н
чуждыми. Правительство хотѣло бы заставить его д
ствовать на томъ поприщѣ, гдѣ ему оставленъ сла
призракъ свободы, но онъ будетъ съ упорствомъ у
живаться отъ всякаго дѣйствія. Наконецъ онъ пр
диться внезапно и потребуетъ строгаго отчета, и т
общество дрогнетъ въ своихъ основахъ! Въ ист
такіе примѣры весьма обыкновенны. Всѣ почти нео
ниченныя правительства, отъ Августа до нашихъ
менъ, пытались сохранить въ своихъ государствахъ
ружный видъ свободы, такъ чтобы ихъ подданные
зались свободными, довольными и преданными безъ
нужденія. Они льстили себя надеждой, что такимъ о
зомъ, нравственную силу, основанную на обществен
одобреніи, можно будетъ соединить съ выгодами, кото
способна доставить одна только власть неограничен

Почти всѣ потерпѣли неудачу и скоро убѣдились, что такихъ лживыхъ призраковъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакой дѣйствительности, долго удержать нельзя.

§ 20.

Было замѣчено не разъ, что законы, возвысившіе и увеличившіе малое государство, становятся ему въ тягость, какъ скоро оно сдѣлалось государствомъ великимъ; это отъ того, что по своей природѣ, законы эти были пригодны для созданія великаго государства, но для того, чтобы созданнымъ уже государствомъ управлять, негодились. Иное дѣло законы хорошіе, иное — законы пригодные. Самые лучшіе законы не всегда и не вездѣ примѣнять можно съ пользою. Одни законы способствуютъ тому, что народъ покоряетъ сосѣдей, другіе — поддерживаютъ пріобрѣтенное этимъ народомъ могущество. Мы это очень хорошо видимъ въ Россіи. Законы Петра Великаго умножили ея могущество. Молодое государство, силы котораго Великій Государь укрѣпилъ и сосредоточилъ въ рукахъ одного главы, исполнило въ общественномъ устройствѣ сосѣднихъ народовъ роль клина; оно сокрушило преграды, разбило ряды, поглотило слабые организмы. Но современемъ государство это, вслѣдствіе именно своихъ завоеваній, разрослось непомѣрно; теперь оно задыхается въ своемъ огромѣ. Противъ этого надо принимать мѣры. Члены государственнаго тѣла удалены отъ центра, отъ источника государственной жизни, они страдаютъ. Въ нихъ слишкомъ много другъ другу противоположныхъ интерессовъ, слишкомъ много разнородныхъ національностей. И если подумать, что эти члены, разбросанные и часто между собою враждебные, сплочены ничѣмъ инымъ, какъ только силой, если принять во вниманіе, что при этомъ иногда древняя цивилизація должна была уступить передъ го-

сударственной пользой народа-побѣдителя, придется сказать себѣ, что хотя укрѣплять законный порядокъ необходимо, но тѣмъ не менѣе необходимо дѣлать такъ, чтобы злоупотребленія грубой силы и логическую непреложность исторически совершившагося факта, могли быть забыты.

§ 21.

Одно удивительно, хотя впрочемъ исторія полна подобныхъ примѣровъ. Было въ Россіи время, когда Русскіе были нѣмы и безмолвны, когда мыслить и говорить было запрещено. Всего было въ доволь и административнаго произвола, и обиднаго неравенства условій, и военной надменности; все было принаровлено къ тому, чтобы подчинить страну единственному принципу и строго провести предвзятую систему. Это была система твердая, устойчивая, въ своихъ мѣропріятіяхъ послѣдовательная, вооруженная съ ногъ до головы, никогда не колеблющаяся, дѣйствующая всегда логично, неумолимая какъ судьба. Эта система возвеличила Россію. Россія приняла величіе и безмолвно переносила несправедливость; но система эта отжила свое время. Теперь все кажется иначе, многія злоупотребленія устраняются, видно желаніе сдѣлать еще больше, чтобы удовлетворить всѣхъ. Почему же всѣ кажутся недовольными до такой степени, что можно подумать, будто Россія почитаетъ теперешнее свое положеніе тѣмъ более несноснымъ, чѣмъ болѣе оно улучшается?

§ 22.

Отвѣчать на это легко: это потому, что правительства подвергаются революціи не всегда только потому, что попадаютъ изъ худаго въ худшее. Чаще бываетъ такъ, что народъ, переносившій самые обре-

ительные законы безъ ропота и какъ бы не чувствуя
хъ тяжести, отвергаетъ ихъ насильно, какъ скоро ихъ
ремя дѣлается легче. Режимъ, который революція
звергаетъ, почти всегда лучше непосредственно ему
редшествовавшаго, и опытъ показываетъ, что для дур-
ыхъ правительствъ самая опасная минута обыкновенно
ваетъ та, въ которой они начинаютъ исправляться.
ю, которое переносилось терпѣливо доколѣ оно было
избѣжно, съ тѣхъ поръ какъ предвидится возмож-
сть его устраненія, начинаетъ казаться невыносимымъ.
ѣ устраняемыя тогда злоупотребленія еще вѣрнѣе
азываютъ на множество злоупотребленій еще сущест-
ющихъ, и заставляютъ чувствовать ихъ сильнѣе; бо-
знь, правда, уменьшилась, но воспріимчивость больнаго
еличилась. Мы видѣли во Франціи, что феодализмъ,
время самого большаго своего могущества, не возбуж-
лъ столько ненависти, сколько въ то время, когда уже
изился къ паденію; такъ что малѣйшія попытки про-
вола у Людовика XVI казались невыносимѣе всего
потизма Людовика XIV. Осмѣлюсь замѣтить, что
горіею другихъ народовъ пренебрегать не слѣдуетъ,
тому что судьбы народовъ сходны между собою, и
что было у одного, можетъ повториться у другаго.

§ 23.

Если обратить вниманіе на специальныя причины,
звавшія въ Россіи всеобщее неудовольствіе, то надо со-
ться, что появленіе этого неудовольствія совпадаетъ
отмѣной крѣпостнаго состоянія. Совершая дѣло во
хъ отношеніяхъ справедливое, правительство одна-
къ не хотѣло нести всѣхъ его необходимыхъ послѣд-
тій. Освобождая и призывая къ гражданскому ра-
ству двадцать милліоновъ крестьянъ на счетъ преж-
ъ ихъ владѣльцевъ и безъ всякой, со своей стороны,

издержки, правительство не хотѣло вмѣстѣ съ дать политической свободы всѣмъ подданнымъ, вѣроятно, что съ уменьшеніемъ своей власти шится силы. Это было великой ошибкой и будетъ роковыя послѣдствія. Уничтожая одну часть лыхъ учрежденій, правительство сдѣлало еще нѣе ту ихъ часть, которая осталась.

§ 24.

Дворянство, потерявшее такъ много съ крѣпостнаго состоянія, имѣло основаніе надѣяться въ замѣнъ жертвы, принесенной имъ для вознагра вѣковой несправедливости, ему слѣдовало получи литическія права, которыя впрочемъ общественно ніе желало видѣть равными для всѣхъ сословій. кодушное ихъ дарованіе и лойяльное принятіе ными, обеспечило бы Россіи блистательную будущ Ожиданія были тщетны. Съ тѣхъ поръ общест мнѣніе испытало много разочарованій, вѣра въ угасла, мало кто надѣется, всѣ хулятъ и рѣдко храняетъ еще преданность.

§ 25.

Русскій крестьянинъ, получившій въ собстве или на аренду землю, обремененную денежными тельствами, уже не столько признателенъ за благодѣяніе, сколько недоволенъ закономъ, мало печивающимъ. Средства его недостаточны и огра а потребности увеличиваются безпрестанно, и мечтаетъ о томъ, чтобы среди общества устро хуже и не ниже другихъ сословій; а между тѣ пертый въ тѣсныхъ предѣлахъ общины, окру различными легальными затрудненіями и ограни лишенный просвѣщенія и многихъ общественныхъ

бывая о правахъ уже пріобрѣтенныхъ, онъ скрытно числяетъ тѣ, которыхъ ему еще недостаетъ. Въ пользованіи своимъ надѣломъ онъ постоянно стѣсненъ сосѣдями; и даже среди своей общины онъ въ этомъ отношеніи не вполнѣ огражденъ отъ произвола; все это дѣлаетъ изъ крестьянства плодоносную почву, на которой сѣянныя дурныя семена взойдутъ раньше или позже. увство благодарности, которое милліоны освобожденыхъ крестьянъ должны питать къ „Царю-Освободителю," скоро сгладится и исчезнетъ, современемъ появятся новыя желанья, и новое правительство, не имѣя возможности ихъ удовлетворить, возбудитъ неумолимую ненависть, которую придется укрощать строгостью, потому что дарованіемъ политическихъ правъ избѣжать не съумѣло.

§ 26.

Крестьянинъ чаще почитаетъ притѣсненіемъ не то, законъ допускаетъ обиду, какъ то, что онъ ему пятствуетъ, получить ту именно выгоду, которую могъ бы пріобрѣсти самъ. Онъ свободенъ и надѣъ землею, но также невѣжественъ и часто болѣе бѣъ, какъ рабы его предки. Его земельный надѣлъ остаточенъ, но оставить общину онъ не можетъ и нужденъ нанимать землю у помѣщика, по цѣнамъ мѣрнымъ; обремененный различными налогами и нностями, общинными и другими, онъ постоянно бѣгаетъ къ лихвеннымъ займамъ, и даже въ самой инѣ появляется цѣлый классъ выскочекъ, обираютъ его безпощадно; онъ живетъ какъ бы въ затой отвсюду пропасти нищеты и отчужденія, заперъ и недоступный. Однако современныя понятія проютъ тѣмъ не менѣе и въ его грубый умъ; понятія проскользаютъ туда окольными и подпольными пу-

тями, для внѣшняго надблюдателя незамѣтно; онѣ
этой темной средѣ принимаютъ видъ странный и в
зительный до крайности. По моему личному положе
я могу видѣть все это ясно, хотя мои современ
видятъ это не всѣ, такъ какъ людямъ высшихъ сосл
чрезвычайно трудно читать въ душѣ народа, особ
въ душѣ крестьянина, которому воспитаніе и об
жизни сообщаютъ воззрѣнія на взаимныя отношенія
дей своеобразныя, ему одному свойственныя. Есл
при томъ у бѣднаго и богатаго нѣтъ почти ни общ
интерессовъ, ни общихъ обидъ и неудовольствій, т
тёмки, скрывающіе душу одного передъ взорами др
становятся еще непроницаемѣе, и эти два человѣк
глибы жить одинъ о бокъ другаго, вѣчно взаимно
не понимая. Печально однакожъ видѣть стра
беззаботность людей высшихъ слоевъ общества, в
мую минуту начинающейся революціи, и слышат
разсужденія о добродѣтеляхъ народа, о его крот
преданности, религіозности и лойяльности, въ то
время, когда буря готова уже разразиться. Это с
и ужасно!

§ 27.

Политика европейскихъ монарховъ всегда
въ виду отдѣлить дворянъ отъ остальнаго народа,
влекая ихъ ко двору и въ государственную сл
это направленіе политики замѣтнѣе всего въ 17-м
лѣтіи, когда центральная власть въ дворянствѣ
еще предметъ опасеній. Въ Россіи, Петръ В
основывая современное государство и желая избѣ
непріятнаго для себя вмѣшательства дворянъ въ
дарственныя дѣла, на всегда уничтожилъ вліяні
рянскаго сословія тѣмъ самымъ, что сдѣлалъ д
къ нему легкимъ и удобнымъ для всѣхъ. Посл

ній чиновъ (табель о рангахъ), уничтожившаго всѣ уста-
вленныя преданіемъ сословныя преграды, вскорѣ вся-
е различіе между дворяниномъ и чиновникомъ исчезло,
и скорѣе исчезло различіе между древними преданіями
іяльности и между привычками раболѣпной служеб-
эти. Но народъ на этотъ счетъ не обманулся, и въ
вной степени возненавидѣлъ дворянина, какъ и чинов-
ка. Дѣйствуя такимъ образомъ, Петръ Великій ли-
илъ націю самой существенной изъ составныхъ ея
этей, и причинилъ государству въ будущемъ вредъ
исправимый. Сословіе, въ теченіи столѣтій стоявшее
егда въ первыхъ рядахъ, во время столь долгаго без-
орнаго пользованія своими преимуществами, должно
ло естественно пріобрѣсти нѣкоторую гордость, увѣ-
нность въ себѣ и своей силѣ, привычку быть на виду;
і качества дѣлаютъ его обыкновенно самымъ твер-
мъ оплотомъ общества; оно не только обладаетъ си-
о и мужествомъ само, но своимъ примѣромъ должно
ножать силу и мужество другихъ сословій. Кто по-
жаетъ благородную часть дворянства, тотъ унижаетъ
мъ и народную гордость. Замѣнить историческаго
орянства нельзя ничѣмъ, само оно возродиться не
особно; оно можетъ отыскать на время титулы и
асть своихъ предковъ, но не ихъ душу.

§. 28.

Впрочемъ никакъ не слѣдуетъ думать, что люди
ваютъ преданы своему государю и покоряются его
тѣ, только въ слѣдствіе низости и раболѣпства. Въ
ежнія времена монархъ внушалъ подданнымъ чувства,
торыхъ не одинъ изъ будущихъ государей внушить
будетъ въ состояніи, и которыя теперь сдѣлались
дти непонятными, до такой степени они истреблены
сердцахъ духомъ времени. Прежде монарха любили

какъ отца и вмѣстѣ отдавали ему почести, которы
добаютъ только Богу; самымъ произвольнымъ
велѣніямъ подчинялись не столько изъ за принужд
сколько изъ любви, и такимъ образомъ даже при
ней зависимости часто сохраняли совершенную св
духа. По отношенію къ людямъ прежняго вре
прискорбная сторона повиновенія стояла въ томъ,
къ повиновенію ихъ можно было принудить, въ
же время принужденіе составляетъ зло самое мен
а прискорбно то, что мы повинуемся вслѣдствіе п
деній раболѣпства и продажности. Не станемъ же
зирать нашихъ предковъ, мы на это не имѣемъ
кого права; дай Богъ, чтобы мы, не подража
предразсудкамъ и ихъ недостаткамъ, могли обрѣст
частицу ихъ величія.

§ 29.

По этому былобы ошибочно думать, что въ
нее время было такъ много, какъ обыкновенно
ютъ, раболѣпства и подчиненности въ томъ смысл
торый этимъ словамъ придаетъ въ наше время
лизація власти. Совершенно напротивъ, тогда св
было гораздо больше, чѣмъ въ наше время.
былъ родъ свободы неправильной и перемежаю
всегда сжитой въ предѣлахъ сословій, всегда со
даемой изъятіями и привилегіями, свободы, котор
зволяла не уважать закона на равнѣ съ произвол
никогда не могла дать всѣмъ гражданамъ гара
мыхъ естественныхъ и самыхъ необходимыхъ.
не менѣе свобода, хотя до такой степени огран
и искаженная, была еще плодотворна. Если въ т
время, когда централизація все больше и больш
нивала, смягчала и помрачала всѣ характеры, нѣ
личности сохранили свою прирожденную особ

й колоритъ и свои выдающіяся черты, то этимъ онѣ заны свободѣ. Она питала въ ихъ сердцахъ уваже- къ самымъ себѣ, и внушала имъ предпочитать всему мірѣ славу и отечество. Всѣ сильныя души, смѣлые ордые геніи, которымъ мы удивляемся въ исторіи, имъ существованіемъ обязаны свободѣ; и былобы ль странно, если бы доблести, столь возвышенныя, ли произростать на почвѣ, лишенной свободы.

§ 30.

Въ сравненіи съ этимъ, общественный уровень у теперь очень низокъ. Централизація верховной ти, внося въ общество страстное желаніе правиль- и, порядка и благосостоянія, привлекла къ себѣ всю націи; призывая дворянъ къ должностямъ, съ ко- ми связано жалованье, она въ нихъ уничтожила родныя побужденія, а вводя безпрестанно завѣдо- посредственности въ среду самаго дворянскаго со- я, она лишила его всякаго вліянія. Обаяніе тра- исчезло, все дворянство покинуло деревню; осо- послѣ отмѣны крѣпостнаго состоянія бѣгство сдѣ- сь всеобщимъ, и теперь въ деревнѣ остается развѣ тотъ изъ дворянъ, которому скудость средствъ или шенная бездарность не дозволяютъ ее оставить. шенія дворянина, оставшагося въ деревнѣ къ преж- его крестьянамъ, а теперь его сосѣдямъ, во истинѣ лы. Прежняя связь между ними порвана, и по- онъ не имѣетъ болѣе интересса щадить ихъ какъ е, помогать имъ и руководить ими. Съ другой сто- не принадлежа къ ихъ сословію, лишенный сво- ихъ учрежденій, не пользуясь среди ихъ никакимъ ьмъ, не неся одинаковыхъ съ ними повинностей, можетъ ни много сочуствовать ихъ бѣдности, обой съ ними не раздѣляетъ, ни присоединиться къ

ихъ нареканіямъ, которыя ему чужды. Эти люди уже не подданные, но онъ имъ еще не согражда[н]; фактъ въ исторіи единственный.

§ 31.

Такія отношенія вызываютъ, если могу такъ [вы]разиться, абсентеизмъ сердца, более распростране[нный] и имѣющій болѣе важныя послѣдствія, нежели аб[сенте]измъ въ настоящемъ своемъ значеніи. Отношені[я ...] причиной, что живущій въ своемъ имѣніи помѣ[щикъ] за частую обремененный долгами и всегда въ ну[ждѣ] чувствуетъ и поступаетъ такъ, какъ въ его отсу[тствіе] чувствовалъ бы и поступалъ бы его управляющій. [Какъ] этотъ послѣдній, онъ въ своихъ арендаторахъ ви[дитъ] лишь своихъ должниковъ, и строго требуетъ съ [нихъ] всего, что ему слѣдуетъ по закону или по обычаю [...] того взыманіе доходовъ владѣльца дѣлается часто [...]вѣе и тяжелѣе даже, чѣмъ во время крѣпостнаго [состо]янія.

§ 32.

Мнѣ могутъ возразить, что однакожъ есть [...] изъ дворянъ, стоящія къ крестьянамъ въ други[хъ от]ношеніяхъ; такъ, — но это отдѣльныя личности, [я же] говорю о цѣлыхъ сословіяхъ, которыми занимаю[сь ис]ключительно. Безъ сомнѣнія, въ наше время на[йдется] нѣсколько богатыхъ землевладѣльцевъ, безинтере[сно и] добровольно заботящихся о благосостояніи крест[ьянъ,] но о нихъ можно сказать лишь только, что они ус[пѣшно] борются противу необходимости своего новаго п[оложе]нія, которое, не смотря на всѣ ихъ усилія, все[таки] тянетъ ихъ къ равнодушію, а ихъ бывшихъ крес[тьянъ] — къ ненависти.

§ 33.

Нельзя однакожъ утверждать безусловно, что на
даленіе изъ деревень сословія, стоявшаго когда то во
авѣ націи, непосредственное вліяніе имѣло одно только
вобожденіе крестьянъ. Главную, настоящую причину
ого удаленія составляетъ медленное и непрестанное
йствіе въ теченіи столѣтія всѣхъ государственныхъ
режденій, теперь мы видимъ лишь неизбѣжныя этого
йствія послѣдствія, устраненіе которыхъ почти невоз-
жно. По мѣрѣ того какъ власть централизируется,
орянство, потерявшее окончательно прежнее свое мѣст-
е вліяніе, оставляетъ деревни, а отсутствіе полити-
скихъ правъ эту эмиграцію еще усиливаетъ. Теперь
ътъ уже необходимости поощрять дворянъ оставлять
ои дома, они сами жить въ нихъ больше не желаютъ,
такой степени жизнь въ деревнѣ кажется имъ пош-
й и безполезной.

§ 34.

Зажиточные крестьяне, въ свою очередь, оставляютъ
ревни и стекаются въ города. Большею частью въ
ревняхъ остается жить не болѣе одного поколѣнія та-
іхъ крестьянъ. Какъ скоро какой нибудь земледѣлецъ
пѣетъ пріобрѣсти состояніе, онъ сейчасъ же заста-
яетъ своего сына бросить соху и посылаетъ его въ
родъ, или прочитъ въ службу. Въ наше время всѣ
сословія въ Россіи одинаково чуждаются честнаго и
освѣщеннаго земледѣльческаго труда, этого главнаго
нованія частнаго и государственнаго богатства. Та-
имъ образомъ возникаетъ родъ новаго сословія людей,
вкихъ эксплоататоровъ, которые отъ прежняго своего
омысла сохраняютъ лишь врожденную привычку къ
хоимству. Пріютившись въ какомъ либо глухомъ
ѣстечкѣ, или выгодномъ помѣстьѣ, они то и дѣло экс-

плуатируютъ окрестныя деревни; какъ мелкіе торг
барышники и ростовщики вмѣстѣ, они составляютъ
жителей деревень. Нельзя не видѣть, что прич
способствующая и благопріятствующая ихъ пагу
дѣятельности, заключается единственно въ гибель
принципѣ, о которомъ мы уже говорили, то есть въ
сутствіи политической свободы. Повсемѣстный оп
доказываетъ, что во всякой странѣ, гдѣ нѣтъ пол
ческой свободы, деревни лишены жителей богаты
образованныхъ. Мы можемъ даже добавить, что вс
несвободная страна есть страна земледѣлія неус
шенствованнаго и рутиннаго; потому что земля обы
венно производитъ не столько сообразно своему п
родію, сколько сообразно свободѣ ея жителей.

§ 35.

Такимъ образомъ крестьянинъ не только отчуж
отъ высшихъ сословій, но онъ даже отлученъ и отъ
изъ своихъ собратій, которые бы могли ему помогать и
руководить. По мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе о
зуются и достигаютъ довольства, они его избѣгаю
онъ остается какъ бы выдѣленнымъ изъ среды на
отброшеннымъ въ сторону. Всякая деревня составл
общину, которой всѣ члены бѣдны, необразован
грубы; должностныя лица этой общины также не
зованы и безъ всякаго значенія, какъ и она сама;
общины, подчиненный произволу спеціальной админи
ціи, обыкновенно даже неграмотный, но всегда
смотря ни на что думающій только о разныхъ незакон
пріобрѣтеніяхъ, живетъ лишь на счетъ своихъ п
ненныхъ, которыхъ эксплуатируетъ всѣми способ
Его прежній помѣщикъ не только исключенъ изъ
щины, не только не можетъ руководить ею и уча
вать въ управленіи ея дѣлами, но даже почитается

его унизительнымъ предложить ему это. Одна только ентральная власть занимается крестьянскою общиной, какъ она очень далеко и ей еще пока нечего опасаться я жителей, то и занимается ею только въ виду извлеенія изъ нея возможной пользы. Этого прежде не было. Прежде крестьянинъ былъ болѣе притѣсняемъ, о вмѣстѣ получалъ и больше пособій и помощи; дворнство часто его угнетало, но никогда не оставляло езъ покровительства. Печально видѣть, во что обраается теперь сословіе, всѣми оставленное, котораго, равда, никто притѣснять не думаетъ, но которому, въ оже время, никто не хочетъ ни оказать помощи, ниообщить направленія. Но я ошибаюсь, — этимъ сослоіемъ занимаются тѣ, которые, желая эксплуатировать го для своихъ видовъ, засѣваютъ въ немъ ненависть и юбу, чтобы когда нибудь пожать соціальную месть.

§ 36.

Если теперь отъ причинъ общихъ и отдаленныхъ, риготовившихъ кризисъ, перейдемъ къ фактамъ частымъ и ближайшимъ, которые опредѣляютъ его харакеръ, то на первомъ мѣстѣ увидимъ, какъ главнаго двигаеля, вліяніе сословій образованныхъ. Вліяніе знатнаго арода, пользующагося безконтрольнымъ попечительствомъ адъ казеннымъ сундукомъ, не можетъ, конечно, внушать ароду довѣрія. Къ несчастью, лица, которыя по своему бщественному положенію, званію или профессіи, должны ы были руководить общественнымъ мнѣніемъ, ученые, итераторы и прочіе, они то внушаютъ ему тѣ отриательныя стремленія, которыя проявляются въ Россіи. какъ же можетъ быть иначе, когда, говоря отъ имени ауки, ясно и отчетливо опредѣляющей историческія ричины и послѣдствія, значеніе правъ и обязанностей равительствъ и народовъ, они рѣдко ошибаются. Но

какъ по самой силѣ вещей, чѣмъ больше былъ гн тѣмъ сильнѣе бываетъ реакція, то при постоянно часто необходимомъ порицаніи многаго, естественно концѣ концовъ имъ приходится терять почву дѣйс тельности и увлекаться до предѣловъ, за которыми господствуетъ одна лишь отвлеченная теорія. Отс у всѣхъ ихъ замѣчаетая одинаковая склонность къ щимъ теоріямъ, одинаковое презрѣніе къ фактамъ дѣ вительнымъ, одинаковый вкусъ къ оригинальност искусственности мѣропріятій, одинаковое поползнов къ ломкѣ и перестройкѣ общества въ цѣломъ его ставѣ, по однообразному плану, вмѣсто постепен исправленія его испорченныхъ частей. Общія, от ченныя теоріи, часто основанныя на безпримѣрномъ страстіи къ отдаленному прошлому, къ настоящему же мени непримѣнимыя, становятся предметомъ разгово людей праздныхъ, и воспламеняютъ даже воображ женщинъ и крестьянъ. Хулятъ все, — это почита необходимымъ, даже самыя лучшія намѣренія пр тельства, потому что собственно посягаютъ на принципъ, а не на его послѣдствія; и чѣмъ мен осмѣливаются излагать свои мнѣнія публично, тѣмъ вѣе ихъ вліяніе чувствуется въ нѣдрахъ семейств кафедрѣ профессора, въ гостинной, даже въ прави ственныхъ канцеляріяхъ. Порицать — вошло въ и даже сытый чиновникъ позволяетъ себѣ колко о дать систему, — правда что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ к держится обычая брать и взять гдѣ можно, по своего участія въ безотвѣтственной власти. Среди безпрестанныхъ нападеній на существующій пор равнодушіе, косность, критическая ѣдкость, недовол всѣмъ, дѣлаются всеобщими, и общество какъ б отчуждается отъ власти, которой не уважаетъ и торой больше не заботится.

§ 37.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что юношество, напитанное критикой, отрицаніями и теоріями додумалось наконецъ до того, что ничтожество почитаетъ за конечный выводъ правильнаго мышленія; и какъ отвлеченныя теоріи одинъ разъ принятыя, необходимо перерождаются на дѣлѣ въ политическія страсти, а для многихъ, у которыхъ нѣтъ ничего въ извѣстномъ отношеніи всякое правительство безразлично, то наконецъ и самое общество, направляемое подпольными заговорами, потеряло довѣріе къ правительству и стало искать своего спасенія въ демагогическомъ потопѣ. Впрочемъ, крайности свойственны природѣ русскаго общества какъ въ любви, такъ и въ ненависти, и, если дозволительно за общественными бѣдствіями признать роковую постепенность, то можно сказать, что въ Англіи революція была политическая, во Франціи она имѣла характеръ демократическій, въ Россіи же, по всей вѣроятности, революція будетъ демагогическая и соціальная.

§ 38.

Кто изслѣдуетъ границы правъ государя, тотъ скоро станетъ отыскивать источникъ этихъ правъ. Такъ и у насъ, изслѣдуется свойство Императорской власти, свойство всѣхъ властей, ихъ прежніе предѣлы, ихъ недавніе захваты и присвоенія. Законность или незаконность этихъ властей дѣлается во всей Россіи предметомъ изслѣдованій и разговоровъ, — изслѣдованій въ началѣ воздержныхъ, вскорѣ враждебныхъ, предпринимаемыхъ сперва по необходимости, послѣ по вкусу, — разговоровъ сперва тайныхъ, но теперь уже смѣлыхъ и явныхъ, доходящихъ до дерзости прежде не бывалой. Желанія мечтателей проявляются свободно, онѣ ни передъ чѣмъ

не останавливаются; Государь составляетъ предметъ рицанія, а его любимцы — предметъ негодованія. Зав мая испорченность чиновничьихъ сферъ и серьёзн людямъ внушаетъ глубокое отвращеніе, всѣ высоко ставленныя личности подвергаются народному порица Имъ смотрятъ прямо въ лицо, и измѣряютъ ихъ ченіе хладнокровно. И это дѣлаютъ не одни лишь избранные и твердые, но рѣшительно всѣ, до такой пени смѣлость порицанія сдѣлалась всеобщей. Вс оппозиція сдѣлается столько же высокомѣрной, как сама власть, и болѣе ея самонадѣянной, потому что будетъ оппозиціей всей націи, рѣшившейся занят государствѣ свое мѣсто и пріобрѣсти вліяніе, до то непринадлежавшее. Ея хладнокровіе и равнодуш пышнымъ угрозамъ власти, гордость ея рѣчей, хот началѣ почтительныхъ, покажутъ ясно, что все изм лось, и что она мыслитъ высокомѣрно и твердо р лась властвовать.

§ 39.

Если все пойдетъ своимъ роковымъ и неизбѣж порядкомъ, удовлетворенія неудовольствій станутъ с ожидать отъ самаго Государя, но посредствомъ яв жалобъ, памфлетовъ, петицій, будутъ стараться во комъ случаѣ вмѣшиваться въ выраженіе Его воли. петиціи, часто дерзкія, хотя выраженныя въ сло покорныхъ, возбудятъ неудовольствіе правительства оно однакожъ не рѣшится на коренныя реформы, такія рѣчи, хотя докучливыя, не покажутся ему опасными. Но государи, вмѣстѣ съ престоломъ св предшественниковъ, наслѣдуютъ и отвѣтственность за ошибки. Государь станетъ думать, что ему нечего саться, такъ какъ онъ зла не сдѣлалъ; народъ же детъ расчитывать, что нужно уничтожить всѣ возмож

причины бѣдствій прошедшаго, чтобы ничего не опасаться въ будущемъ. По несчастью, сама судьба опредѣлила, что при началѣ революціи ни Государь, ни народъ, и этотъ послѣдній преимущественно, не въ состояніи точно опредѣлить ни основаній, ни всей важности своихъ требованій; они искренно стараются сблизиться другъ съ другомъ, надѣясь заключить союзъ, но въ сущности они уже разъединены, потому что одинъ и другой считаютъ себя неограниченными властелинами. И поэтому, не смотря на мнимую взаимную благосклонность при всякомъ сближеніи государя съ народомъ, между ними произойдетъ столкновеніе, они разойдутся, и ни одинъ не будетъ почитать себя слабѣе другаго, одинаково убѣжденные въ законности своихъ требованій, и одинаково рѣшившись ихъ отстаивать.

Сперва нѣкоторыя лица почувствуютъ страхъ, тотъ честный страхъ, боязнь смутъ и безпорядковъ, который заставляетъ, не разсуждая о томъ кто правъ кто виноватъ, остановиться и умѣрить страстное увлеченіе. Но большинство будетъ всегда стремиться къ предназначенной цѣли, безпорядокъ будетъ увеличиваться какъ въ умахъ, такъ и въ фактахъ, никто не будетъ въ состояніи его усмирить, и самые благоразумные люди ничего не сдѣлаютъ, потому что негодованіе имѣетъ иногда законное основаніе даже въ глазахъ тѣхъ, кто самъ ему никогда не предается. Будутъ продолжать излагать свои жалобы, но безъ всякой опредѣленной цѣли, не заявляя желаній ясныхъ и точныхъ, увлекаясь неистовой тревогой, и волнуясь отъ ощущенія недуга, излечить который не будетъ возможности. Государь утомится, ему откажутъ въ довѣріи, ему станутъ предлагать такія мѣропріятія, на которыя согласиться онъ будетъ не въ состояніи, единственно по чувству злорадства, и съ единственной цѣлью причинить его правительству затрудненіе,

и, какъ страсти сдѣлаются уже необузданными, прид
употребить строгость.

По несчастью, правительство, хотя обнаруживаю
свой деспотизмъ громогласно и употребляющее его
случаѣ со всею строгостью, не смотря на обаяніе кор
и гордость своихъ рѣчей, будетъ лишено дѣйствител
силы и уваженія. Преданное внутреннимъ несогласі
подчиненное по очереди противоположнымъ вліяні
разъ съ надменностью попирая законы, другой
уступая предъ малѣйшими препятствіями, не облада
знаніями, ни постоянствомъ, оно безпрестанно станетъ
вать собственныя намѣренія, ибо его притязанія бу
всегда превышать его средства. Такая неумѣлость
послѣдствія будутъ замѣчены людьми опытными, но
если люди эти будутъ энергичны, они принуждены
дутъ дѣйствовать слабо, и ихъ предусмотрительн
увеличитъ только ослѣпленіе правительства. Но та
тиранію суетную и неискусную необходимо бу
еще постоянно увеличивать. Въ глазахъ государя
совѣтниковъ необходимость будетъ служить извине
всему, но необходимость не составляетъ никогда
дѣла тираніи. Такое состояніе вызоветъ множеств
употребленій произвольныхъ и безцѣльныхъ.
дойдетъ до этого, тогда досадовать будетъ не одна
оппозиція; встревожатся даже многія личности въ
вительственныхъ сферахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ
нутъ съ злорадствомъ питать честолюбивыя и пагу
надежды; неудовольствіе, изъ самыхъ низкихъ
общества, достигнетъ даже вершинъ правительствен
Среди высшихъ сословій неудовольствіе это выра
отвращеніемъ ко двору, заискиваніемъ популярно
свободою ума, доселѣ не бывалою; будутъ стар
выказать двору свое неодобреніе, удаляясь отъ
Когда народъ увидитъ, что его взгляды усвоены

жествомъ людей богатыхъ, уважаемыхъ и вліятельныхъ, го прямыхъ и естественныхъ покровителей, онъ станетъ писать къ себѣ еще болѣе довѣрія, и, хотя это еще не поведетъ къ открытому возмущенію, но скоро измѣнитъ состояніе и видъ страны. Вмѣсто того, чтобы переносить терпѣливо злоупотребленія власти неискусной неумѣлой, станутъ ее неуважать и относиться къ ней дерзостью; молчаливое неудовольствіе замѣнится всеобщимъ броженьемъ.

Это возрастаніе публичнаго негодованія нѣкоторое время останется правительству неизвѣстнымъ. Чуждое аціи и не встрѣчая никакого дѣйствительнаго сопротивленія, оно, не смотря на свои затрудненія, останется всегда самонадѣяннымъ и гордымъ. Чтобы оправдать вой образъ дѣйствія, оно будетъ говорить часто и нащенно о распространеніи вреднаго духа, но его минутный страхъ не успѣетъ разбудить его благоразумія, боясь своихъ враговъ, оно будетъ все таки пренебреать ими. Необходимость усиливать со дня на день притѣсненіе не вразумитъ его, и чѣмъ больше возрастающая опасность будетъ принуждать его къ употребленію строгихъ мѣръ, тѣмъ больше оно будетъ радоваться своей силѣ. Но государи очень легко позволяютъ обманывать себя наружнымъ раболѣпствомъ народовъ, и, устрашивъ страну, государь подумаетъ, что онъ побѣдилъ. Наконецъ послѣдуетъ отчаянная попытка, неизбѣжная, но бѣдственная, послѣдняя роковая капля, которая заставитъ пролиться сосудъ, переполненный кипящими страстями. Эта попытка будетъ имѣть исходъ, который часто, въ подобныхъ случаяхъ, составляетъ для служителей деспотизма предметъ удивленія и скорби: а рушится въ ту самую минуту, когда уже будетъ близка къ успѣху.

Тогда найдутся совѣтники, у которыхъ неукроти-

мая гордость будетъ еще поддерживать надежду; государь будетъ ихъ избѣгать, уже боясь энергіи совѣтовъ. Онъ впадетъ въ глубокое уныніе, ибо вс день принесетъ ему какое нибудь доказательство его силія. Найдутся также совѣтники недобросовѣстн появятся зловѣщія предзнаменованія; это знакъ, под мый судьбою, что историческая минута близка. нецъ корона удалитъ, или не признаетъ своихъ ста друзей, не отъ довѣрія къ своей судьбѣ, но отъ что утомится борьбой и будетъ надѣяться на сча выя случайности будущаго, котораго однако никт побѣжденные, ни побѣдители, не будутъ въ сост предвидѣть.

Тогда, узнавъ по опыту опасность медленност въ страстномъ ослѣпленіи не замѣчая опасности ваній слишкомъ рѣзкихъ и слишкомъ жесткихъ, нуясь внушеніямъ надменности и ненависти, равно и инстинкту необходимости, безсознательныя массы, каемыя въ невыразимый водоворотъ, всякій день и болѣе взволнованныя, болѣе и болѣе угрожае болѣе сплоченныя, рѣшатся безотлагательно нанест вые удары. Такимъ образомъ, помышленія оди горделивыя, но съ неравними силами, очутятся против друга. Положеніе ужасное, потому что между двумя силами, одинаково дерзкими и другъ враждебными, можетъ рѣшиться только борьбою всякой пощады.

§ 40.

Нельзя не удивляться при видѣ страннаго пленія, съ которымъ высшіе классы общества с дѣйствуютъ собственному разрушенію; но имъ не было пріобрѣсти политической предусмотритель Свободныя учрежденія необходимы равно для выс

условій, какъ и для нисшихъ, — первымъ, чтобы указать гущія имъ угрожать опасности, а вторымъ, чтобы еспечить свои права. При публичномъ обсужденіи щественных интерессовъ, самымъ даже лучшимъ разомъ устроенныя общества необходимо испытываютъ лыя, едва чувствительныя потрясенія, которыя напоминаютъ имъ ежедневно, что могутъ случиться и большія разстройства, и держатъ общественное благоразуміе сторожѣ. Неудивительно поэтому, что интеллигентые классы, всегда у насъ устраняемые отъ общественй жизни, выказываютъ такую странную неопытность, всего удивительнѣе то, что даже и сами управляюе общественными дѣлами не обнаруживаютъ большей едусмотрительности! Многіе изъ нихъ, однако, мастерá эего дѣла, основательно знаютъ всѣ подробности аднистраціи; но великая наука управленія, искусство нимать общее движеніе общества, узнавать духъ надныхъ массъ и предвидѣть возможныя послѣдствія, — ъ вовсе чужды. Дѣйствительно, одинъ только опытъ бодныхъ учрежденій можетъ государственнымъ люстимъ сообщить вполнѣ знаніе этой необходимѣйшей части ихъ искусства.

§ 41.

Я уже замѣтилъ, что самая опасная минута для щества бываетъ обыкновенно та, въ которой начинася реформы, потому что очень часто случается, что лая улучшить состояніе народа, можно возбудить его возмущенію. Такъ какъ русскій народъ никогда не ствовалъ въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, то о томъ, бы онъ когда либо могъ въ этихъ дѣлахъ принять ое либо участіе, перестали и думать. Видя его такъ увствительнымъ, почитаютъ его глухимъ, и начиная суждать объ улучшеніи его участи, разсуждаютъ во

всеуслышанье и въ его присутствіи, какъ бы его
вовсе не было. Казалось бы, что эти разсужденія
принимаются только для тѣхъ, кто стоитъ выше на
и что опасность ихъ заключается единственно въ
что этихъ разсужденій не услышатъ, или ихъ
поймутъ. Люди, которые больше всего должны
опасаться народнаго негодованія, громко и въ пр
ствіи народа разсуждаютъ о несправедливостяхъ,
рыхъ онъ былъ всегда жертвой; они указываютъ
другому на недостатки учрежденій, болѣе всего для
тягостныхъ; они употребляютъ все свое краснорѣчіе
то, чтобы доказать необходимость реформъ, изобра
причины злоупотребленій, и такимъ образомъ
облегчить страданія народа, доводятъ его до бѣшен
Говоря это, я думаю не объ однихъ только предс
теляхъ печати, но подразумѣваю и само привитель
его главныхъ агентовъ и всѣхъ лицъ изъ привиле
ванныхъ сословій. Эта филантропическая проповѣдь
будто бы обращена къ образованной части націи, чтобы
убѣдить ее въ полезности нѣкоторыхъ мѣропріятій
торыя, съ узкой точки зрѣнія интерессовъ не мн
отдѣльныхъ личностей, могли бы подвергнуться ос
нію. Что же касается народа, то подразумѣвается
онъ слушаетъ и не понимаетъ. Надо сознаться,
самой этой благосклонности заключается значите
доля презрѣнія къ народу, котораго страданія стар
облегчить повидимому такъ чистосердечно. Но
случилась ошибка, получилось послѣдствіе не то, ко
рое ожидалось: говорилось много, а сдѣлано мало.
сто того, чтобы успокоить общественное мнѣніе,
разгорячили всякаго отдѣльнаго человѣка повѣствова
о претерпѣваемыхъ имъ злоупотребленіяхъ, то
указаніемъ на виновниковъ этихъ злоупотребленій,
малочисленность, придали ему смѣлости, и въ гл

го сердца зажгли жадность, зависть и ненависть. Поступая такъ, очевидно забыли исторію; не обратили вниманія на то, что русскій народъ — самый кроткій и самый благосклонный изъ всѣхъ народовъ, доколѣ находится въ естественномъ и спокойномъ состояніи, будучи же возбужденъ неистовствомъ страстей, — дѣлается самымъ жестокимъ.

§ 42.

Впрочемъ правительство само выказываетъ больше, чѣмъ кто либо, какъ мало можно придавать значенія учрежденіямъ, повидимому установленнымъ самымъ прочнымъ образомъ. То оно медлитъ предпринять необходимыя реформы, то, предпринявъ такія, которыя для успѣха требуютъ энергіи и настойчивости, вскорѣ ихъ оставляетъ; но за то безпрестанно измѣняетъ какія нибудь законоположенія или распоряженія, — у него ничто не остается въ покоѣ ни на минуту. Новыя правила слѣдуютъ одно за другимъ съ такою странною быстротою, а чиновники получаютъ столько приказаній, что часто затрудняются въ ихъ исполненіи. Даже когда законъ и не измѣняется, образъ его примѣненія измѣняется ежедневно. Нѣтъ ни одного закона, провозглашеннаго самымъ торжественнымъ образомъ, который бы не подвергался на практикѣ тысячекратнымъ модификаціямъ, и если законъ рѣдко нарушается явнымъ образомъ, то за то его ежедневно слегка нагибаютъ въ разныя стороны, смотря по обстоятельствамъ и ради облегченія дѣлопроизводства. Кто не видѣлъ администраціи въ дѣйствіи, тотъ не можетъ себѣ представить того презрѣнія, съ которымъ относятся къ закону тѣ самыя лица, которыя должны его примѣнять; по этому можно смѣло сказать, что въ умѣ самой націи нѣтъ ни малѣйшаго понятія ни о правѣ, ни объ основаніяхъ законности. На-

родъ, правда, еще совершенно покоренъ, но его по
ность и повиновеніе основываются больше на прив
и проистекаютъ больше изъ его безсилія, чѣмъ из
бодной воли и убѣжденія, а какъ скоро онъ начи
случайно волноваться, сейчасъ же прибѣгаетъ къ
ліямъ и почти всегда не законъ, а произволъ и на
призываются для его усмиренія.

§ 43.

Не подлежитъ сомнѣнію, что постоянное ано
ное состояніе одной части имперіи, имѣетъ большо
ніе на политическое развращеніе другой ея част
здѣсь подразумѣваю польскія провинціи. Кромѣ
что постоянная репрессія доказываетъ не больше,
грубую силу побѣдителя, исключительные законы
жаютъ общественную совѣсть тѣхъ, кто ихъ из
Если въ одной части края примѣняется солдатск
жимъ, творятся явныя несправедливости, возбуж
соціальная вражда, цвѣтетъ во всей красѣ админ
тивный произволъ, то какъ предполагать, что въ д
могутъ существовать великія гражданскія добро
свойственныя великимъ народамъ, могущественны
благороднымъ? Что хорошо въ Варшавѣ и Вил
жетъ быть равно хорошо въ Петербургѣ и М
Къ этому привыкаютъ, а произволъ представляетъ
удобствъ, что пробовать его, по истинѣ, опасно.
тѣже представители репрессивной системы укр
могутъ быть, сообразно требованіямъ службы, у
блены правительствомъ вездѣ; но они пріобрѣли о
часто преступныя и всегда зловредныя привычки. Н
будетъ пользы въ томъ, что дѣйствуя въ своем
чествѣ, они могутъ имѣть самыя лучшія намѣре
тому что образъ ихъ дѣйствія останется тотъ же
и въ польскихъ провинціяхъ, такъ какъ ихъ пр

жны, и они станутъ всегда оправдывать средства лью, этимъ революціоннымъ правиломъ, котораго никъ нельзя согласить съ принципами государства заннаго. Кромѣ того, въ польскія провинціи стеклись революціонные элементы Россіи, и подъ предлогомъ русѣнія, пропагандируютъ между народомъ соціализмъ, научаютъ его практически и самымъ понятнымъ для го образомъ презирать частную собственность. Тамъ образомъ правительственное знамя прикрываетъ мныя козни, революціонныя семена, которыя когда будь взойдутъ и въ Россіи.

§ 44.

Вотъ причины, которыя у насъ содѣйствуютъ разженію общественнаго организма; посмотримъ теперь ихъ возможныя послѣдствія. Россія — единственная ана въ Европѣ, гдѣ политическая жизнь изъ давенъ на совершенно погашена, гдѣ частныя лица рѣшиьно потеряли навыкъ къ дѣламъ, способность пониъ факты, опытъ народныхъ движеній и почти всякое ятіе о народѣ, и потому легко вообразить, какимъ азомъ всѣ могутъ очутиться среди ужасной революдаже того не подозрѣвая, тѣмъ болѣе что тѣ, кому болѣе всего угрожаетъ, сами открываютъ ей ворота асчищаютъ дорогу.

§ 45.

Такъ какъ въ Россіи нѣтъ свободныхъ учрежденій слѣдовательно, нѣтъ признанныхъ предводителей парнѣтъ политическихъ корпорацій, нѣтъ партій органванныхъ и имѣющихъ свое управленіе, и какъ въ тствіи всѣхъ этихъ правильныхъ силъ, направленіе женія необходимо выпадетъ на долю личностей безтственныхъ и неизвѣстныхъ, то надо полагать, что

революція будетъ направлена не въ виду дости
какихъ либо положительныхъ результатовъ, а на
ваніи отвлеченныхъ принциповъ и самыхъ общихъ
рій. Можно ожидать, что вмѣсто отмѣны дурных
коноположеній одного послѣ другаго, примутся за
всего законодательства вдругъ, что на мѣсто сущест
щихъ государственныхъ учрежденій будутъ стар
ввести образъ правленія совершенно новый, основа
на совершенно особенныхъ началахъ.

Такъ какъ интеллигентные люди лишены
взаимной связи, не имѣютъ ни привычки сноситься
собою, ни вліянія на народъ, то этотъ послѣдній,
вѣстное время послѣ уничтоженія всѣхъ властей,
лается самъ правителемъ. Но народъ, въ теченіе
лѣтій почти самъ одинъ несшій всю тяжесть злоу
бленій, живя отдѣльно отъ прочихъ сословій, в
молвіи, питаясь своими предразсудками, завистью
бой, вслѣдствіе суровости своей судьбы — ожесточ
сдѣлался способнымъ какъ переносить истязанія,
истязать другихъ.

§ 46.

Такъ какъ государственная церковь входит
составъ всѣхъ старинныхъ принудительныхъ учр
ній, предназначаемыхъ къ уничтоженію, то можно
увѣреннымъ, что низвергая свѣтскую власть, рев
поколеблетъ и религію. Вотъ почему нельзя да
образить, до какой степени дойдетъ тогда дерзос
вовводителей, неудерживаемыхъ уже ни религіе
обычаями, ни законами.

§ 47.

Если ничто не успѣетъ задержать пагубна
происшествій, самое ужасное единство воцарится

волюціи, и новый духъ будетъ въ ней господствовать безпрепятственно. Правительство, вмѣсто того, чтобы принять въ движеніи подобающее ему участіе, будетъ думать только о томъ, чтобы защищаться; но послѣ нѣкоторой защиты, останется безъ силы и безъ значенія. Тогда появятся постыдныя разобличенія, чудовищные процессы, глухія крамолы, солдатскіе и дворцовые заговоры. Во время самаго взрыва, національное чувство будетъ поражено неслыханнымъ и глубокимъ развращеніемъ въ правительственныхъ сферахъ. Среди этого страшнаго крушенія погибнутъ старыя учрежденія, воззрѣнія, воспоминанія, цѣлая жизнь націи. И какъ столькія столѣтія принужденнаго союза произвели только Россію бѣдную, необразованную и раболѣпную, то различныя народности, которымъ опротивѣетъ пустой призракъ политическаго величія, будутъ стараться разорвать національное единство въ пользу узкаго партикуляризма, а работа столѣтій будетъ отодвинута къ невѣдомымъ судьбамъ темнаго будущаго.

§ 48.

Мы не можемъ предвидѣть ни времени, ни мѣста; мы видимъ причины, послѣдствія придутъ сами собою. Но въ исторіи человѣчества есть одинъ законъ, который повторяется неизмѣнно, именно: революція никогда не побѣждаетъ дѣйствительной значительностью своихъ силъ, а скорѣе дерзостью нападенія или слабостью защиты, [illegible] естъ: наступающіе вѣруютъ, ихъ противники сомнѣваются, потому что неправы, а рѣшаетъ судьба!

Вотъ роковыя опасенія, которыя возбуждаетъ въ [illegible] историческое изслѣдованіе настоящаго положенія [illegible].

Мы ихъ предлагаемъ благосклонному сужденію національной интеллигенціи.

Мы призываемъ помощь и участіе общественн
мнѣнія. Мы полагаемъ, что въ нихъ мы не бу
имѣть недостатка.

Вопреки роковымъ наслѣдствіямъ, мы надѣемся
успѣхъ, потому что нѣтъ той политической опасн
которой бы своевременнымъ предупрежденіемъ не
было заключить въ извѣстные предѣлы и ослабить.
опасность въ медленности, и да сохранитъ насъ
отъ праздной беззаботности.

И такъ, вмѣсто того, чтобы выжидать собы
надо ихъ предупреждать; вмѣсто того, чтобы бор
съ злобными корчами взволнованнаго общества,
умѣть завладѣть во время общественнымъ мнѣніем
вести его шагъ за шагомъ къ окончательной цѣл
есть: надо имѣть столько же энергіи, сколько и
усмотрительности.

Въ обществахъ разслабленныхъ эгоизмомъ и р
душіемъ къ общественному благу, одна только св
можетъ съ успѣхомъ бороться противъ свойствен
этимъ обществамъ пороковъ, и удержать ихъ на с
кой покатости, по которой онѣ стремятся къ поп

Въ самомъ дѣлѣ, одна только свобода можетъ вы
гражданъ изъ обычнаго разобщенія и заставить ихъ
зиться другъ съ другомъ; она ихъ согрѣваетъ и
дневно соединяетъ потребностью понимать одни др
убѣждать, въ рѣшеніи общихъ дѣлъ быть уступчи
и угождать себѣ взаимно. Одна свобода можетъ
оторвать отъ культа денегъ и отъ ежедневной
ихъ частныхъ дѣлъ, и заставить ихъ чувствоват
минутно, что отечество надъ ними и о бокъ ихъ
лишь одна способна время отъ времени замѣни
умахъ гражданъ любовь къ богатству страстьями
энергичными и высшими, доставляетъ честолюбію

етъ возвышеннѣе, нежели пріобрѣтеніе богатства; она азливаетъ свѣтъ, при которомъ можно видѣть и оцѣни-ать людскіе добродѣтели и пороки. И потому то одна олько свобода можетъ успѣшно бороться съ вредными аблужденіями человѣческаго ума. Гласность, освѣщая сѣ антисоціальныя стремленія, убиваетъ ихъ, ибо дема-огія тѣмъ похожа на деспотизмъ, что одна и другой е могутъ существовать иначе, какъ подъ охраной без-олвія и угнетенія.

Глава II. Общія соображенія.

Въ Россіи вопросъ о политическихъ и соціальн
преобразованіяхъ господствуетъ надъ всѣми, и
угнетаетъ; онъ около насъ, въ насъ, вездѣ. Воз
которымъ мы дышемъ, намъ его приноситъ, отго
всего міра намъ его отсылаютъ. Какой то проро
голосъ говоритъ намъ, что настоящее время не
ни отдыха, ни созерцанія, но что подъ опасеніемъ
признаннымъ недостойнымъ имени человѣка, необх
сойти на общественную арену, исполнить долгъ
данина, бороться и страдать для спасенія государ

По несчастью, люди, по свойственной имъ за
изслѣдованіе истины дѣлали всегда столько же опас
какъ путешествія для открытія новыхъ матери
морей.

Исторія насъ поучаетъ, что во время зарож
революцій, ни одна династія не имѣла недостатка
предостереженіяхъ, ни въ проблескахъ свѣта, озаряю
будущность. Но роковая нерѣшительность, со
успѣха и упоеніе властью всегда имъ мѣшали чу
вать опасность. Очень часто успѣху помѣшало
хотя совершенно искреннее упрямство; ибо для гос
находящихся въ борьбѣ со своими подданными,
ные признаки успѣха всегда опасны.

Есть нравственный законъ, управляющій чело

кими обществами, и, въ слѣдствіе этого вѣчнаго закона, всякій принципъ долженъ имѣть свои предѣлы, всякій договоръ — свои условія, и всякая обязанность должна быть обоюдна.

Дай Богъ, чтобы мы не испытали на себѣ слишкомъ поздно, что для спасенія государей недовольно благороднаго самопожертвованія и совѣта.

Въ настоящее время сомнѣніе невозможно; происшествіями уже управляютъ принципы, а задачу рѣшитъ самъ рокъ.

Эту задачу происшествія уже предложили намъ; всякое сердце измѣряетъ въ тайнѣ ея глубину, всякая интеллигенція ее изслѣдуетъ, всякій честный человѣкъ спрашиваетъ себя: куда мы стремимся? Неужели мы пришли, наконецъ, къ тому рѣшительному и окончательному перевороту человѣческихъ обществъ, къ той постыдной эпохѣ безъ надежды и исхода, въ которой государство коснѣетъ въ продолжительной и низкой испорченности и разлагается въ своей собственной грязи, оставляя въ наслѣдство будущему разстройство общественнаго порядка, безначаліе или рабство?

Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи существуетъ одно лишь мнѣніе, одинъ голосъ, повторяющіе: общественный порядокъ находится въ опасности. Отказываться признать очевидность, значилобы приготовлять государству одну изъ тѣхъ плачевныхъ каръ, которыя рокъ налагаетъ съ одинаковою строгостью за ошибки, какъ и за преступленія.

Однако въ Россіи нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, — всѣ одинаково жертвы исторической судьбы, и если непрерывный кругъ злоупотребленій и предразсудковъ угнетаетъ націю, это отъ того, что настоящее представляетъ всегда наслѣдіе прошедшаго, и опасности

одной эпохи чаще всего составляютъ послѣдствія и купленіе ошибокъ другой.

Но Россія всегда молода, хотя общественна форма устарѣла и разсыпается въ прахъ. Она безсмертная хризалида должна съ трудомъ выйти своей первоначальной оболочки и облечь одежду в жалости, форму своей зрѣлости.

Чувствую, что проповѣдуемыя мною мнѣнія дол возбудить неудовольствіе и досаду лицъ, заинте ванныхъ въ сохраненіи настоящаго режима, и это неизбѣжнѣе, что по совѣсти я принужденъ гов истины, которыя имъ непріятно слушать столько сколько мнѣ непріятно излагать ихъ передъ ними, тивъ ихъ желанія.

Есть люди, добросовѣстные даже въ своихъ заб деніяхъ, и я понимаю сопротивленіе, которое встрѣ политика реформъ уже потому, что она открывает рогу свободѣ. Вотъ настоящая вина этой политик неестественно, чтобы люди одобряли систему, напр ную къ уменьшенію ихъ власти.

Знаю очень хорошо, что вездѣ и всегда есть очень почтенные и очень благонамѣренные, но шенно слѣпые; во всѣхъ странахъ и при всѣхъ захъ правленія эти люди отказываются изслѣдоват кія нововведенія, отказываются отъ всѣхъ реформъ, бы крайне настоятельными онѣ ни казались.

Напрасно передъ ихъ глазами власть измѣн разлагается, искажается, даже нравственныя силы с портятся, растлѣваются, отказываются отъ своихъ п эти люди не хотятъ принимать никакихъ мѣръ, он подвижные и дрожащіе, цѣпляются за что ни п они готовы даже ухватиться за раскаленное желѣз роризма, чтобы предохранить себя отъ малѣйше воги; за единственное зло для себя они почитают

грессъ, за единственную опасность для существующихъ учрежденій — реформы. Напрасно охранять законные интерессы этихъ людей, запуганныхъ и слабодушныхъ, напрасно защищать ихъ и даже гибнуть вмѣстѣ съ ними, охраняя общественный порядокъ и справедливыя преимущества власти, около которой они укрываются во время бури. Трудъ потерянный!

Вы даже не заслужите ихъ уваженія; потому что какъ скоро вы имъ предложите реформы, по вашему мнѣнію самыя благоразумныя и сообразныя съ консервативнымъ духомъ правительства, вы тотчасъ же дѣлаетесь ихъ врагомъ.

Во всѣ времена, въ 1789, въ 1848 г., такихъ несчастныхъ людей, которыхъ бы можно отмѣтить какимъ нибудь зловѣщимъ знакомъ, было много, и дай Богъ, чтобы ихъ не было и теперь. То, что я теперь говорю, и мало не личность; это историческій разсказъ и только.

Если послушать этихъ людей, то казалось бы, что весь геній людей политическихъ состоитъ единственно въ томъ, чтобы стать крѣпко на созданную случаемъ позицію, и оставаться тамъ неподвижно, косно и неумолимо.

Да, неумолимо отвергать всякое улучшеніе! И если бы геній государственнаго человѣка, призваннаго руководить правительствомъ, состоялъ единственно въ этомъ, то не было бы никакой нужды въ государственныхъ людяхъ, ихъ мѣсто могло бы съ пользой занять всякая тумба.

По несчастью, исторія поучаетъ насъ въ тоже время, что для многихъ государей корона была лишь блестящей повязкой, которою рокъ прикрывалъ имъ глаза, чтобы скрыть отъ нихъ опасность упрямства.

Мы полагаемъ, что есть два рода консерватизма: можно быть консерваторомъ, или почитать себя такимъ,

въ смыслѣ консерватизма робкаго и попятнаго, кото
допускаетъ всему погибнуть, лишь бы ничего не
гать. Но есть другой способъ быть консерваторо
это — сохранять посредствомъ обновленія, улучшені
вмѣстѣ подкрѣплять учрежденія и существующій п
докъ силами и духомъ времени.

Бороться иногда до смерти за утвержденныя
сягой и священныя учрежденія, которыхъ охра
ввѣрило намъ общество и подъ которыми оно нахо
пріютъ, но еще чаще возобновлять, исправлять,
вать, улучшать, — вотъ дѣло великаго министра!
потому, что политическая стратегія состоитъ не то
въ томъ, чтобы защищать занятую уже прежде пози
но въ томъ, чтобы занимать позиціи еще крѣпче,
отважнѣе, и еще болѣе выдвинутыя въ передъ,
кимъ образомъ пресѣчь дорогу революціямъ, кот
идутъ всегда впередъ.

И такъ мы бы желали сказать Россіи: „Не
„димо реформы даровать сверху, чтобы послѣ он
„были навязаны снизу.“

„Не слушайте же этихъ совѣтниковъ страха!
„сто нѣтъ ничего безразсуднѣе страха. Нѣтъ н
„раззорительнѣе этого вѣчнаго сопротивленія во
„ни стало всему, даже самому лучшему. Нѣтъ,
„сопротивленіе не можетъ быть названо геніемъ
„дарственнаго человѣка, не составляетъ его обязанно

„Берегитесь сомнѣваться въ вашихъ силахъ,
„онѣ войдутъ въ сферу прогресса. Ударьте, не
„ногою вашу родную землю, не для того, чтобы вы
„больше силъ матеріальныхъ, — въ патріотизмѣ
„дѣтей Россія никогда не будетъ имѣть недостатка,
„для того, чтобы вызвать цѣлый народъ людей
„ныхъ, который, вмѣстѣ съ началомъ жизни недо
„щимъ теперь власти, принесетъ ей почтеніе и

къ политическимъ законамъ, въ составленіи которыхъ самъ будетъ участвовать.“

§ 1.

Двѣ противуположныя силы управляютъ общественнымъ міромъ: авторитетъ преданія и необходимость нововведеній. Разумъ, изслѣдованіе, пренія, свобода, составляютъ силы системы нововведеній; могущество этихъ силъ состоитъ не въ традиціонной неподвижности, но напротивъ того въ вѣчномъ изслѣдованіи и безпрестанномъ преобразованіи. Онѣ составляютъ какъ бы нравственныя крылья общественнаго міра, которому традиція служитъ физическимъ правиломъ вѣскости и устойчивости. Въ мірѣ духовномъ онѣ играютъ ту же роль, какую въ мірѣ физическомъ играютъ силы притяженія и сила центробѣжная: онѣ содержатъ его въ равновѣсіи и, вмѣстѣ, въ движеніи. При одной неподвижной идеѣ традиціи, человѣчество притупляется и коченѣетъ; слѣдуя одной традиціи, нація впала бы въ дремоту или рабство. Преслѣдуя однѣ только нововведенія, общество торопится и подверглось бы разрушенію, вслѣдствіе безпорядочнаго ускоренія мысли, лишенной противовѣса. Поэтому государственный человѣкъ долженъ представлять собою обѣ эти силы, соединенныя въ надлежащей мѣрѣ.

§ 2.

Законы вообще пригодны лишь для временъ и обстоятельствъ, изъ которыхъ они истекаютъ, потому что они составляютъ изложенное въ законодательствѣ выраженіе нуждъ и общественныхъ мнѣній извѣстной эпохи. Но время идетъ безостановочно, и всякій его шагъ порождаетъ потребности, прежде неизвѣстныя, новые интерессы, идеи и права, не имѣвшіе до толѣ выраженія

въ законодательствѣ, такъ какъ общественная мысль
придавала имъ еще важности и значенія. Слѣдователь
если время въ своемъ ходѣ создавало безпрестанно
законъ остается неподвижнымъ, безъ подновленія, сл
ствіемъ бываетъ то, что справедливость необходимо у
паетъ мѣсто злоупотребленіямъ, общественный инте
и законъ раздѣляются и противурѣчатъ другъ дру
а общественное мнѣніе, идущее всегда вмѣстѣ со вр
немъ, сдѣлавшись враждебнымъ традиціонному про
шему, сообщаетъ свою непобѣдимую силу потреб
народнаго возрожденія. Вскорѣ единственнымъ кри
сдѣлается: „Реформы или Революція,“ и то, что дол
быть совершено — совершится, не смотря ни на что,
мимо и противъ всѣхъ. Вотъ почему настоящій г
дарственный человѣкъ не тотъ, который не боится
волюцій, а тотъ, который дѣлаетъ ихъ невозможн
И такъ, вождь страны долженъ мыслить и предви
прежде, чѣмъ ея члены станутъ волноваться, потому
справедливость, если она должна быть чуждой сму
насилія, должна нисходить свыше.

§ 3.

Всякій кто внимательно слѣдитъ за современ
происшествіями, безъ труда замѣчаетъ, что при в
образахъ правленія, у всѣхъ народовъ, господство
теперь господствуютъ одинаковыя желанія и стра
Поэтому, тотъ кто вникаетъ въ происшествія пр
шаго, легко можетъ предвидѣть тѣ, которыя пр
вляетъ для всякаго государства будущее, и прим
къ нимъ, на основаніи подобія причинъ и послѣд
средства указываемыя опытомъ. Но такъ какъ
ными замѣчаніями пренебрегаютъ, какъ упрямый
измъ не даетъ намъ видѣть необходимыхъ послѣд
или они правителямъ остаются неизвѣстными, то

происходитъ, что одни и тѣ же безпорядки возобновляются періодически. А между тѣмъ, чтобы знать то, что должно произойти, довольно знать то, что уже было: такъ какъ по общему закону всѣ происшествія міра, во всѣ времена, имѣютъ аналогическое отношеніе съ тѣми, которыя уже совершились прежде. Это происходитъ отъ того, что всѣ человѣческія дѣла совершаются людьми, а люди имѣютъ теперь и будутъ имѣть всегда однѣ и тѣ же страсти, потому и дѣла ихъ необходимо имѣютъ результатъ одинаковый.

§ 4.

Прошла уже четверть столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, получая вѣковое наслѣдіе, принялъ на себя тяжелую отвѣтственность за будущія судьбы народа, поставленнаго повидимому историческими происшествіями на многія лѣта на вершинѣ политическаго могущества. Непрерывный рядъ великихъ людей, трудящихся подъ вліяніемъ патріотическаго честолюбія, воздвигъ этотъ колоссъ, способный перенести всѣ случайности столѣтій. Все ему удавалось по желанію, и ничто, казалось, не могло нарушить этого могущественнаго національнаго единства, бывшаго по очереди то страшилищемъ, то посредникомъ всей Европы. Но Россія получила цивилизацію послѣдняя, и должна была нести послѣдствія этого обстоятельства. Для достиженія совершеннаго единства, Государи устроили общественный порядокъ на крѣпостномъ правѣ, которое служило основаніемъ собственной ихъ власти. Заинтерессовать высшіе классы въ сохраненіи режима, основавшаго собственное ихъ первенство надъ остальною частью націи, было такимъ образомъ цѣлью внутренней политики; централизація средствъ дѣйствія и облегченіе исполненія повелѣній власти было

ея послѣдствіемъ. Вопреки всѣмъ условіямъ соціальн
прогресса, крѣпостное состояніе было такимъ образо
введено и узаконено самыми государями, которые бы
дѣйствительности больше всего были заинтерессованы
ослабленіи его вредныхъ послѣдствій, даже и въ так
случаѣ, еслибы историческія преданія оправдывали
существованіе. Множество статей въ уложеніи ц
Алексѣя Михайловича, указовъ Петра Великаго о
родной переписи, а также понудительныя мѣры его
слѣдниковъ, убѣждаютъ въ этомъ достаточно; интер
минуты взялъ перевѣсъ надъ принципами справедлив
Послѣдствіемъ было то, что Россія, задавшись одно
литической идеей, представляемая единственною н
вѣтственной волей, пріобрѣла внѣшнее могущество
потеряла понятіе права. Какъ государственная п
была правиломъ рѣшительнымъ, то отвлеченный п
ципъ справедливости не могъ благоденствовать, и от
вышло, что примѣръ политическаго устройства п
жилъ нормой всей общественной жизни. Граждан
эгоизмъ и растлѣніе частныхъ нравовъ были пло
такого порядка вещей; до того справедливо то, что н
неограниченное безотвѣтственное пользованіе прив
непремѣнно къ своевольному злоупотребленію. Пр
восточная (Крымская) кампанія, и ея исходъ дока
что противъ природы вещей не помогутъ ни мил
людей необразованныхъ, ни пространства неизмѣр
и непроизводительныя, ни рабская рутина, ни даже в
неограниченная. Россія должна была сосредоточ
и собраться съ мыслями, чтобы разъяснить и разо
старый ворохъ своихъ злоупотребленій и предр
ковъ.

Въ это самое время послѣдовали великія ре
настоящаго царствованія. Все являлось въ блист
номъ видѣ: нація преданная, счастливая и испол

довѣрія, правительство справедливое, твердое и либеральное. Будущее казалось обеспеченнымъ, и Россія готова была возродиться изъ пепла прошедшаго могущественнѣе и сильнѣе, чѣмъ когда либо.

§ 5.

По стеченію какихъ то несчастныхъ и непредвицѣнныхъ обстоятельствъ случилось, что уже въ наше время горизонтъ помрачился? Почему же само правительство, подъ гнетомъ постояннаго опасенія, теряя довѣріе къ будущему, какъ будто уничтожаетъ блестящій ореолъ своего начала? Потому, что брать назадъ разъ дарованное, слабѣть и останавливаться на полпути, или откладывать до безконечности увѣнчаніе великаго зданія, начитъ именно уничтожать. Если невозможно было опустить удовлетворенія всѣхъ естественныхъ стремленій свободы, то введеніемъ реформъ лучше было и не ызывать этого вѣчнаго принципа, этой блистательной вѣзды, которая однако иногда бываетъ темнымъ геніемъ унта и, вызванная неосторожно, можетъ унести того, то ее вызвалъ. Общественныя ожиданія, логическія ослѣдовательныя, не сбылись; общественное сознаніе заодозриваетъ даже самыя благія намѣренія. Прежде гѣна была слишкомъ высока, взобраться на нее даже е испытывали; но вотъ она начинаетъ трескаться, и ами ея охранители пробиваютъ въ нѣй проломъ, и въ у именно разсѣлину надежда, какъ лучь свѣта, вкрадывается и нисходитъ даже до самыхъ нисшихъ слоевъ общества. Но власть вдругъ оставляетъ прежнюю дорогу, стараясь даже принятые недавно принципы эксгуатировать въ пользу принциповъ противуположныхъ. еудовлетворенное ожиданіе внушило чувство досады, манутое довѣріе породило подозрѣніе. Вотъ почему противленіе теперь такъ всеобще, какъ прежде все-

общa была покорность судьбѣ. Но никакъ не слѣду
относиться съ пренебреженіемъ къ справедливому
ству досады, ни дозволять чтобы въ обществѣ развив
безпорядокъ во мнѣніяхъ, могущій въ послѣдствіи
звать пагубныя дѣйствія; потому что медлительно
избѣжать неотложныхъ реформъ нельзя, а можно
ихъ отстрочить со вредомъ для самаго себя.

§ 6.

Тѣ же самыя политическія причины, которыя,
четверть столѣтія, вызвали реформы нынѣшняго
вованія, имѣютъ значеніе для общественнаго поря
въ настоящее время. Мы даже утверждаемъ, что
перь либеральный прогрессъ тѣмъ необходимѣе, что
сомнѣнное вліяніе совершенныхъ уже реформъ дока
странѣ животворное дѣйствіе новаго принципа. Но
рическій опытъ доказалъ, что игра въ либера
опасна, и можетъ причинить ущербъ пріобрѣтенн
правамъ, даже тѣмъ, которыя, по своей законности, дол
бы быть ограждены отъ всякаго посягательства.
если въ частной жизни непослѣдовательное непос
ство не можетъ внушать довѣрія, то тѣмъ болѣе въ
тической жизни народовъ всякое измѣненіе принципа
настоятельной необходимости, возбуждаетъ лишь
скорбное предубѣжденіе о явной неспособности п
тельственныхъ сферъ. Можетъ быть прежній пор
могъ еще существовать нѣкоторое время; но пр
щенная предусмотрительность Государя рѣшила е
мѣну. Поэтому, если уже безусловная необход
принудила насъ ввести неизбѣжныя реформы, то по
емся по крайней мѣрѣ не вызывать гибельныхъ п
ствій непреклоннаго рока, задерживая естественный
вещей.

§ 7.

Подумаемъ. Развѣ реформы совершились наканунѣ? Развѣ въ теченіе двадцати лѣтъ ничто не измѣнилось? Развѣ въ странѣ ничто не выросло съ тѣхъ поръ, какъ дарована двадцати милліонамъ людей гражданская свобода, земское и городское самоуправленіе всему краю и праведный судъ цѣлому народу?

Если бы это было такъ, если бы съ того незабвеннаго дня ничто не развилось, то это бы было самымъ страшнымъ осужденіемъ для правительства. Но я спѣшу сказать, что къ его чести такъ не было; что реформы своими либеральными учрежденіями не обесплодили ни Россіи, ни ея общественнаго духа, и что страна почувствовала, какъ вмѣстѣ съ ея правами увеличились и ея силы.

Было бы неосновательно думать, что общественный духъ въ двадцать лѣтъ, подъ вліяніемъ гражданскаго равенства, провинціальнаго самоуправленія и разсужденій печати, принимая больше, чѣмъ прежде, участія въ публичной жизни, не успѣлъ безмѣрно увеличить того потока идей, потребностей и правъ, который увлекаетъ Россію къ ея окончательнымъ судьбамъ.

Какъ! Въ теченіе двадцати лѣтъ разбору подвергались самые важные вопросы общежительности, экономіи или государственнаго устройства! Періодическая печать ежедневно, въ тысячахъ экземпляровъ, слѣдовала за ходомъ общественнаго мнѣнія по всѣмъ предметамъ управленія! Торговля, промышленность, интеллигенція, первоначальное обученіе, введеніе всеобщей воинской повинности, умноженіе путей сообщенія, приращеніе народонаселенія, раздробленіе до безконечности поземельной собственности, измѣнили нравственный и матеріальный бытъ Россіи, а на общество все это будто не произвело никакого вліянія? А новыя многочисленныя и страст-

ныя потребности, права и силы, получившія приращ
развѣ не требуютъ себѣ доступа и мѣста въ на
общественныхъ учрежденіяхъ?

Я полагаю, что никто изъ людей самыхъ
отсталыхъ не рѣшится утверждать этого. Обыкно
говорятъ, что еще не время, что сообщеніе полит
кихъ правъ всей массѣ народа можетъ угрожать
ностью, или что при этомъ могутъ произойти по кр
мѣрѣ волненія.

Но говоря такъ, думаютъ-ли о томъ, что говор
Даровать политическія права опасно! Но не въ т
ли разъ опаснѣе заставить ихъ дожидаться?

Развѣ мы не знаемъ, что самые опасные
правительствъ не люди, совѣтующіе имъ ввести въ
ципъ своихъ учрежденій живыя силы, способныя
щить имъ болѣе крѣпкую жизненность и дѣятель
но тѣ, которые не хотятъ признать рѣшительно н
ни совершившихся фактовъ, ни прогрессивнаго ув
нія правъ, которые совѣтуютъ правительствамъ н
не соглашаться на самыя необходимыя нововведен
самихъ себя не признавать никакихъ правоспособн
отвергать всѣ права, всѣ требованія, и такимъ обр
внѣ этихъ правительствъ накопляютъ всѣ тѣ не
ливыя силы, всѣ взрывочные матеріялы, котор
находя себѣ мѣста и простора для правильной д
ности въ кругу общественныхъ учрежденій, на
этотъ кругъ разрываютъ, и рано или поздно пр
дятъ взрывъ подъ самымъ основаніемъ того общ
къ которому доступъ имъ заперли.

§ 8.

Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣл
лицъ, бываютъ минуты, въ которыя ихъ умъ и ч
силятся уяснить себѣ и придумать планъ дѣла

ому осуществимаго, но которое встрѣчаетъ необъяснимыя затрудненія, и противъ всякаго ожиданія падаетъ ередъ неожиданными препятствіями. Судьба разыгриваетъ иногда роковыя шутки надъ человѣческими дѣлами. I слезы отчаянія и бѣшеный смѣхъ сливаются съ намѣшкой судьбы. . . . .
. . . .

Я право не знаю, какъ назвать вещи приличнымъ азваніемъ.

Лояльность вѣрноподданнаго повелѣваетъ мнѣ говоить чистую истину, безъ прикрасъ и безъ лицемѣрія, о какъ назвать лица, не обидѣвъ ихъ смертельно?

И такъ я принужденъ говорить лишь о порочныхъ ринципахъ, и умолчать о настоящихъ виновникахъ смутъ замѣшательствъ.

Ограничиваясь изложеніемъ общихъ соображеній, поѣдствій и причинъ, постараюсь, сколько это возможно, е задѣвать личностей.

§ 9.

Но для того, чтобы въ обществѣ, еще неустроенмъ и сомнѣвающемся, создать вновь то лойяльное доѣріе, отсутствіе котораго мы оплакиваемъ, недовольно скать средствъ въ примѣрахъ прошедшаго, въ насиліи, обаяніи власти, то есть въ области вымысловъ. Стамъ лучше средствъ этихъ искать въ кругу національхъ дѣйствительностей. Спасеніе тамъ. Сила теперь ключается не въ обаяніи, она въ разумѣ, въ раціольномъ сознаніи пользы власти, въ зрѣлой преданности щественному благу.

Когда въ самыхъ правительственныхъ сферахъ, тѣ мые принципы, которые недавно превозносились, терь подвергаются укорамъ и поношенію, когда эти еры осмѣливаются представлять странѣ растлѣвающее

5

зрѣлище интригующихъ партій, алчныхъ личностей, требляющихъ священнѣйшія надежды націи какъ діе для завоеванія прибыльныхъ мѣстъ, можно шутя упрекать націю въ отсутствіи довѣрія, кот не съумѣли сдѣлаться достойнымъ?

Такіе именно примѣры развращаютъ націю, вляя ее думать, что въ политикѣ нѣтъ ни истин лжи, ни добродѣтели, ни порока, и такъ какъ нѣ нравственнаго закона, ни обязанности, то міръ до быть добычею всякаго, кто ловче или отважнѣе дру Не чистый-ли это нигилизмъ?

§ 10.

И такъ, пагубное вліяніе свыше подѣйствовало на самые низкіе слои общества. Совершены были кія преступленія. Мы знаемъ, что они были дѣл отдѣльныхъ только личностей, мы знаемъ, что он задуманы, устроены и совершены съ тою расчит точностью, которую преступнику даетъ фанатизмъ кимъ образомъ, на политическую арену выступаютъ ныя убѣжденія, и какъ послѣдователями такого дѣ вершаемаго такими дѣятелями, могутъ быть тольк умцы, то полагать, что гибельная попытка бол повторится, было бы до крайности наивно.

Принося провидѣнію благодарность за спасе одномъ человѣкѣ всей страны, всѣ мы, въ сохр Главы государства, увидѣли перстъ Божій. Мы гаемъ, что Господь этимъ блистательнымъ прим своего покровительства показалъ, что жизнь люде обходимыхъ для Его цѣлей, въ Его рукѣ, и что не можетъ пасть ранѣе своего часа. Но вѣсть объ съ ряду одно за другимъ слѣдовавшихъ покуше возбудивъ всеобщій ужасъ и отвращеніе, посели стѣ унылые предчувствія. Къ радости примѣши

страхъ, ибо эти покушенія очевидно не единичныя, но коллективныя, и разоблачаютъ передъ нами цѣлый заговоръ обширный и неумолимый, тлѣющій подъ ногами всѣхъ и угрожающій всему общественному порядку.*)

Мы такъ полагаемъ потому, что соціализмъ въ Россіи не есть какое нибудь исключительное явленіе, онъ составляетъ цѣлую школу, и не страхомъ репрессіи побѣдить его можно; общеизвѣстно, что гоненіе скорѣе распространяетъ, чѣмъ задушаетъ доктрины.

§ 11.

Соціализмъ, это возведенное въ систему страстное и вооруженное нападеніе на общество. Это ученіе не ново. Со временъ Гракховъ до крестьянскихъ смутъ (Jacqueries) въ среднихъ вѣкахъ и въ XVI столѣтіи, отъ Бабёфа до нашего времени, всегда одинъ и тотъ же крикъ ненависти, провозглашающій неотложность пересмотра права собственности во вредъ богатымъ и въ пользу бѣдныхъ, служилъ лозунгомъ всѣмъ мелкимъ честолюбцамъ и всѣмъ не могущимъ найти себѣ мѣста въ обществѣ. Прежде, когда общественный порядокъ былъ основанъ на привилегіяхъ и муниципальныхъ льготахъ, подъ покровомъ морали дикой, но твердой и убѣжденной, превратныя мнѣнія, между людьми питающими убѣжденія, завѣщанныя имъ преданіемъ, не могли слишкомъ распространяться. Обаяніе власти было слишкомъ сильно, а вліяніе привиллигированныхъ классовъ слишкомъ дѣйствительно, чтобы допустить всеобщее распространеніе злобной зависти, этого повсемѣстнаго двигателя новой доктрины. Недостатокъ путей сообщенія,

*) Это было написано въ началѣ 1880 г. Несчастный исходъ злодѣйскаго покушенія 1 (13) марта 1881 г. самымъ печальнымъ образомъ подтверждаетъ тогдашнія опасенія автора. *Издатель.*

безсиліе печати, несовершенство коммерческихъ и
мышленныхъ сношеній, не давали возникнуть пагуб
соглашенію, а съ другой стороны, общественныя
шенія, основанныя на чувствѣ взаимныхъ обязанно
казалось, могли вознаградить бѣднаго за недостатк
литическаго устройства въ государствѣ. Впрочемъ,
было еще довольно всѣмъ, и обширное поприще,
тое для всѣхъ честолюбій, не давало возникнуть т
пряженной дѣятельности, завистливой и мелочной,
образцу алчности и злобы, которые составляютъ
теристическую черту нынѣшняго соціальнаго учен

§ 12.

Въ настоящее время все измѣнилось соверш
Монархическая власть сравняла всѣ знаменитости.
хожая въ этомъ на чистую демократію, она за
вмѣстѣ съ этой послѣдней, чтобы убить всѣ приви
уничтожила блескъ всякаго обаянія; чтобы уп
создаваемое единство политическаго общества, ста
игнорировать всѣ провинціальныя особенности и
чія въ странѣ; чтобы основать гражданское рав
уничтожила на всегда взаимныя обязательства гра
Изъ этой работы возникло современное государст
рократическое и централизированное, въ которо
два, другъ другу враждебные невольные союзни
имно теребятся со всѣхъ сторонъ. Говорятъ:
по дѣламъ и по заслугамъ. Но и соціализмъ го
не что иное, только его признанная цѣль состо
разрушеніи общества, а средствомъ должно служит
государство, владѣющее всѣмъ, товарищъ всѣхъ,
дарство, распредѣляющее плоды земли и заработну
сообразно дѣламъ и заслугамъ каждаго. Если из
соціальной теоріи исключить преувеличеніе прин
злобныя предубѣжденія и выдуманныя обвинені

ся, что соціализмъ въ сущности есть запоздалый и хитрый союзникъ, пришедшій въ свое время трудиться надъ совершеніемъ дѣла, изъ котораго располагаетъ самъ одинъ получить всю пользу.

Взаимныя отношенія этихъ трехъ общественныхъ факторовъ по истинѣ странны. Чистая демократія не допускаетъ мѣстныхъ свободъ, неограниченная власть игнорируетъ свободы мѣстныя и національныя, соціализмъ же отвергаетъ всякую свободу, даже частную, и тѣмъ доказываетъ, что онъ составляетъ преувеличеніе, есть совращеніе одного и того же принципа, такъ какъ онъ борется на смерть противу всякой свободной независимой дѣятельности, будь она государственная, мѣстная или частная. И такъ, соціализмъ въ теперешнемъ его видѣ, являющійся какъ послѣдняя изъ системъ общественнаго устройства, составляетъ столько же плодъ ошибокъ и злоупотребленій прошедшаго, сколько и окончательный продуктъ эгоистической, подъ вліяніемъ неумѣрно усиленнаго режима централизаціи и бюрократіи развившей цивилизаціи.

§ 13.

Мы присутствуемъ при странномъ зрѣлищѣ. Въ то время, когда соціализмъ заявляетъ себя громкими походками, и посредствомъ современной печати оглашаетъ свои дерзкіе вызовы цѣлому обществу, когда онъ печатаетъ и распространяетъ по всему свѣту свои программы общественнаго преобразованія, или скорѣе разрушенія, — встрѣчаются люди, которые почти отрицаютъ его существованіе. Другіе, хотя поражены гибельными его походами, не хотятъ однако ни выяснить себѣ настоящихъ причинъ его появленія, ни предпринять рѣшительныхъ средствъ, необходимыхъ для его поборенія. Первымъ кажется, что соціализмъ не болѣе какъ призракъ,

созданный для устрашенія воображеній, не болѣе
слово, придуманное для того, чтобы служить средст
отпора противъ реакціонныхъ стремленій, или же
того, чтобы напугать умы и внушить имъ отвращ
къ свободѣ и общественному прогрессу. Такое стра
мнѣніе господствуетъ, какъ кажется, во всѣхъ па
ментарныхъ кружкахъ всей западной Европы. У
гдѣ соціалисты заявили о себѣ, въ послѣднее время,
домъ фактовъ, доказывающихъ, что они уже составля
общество вполнѣ организованное, вмѣсто того, чтобы у
коить народное волненіе какою нибудь мѣрою ис
нею и либеральною, стараются игнорировать соціал
ческое движеніе, полагая, что съ нимъ можно справи
съ помощью слѣпой репрессіи, или другихъ, можетъ б
также ничтожныхъ средствъ, такъ какъ строгость,
истинѣ, составляетъ изъ всѣхъ этихъ средствъ с
недѣйствительное. Нѣсколькихъ повѣсили, повѣсятъ
еще больше; то есть изъ людей ничтожныхъ сд
мучениковъ идеи. Этимъ думаютъ сдѣлать все, что ну
на дѣлѣ же дѣлаютъ очень мало, ибо что значитъ
ница въ сравненіи съ числомъ безконечно велик
Тщетно стараются открыть эту мрачную органи
ея пункты опоры, и весь этотъ хламъ заговоровъ
раго покроя; все напрасно! Читайте лучше гибе
памяти Маркса. Великій апостолъ разрушенія п
вѣдуетъ систему лучше устроенную. Онъ гово
что легендарный заговорщикъ въ черной маскѣ и
немъ плащѣ съ традиціоннымъ снарядомъ, исчезнул
всегда. Сегодня великая идея поддерживаетъ разг
въ вашей гостиной, вѣдь сказать можно все, что уг
лишь бы найти подходящій способъ выраженія; о
тешествуетъ, по желѣзной дорогѣ, по дѣламъ промы
нымъ; она проявляется, для большаго прославленія
сти, въ канцеляріяхъ; она, по приказанію правител

етитъ по телеграфу. Такъ гораздо проще, а главное гораздо выгоднѣе и безопаснѣе, потому что въ этомъ принимаютъ участіе всѣ. Одни играютъ роль дѣятельную и тѣ конечно въ меньшинствѣ; другіе молчатъ, потому что при настоящемъ режимѣ ничего не могутъ подѣлать; и молчатъ они не потому, что одобряютъ невозможныя теоріи, а потому, что при отсутствіи публичной и гласной дискуссіи, всякій честный человѣкъ боится прослыть за услужливаго доносчика. Потому всѣ или соглашаются безмолвно, или удерживаются отъ выраженія своего мнѣнія, пока не настанетъ время дѣйствовать, и свести съ неистовою партіей окончательные счеты. Отсюда происходитъ, что какъ члены этой пар ти по большей части люди молодые, часто интеллигентные, и какъ они всегда выказываютъ безграничную преданность своему дѣлу, публика даже иногда относится къ нимъ сочувственно, и если ради ихъ не всегда компрометируются, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаютъ все, что можно сдѣлать, не ставя себя въ непріятное положеніе. О нихъ сожалѣютъ всегда, часто даже поницая оправдываютъ, но постоянными умолчаніями косвенно оказываютъ имъ всегда помощь, какъ незнакомымъ союзникамъ, борющимся, если не за одинаковое дѣло, то противъ одного и того же режима. Эта именно относительная благосклонность общества дѣлаетъ гоненіе на соціалистовъ безплоднымъ, строгость безполезной и разоблаченія недостаточными.

§ 14.

И такъ я утверждаю, что современныя стремленія къ соціализму въ Россіи составляютъ нравственную болѣзнь русскаго общества, и вмѣстѣ пагубное послѣдствіе историческихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ государствѣ. Очевидно, такую нравственную болѣзнь надо врачевать

средствами нравственными и соціальными. Запрещеніемъ демагогическихъ проповѣдей, репрессіей подпольныхъ заговоровъ, можно лишь отсрочить взрывъ болѣзни, но излечить ее нельзя; а ради спасенія общества настоятельно необходимо, чтобы болѣзнь была излечена въ умахъ, въ сердцахъ и въ душахъ, и это всего успѣшнѣе могутъ совершить религія и государственныя учрежденія. По несчастью, именно самые принципы власти изъ соціализма дѣлаютъ не столько какую нибудь исключительную доктрину, сколько всеобщій протестъ противъ настоящаго порядка вещей. Если соціалисты не правы въ томъ, что утверждаютъ, — говорятъ обыкновенно, а это до того очевидно, что не требуетъ доказательствъ, — за то они правы въ томъ, что порицаютъ, и это именно доставляетъ имъ то вліяніе, которое мы замѣчаемъ съ отчаяніемъ. Впрочемъ, мало что можно сказать въ возраженіе на приводимыя ими обвиненія. Они говорятъ: страна закабалена цѣлой кликѣ невѣждъ, людей алчныхъ и безсовѣстныхъ. Эти именно злополучныя личности, ради своей личной выгоды, задерживаютъ и тормозятъ постепенное развитіе всякихъ реформъ, дарованныхъ пресвѣщеннымъ Государемъ своему народу. Высочайшая власть, которая одна въ правѣ рѣшать вопросы, относящіеся къ пользѣ государства, существуетъ лишь номинально, ея непогрѣшимость преобразилась, съ теченіемъ времени, въ чиновническую безотвѣтственность, и если обратить вниманіе на частности общей системы управленія, надо согласиться, что Верховная власть безсильна дѣлать добро, ибо ей недостаетъ компетентныхъ людей. Это говорятъ соціалисты, и ихъ доктрина, враждебная общественному порядку, кажется не болѣе, какъ преувеличеннымъ протестомъ противъ существующаго политическаго устройства.

§ 15.

Во многихъ министерскихъ циркулярахъ высказано было предположеніе, будто въ странѣ, среди всѣхъ интеллигентныхъ классовъ, распространены опасныя и превратныя идеи. Что интеллигенція страны принадлежитъ оппозиціи, этого отрицать не станемъ, но правда-ли, что среди нея распространены превратныя идеи, и если такъ, то кто виноватъ въ ихъ распространеніи?

Реакціонеры всѣхъ оттѣнковъ и нѣкоторыя періодическія изданія, къ чести русской печати надо добавить немногія, вынимая изъ подъ спуда старыя, обветшалыя, давно здравымъ смысломъ и опытомъ опровергнутыя измышленія и обвиненія, приписываютъ вину въ этомъ поголовно: либеральной печати, адвокатурѣ, высшему преподаванію. Эти факторы, по ихъ словамъ, вредныя идеи разсѣеваютъ среди другихъ сословій. Посмотримъ, правда-ли это?

Въ школѣ, предподаватели, объясняя юношеству теоріи и ихъ примѣненіе въ общественной жизни, необходимо должны изслѣдовать принципы, а по истинѣ научный анализъ не въ состояніи доказать превосходство настоящаго режима. Вслѣдствіе этого, высшее преподаваніе составляетъ въ сущности не что иное, какъ судебный приговоръ противъ существующихъ злоупотребленій, приговоръ судей компетентныхъ, налагающій опредѣленное наказаніе на проступокъ, хотя не предвидѣнный въ сводѣ законовъ, но явный. Этотъ постоянный научный анализъ, эта постоянная обязательная критика, заключаясь въ области отвлеченныхъ спекуляцій, повидимому, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ заключеніяхъ будутъ лишь способности упражнять умъ, и все въ нихъ кажется невиннымъ и незлобивымъ; но молодыя поколѣнія образуются въ этой школѣ и понимаютъ изъ полъ слова. - Надо ли удивляться, если въ слѣдствіе безпоря-

дочнаго возбужденія мыслительныхъ способностей, вспыль-
чивое юношество, которому всякая легальная дискусс[ія]
запрещена, бросается въ водоворотъ крайнихъ принци-
повъ и преступныхъ дерзостей?

Но кто въ этомъ виноватъ и что могутъ говорить
тѣ, которыхъ обязанность состоитъ именно въ томъ
чтобы освѣщать общественную истину свѣтомъ науки
и которые по этому вынуждены порицать всякое зло-
вредное начало?

Съ адвокатурей еще хуже; при судебныхъ пре-
ніяхъ въ прозрачныхъ намекахъ нѣтъ никогда недо-
статка, и очень часто не обвиненный испытываетъ осуж-
деніе общественнаго мнѣнія, а призываются на скамьи
подсудимыхъ и предаются публичному позору злоупо-
требленія власти и пороки режима. Впрочемъ естест-
венно, что судебный персоналъ первый присвоиваетъ
себѣ демократическія начала, такъ какъ онъ пополняется
членами изъ сокровищницы высшей интеллигенціи и подъ
вліяніемъ принципа равенства, который не можетъ
имѣть двухъ мѣрилъ въ ущербъ самой справедливости.

Но спрашивается опять: кто тутъ виноватъ, тѣ ли
которые по обязанности должны судить зловредныя на-
мѣренія, сдерживать злоупотребленія и карать престу-
пленія, или тѣ, которые, своимъ увлеченіемъ или сво-
имъ нерадѣніемъ, вызываютъ публичное негодованіе?

Періодическая печать, со своей стороны, не остается
въ праздности. Обсуждая вопросы дня, не смотря на
то, что она принуждена о многомъ умалчивать, она все-
таки должна высказывать истину и представлять какъ
единственное лекарство противъ существующаго зла на-
дежду, которая впрочемъ не оправдывается никогда. Си-
стема предостереженій, которою столько злоупотребляютъ
при всякомъ случаѣ, для того чтобы задушить могущія
компрометировать жалобы, и разоблаченія передъ публ[икой]

ой недостатковъ существующаго режима, только оже-
точила чувства досады и злобы, вызываемыя безсиліемъ.
Въ интерессѣ безотвѣтственной власти, если уже не
хотѣли удовлетворить справедливыхъ требованій страны,
лучше было сохранить систему предварительной цен-
зуры. Но дозволить свободу критики, подъ условіемъ
удержаться отъ всякаго порицанія, дать ей возможность
указывать на ошибки и отнять надежду на ихъ исправ-
леніе, составляетъ по нашему мнѣнію неблагоразуміе
или вызовъ. Такимъ образомъ, не печать надо винить
въ обнаруженіи злоупотребленій, но скорѣе тѣхъ, кто
ихъ дѣлаетъ.

Но либеральная оппозиція существуетъ не только
среди интеллигенціи страны, она находитъ себѣ мѣсто
также въ правительственныхъ канцеляріяхъ; принадле-
жать къ ней — даже въ модѣ. Только тамъ оппозиція
является въ особенномъ своеобразномъ видѣ, — не смѣя
порицать громко, оппонируютъ скрытно, не желая по-
терять ни явнаго жалованія, ни негласныхъ барышей.
Какъ важныя, хорошо накормленныя лица, такъ и го-
лодная мелочь, присутствующая на правительственномъ
пиру, всѣ хвастаютъ чистотой своей благонамѣренности,
но это не мѣшаетъ имъ по временамъ предательски под-
ставлять ногу власти, часто даже въ томъ убѣжденіи,
что должно быть хуже, для того, чтобы могло сдѣлаться
лучше. Поступающіе такъ, увѣренные, что никакое
правительство безъ нихъ обойтись не можетъ, вѣрнѣе
всего ведутъ къ революціи, хотя бы только для того,
чтобы очистить мѣста. Эти люди всего опаснѣе, потому
что зная хорошо всю неисходимую путаницу официаль-
наго лабиринта, они поддерживаютъ негодованіе и оппо-
зиціонныя стремленія то послабленіями, то своимъ не-
благоразуміемъ.

Что сказать объ интеллигенціи промышленной и

коммерческой? Люди этихъ классовъ, часто страдающ[ие] отъ финансоваго неустройства, иногда пройдохи, как[ъ] бываетъ обыкновенно въ странѣ, гдѣ удача достает[ся] всегда тому, кто всѣхъ наглѣе, сравнивая наши поряд[ки] съ экономическимъ благоустройствомъ другихъ гос[у]дарствъ, негодуютъ, хулятъ, и охотно измѣнили бы с[у]ществующій порядокъ вещей единственно изъ за на[]дежды получать барыши безъ препятствій и невзгод[ъ]. Быть можетъ, старое поколѣніе именитыхъ купцов[ъ], равно какъ и мелкое купечество, до сихъ поръ доволь[но] традиціоннымъ режимомъ, но недавніе аресты доказал[и], что молодое поколѣніе уже мѣтитъ выше, и желало б[ы] употребить свои средства для поддержанія стремлен[ій] противоположныхъ. Такимъ образомъ, это сословіе с[о]ставляетъ какъ бы закваску, которая уже начинает[ъ] бродить, и рано или поздно заговоритъ то, что и друг[ія]. Но оно само по себѣ тѣмъ опаснѣе, что его финансовы[я] средства доставляютъ ему огромное вліяніе на прост[ой] народъ, съ которымъ оно находится въ постоянны[хъ] сношеніяхъ.

Намъ остается еще сказать объ интеллигенціи, обр[е]ченной въ Россіи на мученическій трудъ земледѣлі[я]. Оцѣпѣнѣлые отъ безсилія, лишенные рессурсовъ, незна[я], что съ ними можетъ случиться дальше, предпринимател[и] земледѣлія обезумѣли отъ постояннаго отчаянія. Пр[и]крѣпленные къ землѣ, съ которой не могутъ развязаться, обыкновенно по уши въ долгахъ, обремененные нал[о]гами, которыхъ не въ состояніи уплатить, они готовы [и] годятся на все. Не смотря на ретроградныя стремле[]нія, отличавшія это сословіе когда то, сегодня не въ ег[о] средѣ, въ случаѣ кризиса, настоящій режимъ найдет[ъ] себѣ приверженцевъ!

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ все, что мыслит[ъ] и что дѣйствуетъ, находится въ оппозиціи, сообразно

во способностями и нуждами каждаго. Не взаимное соглашеніе, а всеобщее столкновеніе ведетъ цѣлое общество къ враждебному порицанію, такъ какъ всѣ знаютъ по бѣдственному опыту, что главный порокъ режима лежитъ не въ его послѣдствіяхъ, но въ самыхъ его принципахъ. И это бѣдственное положеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока правительство не вступитъ чистосердечно на дорогу либеральнаго прогресса, общественнаго и политическаго, ибо лишь свобода въ состояніи уврачевать бѣдствія, причиненныя странѣ столѣтіями рабства.

§ 16.

Если внимательно слѣдить за основной идеей, которая проявляется въ трудахъ всѣхъ земствъ вообще, надо прійти къ заключенію, что вездѣ, гдѣ серьёзно занимаются общественной пользой, думаютъ о реформахъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ, допуская даже возможность или неизбѣжность политическаго перелома. Дворянство большею частью недовольно, оно почитаетъ себя обманутымъ, ибо потерявъ въ слѣдствіе крестьянской реформы льготы, дѣлавшія его членовъ почти независимыми государями, оно, въ замѣнъ матеріальныхъ выгодъ, принесенныхъ въ жертву на алтарѣ отечества, не пріобрѣло даже правъ гражданина, которыя бы могли его вознаградить за эту жертву, доставляя ему политическое вліяніе. Это заключеніе до того раціонально, что общее мнѣніе почитало дѣло уже рѣшеннымъ, а надо сожалѣть, что лойяльныя стремленія не были удовлетворены во-время. По этому дворянство серьёзно недовольно, и способно осмѣлиться на все. Ему еще недостаетъ руководства и организаціи, для того, чтобы собрать въ одно разсѣянныя усилія и безпокойныя стрем-

ленія; то есть недостаетъ еще человѣка, а этотъ чел
вѣкъ найдется.

Въ сословіи крестьянъ встрѣчается почти пов
мѣстно ясное сознаніе положенія, котораго нельзя бы
надѣяться встрѣтить въ этихъ умахъ невѣжественны
недавно еще такъ беззаботныхъ. Естественно въ это
средѣ, экономическій вопросъ идетъ прежде вопроса п
литическаго, ибо этотъ послѣдній въ сущности сост
вляетъ только логическое послѣдствіе матеріальнаго п
рядка вещей. Мы знаемъ, что въ коренной Россіи эк
номическій вопросъ разрѣшенъ былъ въ пользу прежни
помѣщиковъ, потому что позабыли принять въ расчет
и обеспечить наслѣдство будущихъ крестьянскихъ пок
лѣній. Надѣлъ земли былъ очень скудный, а цѣн
слишкомъ велики; изъ этого вышло, что новонарожда
щіяся дѣлаются такими же нищими, какими во врем
оно были ихъ отцы. Кромѣ того, по естественному х
ду обстоятельствъ, въ деревняхъ образуется аристокр
тія дурной пробы, аристократія барышниковъ и афер
стовъ, овладѣвающихъ крестьянскими землями и тѣ
увеличивающихъ сельскій пролетаріатъ.

Впрочемъ, это необходимое послѣдствіе всякой агра
ной реформы; только во всѣхъ странахъ, проходивших
подобные кризисы, административныя реформы, осн
ванныя на принципѣ личной свободы и гражданска
равенства, а также сильное развитіе промышленност
шли непосредственно за экономическими реформами. И
лишекъ земледѣльческаго населенія расходился по гор
дамъ, или населялъ пустопорожнія земли, а свободны
земледѣлецъ, оставшійся въ деревнѣ, подъ вліяніемъ ли
ной собственности, усерднѣе предавался обработкѣ св
его участка земли усовершенствованными способами.

Въ Россіи все это не могло имѣть мѣста. Так
какъ административная рутина не рѣшилась ввести в

деревняхъ личной свободы, то крестьянинъ остался по прежнему приписаннымъ къ почвѣ, то есть онъ только перемѣнилъ господина: прежде прижималъ его помѣщикъ, а теперь его прижимаетъ община. Пагубное дѣйствіе круговой поруки въ уплатѣ государственныхъ податей, равно какъ и общинное владѣніе землею, дали результатъ одинаково печальный. Вслѣдствіе этихъ двухъ національныхъ предразсудковъ, частной инціативѣ не было дано надлежащаго простора и независимости, которые одни могутъ ей обеспечить вѣроятность успѣха. Кромѣ того, такъ какъ паспорты, безъ которыхъ нельзя тронуться съ мѣста, и полученіе которыхъ какъ нарочно утруждено до-нельзя, держатъ всякаго въ неизбѣжной зависимости отъ жадной общины, то въ такой обширной странѣ какъ Россія, гдѣ земель необработанныхъ, но для обработки совершенно пригодныхъ много, выселеніе и колонизація сдѣлались невозможными, и крестьянинъ скуднаго пропитанія принужденъ искать на мѣстѣ и, естественно, попалъ въ когти барышниковъ, своихъ сосѣдей по деревнѣ. Въ кустарной промышленности онъ не можетъ выдержать конкуренціи большихъ мануфактуръ, и въ вслѣдствіе этого долженъ искать скуднаго заработка въ мѣстахъ отдаленныхъ, или снимать земли по цѣнамъ непомѣрнымъ. И какъ, при томъ, недостатокъ раціональнаго земледѣлія въ большихъ хозяйствахъ и дурная обработка земли въ малыхъ, вызываютъ въ Россіи періодическое голоданіе, то такой недостатокъ средствъ продовольствія поглощаетъ послѣднія его сбереженія. Однимъ словомъ, крестьянинъ заключенъ въ безвыходный кругъ, а въ Россіи образуется новый родъ крѣпостнаго состоянія, на манеръ Ирландіи.

Мы не намѣрены предлагать здѣсь неотложныхъ средствъ противъ такаго зла; мы объ этомъ поговоримъ позже, на своемъ мѣстѣ; теперь мы лишь желаемъ зая-

вить о существованіи несомнѣннаго факта, чтобы начер-
тать вѣрный образъ настоящаго положенія вещей. П
земельныя отношенія между крестьянами и сосѣдни
помѣщиками враждебны; въ этомъ много виноваты, с
одной стороны, зависть самыхъ крестьянъ, съ другой -
барская хищность. Но какъ послѣ не болѣе какъ два
цатилѣтняго существованія община уже обѣднѣла,
современемъ будетъ еще хуже; довольно оставить в
силѣ существующія стѣсненія, и мы будемъ присутст
вать при фантастическомъ зрѣлищѣ народонаселенія си
наго, обитающаго на почвѣ плодоносной, и при все
томъ умирающаго отъ истощенія, въ угоду админист
тивнымъ предразсудкамъ и печальной рутинѣ.

Крестьяне естественно судятъ о вещахъ своеобраз
они говорятъ себѣ: что такъ какъ раздѣлъ земель пр
изведенъ для нихъ не выгодно, то надо его передѣла
вновь. Соціалисты стараются указать имъ, что это бе
условно необходимо. Говорятъ, что Государь Импе
торъ желаетъ этого передѣла, и ему противятся ли
землевладѣльцы. Это мнѣніе до того распространен
что даже правительство полагало необходимымъ опр
вергнуть его въ опубликованныхъ циркулярахъ.
это не помогло; крестьяне всегда будутъ питать надеж
на какую нибудь поземельную реформу, полагая, что в
надо измѣнить, и соціальный вопросъ будетъ по пре
нему подвергаться всестороннимъ изслѣдованіямъ. Э
работа медленная и скрытная, доставитъ пользу одни
лишь соціалистамъ. Своими дерзкими опредѣленія
своими соболѣзнованіями о прошедшемъ, своими справ
ливыми упреками и нареканіями, даже своимъ личны
самоотверженіемъ и обаяніемъ мученичества, они вн
шаютъ необразованнымъ умамъ расположеніе къ кр
тикѣ и хуленію, которое ограниченныя интеллиген
приводитъ къ крайнимъ выводамъ, и возбуждаетъ

простыхъ сердцахъ безграничную ненависть къ злоупотребленiямъ и безграничное негодованiе. Съ нѣкотораго времени все совершенно измѣнилось. Среди этого сословiя, недавно еще такъ безстрастнаго, теперь часто случается услышать фантастическiя подробности о государственномъ бюджетѣ, о злоупотребленiяхъ самыхъ высокихъ личностей, о безплодности трудовъ земства, объ экономическомъ состоянiи крестьянъ, подробности, самымъ своимъ преувеличенiемъ доказывающiя враждебность понятiй и требованiй того именно сословiя, о которомъ полагали, что его расположенiе прiобрѣтено навсегда. Вотъ почему мы должны допустить, что даже если предположимъ въ крестьянскомъ сословiи искреннее чувство благодарности къ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, то все таки извѣстныя обстоятельства должны увеличить затрудненiя и опасность положенiя Его наслѣдника.

§ 17.

И такъ, всѣ недовольны. Вотъ почему я утверждаю, и слова мои служатъ выраженiемъ почти единогласнаго мнѣнiя всей интеллигенцiи въ странѣ, что вопросы дня до того разнообразны и такъ чрезвычайно трудны, что въ прискорбныхъ обстоятельствахъ, въ которыя всѣхъ насъ ввергла судьба, намъ остается только выборъ затрудненiй и невозможность безнаказанно надѣлать болѣе ошибокъ въ будущемъ.

Но скажутъ намъ: кто же другой, какъ сама интеллигенцiя страны, виновна во всемъ этомъ замѣшательствѣ; ибо говоря, коментируя и критикуя, она возбуждаетъ и поддерживаетъ въ нацiи волненiе, указывая ей на вѣроятность успѣха.

Смотрите, какое преступленiе! Развѣ вы не знаете, что единственный режимъ, котораго не оправдываетъ

никогда никакая необходимость, не переноситъ терпѣливо ни одна нація, и котораго не осмѣлится навязать ни одно правительство, это режимъ отчаянія?

Вы развѣ не знаете, что ничто не дѣлаетъ так терпѣливымъ, какъ надежда, и что никакіе штыки и тюрьмы неспособны такъ удержать націи въ порядкѣ и тишинѣ, какъ увѣренность, что правительство серьёзно занимается ихъ участью и тотъ лучь надежды, который, исходя отъ самаго престола, освѣщаетъ послѣднюю минуту ихъ рабства и указыаетъ имъ въ недалекомъ будущемъ свободу какъ право, справедливость какъ принципъ, а порядокъ какъ обязанность?

§ 18.

Но скажутъ намъ: въ такомъ случаѣ, если національная интеллигенція враждебна правительству, то не должно-ли правительство искать подпоры въ массахъ. То есть, для того чтобы справиться на чисто съ настоящимъ порядкомъ вещей, надо возстановить противъ себя все, что только есть самаго дѣятельнаго и самаго преприимчиваго въ странѣ! Оппозиція, если она существуетъ, этимъ не обманется, ибо такое извращеніе всякаго логическаго смысла непремѣнно заставитъ ее перейти рѣшительно отъ скрытнаго неудовольствія, которое можно бы легко отклонить или разсѣять, къ борьбѣ серьёзной и безпощадной, которая необходимо повлечетъ за собою окончательное разрушеніе всего существующаго порядка.

Историческіе примѣры доказываютъ это съ излишкомъ; а политическій опытъ другихъ народовъ подтверждаетъ, что основывать свое могущество на невѣжестве и предразсудкахъ, вопреки логикѣ права и общественнаго блага, для династій было всегда пагубно.

Впрочемъ, необразованныя массы рѣдко производили революціи и никогда ни одной не помѣшали.

Наконецъ спрашивается, что же правительство может предложить этимъ массамъ, потому что для под-ержанія на необходимой высотѣ ихъ алчнаго восторга, адо будетъ давать имъ всегда что нибудь новое.

Новый аграрный законъ?

Но этого именно требуетъ соціализмъ!

Не благоразумнѣе-ли и безопаснѣе лучше быть все-да правымъ самому, нежели, избѣгая послѣдствій своихъ шибокъ, заключать союзъ съ своимъ смертельнымъ рагомъ. Этимъ союзомъ нельзя бы даже было дости-нуть желаемаго спокойствія, ибо опираться на массахъ — е болѣе как пустое слово. Это панургово стадо мы-лить и поступаетъ подъ вліяніемъ идей и происшествій, акъ бы въ самомъ дѣлѣ оно разсуждало, но у него воеобразная логика, логика пагубная, когда нужды про-удятъ его бѣшенство.

Правда, что въ понятіяхъ народныхъ массъ, эко-омическіе вопросы идутъ впереди интерессовъ полити-ескихъ, но развѣ само экономическое состояніе страны е находится у насъ въ отчаянномъ положеніи?

Соціалисты съумѣютъ очень хорошо свои порицанія зложить способомъ доступнымъ понятіямъ простона-одья; что же тогда станется съ этимъ противуестест-еннымъ союзомъ?

§ 19.

Но какую силу можетъ имѣть логика противъ го-одъ славянофиловъ, панславистовъ, обрусителей или ыхъ централизаторовъ?

Наша святая Русь, говорятъ, не похожа на другія сударства, это отдѣльная планета, родъ отгороженнаго прища для турнировъ, на которомъ можно совершать ѣ соціальныя экспериментаціи, въ угоду нашимъ стра-ямъ и нашимъ фантазіямъ!

Станемъ пренебрегать примѣрами исторіи, простыя истины, которыя, смѣясь себѣ въ кулакъ, шепчетъ добрый мужикъ, намъ пригоднѣе всей опытности народовъ гнилаго запада, слѣпо придерживающихся принциповъ и заплеснѣлыхъ въ законности!

Впередъ во что бы ни стало! и особенно впередъ какъ можно скорѣе! вотъ обыкновенная поговорка нашего времени.

Что намъ за дѣло до ученія дряхлой цивилизаціи; разрушимъ всѣ преграды, полагаемыя политическою мудростью; нашъ идеалъ: „равенство и единство,“ „Раб[illegible] и Царь“ (Plebs et Caesar)!

Восклицаніе постыдное! Если уже предстоитъ историческая обязанность повторять преступленія древности, то почему еще не добавить: „Panem et circenses!“

Чудовищный наростъ преступной политики, отрицаніе всякаго общественнаго прогресса, — такая система слишкомъ похожа на старые принципы печальной памяти Іоанновъ.

Правда, что по вашему, господа, мнѣнію, Іоаннъ Васильевичъ, Великій князь „Московскій,“ былъ монархъ геніяльный и справедливый; но сознайтесь тутъ же, что Петръ Великій, геній создавшій „Россію,“ государств[illegible] исполинъ, не больше какъ неискусный подражатель.

Что же вы, Милостивые Государи, сдѣлали въ сто[illegible] короткое время изъ вашего, еще не давно такъ могущественнаго отечества?

Въ заграничныхъ сношеніяхъ вы слѣдуете или политикѣ фантастическихъ вожделѣній, или политикѣ со[illegible]нительнаго сентаментализма; одна и другая, послѣ [illegible]стославныхъ побѣдъ, довели насъ до мира болѣе б[illegible]ственнаго даже нежели тотъ, который когда то наши враги осмѣлились намъ навязать послѣ нашего пораженія. Мы пролили потоки крови, мы побѣдили; не с[illegible]

тря на это, наши враги восторжествовали, и намъ остатся только покориться, если не желаемъ претерпѣть неминуемаго и окончательнаго разстройства финансовъ.

Внутри государства вы одну на другую накопляете разныя, то прогрессивныя, то ретоградныя реформы; почему же вы не слѣдуете уже смѣло по одному пути, который пролагаете сами?

Къ чему эти постоянныя колебанія, эта постоянная нерѣшимость и сомнѣніе?

Развѣ вы не замѣчаете, что подымается всеобщее негодованіе, котораго достаточно усмирить уже не въ состояніи ни любовь отечества, ни обаяніе священной особы Государя?

Подъ предлогомъ яраго и своеобразнаго патріотизма, вы проповѣдуете и оправдываете племенныя и сословныя вражды и ненависти, и воздвигаете религіозныя гоненія. Къ чему вся эта тайная ненависть и низкая месть противъ всякой чуждой вамъ народности?

Польша, говорите вы, провинилась; пусть такъ; но что вамъ сдѣлали Нѣмцы, которыхъ вы гоните до того, что заставляете ихъ выйти изъ врожденнаго имъ хладнокровія и терпѣнія? Они вѣдь всегда были вѣрной опорой престола, и Россія имъ обязана значительною частью своего величія.

Мечтатели со страстями мелкими или слѣпыми, люди съ взглядами узкими, химерическими или своекорыстными! Прочь нивеляторы! Вы неспособны или преступны!

Вамъ бы именно слѣдовало предложить этотъ комическій вопросъ: кого здѣсь обманываютъ?

Вѣрно не насъ. Мы очень хорошо знаемъ революціонную аксіому, которая гласитъ: для того, чтобы дѣла пошли лучше, надо ихъ испортить до нельзя. Думаете-ли вы, что какъ панслависты, эксплоатирующіе страну

въ пользу несбыточной фантасмагоріи, такъ и люди, по видимому съ такимъ рвеніемъ трудящіеся для какого-то загадочнаго объединенія отечества, котораго составныхъ частей ничто разъединить не въ состояніи, думаете-ли что всѣ они въ самомъ дѣлѣ трудятся ради величія національной династіи, ради монархической идеи, этого генія-охранителя общественнаго порядка сквозь всѣ поколѣнія и столѣтія?

§ 20.

Основывать власть на содѣйствіи массъ, очевидно значитъ предаться вмѣстѣ преобладанію военной силы.

Но послѣдніе аресты и рѣшительно на этотъ счетъ установившееся мнѣніе публики, повидимому доказываютъ, что отъ этого въ будущемъ ожидать нечего. Если таково въ самомъ дѣлѣ было намѣреніе правительства, то на что же было вводить общую для всѣхъ сословій обязательную воинскую повинность, и такимъ образомъ необходимо соединить подъ общими знаменами различныя сословія и облегчить враждебной интеллигенціи пріобрѣтеніе вліянія, которое естественно даетъ превосходство ума и образованія, обреченное на службу великому дѣлу?

Кто пріобрѣлъ довѣріе солдата, кто испыталъ лагерную жизнь, раздѣляя съ солдатомъ сухарь и чарку, ѣлъ съ нимъ изъ одного походнаго котла, но съумѣлъ вмѣстѣ возбудить въ немъ довѣріе и почтеніе, которыя неоспоримое превосходство доставляетъ всегда, кто узналъ солдата при огнѣ бивуаковъ, въ изнурительныхъ походахъ, лишеннаго пищи и обуви, голоднаго и продрогшаго отъ холода, кто его видѣлъ у перевязочнаго пункта терпѣливо ожидающаго своей очереди, которая иногда приходитъ уже слишкомъ поздно, кто его видѣлъ въ дѣлѣ, кто послѣ дѣла слышалъ его разсужденія о нелѣпости распоряженій и безстыдствѣ злоупотребленій, кто вслушался

въ его разговоры съ товарищами, о безцѣльности его службы и безвыходности его положенія, въ которое онъ попалъ невольно, безъ любви и призванія, кто его зналъ, когда онъ возвратился къ домашнему очагу и остался такимъ же добрымъ, простодушнымъ и неспеси вымъ крестьяниномъ, какимъ былъ и прежде, счастливымъ, что наконецъ отдѣлался отъ службы; всякій, говорю, кто умѣетъ взвѣшивать вѣроятности и намёки, долженъ согласиться, что такой солдатъ, непобѣдимый противъ чужеземнаго врага, можетъ подъ конецъ сдѣлаться слабымъ орудіемъ кровавой національной репрессіи. Это потому, что русскій солдатъ не любитъ военной службы, и, что бы тамъ ни дѣлали, не знаетъ ни корпоративнаго духа, ни легендарной чести знамени; онъ всегда чувствуетъ себя гражданиномъ, и никогда не будетъ грубымъ наемнымъ служакой. И какъ, кромѣ того, корпусъ офицеровъ не пользуется тѣмъ увлекательнымъ вліяніемъ, которое замѣчается въ другихъ арміяхъ, вѣроятно потому, что не умѣлъ его заслужить своими рыцарскими принципами, то трудно расчитыватъ на то, чтобы преданность знамени, или постоянное чувство свирѣпаго долга, могли въ междуусобной распрѣ обратить русскаго солдата противъ собственныхъ его согражданъ.

Впрочемъ, намъ не придется давать правильныхъ сраженій; а что, если бы какой нибудь тёмный и дерзкій солдатскій заговоръ удался въ столицѣ, что бы тогда было съ нами?

При настоящемъ режимѣ бюрократической централизаціи, устранить нѣсколько людей, добавить нѣсколько новыхъ, обнародовать сенатскій указъ, и дѣло кончено!

§ 21.

Когда въ какой нибудь странѣ управляющее сословіе, пренебрегая общественнымъ благомъ, забираетъ

въ свои руки всю власть въ ущербъ государству, и воображаетъ, что ему нечего больше дѣлать, какъ пользоваться добычей и превышать всю остальную часть націи богатствомъ и роскошью, оно непремѣнно возбуждаетъ всеобщее негодованіе. Это негодованіе наводитъ на него неопредѣленный страхъ. Вотъ почему вскорѣ переходя отъ страха къ нападенію, оно становится тираническимъ и жертвуетъ общимъ благомъ ради своихъ эгоистическихъ интерессовъ. Пусть придутъ затруднительныя обстоятельства, и правительство съ своими мудрыми наставленіями встрѣтитъ только всеобщее равнодушіе и страдательное сопротивленіе даже тамъ, гдѣ оно надѣялось найти усердное содѣйствіе. Дѣло въ томъ, что въ странѣ нѣтъ уже болѣе довѣрія къ старымъ учрежденіямъ, обольщенія власти уже не дѣйствуютъ, и гудетъ вѣчевой колоколъ.

Тогда то, завѣдомо и явно составится публичный заговоръ; одни станутъ дѣйствовать пронырливо и тайно изъ чувства зависти и злобы, другіе будутъ высказывать свое неодобреніе честно и гласно, потому что превосходя прочихъ великодушіемъ, интеллигенціей, возвышенностью духа, благородствомъ происхожденія или богатствомъ они будутъ считать себя обязанными заявить оппозицію явно и легально, ибо выраженіе: „noblesse oblige“ для нихъ не будетъ пустымъ наборомъ словъ. Такимъ образомъ возникнетъ страдательное сопротивленіе, гораздо опаснѣе всякаго преждевременнаго обращенія къ грубой силѣ. И такъ, правительство, лишенное нравственныхъ принциповъ, не можетъ никогда быть въ безопасности среди своего народа. Гдѣ съ одной стороны сомнѣніе, а съ другой — презрѣніе, тамъ люди питающіе одни къ другимъ такія чувства не могутъ долго уживаться въ безопасности, и раньше или позже кончатъ тѣмъ, что обманутъ взаимную бдительность.

§ 22.

Но еще больше. У насъ теперь существуетъ всеобщій заговоръ бѣшеныхъ соціалистовъ. Говорятъ, они сумашедшіе и не могутъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Если бы даже и было такъ, это бы не доказывало ничего, ибо завтра можетъ возникнуть заговоръ людей интеллигентныхъ и умѣренныхъ. Разъ привычка къ заговорамъ пріобрѣтена, она вкореняется въ умы народа, и это составляетъ самую большую опасность, какой только общество можетъ подвергаться, потому что такое расположеніе къ заговорамъ дѣлаетъ на долго управленіе націей невозможнымъ. По несчастью, отрицательное расположеніе составляетъ теперь типическую особенность извѣстной части русскаго общества. Это пагубное послѣдствіе настоящаго положенія. Ибо тамъ гдѣ нѣтъ нравственныхъ принциповъ при домашнемъ очагѣ, гдѣ потребность наслажденія служитъ девизомъ частной жизни, тамъ гражданскія добродѣтели составляютъ не больше, какъ счастливое исключеніе, преданность иллюзію, а лойяльность тамъ неизвѣстна.

§ 23.

Если на нашъ совѣтъ возразятъ, что онъ слишкомъ радикаленъ и вмѣстѣ преждевременень, мы пригласимъ возражателей дать лучшій и болѣе дѣйствительный; ибо по истинѣ, дать дѣльный совѣтъ необходимо, а беззаботность не можетъ быть отвѣтомъ, способнымъ успокоить всеобщія опасенія.

Въ настоящее время, послѣ столькихъ ужасныхъ преступленій, особенно послѣ послѣдняго покушенія, приведшаго въ ужасъ всѣ умы, думаютъ — строгостью пособить всему! Но прежде надо же имѣть въ рукахъ ихъ всѣхъ, а если вы ихъ отыскать не въ состояніи, противу кого же станете вы употреблять строгость?

Это вѣдь не въ Польшѣ, гдѣ можно было затормо-
зить движеніе, свирѣпствуя безразборчиво въ семейств
и на улицѣ; принявъ прежде на себя роль лисицы в
баснѣ, а послѣ роль Московскихъ мясниковъ. Вы у
себя дома, въ вашей Святой Руси; объ этомъ забыват
не надо!

Развѣ не извѣстно, что желая навязать безусловно
повиновеніе, надо, какъ говоритъ пословица, „убить сы-
новей Брута“; но станетъ-ли у васъ на это смѣлости
Чужихъ сыновей, еще куда ни шло, вѣдь это необхо-
димо. Но своихъ собственныхъ? Никогда! А межд
тѣмъ, будьте увѣрены, всѣ въ заговорѣ, какъ ваши так
и ихъ сыновья, какъ тѣ, которые участвуютъ въ пир
дѣятельно, такъ и тѣ, которые завадуютъ. Вы может
нѣсколькихъ изъ нихъ разстрѣлять или повѣсить, этим
вы лишь сдѣлаете изъ нихъ мучениковъ великой идеи
противъ которой расплющатся ваши пули.

§ 24.

Но говорятъ, — и это предразсудокъ общій всѣмъ, кто
не желаетъ ограниченія своей власти, — что время либе-
ральныхъ преобразованій для насъ еще не настало
что Россія еще не созрѣла до того, чтобы этими пре-
образованіями пользоваться спокойно. Говорятъ, что
простой народъ необразованъ; но не такъ-ли вездѣ
Впрочемъ, необразованность — это недостатокъ юности, ко-
торый исправляетъ само время; но такъ какъ народна
школа въ рукахъ правительства, то самый лучшій спо-
собъ сдѣлать злоупотребленіе будущихъ принциповъ не-
возможнымъ, это теперь же усердно заняться народным
образованіемъ. Говорятъ еще, что намъ недостает
опытныхъ и соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ людей
Быть можетъ, такъ какъ никогда не полагали, что он
могутъ понадобиться, но поискавъ хорошо, всегда може

будетъ найти личности, на которыя указываетъ общественное мнѣніе. Впрочемъ, такое возраженіе не болѣе какъ отговорка, и вѣрно было бы лишь въ такомъ случаѣ, если бы интеллигентные люди страны принимали на себя защиту современныхъ злоупотребленій.

Въ настоящее время затрудненіе состоитъ лишь въ томъ, чтобы узнать: не сошли-ли уже люди предопредѣленные провидѣніемъ на роковое поприще. Ибо часто все разрушалось отъ недостатка благоразумной защиты, или все разстроивалось изъ за отсутствія рѣшительнаго подвига. Имѣть этихъ людей на своей сторонѣ или противъ себя, когда придетъ великое движеніе, составляетъ, быть можетъ, уже и теперь роковой вопросъ, такъ какъ во второстепенной интеллигенціи и въ темныхъ работникахъ недостатка не будетъ никогда. Рано или поздно кризисъ наступитъ и убѣдитъ насъ въ томъ, что въ соціальной борьбѣ побѣду рѣшаетъ не столько могущество силы, сколько своевременность нападенія — а болѣе всего убѣжденіе борцовъ, что побѣда составляетъ лишь вопросъ времени, и что окончательно она будетъ принадлежать однимъ изъ нихъ, между тѣмъ какъ другіе, утомившись въ борьбѣ, будутъ рады, при окончательной развязкѣ, сохранить хотя бы необходимыя или пригодныя крошки.

Такимъ образомъ, въ настоящее время разрѣшеніе соціальнаго вопроса замедляется единственно нежеланіемъ правительственныхъ лицъ, происходящимъ отчасти отъ обыкновенной посредственности пугливыхъ мнѣній, отъ апатической вѣры въ прочность существующаго порядка, но всего болѣе отъ эгоистическаго чувства и упоенія властью. Вотъ почему поговорка: „послѣ насъ потокъ,“ повторяется теперь ежеминутно. Это изрѣченіе не есть-ли пагубный лозунгъ правительствъ быстро клонящихся къ окончательному паденію? Но когда соціальная ре-

форма крайне необходима, медлительность въ исполнені
велѣній судьбы, не даетъ возможности избѣгнуть неиз
бѣжнаго, и опытъ другихъ націй поучаетъ насъ, что
отсрочивать необходимыя реформы, значитъ лишь при
носить пользу врагу. Ибо время гонитъ все передъ со
бою, и приноситъ добро равно какъ и зло, зло равн
какъ и добро.

Увы! Я слышу уже стенаніе похороннаго кол
кола и набатъ тревоги. Боги удаляются; старыя пр
вычки исчезаютъ; а рокъ готовитъ развязку.

§ 25.

Вотъ историческая драма, которая, послѣ многих
лѣтъ ожиданія, открывается нашимъ взорамъ. Но есл
сообразить, что вездѣ, во всякой странѣ и при всѣх
образахъ правленія, существуютъ два источники опп
зиціи: интерессъ народа и интерессы вельможъ; что вс
либеральные законы получаютъ свое начало именно от
этой противоположности интерессовъ; что наконецъ же
ланіе свободы рѣдко приноситъ вредъ общественном
быту народовъ, такъ какъ это желаніе рождается вслѣ
ствіе угнетенія, которое можно отмѣнить, доказываетъ
возмужалую зрѣлость народа и его способность и прав
требовать гарантій для будущаго; если сообразить, что
всеобщій и явный союзъ, образующійся въ виду уст
рѣлаго режима и вопреки его желанію въ странѣ, гд
общественное мнѣніе было принуждено бороться съ та
кимъ множествомъ препятствій, составляетъ великій об
щественный прогрессъ, — то придется согласиться, что
правительству, для того чтобы сохранить за собою влі
ніе, которое должно ему принадлежать по справедли
вости, остается только самому взять въ руки почин
либеральныхъ реформъ, которыхъ требуетъ нація. Н
какъ дѣйствительная сила теперь еще въ рукахъ н

ціональной династіи, то безусловно необходимо воспользоваться этой силой искуссно и даровать добровольно и во время то, что можетъ быть придется позже предлагать напрасно.

Мы не только не отрицаемъ того, что введеніе реформъ представляетъ нѣкоторую опасность, но напротивъ мы знаемъ, что большинство людей не легко поддается новому закону, когда законъ этотъ устанавливаетъ въ государствѣ новый порядокъ вещей, отъ котораго они полагаютъ, что могутъ избавиться. Я даже допускаю, что люди уважаютъ общественный порядокъ и поступаютъ по закону лишь по необходимости, что тамъ, гдѣ всякій свободенъ дѣйствовать произвольно и властенъ предаваться своеволію, вскорѣ замѣшательство и безпорядокъ появятся со всѣхъ сторонъ. Знаю также, что необходимая сдержанность и умѣренность принциповъ предполагаемыхъ общественныхъ реформъ, съ начала не понравятся многимъ. Однимъ, потому что реформы, не смотря ни на что, покажутся имъ слишкомъ невыгодными, ибо уничтожая злоупотребленія, онѣ лишатъ ихъ прибыльной власти; другимъ потому, что повинуясь своему разъяренному воображенію, подъ вліяніемъ непримиримой ненависти, а часто и справедливаго негодованія за претерпѣнныя обиды, люди эти думали открыть путь для своихъ крайнихъ стремленій.

Но огромное большинство націи приметъ общественное благодѣяніе съ признательностью. И тогда общественное мнѣніе заставитъ клеветниковъ замолчать, ибо нѣтъ полицейскаго надзора дѣйствительнѣе, какъ тотъ, который всякій производитъ у себя, и нѣтъ лучшаго надзорщика, какъ частный интерессъ, совпадающій съ общественнымъ благомъ.

И потому мы утверждаемъ, что пока дѣйствительною силой обладаетъ только національная династія, то

твердо вести по новой дорогѣ народъ, можетъ и должна она лишь одна.

§ 26.

Всякое свободное правительство должно стараться сохранить популярность, и это ему не трудно, когда судъ объ общественной справедливости произноситъ сама нація въ цѣломъ составѣ. Но если въ правительственной власти участвуетъ лишь одно привиллигерованное сословіе, то оно должно прежде всего стараться привязать къ себѣ народъ; и это тоже не трудно, ибо для этого достаточно покровительствовать его интерессамъ. Поэтому, неограниченный монархъ долженъ съумѣть, вызывая довѣріе, внушить вмѣстѣ и преданность, и это тѣмъ легче, что люди, получая благодѣянія, чувствуютъ благодарность тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше прежде почитали благодѣтеля къ себѣ равнодушнымъ. Но что для монарха необходимо безусловно, это пользоваться довѣріемъ всего своего народа, ибо безъ этого довѣрія онъ во время злополучія будетъ лишенъ всякихъ средствъ спасенія. По этому монархъ, для привлеченія къ себѣ народа, не долженъ ожидать пока нахлынетъ опасность. Толпа скажетъ тогда, что не ему она обязана благодѣяніями. Напротивъ, она будетъ опасаться безпрестанно, что послѣ минованія опасности, правительство отниметъ у нея свободу, которую вырвала у него изъ рукъ необходимость и нужда. Очень ошибочно думать, что можно вновь привязать къ себѣ народъ, осыпая его благодѣяніями въ самое критическое время общественной опасности; такимъ образомъ правительства, вмѣсто снисканія его поддержки, ускоряютъ лишь собственное паденіе. По несчастью, нерѣшительность всегда составляла величайшій порокъ слабыхъ правительствъ, такъ что всякое ихъ мѣропріятіе кажется навязаннымъ силою, и

какъ они не умѣютъ никогда ни рѣшиться на что нибудь по доброй волѣ, ни благоразумно воспользоваться необходимостью, то если изъ либеральнаго направленія и выйдетъ какое либо добро, его приписываютъ обыкновенно принужденію, а не его мудрости. Между тѣмъ какъ напротивъ самый легкій способъ быть выше обстоятельствъ, это совершать какъ бы по внушенію великодушія то, что пришлось бы исполнить въ послѣдствіи подъ гнетомъ необходимости. Поэтому, самый вѣрный способъ, въ настоящее время, укротить честолюбіе толпы, желающей сдѣлаться всемогущей въ государствѣ, это предупредить ее на новыхъ дорогахъ, которыя предлагаетъ намъ судьба.

§ 27.

Чего же мы желаемъ? Мы объявляемъ какъ принципъ нашей политической вѣрности: мы желаемъ не возбудить, но предотвратить революцію, возобновить, укрѣпить, сохранить находящійся въ опасности общественный порядокъ.

Мы желаемъ постепенно и благоразумно сообщить націи благодѣянія свободы подъ покровомъ короны; желаемъ укрѣпить ея преимущества, а не ихъ оспоривать.

Мы желаемъ, чтобы водвореніе свободы составляло постепенный и безопасный переходъ отъ одного порядка вещей къ другому, а не пропасть, которая поглотила бы все: отечество, Династію, религію, собственность и семейство.

А если намъ возразятъ, что такимъ образомъ мы желаемъ произвести цѣлую революцію?

Ну да! Мы революціонеры! Такіе же революціонеры, какъ и всѣ тѣ великіе государственные люди, которые, усмотрѣвъ соціальную истину, сдѣлавшуюся оче-

видной, и войдя въ чувство націи, смѣло берутъ ее изъ рукъ философовъ, чтобы безопасно передать въ руки законодателя, ввести ее въ область фактовъ. Дай намъ Богъ такихъ революціонеровъ побольше; тогда разрушительныя революціи придутъ не скоро.

Вотъ почему мы утверждаемъ смѣло, что истинные враги государства, это люди притворающіеся будто они смѣшиваютъ свободу съ убійствомъ, ибо терроризмъ не составляетъ общественной морали. Если бы эта доктрина была истинна, она бы была отрицаніемъ всякой гражданской добродѣтели, ибо безмолвіе и наказанія не единственные стражи, которыхъ бы желательно было помѣстить у порога правительства; ибо опытъ народовъ доказываетъ, что если въ наше время публичный порядокъ иногда и подвергается опасности при режимѣ свободы, за то безъ нея онъ не возможенъ. Въ нашъ вѣкъ, подвергающій анализу и изслѣдованію все безъ исключенія, было бы наивно желать укрѣпленія власти неотвѣтственной, невозможной по теоріи и несовмѣстимой съ условіями общественной жизни. При раціональномъ направленіи нашей жизни, всякая традиція можетъ подлежать сомнѣнію. Іерархическіе предразсудки пали въ безпомощной борьбѣ народныхъ стремленій съ традиціонными преградами, и по истинѣ, монархическая власть была самымъ дѣятельнымъ факторомъ такого паденія. Почему того же не могло бы случиться съ самою самодержавною властью? Но права этой власти на насъ, и наши обязанности относительно ея, должны въ тоже время измѣнить свое качество и причину своего существованія; и если увы! мы уже не чествуемъ монархической власти въ качествѣ власти священной и божественнаго происхожденія, если мы ее подвергаемъ логическому анализу, все таки мы обязаны ее уважать какъ неизмѣнный законъ, какъ основаніе политической

общества. Вотъ почему нашимъ лозунгомъ всегда будетъ: „Сила при Династіи, свобода для всѣхъ.“

§ 28.

И такъ мы бы желали, чтобы національная Династія, по отношенію къ своимъ подданнымъ, низошла до той политики благодѣяній, до той дѣятельности честной и такъ сказать семейной, при которой, вмѣсто спора о системахъ сомнительныхъ или невозможныхъ, можно прійти къ соглашенію относительно интерессовъ дѣйствительныхъ, при которой благодарность предшествуетъ благодѣяніямъ, при которой никто не споритъ, всѣ согласны, потому что цѣль составляетъ достиженіе общественнаго блага, а польза очевидна.

Мы бы желали, чтобы такому соглашенію содѣйствовали всѣ честные люди, которые дѣла общаго всѣмъ не превратили бы въ дѣло ихъ личнаго интерисса.

Мы желали бы видѣть предусмотрительность въ основаніи, твердость въ дѣйствіи и мудрость на вершинѣ власти.

Мы желали бы видѣть политику безмятежную какъ философія, ревностную какъ религія, терпѣливую какъ увѣренность, политику выше узкаго и завистливаго интересса кастъ, всецѣло обрѣкшую себя благу государства, которая не даетъ себя разстроить ни медлительностью хода, нн ошибками, свойственными человѣчеству, потому что увѣрена въ достиженіи задуманнаго, и хорошо знаетъ свою цѣль и свои средства. Мы даже не допускаемъ мысли, чтобы такая политика была невозможна.

Но мы знаемъ, что всякая перемѣна сопряжена съ замѣшательствомъ, и что государственные люди обязаны вводить эти перемѣны постепенно, такъ, чтобы великое дѣло было мирнымъ и предохранительнымъ преобразо-

7

ванiемъ, а не внезапнымъ и шумнымъ переворотомъ.
Правительства на то и поставлены во главѣ народовъ,
чтобы направлять преобразованiя именно такимъ спосо-
бомъ; поэтому они и отвѣтственны не только за то, что
дѣлаютъ, но и за то, какъ дѣлаютъ.

§ 29.

По несчастью, во время общественныхъ кризисовъ,
государства погибаютъ не отъ чего инаго, какъ отъ не-
постоянства намѣренiй и несвязности средствъ. Сперва
правительства бываютъ неправы и знаютъ это сами; это
главное. Познакомившись съ либеральными мнѣнiями,
рѣшаются, ради умиротворенiя умовъ, допустить хоть
надежду на желанныя перемѣны. Такое ложное на-
правленiе кажется безвреднымъ и болѣе всего покой-
нымъ, ибо такимъ образомъ можно показать себя въ
лучшемъ свѣтѣ. Но возбужденное ложное ожиданiе, ко-
гда оно не оправдается, возбуждаетъ негодованiе и уни-
чтожаетъ довѣрiе. Вслѣдствiе этого, послѣ нѣкотораго
времени, правительства возвращаются къ прежнему ис-
ходному пункту, и находятся еще въ худшемъ состоянiи,
нежели прежде, ибо обманули всѣхъ: новыхъ друзей,
потому что тѣ до конца вѣрили въ рацiональный про-
срессъ, и старыхъ, которыми пришлось пожертвовать
съ самаго начала. Впрочемъ, это — старая тактика всѣхъ
реакцiонеровъ: обвинять всякую свободную рѣчь въ
томъ, что она спускаетъ съ цѣпи бури, всякiй порывъ
къ прогрессу — въ томъ, что онъ ведетъ къ катастрофамъ;
и всего болѣе, возбуждать страхъ и ненависть къ лю-
дямъ великодушнымъ, не желающимъ окаменѣть среди
мелкихъ интерессовъ и низкихъ интригъ, въ которыхъ
коснѣетъ политика людей прошедшаго. Эта тактика,
пущенная въ дѣло искуссно и предательски, употребля-
ется и въ наше время. Неопредѣленныхъ обвиненiй

злобныхъ намековъ, коварныхъ доносовъ и теперь вдоволь въ той части русской печати, которую по справедливости слѣдуетъ назвать продажной.

Но всякое правительство, въ отоношеніи своего народа, имѣетъ опредѣленныя обязанности, и пріобрѣтаетъ качество законности лишь своими дѣлами. Почему же настоящій режимъ отваженъ и силенъ только для репрессіи, а всегда боязливъ и мелоченъ въ жизни дѣятельной, и не смѣетъ взять на себя смѣлаго почина ни въ одномъ вопросѣ, достойномъ нашей эпохи или генія? Зловѣщія катастрофы посылаютъ ему предостереженія, онъ желалъ бы ихъ устранить силой, но не исправляя ничего, онъ дозволяетъ накопляться въ обществѣ массѣ пороковъ, испорченности и безпрестанныхъ нападеній, все болѣе и болѣе усиленныхъ, которые наконецъ ввергнутъ его и цѣлое общество въ одинаковую погибель.

Все, что вы намъ предлагаете, скажутъ, не помѣшаетъ совершенію преступленія. Да кто же, кромѣ Бога, можетъ предотвратить убійство? Нѣтъ конечно, и быть не можетъ такаго закона, который помѣшалъ бы какому нибудь злодѣю умышлять преступленіе, печати — быть лишенной достоинства, партіямъ алчнымъ или ожесточеннымъ — существовать и терзать себя взаимно на груди отечества. Этой цѣли можно достигнуть единственно только дѣйствуя на общественные нравы и на общественное мнѣніе, и одна лишь свобода сообщитъ обществу толчекъ и надлежащее направленіе.

Въ глубинѣ вашей совѣсти вы принуждены, господа, согласиться съ безусловными истинами, которыя мы здѣсь изложили. Слава Богу, намъ уже не надо изобрѣтать великихъ принциповъ, необходимыхъ для управленія великой націей; для насъ достаточно политическаго опыта нашихъ сосѣдей. Но повременимъ, скажете вы. Пагубное заблужденіе! Не надѣйтесь еще на долго за-

держать ходъ дѣла пустымъ подобіемъ политическо благонамѣренности, которое служитъ только прикрытіем вашего эгоизма и вашего равнодушія. Напрасныя уси лія! Вы выгадаете не больше нѣсколькихъ годовъ, и эт несчастные годы погубятъ васъ на всегда. Нѣтъ, пу бличный духъ не даетъ вамъ отсрочки, судьба откажет вамъ въ прежнемъ снисхожденіи, время потребуетъ рѣ шенія, и оно его получитъ, даже противъ вашей вол

Вѣроятно многіе зададутъ себѣ вопросъ: кто я та кой, что осмѣливаюсь говорить?

Я полякъ, русскій подданный, лойяльный и убѣж денный.

Кто могъ намъ внушить смѣлость, подвергать пу блично критикѣ установленный режимъ, власть вѣкову и неограниченную?

Кто намъ внушаетъ эту смѣлость? Намъ ее вну шила вѣра въ успѣхъ, увѣренность въ томъ, что мы работаемъ въ смыслѣ и по направленію историческо судьбы.

Кто я?

Я всеь міръ и я правъ.

И такъ: мы та всегда уважаемая партія владѣль цевъ земли, извѣстныхъ по происхожденію, или по за слугамъ, партія монархическая, какъ наша старая почв которую мы столько разъ обогряли нашею кровью, па тія, желающая сегодня заставить забыть злоупотреблен и притѣсненія, въ которыхъ когда то она была виновн которая бы желала соединить права традиціи съ оба ніемъ свободы, которая, чтобы не поступить на обум желала бы соединить будущее съ прошедшимъ, зна что во мнѣніи людей освященіе всему сообщаетъ лиш время.

Мы тоже та другая партія мыслителей, людей науки, старыхъ поборниковъ, молодыхъ, смѣлыхъ борцовъ интеллигенцій, самыхъ логичныхъ въ разсужденіяхъ, самыхъ неустрашимыхъ въ убѣжденіяхъ, сыновей по духу или чувству великихъ и популярныхъ мучениковъ свободы; партія людей, мыслью опережающая всегда медленный и нерѣшительный шагъ народовъ.

Наконецъ, мы та третья партія, на которой правительство полагаетъ основаться.

Мы составляемъ въ странѣ тотъ классъ посредствующій, многочисленный, трудолюбивый или зажиточный, который будетъ дѣлать оппозицію, самъ того не зная, который станетъ бороться, вовсе борьбы не желая, ибо онъ не можетъ уважать власти, которой, не смотря на свое желаніе, оправдать не въ силахъ.

И такъ я никто, потому что я весь русскій міръ. „Ego legio sum.“

Пусть мои слова громко свидѣтельствуютъ о потребности примиренія и готовности къ содѣйствію правительству, которыя еще одушевляютъ интеллигенцію страны. Но мы не можемъ быть болѣе министерскою рухлядью духа реакціи, ибо мы сами были бы осуждены на безсиліе и бездѣйствіе. Вотъ почему какой бы ни былъ исходъ настоящаго соціальнаго кризиса, мы всегда будемъ ставить себѣ въ честь, что мы были въ числѣ людей, подавшихъ готовой погибнуть коронѣ спасительное и позднее предостереженіе, и которые, во время роковаго столкновенія преимуществъ съ правами, имѣли довольно гражданскаго мужества, чтобы объяснить правительству его опасное положеніе, а націю предостеречь отъ страстныхъ увлеченій.

Глава III. Высшая государственная администрація.

Въ Россіи теперь столько говорится о конституціи, что кажется пришло уже время опредѣлить точно: дѣйствительно-ли она такъ безотлагательно необходима, какъ утверждаютъ. Мы попытаемся сдѣлать это; но прежде желаемъ представить публичному вниманію нѣкоторыя замѣчанія относительно происхожденія власти, которую духъ времени старается ограничить.

Общепринято настоящій режимъ представлять какъ образъ правленія самый доброжелательный и самый отеческій, какъ только быть можетъ. Соглашаясь съ такимъ опредѣленіемъ безусловно, постараемся сдѣлать изъ него естественные выводы и указать на ихъ послѣдствія.

И такъ почитается неоспоримымъ, что начало всякаго общества составляетъ семья, какъ начало всякой власти въ обществѣ составляетъ власть отца семейства. Изъ этого безусловнаго принципа, должны бы истекать всѣ послѣдующія опредѣленія и оцѣнка фактовъ общественной жизни; тотъ же принципъ долженъ бы примѣняться и на практикѣ.

Отецъ семейства, по отношенію къ своимъ дѣтямъ, имѣетъ извѣстныя права и обязанности; онъ пользуется своими правами и исполняетъ обязанности единолично.

Общество имѣетъ тоже извѣстныя права и соотвѣтствующія имъ обязанности, но, какъ лицо собирательное, не можетъ пользоваться своими правами единолично, и потому на такое пользованіе дало полномочіе государю; это полномочіе носитъ названіе „власти.“

Отсюда видно ясно, что какъ всѣ дѣйствія отца семейства должны всегда клониться ко благу его дѣтей, точно также цѣлью всякаго правительства никакъ не можетъ быть эксплоатація всего общества въ пользу произвола однаго лица; но скорѣе цѣль эту должна составлять польза самаго общества. Изъ этого принципа отеческой власти слѣдуетъ, что какъ въ семействѣ отецъ имѣетъ право наказывать своихъ дѣтей, точно также государь, которому общество предоставило часть своей исполнительной власти, для пользы общества и для удержанія въ немъ порядка, имѣетъ право употреблять строгія мѣры. Поэтому предполагается, что въ этомъ отношеніи онъ естественно беретъ на себя извѣстную долю отвѣтственности, и что отъ него когда нибудь потребуютъ отчета.

И какъ отецъ дѣтей совершеннолѣтнихъ, въ дѣлахъ общаго интересса цѣлой семьи, не долженъ дѣйствовать не спросившись совѣта у ихъ созрѣвшаго разсудка, точно также и государь не можетъ удержать вѣчно своей совершеннолѣтней націи въ границахъ тягостнаго и утомительнаго повиновенія. На это онъ не имѣетъ ни права, ни достаточно силы.

Эта теорія отцовства не нова: всѣ государи къ ней обращались во времена бѣдствій, и когда необходимо было вызвать преданность народа. Девизъ „Божіею милостью“ ей не противорѣчитъ, и употребленіе лестнаго названія „отецъ отечества“ ее подтверждаетъ. И такъ, если государя признать за уважаемаго отца, а на-

цію за его возлюбленныхъ дѣтей, то необходимо принять и всѣ отсюда проистекающія послѣдствія.

И прежде всего, по истинѣ, удивительно слышать мнѣніе, что законы нравственности и логики, примѣняемые въ дѣлахъ каждаго частнаго человѣка въ особенности, не могутъ быть постоянно примѣняемы въ дѣлахъ человѣческихъ вообще, въ дѣлахъ какого нибудь человѣческаго общества, въ общественной жизни цѣлаго человѣчества; такое мнѣніе лишено логическаго смысла. Соберите въ одно людей, вы получите общество; разъедините цѣлую націю, вы получите отдѣльнаго гражданина. Всякая причина, раньше или позже, производитъ соотвѣтствующія послѣдствія. Если видѣть и замѣчать это бываетъ трудно, то это потому, что послѣдствія, идущія непремѣнно за причиною, приходятъ иногда не скоро, а жизнь человѣческая кратковременна. Если бы жизнь государей считалась не годами, а столѣтіями, они непремѣнно обращали бы больше вниманія на историческія причины, ихъ послѣдствія и роковую неизбѣжность этихъ послѣдствій, неизбѣжность, которую одинъ великій мыслитель назвалъ: „der Fluch der bösen That,“ проклятіемъ злодѣяній.“ Но если жизнь самыхъ государей непродолжительна, за то у всякаго изъ нихъ есть Династія, и часто, то, чего государь не сдѣлалъ бы для себя лично, онъ долженъ бы исполнить ради своихъ наслѣдниковъ. Это именно и составляетъ принципъ „законной преемственности престола“ (légitimité!), который, въ сущности, есть не что иное, какъ непрерывный рядъ правъ и обязанностей въ вѣковой жизни Государей и народовъ. Вотъ почему эгоистическое и вздорное изрѣченіе Людовика XV „aprés moi le déluge“ именно заключаетъ въ себѣ отрицаніе этого принципа. А какъ государи вмѣстѣ съ престоломъ наслѣдуютъ и отвѣтственность за ошибки своихъ родителей, то естественно,

что всякому изъ нихъ, для охраненія прежнихъ правъ, предстоитъ исполнить новыя обязанности, изъ этого слѣдуетъ, что если монархическій принципъ долженъ существовать въ теченіе столѣтій непоколебимо, то практическое примѣненіе его правилъ должно измѣняться сообразно времени.

По нашему мнѣнію, логическая оцѣнка происшествій приводитъ къ убѣжденію, что сказанное выше всецѣло относится къ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы сплотить въ одно различныя, враждебныя другъ другу народности, необходимо была сила и то единство власти, которое можетъ дать централизація; что же нужно для того, чтобы различныя народности удержать въ тѣсномъ соединеніи и создать между ними гармоническое сродство интерессовъ? Этого достигнуть можно очевидно лишь основаніемъ общественнаго порядка на началахъ нравственности и на справедливой оцѣнкѣ обязанностей, правъ и потребностей, вызванныхъ къ существованію временемъ.

Вотъ тѣ совѣты, которые всякій образованный человѣкъ и преданный слуга, долженъ бы давать національной Династіи. Ни одинъ царедворецъ, совѣтуя пышную и неосмотрительную гордость, подстрекая государя къ безбожной борьбѣ между величіемъ власти и правами народа, не въ силахъ обеспечить существованіе режима, который сама судьба, благодаря неопытности Государей и ихъ совѣтниковъ, давно обрекла на погибель.

Поэтому мы осмѣливаемся утверждать, что для спасенія страны отъ неминуемаго разрушенія, намъ необходимы свободныя учрежденія; даровать эти учрежденія странѣ, составляетъ историческую обязанность царствующей Династіи. Одна только свобода можетъ успѣшно контролировать факты и дѣйствія издавна при-

выкшей къ произволу, часто неумѣлой или нечестной администраціи; одна лишь гласность можетъ возвратить государственному кредиту его силу и его права; только народное представительство можетъ обеспечить будущность общества, внося свѣтъ въ дѣйствія администраціи и уничтожить въ ней всякое поползновеніе къ злоупотребленіямъ. Но для того, чтобы преобразовать режимъ устарѣлый и обветшалый, необходимы новые люди, ибо было бы слишкомъ рискованно такое преобразованіе возлагать на личности, болѣе всего заинтересованныя въ продолженіи существованія старыхъ злоупотребленій. Но такъ какъ пришлось бы все таки оставить большую ихъ часть на мѣстахъ для пользы дѣлопроизводства, то само по себѣ разумѣется, что единственно дѣйствительный контроль надъ администраціей необходимо поручить народному представительству, то есть лойяльной критикѣ общественнаго мнѣнія, которое одно въ состояніи заблаговременно раскрыть вредныя стремленія или пагубныя заблужденія.

Мы полагаемъ, что обеспеченіе точнаго исполненія законовъ составляетъ самый настоятельный интересъ короны; ибо, если воля Государя составляетъ законъ, и если воля эта искажается административнымъ произволомъ, то спрашивается: при комъ же настоящая власть? Государь, царствующій въ обширномъ государствѣ, по самой обширности своихъ владѣній, не можетъ съ успѣхомъ завѣдывать всѣмъ и всѣми, и верховная власть по необходимости передаетъ часть своихъ правъ и своей неотвѣтственности другимъ лицамъ, которыя, часто не совсѣмъ достойныя такого довѣрія, пользуются имъ хорошо или дурно, смотря потому, способны-ли они или неумѣлы. Но безотвѣтственность самодержавнаго государя только фиктовна; ибо въ случаѣ если дѣла пойдутъ не хорошо, вину въ этомъ и даже преступленія дру-

ихъ приписываютъ ему, хотя въ дѣйствительности, отвѣтственность за это должна бы падать не на главу государства, а на вредныя учрежденія. То есть выгодами неограниченной власти, въ дѣйствительности, пользуются лишь своекорыстные, окружающіе престолъ служители. Они всегда съумѣютъ доказать возможность удачи всякаго мѣропріятія, и устранить такимъ образомъ, хотя бы на самое короткое время, всякій контроль гласности. Но Династія всегда должна стоять на высотѣ своей исторической судьбы; если обычаи измѣняются, то законодательство должно принимать это въ соображеніе, для того именно, чтобы незыблемый принципъ монархической власти оставался всегда неприкосновеннымъ. Вотъ почему, когда историческая судьба вызываетъ необходимыя послѣдствія накопившихся фактовъ, лучше овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, предпринимая во время и вполнѣ добровольно единственные способы спасенія, нежели подвергаться опасностямъ борьбы, долженствующей необходимо кончиться отступленіемъ или бѣдствіемъ. Рано или поздно, можетъ быть очень скоро, вещи дойдутъ до крайняго предѣла; поэтому лучше предупредить катастрофу, чѣмъ переносить затѣмъ ея пагубныя послѣдствія.

§ 1.

Общественная жизнь, равно какъ и жизнь органическая, разсматриваемыя въ ихъ совокупности и въ ихъ подробностяхъ, представляютъ какъ взаимное содѣйствіе частей жизненнаго организма, такъ и ихъ борьбу. Органы всѣ согласно защищаютъ цѣлый организмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ преслѣдуетъ и свою отдѣльную цѣль, такъ какъ онъ соперничаетъ съ другими ири распредѣленіи крови. Точно такъ и въ жизни общественной существуетъ естественный антагонизмъ и

содѣйствіе между членами общественнаго организма, и посредствомъ этаго именно взаимнаго между ними соот- ношенія вырабатывается и безпрестанно возобновляется равновѣсіе между потребностями и соотвѣтствующими имъ силами. Поэтому жизнь народовъ представляетъ постоянное соревнованіе и взаимное содѣйствіе общест- венныхъ сословій, которыя, какъ предназначенныя про- являть совмѣстно всякое свою отдѣльную дѣятельность и согласовать ее съ дѣятельностью другихъ сословій, находятся во взаимной другъ отъ друга зависимости. Такое состояніе естественно, если распредѣленіе правъ соотвѣтствуетъ исчисленію силъ. Но если, вслѣдствіе господствующей политической системы, одно какое либо сословіе пользуется властью и благо другихъ сословій приноситъ въ жертву своему интерессу, то такой порядокъ вещей всегда въ концѣ вызываетъ бѣшенный взрывъ народнаго негодованія. Подъ вліяніемъ опасенія угро- жающихъ странѣ бѣдствій, въ умахъ возстаютъ при- зраки анархіи. Тогда сила оппозиціи заключается не въ томъ, чего она требуетъ, но скорѣе въ справедливости ея жалобъ, и производимое ею въ обществѣ замѣша- тельство доказываетъ, повидимому, что всѣ, какъ бы по общему согласію, ожидаютъ чего то неизвѣстнаго. Когда же законодательство, вмѣсто справедливости, основы- вается на эгоизмѣ, тогда объ общественной правдѣ при- говоръ произноситъ не отношеніе другъ къ другу за- конныхъ интерессовъ, но перевѣсъ силы. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка всегда окончательно бу- детъ презрѣніе права и традиціи, а рѣшительнымъ средст- вомъ -- ужасъ, внушаемый грубою силой. Мы не видимъ причины, по которой низшія сословія въ обществѣ должно почитать въ сущности стоющими менѣе, нежели высшія; но мы также не замѣчаемъ, чтобы они стоили больше. Такимъ образомъ если окажется, что высшія

держащія власть сословія, забывая справедливость, ищутъ только собственной выгоды, то народныя массы, вразумленныя политическимъ опытомъ, потерявъ къ намъ всякое довѣріе, будутъ вынуждены искать спасенія въ преобразованіи общества на противоположныхъ началахъ. Отсюда возникнетъ безпощадная борьба между обиженными интерессами и алчными вожделѣніями. Обойденные въ прошедшемъ, при дѣлежѣ общественнаго пирога, захотятъ однако получить свою долю въ новомъ пиру будущаго, и какъ не будетъ довольно мѣста для всѣхъ, то наконецъ споръ о добычѣ рѣшитъ многочисленность толпы.

§ 2.

По несчастью, въ Россіи не хотятъ понять, что одни и тѣ же принципы могутъ быть вмѣстѣ и дружно защищаемы какъ разумомъ, такъ и традиціей. Казалось бы, что гдѣ есть одна, тамъ нѣтъ мѣста другому, то есть, что какъ будто противъ исторической традиціи образуется философическое предубѣжденіе; это происходитъ отъ того, что традиціонная власть намѣренно игнорируетъ разумныя основанія общества. Всѣ безъ исключенія согласны въ томъ, что во время основанія государственнаго единства, историческія причины, породившія это единство, настоятельно требовали также и безусловнаго единства власти, ибо политическая необходимость тогда стояла выше общественнаго права. Но съ тѣхъ поръ національное тѣло окрѣпло, и, какъ уже политическія причины, вызвавшія самодержавіе, исчезли, то естественно заключить, что нынѣ злоупотребленіе пережило общественную необходимость. Такія впрочемъ всегда бываютъ послѣдствія продолжительныхъ непріязненныхъ отношеній; чѣмъ больше продолжается война, тѣмъ больше сражающіеся ожесточаются, всякій хочетъ за-

владѣть всѣмъ, довести противника до крайности, вы-
тѣснить его изъ всѣхъ позицій. Но такъ можно идти
скоро, а зайти далеко; требуя для себя права на прои-
волъ, можно общественныя обязанности сдѣлать притѣ-
нительными; точно также какъ уничтожая обаяніе тра-
диціонныхъ правъ, можно сдѣлать невозможнымъ испол-
неніе обязанностей гражданина. Вскорѣ добродѣтель
сдѣлается лишь дальновиднымъ эгоизмомъ, а преданность
превратится въ вѣрное пониманіе собственнаго инте-
ресса. А какъ скоро за единственное правило жизни
почитается погоня за счастьемъ, всякій желаетъ быть
немедленно счастливымъ на свой ладъ; толпа разну-
данныхъ вожделѣній стремится впередъ тѣмъ настойчи-
вѣе, что ей доказано, что всякая общественная преград
вредна, и что ее придумали хитрые и зловредные па-
тухи, чтобы удобнѣе доить и стричь стадо.

§ 3.

И такъ, недовольно подбирать въ одинъ рядъ общи
принципы, а жизнь народовъ не слагается единственн
на основаніи отвлеченныхъ теорій или по геометричес
доказаннымъ теоремамъ. Но съ другой стороны, почи-
тать за пагубную иллюзію всякое требованіе естествен-
ныхъ правъ и всякое стремленіе къ свободной дѣятель-
ности, заявляемое народомъ возмужалымъ, также неспра-
ведливо, какъ и отвергать всѣ безъ исключенія старин-
ные обычаи.

Если бы позволительно было сравнивать между со-
бою идеальныя противоположности, мы бы сказали, что
съ хорошимъ деспотомъ, отцомъ отечества, деспотизм
былъ бы режимомъ самымъ совершеннымъ, и если б
мы обладали безусловной истиной, всякое политическ
разногласіе составляло бы большое зло. То есть: есл
бы идеальный образъ правленія былъ возможенъ, т

такимъ идеаломъ былъ бы отеческій и основанный на научныхъ началахъ деспотизмъ. Но человѣкъ не Богъ! Еще бы впрочемъ, подходящее совершенство пожалуй отыскать можно; но чтобы человѣку этому, въ наше все критикующее время, человѣческій родъ повѣрилъ на слово, въ этомъ мы сильно сомнѣваемся; это было бы отчаяннымъ самоотрѣченіемъ человѣческаго разума, возвращающаго Богу дарованную ему свободу воли и бросающагося въ абсурдъ, для того чтобы вымолить себѣ правительство, которое пошлетъ ему случай.

Если теперь станемъ разсматривать другую противоположную крайность принципа, то допуская даже безусловную правдивость идеала, увидимъ, что догматъ верховенства народа, примѣняемый толпою, въ практикѣ производилъ всегда совершеннѣйшую анархію до тѣхъ поръ, пока народные вожаки, примѣняя его въ свою очередь, не обратятъ въ соворшеннѣйшій деспотизмъ. Такъ бываетъ потому, что прежде нежели достигнетъ совершенства, неопытное общество принуждено бываетъ переносить рѣшительныя испытанія; ибо въ демократической теоріи есть двѣ стороны, и, между тѣмъ какъ одна изъ нихъ ведетъ къ постоянному разрушенію правительства, другая примыкаетъ къ неограниченной диктатурѣ государства.

И такъ очевидно, что двѣ крайности разсматриваемаго принципа составляютъ ложный кругъ; выйти изъ него возможно лишь установивъ правленіе всѣхъ и для всѣхъ, сообразно способностямъ, правамъ, обязанностямъ и потребностямъ каждаго. Вотъ почему теперь общепризнано, что правительства не обладаютъ внутреннимъ, по природѣ имъ присущимъ авторитетомъ, и если они гордятся тѣмъ, что пріобрѣли этотъ авторитетъ когда то въ силу договора, то надо замѣтить, что теперь онъ имъ принадлежитъ лишь въ качествѣ завѣдывающихъ

нравственными принципами, проистекающими изъ осно-
ныхъ условій общественной жизни.

§ 4.

Поэтому, въ цивилизованномъ обществѣ, воля одно[го]
лишь государя никогда не можетъ быть произвольно [и]
безусловно признана какъ законъ рѣшительный. Тако[е]
отношеніе власти къ гражданамъ вызвало бы на че[лѣ]
послѣднихъ краску стыда, ибо оно повидимому оправды-
вало бы безусловно не только произволъ одного предна-
значеннаго судьбою лица, но и своеволіе его прибли-
женныхъ. Такое послѣдствіе неограниченнаго режима
именно составляетъ причину, почему онъ вездѣ находитъ
столько служителей скорѣе своекорыстныхъ, чѣмъ пре-
данныхъ. Другое дѣло авторитетъ главы государства,
рѣшенія котораго всегда, и не смотря ни на что, бу-
дутъ пользоваться въ дѣлахъ управленія рѣшительнымъ
перевѣсомъ. Попытки ограниченія правъ государя про-
исходятъ не единственно изъ опасенія грубыхъ злоупо-
требленій, ибо въ наше время всякая, даже самая про-
извольная власть, принуждена всегда сохранять нѣкото-
рую умѣренность, и въ собственномъ интерессѣ ста-
раться доказать, что въ области жизни общественной
справедливость всегда на ея сторонѣ. Напротивъ того,
это естественное стремленіе происходитъ прежде всего
изъ всеобщей увѣренности, что основательно узнать на-
родныя потребности возможно лишь при содѣйствіи об-
щественнаго мнѣнія. И такъ какъ эта непоколебимая
увѣренность уже глубоко вкоренилась во всѣ умы, равно
какъ и тотъ принципъ, что „Государство не составляетъ
вотчины Государей,“ то очень естественно народы тре-
буютъ управленія, сообразнаго съ ихъ видами, и жела-
ютъ получить по крайней мѣрѣ право предлагать внима-

нію власти совѣты и объясненія, а прежде всего право контроля надъ правительственнымъ персоналомъ.

Все это къ личности самаго Государя не относится нисколько, и онъ тутъ ни при чемъ, потому что вслѣдствіе монархическаго принципа, онъ выше всякаго подозрѣнія и всякой критики; кромѣ того, предполагается, что Государь, какъ первый изъ гражданъ и представитель династической преемственности, болѣе всѣхъ заинтересованъ въ охраненіи пользъ государства. Но относительно служителей власти, дѣло иное; у нихъ совсѣмъ другіе интерессы, часто личные и всегда исключительные. Поэтому оппозиція учрежденной власти, монархическому принципу не опасна, такъ какъ самый этотъ принципъ не отрицается; она направлена собственно не противъ этого принципа, а имѣетъ въ виду только обуздать своеволіе служителей власти, которые стараются, и всегда будутъ стараться, найти себѣ покойный пріютъ подъ покровомъ выгоднаго произвола самаго государя.

Какъ въ настоящее время многочисленныя усложненія общественной жизни вынуждаютъ государство, для примѣненія правительственныхъ принциповъ, употреблять неопредѣленное число второстепенныхъ представителей власти, то естественно въ слѣдствіе этой государственной необходимости образуется спеціальная каста усердныхъ служителей, которые заботятся лишь о томъ, чтобы изъ власти, ввѣренной имъ временно и для опредѣленной цѣли, извлечь всевозможныя для себя выгоды. Если правительство неотвѣтственно, то и они желаютъ тоже обладать сами такоюжъ непогрѣшимостью. И потому чѣмъ больше, въ слѣдствіе современной цивилизаціи, государство централизуется, тѣмъ больше, по самой силѣ вещей, должна пріобрѣтать значенія бюрократія, которая по своей природѣ стремится сдѣлаться един-

ственной посредницей между государемъ и народомъ, подобно охотничей собакѣ, которая стремится тоже быть необходимой посредницей между охотникомъ и дичью. Мы полагаемъ, что такое ненормальное положеніе не можетъ продолжаться; противъ него уже образуется національная реакція, требующая гласности, способной успѣшно контролировать дѣятельность агентовъ власти.

Государь всегда тутъ ни при чемъ; ибо предполагается, что онъ, какъ болѣе всѣхъ заинтересованный въ сохраненіи общественнаго порядка, всегда желаетъ блага, и если можетъ ошибаться какъ гражданинъ, то не можетъ подвергаться подозрѣнію какъ человѣкъ, ибо онъ выше всякаго мелкаго интересса.

Государь тутъ всегда ни при чемъ; ибо хотя за нимъ не признается качества свойственной одному лишь Богу непогрѣшимости, котораго и онъ самъ не хотѣлъ бы себѣ приписывать, хотя оппозиція старается до извѣстной степени власть его ограничить, но собственно она имѣетъ въ виду лишь обуздать произволъ его служителей, и не дозволить имъ совершать злоупотребленія, которыхъ не потерпѣлъ бы онъ самъ, если бы они ему были извѣстны.

Государь тутъ ни при чемъ и потому, что вслѣдствіе монархическаго принципа онъ составляетъ высшій политическій идеалъ, къ которому направлена преданность всѣхъ гражданъ, и потому, что даже если бы вся нація участвовала въ правленіи, голосъ его одного, какъ главы государства, всегда равенъ голосу всѣхъ.

Государь тутъ всегда ни при чемъ; вотъ почему мы осмѣливаемся говорить свободно, ибо осуждая недостатки настоящаго режима, мы въ тоже время горячо желаемъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, служить Династіи и государству. По несчастью, приверженцы бюрократіи непремѣнно будутъ утверждать противное, и, смѣшивая

недобросовѣстно свою алчность съ интерессами короны, они будутъ стараться ввести Государя въ заблужденіе относительно лойяльности намѣреній народнаго движенія, точно также какъ дерзко проповѣдуя необходимость обветшалыхъ учрежденій, они принудятъ націю сомнѣваться, если не въ намѣреніяхъ, то въ предусмотрительности власти, и заставятъ ее предполагать, что власть желаетъ лучше все потерять, чѣмъ сдѣлать уступку общественной пользѣ.

§ 5.

Сравнимъ сущность принципа съ его преувеличеніемъ.

Россія — монархія неограниченная, то есть ея правительство неотвѣтственно въ томъ смыслѣ, что корона отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ обязана единому лишь Богу, или скорѣе, что ея подданные, въ случаѣ бѣдствія, обязаны страдать, но жаловаться не вправѣ.

Правительство въ Россіи самодержавное, то есть личное. Такое качество власти предполагаетъ безусловную необходимость постоянной удачи, ибо въ случаѣ несчастнаго оборота дѣлъ, такъ какъ нація была не въ правѣ предлагать совѣты, она естественно должна будетъ возлагать отвѣтственность на личное рѣшеніе, вызвавшее бѣдствіе.

Россія — государство монархическое, управляемое на основаніи законовъ, изданныхъ и обнародованныхъ извѣстнымъ, въ самомъ законѣ установленнымъ порядкомъ; такимъ образомъ, правительство можетъ дѣйствовать лишь посредствомъ ясно опредѣленной гласности. Но какъ въ тоже время источникъ всякаго закона заключается въ волѣ единаго Государя, неподверженной никакому признанному закономъ контролю, и какъ даже словесное изъявленіе личной воли Государя дѣлаетъ закон-

нымъ всякое дѣйствіе, какъ бы незаконнымъ оно ни казалось, то очевидно, что если образъ правленія въ Россіи не похожъ на древній деспотизмъ по своему образу дѣйствія, то онъ мало отъ него различается по своимъ основнымъ принципамъ. Вслѣдствіе этого, въ виду явной неумѣлости администраціи, которая неизбѣжно должна привести къ бѣдствію, нація, лишенная законной возможности протестовать, вынуждена прибѣгнуть къ крайнему и рѣшительному средству, къ „ultima ratio“ отчаянія . . . . . . къ убійству.

Власть въ Россіи основана на офиціяльномъ культѣ; между властью и культомъ существуетъ вѣковый союзъ, обеспеченный тождественностью интерессовъ и полный взаимной вѣжливости и угодливости. Но какъ оба они всегда будутъ взаимно другъ друга поддерживать, и какъ государство все таки должно быть преобразовано на основаніи великаго принципа, что эксплоатація обществомъ эгоистическимъ и алчнымъ человѣческой личности должна прекратиться разъ на всегда, то необходимо за разъ ниспровергнуть и фанатическую церковь, и политическое государство; оба они равно неспособны дать націи счастье, основанное на всеобщей свободѣ, равенствѣ и братствѣ.

Не знаю, что будетъ дальше, но вижу, что бѣшеные агитаторы, говорящіе это, въ логическомъ смыслѣ не совсѣмъ неправы.

Вотъ почему я нарочно сопоставилъ ихъ заблужденія съ ихъ ложными выводами изъ принципа, чтобы доказать, до чего можетъ довести логическое преувеличеніе всякаго признаннаго безусловнымъ начала.

Да, доведеніе до крайности всякаго принципа, будетъ ли это принципъ революціи или принципъ реакціи, все равно окончательно приводитъ къ общественному отчаянію!

§ 6.

Поэтому, какъ безусловный идеалъ всякаго политическаго принципа есть не что иное, какъ чрезмѣрное его преувеличеніе, то очевидно всякій благоразумный политическій дѣятель долженъ избѣгать такой логической крайности, ибо въ наше невѣрующее время никто не въ состояніи поддержать правительственнаго строя, основаннаго на началахъ, примѣненіе которыхъ не можетъ вынести основательной критики. Такимъ образомъ, если мы не признаемъ непогрѣшимости папы, не смотря на предположеніе о ея божественномъ происхожденіи, тѣмъ больше мы позволяемъ себѣ сомнѣваться во всевѣденіи самодержавной власти, которое по своему существу не можетъ простираться дальше границъ общечеловѣческихъ способностей, хотя бы даже и самыхъ необыкновенныхъ. Это всевѣденіе очевидно предполагается въ основномъ принципѣ нашего политическаго устройства, которое тѣмъ менѣе внушаетъ къ себѣ довѣріе, что повидимому принимаетъ образъ какого то религіознаго культа. Это политическое идолопоклонство естественно побуждаетъ всякую интеллигенцію къ отрицанію самаго принципа власти, принципа, который въ концѣ концовъ кажется лишь ошибочнымъ поклоненіемъ ложнымъ богамъ, тѣмъ болѣе государству вреднымъ, что въ дѣлѣ общежитія, общая довѣренность должна бы быть основана не на слѣпой вѣрѣ, но на фактическомъ убѣжденіи въ полезности послѣдствій правительственныхъ мѣропріятій. Однакожъ, если народъ, не смотря на всю лойяльную преданность своему Государю, все таки желаетъ подавать свои совѣты и объяснять свои нужды, то этого никакъ нельзя почитать слѣдствіемъ его недовѣрія къ добрымъ намѣреніямъ самаго правительства, но скорѣе приписать надо неизмѣнному убѣжденію, что одинъ человѣкъ, если онъ даже государь великой страны, самъ одинъ совсѣмъ

справиться не въ состоянiи. Это обстоятельство, что государь, какъ человѣкъ, подверженъ и человѣческимъ слабостямъ, въ нашемъ политическомъ устройствѣ, кажется, не было предусмотрѣно.

По 53 и 54 ст. основныхъ законовъ, всякiй издаваемый въ государствѣ законъ долженъ быть утвержденъ и подписанъ лично Государемъ Императоромъ. То есть, воля Государя, правильно выраженная и узаконеннымъ порядкомъ обнародованная черезъ Сенатъ, составляетъ для нацiи законъ дѣйствительный. Но рядомъ съ этими формальными заявленiями Высочайшей воли въ законахъ упоминается еще о Высочайшихъ словесныхъ повелѣнiяхъ, которые могутъ быть объявляемы различными высокими сановниками и даже всѣми приближенными къ Государю лицами. Почему же въ 55 ст. основныхъ законовъ уже повидимому признается, что объявляемыя такимъ образомъ Высочайшiя повелѣнiя не должны заключать въ себѣ отмѣны существующихъ законовъ, то есть, что они должны лишь объяснять смыслъ этихъ законовъ, или образъ ихъ примѣненiя? Но это только ограниченiе условное и относительное, а между тѣмъ 77 ст. основныхъ законовъ, повидимому, уже предполагаетъ даже возможность злоупотребленiй, такъ какъ тамъ сказано, что въ случаѣ разногласiя объявляемаго Высочайшаго повеленiя съ формальными законами, мѣста и лица подчиненныя должны за разрѣшенiемъ своихъ сомнѣнiй обращаться сперва къ министру, а потомъ въ Сенатъ, который почитается хранителемъ всѣхъ безчисленныхъ подлинниковъ такихъ объявляемыхъ словесныхъ Высочайшихъ повеленiй. То есть, о соблюденiи законности въ государствѣ, по настоящему, должны на свой страхъ заботиться мѣста и лица подчиненныя, вѣроятнѣе всего какiе нибудь мелкiе чиновники, такъ какъ основной государственный законъ самъ сознаетъ,

что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей ошибка возможна отъ недосмотра или отъ злонамѣренности.

Но еще больше. По 54 ст. основныхъ законовъ, всякій новый законъ долженъ быть изложенъ за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ, а 94 и 95 ст. Учрежд. Госуд. Совѣта гласятъ противное; ибо тамъ говорится, что Высочайшее подписаніе необходимо лишь въ указахъ, относящихся къ небольшому количеству дѣлъ извѣстной важности. Всѣ прочія категоріи общественныхъ дѣлъ могутъ быть разрѣшены Государемъ Императоромъ словесно, по представленію предсѣдателя государственнаго совѣта, и такимъ образомъ, подъ спеціальнымъ названіемъ „Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта,“ пріобрѣтаютъ легальное значеніе „именныхъ словесныхъ повелѣній.“ (108, 112, 113 ст. учр. Госуд. Сов.). То есть, у насъ является еще третій родъ законовъ, которые всѣ исходятъ изъ одного и того же источника, что окончательно составляетъ: 1) Законы формальные, за Высочайшимъ подписаніемъ, обнародованные Сенатомъ; 2) Высочайшія словесныя повеленія, объявляемыя въ разныхъ случаяхъ лицами уполномоченными; 3) мнѣнія Государственнаго совѣта, или скорѣе его предсѣдателя, пріобрѣтающія силу закона единственно по словесному представленію. Если бы въ этой непроходимой путаницѣ различныхъ законовъ, всѣхъ равно обязательныхъ, часто другъ другу противорѣчащихъ, не нашлось распоряженій поддѣльныхъ, изуродованныхъ, преувеличенныхъ или тенденціозныхъ, люди не были бы людьми, а на мѣстѣ эгоистическихъ страстей, управляющихъ всѣмъ міромъ, въ Россіи очутились бы гражданскія добродѣтели, которыя своимъ очевиднымъ безкорыстіемъ обратили бы на путь истины всѣхъ непримиримыхъ хулителей. Противнаго, кажется, доказывать не надо; ибо

извѣстно по опыту, что всякій, кто можетъ пользоваться совершенно свободно, непремѣнно кончитъ тѣмъ, что станетъ злоупотреблять совершенно произвольно.

Законодательная работа въ государствѣ не должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы давать возможность нарушать законныя ея формальности или ихъ обходить. Если всѣ эти формальности, по существующимъ правиламъ, распредѣлены такимъ образомъ, чтобы облегчить главѣ государства общее ихъ направленіе и не обременять Его безполезными подробностями ежедневныхъ занятій, это очевидно потому, что занятія эти слишкомъ многочисленны, и справиться съ ними одному человѣку физически невозможно. А если такъ, для чего же законодательную специяльность предоставлять одной только личности, когда она ей не по силамъ? Почему рѣшеніе дѣлъ, затрогивающихъ интерессы всего общества, предоставлять одному негласному совѣщанію? Къ чему, наконецъ, это отвращеніе отъ гласности, которая лишь одна могла бы успѣшно уяснить всѣ вопросы? Если же это дѣлается лишь ради облегченія, кому слѣдуетъ, тяжести дѣлъ, то мы принуждены заявить, что это не больше, какъ непослѣдовательность принципамъ, ибо такимъ образомъ высокое положеніе Главы государства, которому предстоитъ рѣшать важнѣйшіе интерессы страны и который поэтому долженъ сосредоточить все свое вниманіе на созерцаніи общихъ, управляющихъ міромъ принциповъ, а не жалко чахнуть въ безплодной работѣ, подобно неутомимому землекопу, или усовершенствованной машинѣ для подписыванія бумагъ, — унижается и низводится до уровня обыкновеннаго производителя дѣлъ. Первѣйшимъ послѣдствіемъ такой прибавки труда, которую навязываютъ высокой личности, предпринимая однакожъ свои мѣры для того, чтобы ее уговорить или обольстить и подсказать ей собственное

рѣшеніе, будетъ всегда лишь допущеніе и облегченіе произвола высшей администраціи и своеволія лицъ приближенныхъ.

§ 7.

Но это еще не все. Кромѣ собственно законовъ, у насъ существуетъ еще категорія обязательныхъ распоряженій и предписаній, которыя всякій министръ въ правѣ издавать по своему личному усмотрѣнію. Необходимость общественной службы вездѣ требуетъ извѣстнаго простора дѣйствія министровъ; но во всякой свободной странѣ министръ, находясь постоянно подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, хотя поддерживаемый авторитетомъ своего званія, все таки видитъ достаточное ограниченіе возможности отступать отъ закона и дѣлать промахи въ личной своей отвѣтственности, которую долженъ охранять прежде всего. Совсѣмъ иное положеніе министра у государя самодержавнаго, который, по самой сущности автократическаго принципа, для того чтобы не возбудить въ странѣ непріятной критики, долженъ прикрывать своею неотвѣтственностью всѣ самыя вопіющія и самыя явныя злоупотребленія министерскаго произвола. Потому то наше законодательство представляетъ тотъ прискорбный видъ увертокъ, къ которымъ, желая сохранить внѣшній признакъ логичности въ опредѣленіи обширности власти министровъ, оно принуждено ради удобства практики. 97, 194 и 195 ст. учрежденія министерствъ, излагая права и обязанности министровъ, повидимому ясно опредѣляютъ обширность и степень ихъ власти; можно бы полагать, что этого довольно. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не такъ; ибо опредѣляя теоретически отвѣтственность министровъ за превышеніе власти, на практикѣ законъ допускаетъ столько изъятій изъ общихъ правилъ, что по истинѣ трудно съ точно-

стью опредѣлить границы этой власти, которой, для облегченія дѣлопроизводства, онъ предоставляетъ почти прерогативы самодержавія. Не только всякій министръ можетъ избѣгнуть отвѣтственности, объясняя свои дѣйствія предполагаемымъ словеснымъ Высочайшимъ повелѣніемъ (252 ст. учрежд. минист.), повелѣніемъ, которое быть можетъ и осталось негласнымъ, такъ какъ оно не нуждается въ скрѣпѣ министра (ст. 257), — но по силѣ 253 и 254 ст., министры имѣютъ право мотивировать свои предписанія просто крайней необходимостью или предлогомъ исполненія прежде изданнаго закона. Если теперь примемъ во вниманіе, что въ большей части случаевъ, составляющихъ превышеніе власти министра, по 211 ст. учрежд. минист., о законности его предписанія рѣшаетъ Сенатъ, не въ полномъ собраніи, но въ одномъ изъ соотвѣтствующихъ департаментовъ, которые болѣе или менѣе находятся подъ министерскимъ вліяніемъ, если еще примемъ во вниманіе, что по 12 ст. учрежд. Ком. мин., въ иныхъ случаяхъ, о министерской компетенціи можетъ рѣшать и Комитетъ министровъ, и, что министры, какъ товарищи, заинтересованные во взаимномъ поддержаніи своего авторитета, могутъ оказывать другъ другу снисхожденіе и послабленіе, — если сообразимъ все это, то мы принуждены будемъ заключить, что, при случаѣ, всякій предпріимчивый министръ, свои заблужденія или злоупотребленія можетъ удобно прикрыть или авторитетомъ Сената, или согласіемъ своихъ товарищей. Вслѣдствіе такой дѣйствительной безотвѣтственности, прикрытой лишь соблюденіемъ формальностей, допускаемой самымъ закономъ (256 ст. учрежд. мин.), въ эпоху, когда проекты слѣдуютъ одинъ за другимъ, и направленія то и дѣло измѣняются, у насъ въ Россіи появляется безпрерывно рядъ новыхъ законовъ тенденціозныхъ или часто одинъ другому противурѣчащихъ.

И такъ, различныя законодательныя распоряженія: „Высочайшіе указы,“ „объявляемыя словесныя повелѣнія,“ „мнѣнія Государственнаго Совѣта,“ „министерскіе циркуляры,“ слѣдуютъ одинъ за другимъ непрерывно. Вслѣдствіе этого, естественно, у правительственныхъ лицъ чувство законности и общаго права исчезаетъ, и замѣняется наклонностью къ мѣропріятіямъ „административнымъ“ или „временнымъ,“ издаваемымъ „въ видѣ опыта,“ ради удобства и для всякаго отдѣльнаго случая. По нашему мнѣнію, различіе между „именными Высочайшими указами,“ „объявляемыми повеленіями,“ „временными мѣрами“ и „министерскими предписаніями“ слишкомъ тонко для того, чтобы быть дѣйствительнымъ. Очевидно эта неслыханная классификація, оставляя свободное поле всякому тенденціозному толкованію, внушаетъ политику средствъ исключительныхъ и чрезвычайныхъ, предпринимаемыхъ часто не по дѣйствительной волѣ Государя, но сообразно скрытному желанію или нежеланію Его министровъ. Вслѣдствіе этого нельзя навѣрно знать, кто собственно имѣетъ право издавать законы, такъ какъ подписываетъ ихъ не одинъ Государь, ни кому принадлежитъ ихъ обнародованіе, потому что оно совершается не однимъ лишь Сенатомъ, ни на кого, по справедливости, должна падать отвѣтственность за ихъ изданіе, такъ какъ никогда не извѣстно кто ихъ предложилъ, или заставилъ принять.

Мы, такимъ образомъ, совершенно правы, полагая, что личный режимъ, который выдаетъ себя за образъ правленія самый самостоятельный и независимый, напротивъ, больше всего подверженъ разнымъ сокровеннымъ и тайнымъ вліяніямъ. То есть, что самодержавная власть, — также неповинная въ потеряхъ, которыя можетъ потерпѣть государство, какъ неотвѣтственная за неизбѣжныя злоупотребленія, — въ дѣйствительности не болѣе, какъ без-

личное и неявное правленіе многочисленной и сильн
бюрократіи.

§ 8.

И такъ, въ интерессѣ бюрократіи было устрои высшую администрацію государства такимъ образом чтобы въ случаѣ если бы какой нибудь отважный пре образователь вздумалъ своимъ энергическимъ образом дѣйствія нанести ей ударъ, то у нея стало бы времен утомить его, и обезсилить обыкновенными, ей извѣстным изворотами безконечныхъ формальностей. Доказатель ствомъ можетъ служить устройство Государственнаг совѣта и Министерствъ, которыя повидимому были учреж дены именно въ предвидѣніи случая, если бы какая ни будь новая идея пробилась сквозь тёмный занавѣсъ бю рократизма, чтобы ее можно было похоронить въ испы танной рутинѣ нескончаемыхъ инстанцій. У насъ въ Россіи нѣтъ однороднаго министерства, ни совѣта мини стровъ, и это обстоятельство будетъ всегда составлят самое главное препятствіе всякому коренному преобра зованію, такъ какъ оно дѣлаетъ невозможнымъ всяко взаимное соглашеніе министровъ для общаго дѣйствія Въ замѣнъ этого у насъ есть Государственный совѣт составленный изъ элементовъ самыхъ разнородныхъ, личностей, безъ малѣйшаго сомнѣнія достойныхъ вся каго уваженія, которымъ однако преклонныя лѣта и рутина, сообщивъ въ избыткѣ административную опыт ность, за частую вмѣстѣ съ тѣмъ отняли необходимую чуткость политическаго предвидѣнія. И такъ, если вся кая коренная реформа, по 201 ст. учрежд. мин., прежд всего должна подвергаться критикѣ всякаго въ особен ности министра, который естественно сильно заинтере сованъ въ сохраненіи старыхъ принциповъ; если послѣ по 209 и 212 ст. учрежд. минист., она должна выдержат

возраженія Комитета Министровъ, который въ цѣломъ своемъ составѣ рѣдко благопріятствуетъ возвышенію предпріимчиваго товарища; если, кромѣ того, необходимо еще мнѣніе II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи (39 и 40 ст. учрежд. Госуд. совѣта); если послѣ всего этого, по 198 ст. общ. наказа минист., окончательное рѣшеніе зависитъ отъ согласія Государственнаго совѣта, въ которомъ можно всегда сомнѣваться, такъ какъ это учрежденіе, не имѣя законодательной иниціативы, не несетъ никакой отвѣтственности за настоящее положеніе дѣлъ, и притомъ, по 204 ст. общ. наказа минист., можетъ даже смыслъ предлагаемой реформы измѣнить совершенно, и принудить предложившаго ее министра исполнять совершенно противоположное тому, что онъ предложилъ, — если сообразимъ всѣ эти безполезныя задержки дѣла въ различныхъ инстанціяхъ, часто всякой новой идеѣ враждебныхъ, мы вынуждены признать, что всѣ онѣ какъ бы нарочно устроены съ единственною цѣлью задержать весь настоящій порядокъ въ обычной и покойной рутинѣ. Поэтому человѣкъ убѣжденный, способный и честный, никогда не можетъ быть въ Россіи министромъ при настоящемъ режимѣ, ибо такая личность обыкновенно мало сговорчива; и такъ какъ у этого человѣка не будетъ достаточно власти, чтобы дѣлать добро, а для достиженія успѣха, находя всѣ дороги закрытыми, онъ принужденъ будетъ прибѣгать къ тайнымъ и часто неприглядньмъ вліяніямъ, человѣку съ высшимъ умомъ всегда противнымъ, то въ концѣ концевъ безплодный трудъ ему опротивѣетъ, ибо ему всегда будетъ несносно выпрашивать согласія у тѣхъ именно личностей, которыя хотя бы и отдавали справедливость предполагаемымъ реформамъ, все таки будутъ завидовать успѣху предложившаго ихъ человѣка.

Мы даже убѣждены, что при настоящемъ порядкѣ

разсмотрѣнія законопроектовъ, Государь, который утверждаетъ ихъ окончательно, изъ этой негласной процедуры, какъ бы она подробна ни была, не можетъ получить надлежащаго объясненія, ибо во всѣхъ этихъ многочисленныхъ инстанціяхъ, равнодушныхъ или неотвѣтственныхъ, пренія будутъ всегда многорѣчивы, безцвѣтны или тенденціозны. Это впрочемъ обыкновенный порокъ всякой бюрократической работы; ибо одна лишь живая рѣчь годится для безупречной дискуссіи, и при одной только публичности преній можно достаточно выяснить всякій предметъ послѣдовательнымъ изложеніемъ доказательствъ и возраженій. Правительство испытало это достаточно при освобожденіи крестьянъ, употребивъ въ дѣло всѣ спеціяльныя познанія, и заручившись содѣйствіемъ всѣхъ интеллигенцій страны. Почему же не воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ и при рѣшеніи другихъ вопросовъ, которые общественное мнѣніе съумѣетъ успѣшно взвѣсить и разрѣшить охотно и довѣрчиво.

§ 9.

Но возможно-ли у насъ такое радушное содѣйствіе національной интеллигенціи, содѣйствіе, котораго, по словамъ самыхъ офиціяльныхъ прокламацій, правительству недостаетъ, и которымъ, для удовлетворительнаго рѣшенія трудныхъ вопросовъ, всякое правительство должно бы заручиться непремѣнно?

Можемъ-ли мы, не противорѣча самимъ себѣ, требовать отъ общественнаго мнѣнія добровольнаго содѣйствія, наконецъ можемъ-ли мы при настоящемъ режимѣ внушать довѣріе, когда тотъ же самый бюрократическій режимъ, повидимому взывающій такъ громко ко всеобщему содѣйствію, усиливается подъ рукою поддавить

всякую свободу разсужденій, и держать ихъ въ выгодной для себя традиціонной колеѣ?

Мы полагаемъ, что не отрѣкшись предварительно отъ принципа произвола, составляющаго сущность настоящей правительственной системы, на рѣшительное содѣйствіе націи расчитывать нечего.

Мы полагаемъ, что содѣйствіе общества правительству невозможно, доколѣ законъ не обеспечитъ личной безопасности противъ злоупотребленія власти, которое навлекаетъ на себя въ Россіи всякое свободное и откровенное слово.

Опытъ доказалъ, что во всѣ времена правительство покушалось вопросы, касающіеся личностей, рѣшать произвольно и сообразно своимъ частнымъ видамъ. Оно никогда не стѣснялось законностью, такъ какъ всегда оставляло себѣ возможность ее обойти, не смотря на всѣ назойливые совѣты, въ которыхъ никогда не имѣло недостатка. Страдалъ за это всегда какой нибудь самонадѣянный чудакъ, вообразившій себѣ, что его искреннее, радушное и честное желаніе блага будетъ оцѣнено, а совѣты его будутъ приняты.

Даже дѣйствующія законоположенія принаровлены къ этому коварному режиму также рѣшительно какъ удобно. По силѣ Св. Зак. Т. IX ст. 9, никто не можетъ быть наказанъ безъ слѣдствія и суда; однакожъ законъ отъ такого безсудебнаго наказанія никого не ограждаетъ, такъ какъ по 1 ст. Св. Зак. Т. XIV устава о предупр. и пресѣч. преступленій, и по послѣдующимъ дополненіямъ, не только высшая полиція, но даже мѣстная администрація властна всякое подозрительное лицо подвергнуть изгнанію, безъ всякаго суда. Отсюда слѣдуетъ, что подсудимый и оправданный на основаніи общаго закона, находится всегда подъ угрозой кары административной, не за преступленія, которыхъ онъ не со-

вершилъ, но за тѣ, въ возможности которыхъ въ будущемъ онъ подозрѣвается, за свой образъ мыслей, или наконецъ потому, что ненравится или можетъ причинить затрудненія. Тѣмъ менѣе полиція стѣсняется въ своихъ дѣйствіяхъ относительно лицъ подозрѣваемыхъ, или относительно хулителей дѣйствій правительства: вмѣсто того, чтобы предать ихъ законному суду, она ихъ высылаетъ административно. Такія дѣйствія полиціи даютъ намъ въ девятнадцатомъ столѣтіи ненормальное и сокрушающее душу зрѣлище безшабашнаго произвола стараго режима павшихъ монархій; такъ какъ „административная высылка“ очень похожа на „lettres de cachet,“ а Сибирь стоитъ Бастиліи. Положеніе смѣшное и ужасное, не могущее внушить хотя бы малѣйшей охоты, самому подвергаясь опасности, вывести произвольный и коварный режимъ изъ ложнаго круга, въ который завлекли его собственныя его же злоупотребленія.

§ 10.

Мы ни мало не намѣрены отвергать полезность въ Россіи высшей полиціи; по нашему мнѣнію, въ минуту соціальнаго кризиса, который необходимо вызоветъ разныя тёмныя козни, это зло необходимое. Мы неодобряемъ лишь исключительное значеніе самаго учрежденія, которое, подъ названіемъ III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, наводитъ ужасъ на всю страну. Мы смѣло утверждаемъ, что всякій министръ внутреннихъ дѣлъ, пользующійся лишь обыкновенными служебными правами, и исполняя лишь обыкновенныя обязанности министра, можетъ имѣть достаточно простора, чтобы предвидѣть и предупредить съ помощью общаго закона всѣ антисоціальныя поползновенія, не прибѣгая вовсе къ тому множеству исключительныхъ мѣръ,

которыя подаютъ главный поводъ къ упрекамъ, дѣлаемымъ настоящему режиму. Мы полагаемъ, что ввѣрять административнымъ учрежденіямъ власть и полномочіе суда, которыя вездѣ и всегда составляютъ принадлежность обыкновенныхъ судебныхъ мѣстъ, столько же не логично, сколько и безполезно. По нашему мнѣнію, это значитъ узаконять произволъ; мы уже замѣтили, что тотъ, кто имѣетъ возможность пользоваться неограниченно, кончитъ всегда тѣмъ, что станетъ злоупотреблять незаконно и своевольно.

Нѣтъ нужды приводить здѣсь юридическія аксіомы, принятыя во всякой цивилизованной странѣ для охраненія, въ уголовныхъ процессахъ, правды и безпристрастія. На основаніи этихъ и въ нашемъ законодательствѣ принятыхъ принциповъ справедливости требуется, чтобы всякое преступленіе, прежде наказанія преступника, было точно опредѣлено и доказано; ибо наказывать за дѣйствіе, не составляющее никакого нарушенія общаго закона, или за такое, которое не было достаточно разслѣдовано и доказано, равно опасно и вредно. Административная высылка, даже въ такомъ случаѣ, если она примѣняется во имя „общественнаго блага,“ или какъ способъ предупрежденія предполагаемаго преступленія, составляетъ всегда средство прискорбное и недостойное правильнаго правительства. Не беремся опредѣлить случаевъ, въ которыхъ къ нему прибѣгаютъ правительства, возникшія изъ государственнаго переворота, но введенное въ практику законнымъ правительствомъ, въ видѣ всеобщаго лекарства противъ разныхъ неудобныхъ и докучливыхъ стремленій, это средство, по истинѣ, доказываетъ лишь отчаянное положеніе деспотизма, бросающагося въ нелѣпость и тѣмъ вызывающаго всеобщее негодованіе.

Приверженцы настоящаго режима оправдываютъ

административную юстицію на томъ основаніи, что она хотя въ своихъ рѣшеніяхъ слишкомъ скора и произвольна, но строга лишь къ людямъ неблагонамѣреннымъ, относительно же „добрыхъ" гражданъ безобидна и благосклонна. На это мы принуждены отвѣтить замѣчаніемъ, что тоже самое имѣла въ виду и знаменитая фраза комитета общественной безопасности, во Франціи во время террора 1793 г., „пусть злодѣи дрожатъ, а добрые граждане пусть успокоятся." Всѣ мы знаемъ, что изъ этого вышло; различить „добрыхъ гражданъ" отъ злодѣевъ легче въ теоріи, чѣмъ на практикѣ, и такой разборъ, будто безпристрастный, всегда въ концѣ перерождается необходимо въ явное, самое пристрастное и подозрительное предпочтеніе однихъ другимъ. Стоитъ только провозгласить „подозрительными" лица извѣстной категоріи, идеи или стремленія, чтобы вскорѣ сдѣлалось трудно узнать гдѣ начинается предположеніе и гдѣ оканчивается подозрѣніе. Ревность къ общественному благу, даже повидимому самая честная, когда она не основана на точномъ смыслѣ закона, ни руководима установленными въ законѣ формами, вскорѣ теряетъ всякую мѣру и всякое благоразуміе. Политическое пристрастіе къ нѣкоторымъ вызываетъ неопредѣленное подозрѣніе относительно всѣхъ. Это чувство все болѣе и болѣе расширяется, и подвергаетъ общество режиму доносовъ основанныхъ лишь на личной враждѣ. Всѣ, какъ „добрые граждане," такъ и „злодѣи" чувствуютъ себя болѣе или менѣе виновными; они даже виновны всѣ безъ исключенія въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ власть, вмѣсто того чтобы судить лишь дѣйствія, караетъ мнѣнія и направленія. Но такое состояніе необеспеченности въ обществѣ не можетъ продолжаться безконечно. Отсутствіе безопасности въ обществѣ, наконецъ, вызоветъ необходимо безпощадную реакцію противъ самаго правительства, вы-

которой личности самыя умѣренныя окажутся самыми упорными; ибо ихъ честный страхъ и публичное негодованіе понудятъ всѣхъ искать обезпеченій для будущаго.

Мы знаемъ, что революціи такъ начинаются; какъ онѣ оканчиваются — знаетъ одинъ лишь Богъ.

§ 11.

Истинная мудрость государей состоитъ въ томъ, чтобы имѣть хорошихъ совѣтниковъ. Если этой мудрости недостаетъ Государю, то его совѣтники будутъ постоянно между собою въ разладѣ, онъ согласить ихъ не успѣетъ, а они чаще всего будутъ своего высокаго поста недостойны. Обыкновенно министры заботятся лишь о собственныхъ своихъ интерессахъ или объ интерессахъ своего вѣдомства. Поэтому глава государства долженъ обладать высокой и безусловной мудростью; ибо существуетъ общее правило, которое рѣдко обманываетъ, или скорѣе не обманываетъ никогда, что государь, лично необладающій мудростью, никогда не можетъ получать полезныхъ совѣтовъ, и что опеку дабы эти совѣты не происходили, они всегда составляютъ плодъ мудрости самаго Государя.

По нашему мнѣнію, самое вѣское возраженіе противъ принятыхъ въ Россіи разобщенныхъ министерствъ составляетъ то обстоятельство, что Государь избираетъ обыкновенно на постъ министровъ личности, соотвѣтствующія его личнымъ удобствамъ; отсюда происходитъ, что онъ по своему усмотрѣнію соединяетъ товарищей часто другъ другу недоброжелательныхъ, которыхъ отсутствіе общности воззрѣній и разрозненность убѣжденій скорѣе должны бы разлучить, чѣмъ соединить въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Что ихъ дѣятельность лишена единства направленія, это естественно, но печально то, что пори-

цаніе за такую разрозненность взглядовъ и направленій падаетъ очевидно на самаго Государя, такъ какъ Государь представляетъ воплощеніе идеи общественной власти. А между тѣмъ, подвергать неодобренію Того, Кто бы долженъ быть въ ошибкѣ совершенно безвиненъ, и низводить такимъ образомъ неприкосновенное величіе верховной власти на поле основательныхъ порицаній и бѣдственныхъ послѣдствій, чрезвычайно опасно. Вотъ почему у насъ необходимъ первый министръ, способный и за все отвѣтственный. Выборъ товарищей долженъ быть предоставленъ его усмотрѣнію, какъ равно и обоюдному соглашенію, а дѣйствія управленія должны совершаться по общему согласію. Тогда только появилось бы министерство, олицетворяющее собою послѣдовательную систему и твердыя правила. Такое министерство, хотя до извѣстной степени независимое, всегда бы находилось подъ вліяніемъ короны. Особенно отъ такой собирательной отвѣтственности выиграла бы правительственная честность, и имя главы министерства, явно указывая странѣ на основныя начала его политики, сдѣлало бы всякое сомнѣніе на счетъ образа дѣйствія невозможнымъ. Теперь же наше министерство не совѣщается никогда ни съ кѣмъ, а однако никогда не дѣйствуетъ по собственному свободному побужденію, и потому никогда нельзя знать впередъ, что оно предполагаетъ, ни вѣрно расчитывать ни на одно намѣреніе.

§ 12.

Если бы у насъ, вмѣсто отдѣльныхъ министерствъ, могло быть одно слитное министерство, котораго члены были бы вполнѣ между собою согласны на счетъ принциповъ и образа дѣйствія, то такое министерство никакъ не могло бы существовать совмѣстно съ Государственнымъ совѣтомъ, пользующимся правомъ окончательнаго

рѣшенія. Это послѣднее учрежденіе, по нашему мнѣнію, тѣмъ безполезнѣе, что окончательное утвержденіе законовъ будетъ всегда зависѣть отъ воли Государя. Если Государственный совѣтъ властенъ рѣшать о своевременности изданія законовъ, то это потому, что онъ пользуется необходимымъ довѣріемъ верховной власти, почему же, въ такомъ случаѣ, не предоставить ему въ этомъ дѣлѣ права почина, который часто бываетъ необходимъ безотлагательно? Если же онъ не пользуется неограниченнымъ довѣріемъ, и если недостаточность его свѣденій принуждаетъ власть отказывать ему въ правѣ предлагать, по его усмотрѣнію, проекты законовъ, то почему ему дано право принимать всякій законъ или отвергать всякую реформу?

Необходимымъ логическимъ послѣдствіемъ такого порядка должно бы быть признаніе за Государственнымъ совѣтомъ права почина въ изданіи законовъ, что во всякомъ случаѣ обратило бы его въ родъ страннаго парламента, выборъ членовъ котораго предоставленъ Главѣ государства, хотя бы и съ необязательнымъ правомъ прибѣгать къ его совѣтамъ, лишь по собственному усмотрѣнію. И такъ, по нашему мнѣнію, нашъ Государственный совѣтъ есть инстанція лишняя, такъ какъ и совѣтъ этотъ и министры равно избираются самимъ Государемъ, и исполняютъ свои обязанности не иначе, какъ по Его велѣніямъ и наставленіямъ. Такимъ образомъ, у насъ въ одномъ государствѣ два правленія: одно, несущее всю тяжесть и всю отвѣтственность дѣлъ, не обладаетъ необходимой свободой дѣйствій, другое — не пользующееся правомъ почина, и котораго нельзя побудить къ дѣятельности ни признательностью за ея успѣшность, ни личною отвѣтственностью, въ своихъ окончательныхъ рѣшеніяхъ остается къ неотлагательнымъ дѣламъ всегда равнодушнымъ. Но какъ Глава государства самъ изби-

раетъ своихъ министровъ свободно, то если они пользуются Его совершеннымъ довѣріемъ, онъ кажется могъ бы предоставить имъ свободу дѣйствія, разумѣется подъ условіемъ собственнаго утвержденія; если же онъ имъ не довѣряетъ, то можетъ безпрепятственно избрать другихъ изъ среды тѣхъ почтенныхъ или знаменитыхъ сановниковъ, которые покажутся Ему болѣе достойными довѣрія. Намъ кажется, что выборъ не можетъ представлять затрудненія, развѣ въ случаѣ, если бы ни одинъ изъ избираемыхъ не могъ рѣшительно, по особеннымъ причинамъ, внушать довѣрія. Но это такой случай, судить о которомъ намъ не дано, хотя въ предвидѣніи такой именно неожиданности, кажется, и устроены всѣ эти многочисленныя, многосложныя и безполезныя инстанціи.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что при хорошо организованномъ министерствѣ Государственный совѣтъ безполезенъ. Его существованіе не только не служитъ обезпеченіемъ довѣрія, но тормозитъ всякій прогрессъ. Онъ затрудняетъ дѣятельность всякаго министра, котораго мѣропріятія, основанныя на правильномъ предусмотрѣніи причинъ и послѣдствій, принуждены покориться равнодушію ни за что не отвѣтственнаго учрежденія. Государственный совѣтъ поэтому благопріятствуетъ всеобщей бездѣятельности, столько же легкой, какъ и удобной. Вслѣдствіе этого именно министры становятся беззаботными, ибо такое ихъ неопредѣленное положеніе, раздѣляя ихъ собственную отвѣтственность между различными правительственными учрежденіями, тѣмъ самымъ ее уменьшаетъ. Однако всякому государю естественно имѣть Тайный Совѣтъ; если бы у него такого офиціяльнаго совѣта не было, то личные друзья Государя заступятъ его мѣсто. Но признать этому совѣту рѣшительный голосъ въ государственныхъ дѣлахъ, значило

бы прежде всего возбудить основательное сомнѣніе въ полезности столькихъ разнообразныхъ учрежденій, ослабляющихъ обыкновенно общую правительственную дѣятельность уменшеніемъ личной отвѣтственности. Отсюда то именно и происходитъ, что въ трудную минуту никто, повидимому, не виноватъ въ кризисѣ, а всѣ равно неспособны ни предупредить его, ни послѣ выпутаться изъ бѣды.

§ 13.

Либеральныя институціи слѣдуютъ одна за другою непрерывнымъ рядомъ, сквозь всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Въ послѣдніе сто лѣтъ придумано десятки различныхъ конституцій; мы не желаемъ придумывать еще одной. Это не нужно. Намъ удобнѣе всего слѣдовать за собственными преданіями и народными стремленіями, полезность которыхъ подтверждается опытомъ другихъ народовъ.

И такъ, я говорю въ интересѣ Династіи, чтобы обеспечить будущность государства и прогрессъ цивилизаціи; ибо на сколько либеральный консерватизмъ Россіи полезенъ, на столько ей вредны всякія демагогическія разглагольствованія, могущія только совершить ея паденіе.

§ 14.

И такъ, мы желаемъ двухъ законодательныхъ палатъ; одна изъ нихъ будетъ представлять народное мнѣніе, подвижное и измѣнчивое сообразно обстоятельствамъ, другая — постоянную устойчивость историческихъ традицій: палаты представителей и палаты пэровъ. И какъ лучше всего новыя учрежденія называть старыми именами, то мы ихъ назовемъ: Земскій Соборъ и Боярская Дума.

Коронѣ принадлежалъ бы третій родъ власти, — власть исполнительная. Утвержденіе бюджета принадлежало бы единственно Земскому Собору. Законодательный почитъ принадлежалъ бы тоже этому Собору, равно какъ и Коронѣ; но для утвержденія закона необходимо было бы согласіе всѣхъ трехъ властей. По нашему мнѣнію, это начало общаго согласія властей должно бы служить основаніемъ всякой конституціонной системы въ странахъ монархическихъ. Всякая выдумка какого бы то ни было „Veto,“ какъ исключительнаго права, принадлежащаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ монархической власти, по нашему мнѣнію, лишена политическаго смысла; ибо очень часто корона можетъ быть права противъ всѣхъ, но если она не права, все таки въ концѣ она будетъ принуждена уступить, чтобы сохранить свою личную безопасность. Тоже самое будетъ при оппозиціи одной изъ двухъ палатъ. Но требованіе права „Veto“ главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что нѣкоторые предпріимчивые и дерзкіе умы воображаютъ, будто общественныя дѣла должны мчаться со скоростью экстреннаго поѣзда, сообразно ихъ желанію или ихъ нетерпѣнію. Ничего подобнаго не бываетъ; историческій прогрессъ шествуетъ годами, даже поколѣніями, и всякій, кто желаетъ быть сильнымъ, справедливымъ и вѣчнымъ, долженъ прежде сдѣлаться терпѣливымъ и твердымъ; ибо ожидать пока убѣжденія не образуются, не значитъ ослабѣвать, но напротивъ значитъ вѣровать во всемогущество истины. Есть впрочемъ политическая аксіома, которой долженъ бы слѣдовать всякій государственный человѣкъ, и истинность которой подтверждается опытомъ, а именно: что всемогущество палаты депутатовъ есть уже революція и погибель всякой старой національной конституціи. И такъ, счастливы тѣ народы, которые съумѣли соединить, въ надлежащей мѣрѣ, ува-

женіе къ традиціи съ просвѣщеннымъ стремленіемъ къ прогрессу.

Корона съ начала избрала бы нѣсколько благородныхъ родовъ, которымъ будетъ пожаловано боярское достоинство, потомственное и безсмѣнное, но она оставитъ за собою право новыхъ назначеній въ будущемъ, за особенныя заслуги. Пожизненными членами Боярской Думы были бы представители земства, избранные на всю жизнь, на основаніи особаго закона. Боярское же достоинство временное было бы пожаловано Ректорамъ университетовъ и Головамъ важнѣйшихъ городовъ въ имперіи.

§ 15.

Въ Земскій Соборъ вошло бы по одному депутату отъ каждаго уѣзда; большіе города выслали бы депутатовъ въ количествѣ, соразмѣрномъ ихъ населенію. По нашему мнѣнію было бы неудобно вводить новые избирательные округи, такъ какъ мѣстныя населенія уже привыкли къ существующимъ теперь административнымъ раздѣленіямъ; впрочемъ, при всякомъ нововведеніи лучше оставить подробности въ прежнемъ состояніи, чтобы не затруднить его исполненія. Но если бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ число депутатовъ оказалось слишкомъ великимъ и очевидно не соотвѣтствовало бы численности народонаселенія, тогда лучше всего соединить два смежныхъ уѣзда въ одинъ избирательный округъ, чтобы не смущать умовъ и не безпокоить привычекъ.

Всѣ провинціи государства, безъ всякаго изъятія, должны бы высылать депутатовъ, самыя даже отдаленныя и дикія должны бы пользоваться этимъ правомъ, подъ извѣстными условіями. Для однихъ это бы было самымъ легкимъ способомъ свыкнуться съ благодѣяніями цивилизаціи, между тѣмъ какъ въ отношеніи къ другимъ,

гдѣ могутъ существовать сепаратическія стремленія, дать законную возможность публично высказать всѣ справедливыя жалобы и раскрыть всю народную подоплёку, было бы самымъ лучшимъ способомъ оградить государственное единство отъ тайныхъ волненій. Это всегда избавляетъ общество отъ прискорбныхъ потрясеній, которыя тѣмъ болѣе возможны, чѣмъ молчаливѣе они приготовляются; ибо гласность составляетъ защиту общества, точно также какъ законность составляетъ его честность. И такъ, законность есть правительственное прямодушіе, всегда укрѣпляющее сердца и усмиряющее враждебныя мнѣнія.

Вопросъ этотъ представляетъ для насъ какъ для поляка, русскаго подданнаго, особенный интерессъ, ибо наши двѣ отдѣльныя народности могутъ заключить вѣчный братскій союзъ лишь на поприщѣ свободныхъ учрежденій, и на основаніи взаимнаго соглашенія и совершеннаго равенства правъ. Потому мы и утверждаемъ, что было бы вовсе политически неблагоразумно, установивъ народное представительство въ Россіи, устранить отъ него Поляковъ; это бы значило основать въ Польшѣ, въ будущемъ, центръ революціонныхъ движеній, которыя со временемъ неизбѣжно ниспровергли бы общественный порядокъ. Но ввести въ русскія палаты польское представительство, не удовлетворивъ предварительно національныхъ и лойяльныхъ стремленій Поляковъ, значило бы внести въ новый порядокъ вещей семена окончательнаго разложенія. Удержаться же отъ всякаго либеральнаго преобразованія, изъ страха возможности встрѣтить усложненія, и оставлять настоящій порядокъ вещей такъ, какъ онъ есть, было бы по истинѣ историческимъ самоубійствомъ. Однимъ словомъ, это ложный кругъ, выходъ изъ котораго можетъ дать одна только свобода и свободное и справедливое соглашеніе между собою двухъ

различныхъ частей имперіи, соединенныхъ судьбою безусловно и на всегда.

§ 16.

Служба отечеству въ палатѣ должна быть почетная и безмездная, по крайней мѣрѣ въ началѣ, чтобы заградить доступъ въ нея алчнымъ честолюбцамъ или корыстнымъ вліяніямъ, составляющимъ одну изъ самыхъ большихъ опасностей, угрожающихъ Россіи въ будущемъ.

Права палаты не должны касаться предметовъ, предоставленныхъ земствамъ, чтобы разъ на всегда и рѣшительно устранить всякія централистическія поползновенія палаты, въ которой элементъ бюрократическій могъ бы когда либо сдѣлаться преобладающимъ.

Кромѣ этого, никакихъ другихъ ограниченій правъ палаты быть не должно; правительства всегда падаютъ отъ того, что дозволяютъ ожидать правъ, признанныхъ въ принципѣ, но окончательное примѣненіе которыхъ на практикѣ откладывается, ради удобства исполнительной власти, на неопредѣленное время. Это во всякомъ случаѣ ошибка, такъ какъ лучше дать необходимыя права, но въ тоже время заставить исполнять проистекающія изъ этихъ правъ обязанности.

§ 17.

Безусловно необходимо, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, назначить у насъ нѣкоторый электоральный цензъ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы онъ могъ дать увѣренность въ дѣйствительной независимости избраній. Это необходимо не потому, чтобы богатство непремѣнно сопровождалось большею способностью, или давало особенныя права заниматься общественными дѣлами, но потому, что извѣстный достатокъ доставляетъ возможность и досугъ, необходимые для того, чтобы посвятить себя

исключительно служенію обществу, и еще потому, что въ нашемъ краѣ, гдѣ политическая опытность такъ еще мала, если бы не было избирательнаго ценза, образованные классы были бы стѣснены особенными, основанными лишь на силѣ числительности намѣреніями безсознательной и всегда готовой волноваться толпы. Примѣръ того, что общественными дѣлами, не обладая извѣстнымъ достаткомъ, заниматься неудобно, мы видѣли недавно на присяжныхъ засѣдателяхъ изъ крестьянъ, принужденныхъ во время исполненія своей обязанности, для пропитанія просить милостини; такъ что наконецъ Сенатъ долженъ былъ положить этому предѣлъ повелѣвъ, чтобы впредь присяжные засѣдатели обязаны были доказывать свою имущественную состоятельность. Легко вообразить, къ какимъ злоупотребленіямъ привело бы отсутствіе всякаго избирательнаго ценза въ обществѣ, гдѣ мнѣнія и партіи такъ разнообразны, и какое, при всеобщей подачѣ голосовъ, получили бы на общественныя дѣла вліяніе люди вовсе не компетентные, направляемые людьми злонамѣренными.

§ 18.

Какъ недостатокъ личнаго правленія состоитъ въ томъ, что при немъ Глава государства дѣлается отвѣтственнымъ за всѣ промахи правительства, то отъ этого могъ бы, наконецъ, пострадать даже принципъ законности преемственной власти, если бы самыя государственныя учрежденія не давали возможности отклонять большую часть отвѣтственности на популярныхъ министровъ. Поэтому Династія должна, въ собственномъ интерессѣ, съ самаго начала избрать на этотъ постъ личности, которыя во мнѣніи народа были бы олицетвореніемъ честности принциповъ и твердости въ исполненіи. Единство власти предполагаетъ во мнѣніяхъ совершенное посто-

янство принциповъ, и толковую энергію въ реформахъ. Поэтому, для достиженія этой двойной цѣли необходимо, чтобы въ совѣтахъ правительства господствовало совершенное сходство взглядовъ, подъ руководствомъ одного изъ министровъ, обязаннаго наблюдать надъ всѣмъ. Этотъ высшій санъ долженъ по праву принадлежать тому, кто по свободному избранію Государя, въ своемъ имени представлялъ бы передъ страною олицетвореніе новой системы. Глава государства однимъ этимъ громко заявленнымъ избраніемъ отклонилъ бы часть своей отвѣтственности на популярнаго человѣка, оставляя вмѣстѣ за собою свободу выбора, то есть главную дирекцію дѣлъ. Власть, такимъ образомъ, пріобрѣла бы больше единства, а страна увидѣла бы въ этомъ твердость намѣреній и гарантію успѣха. Мы полагаемъ, что такого человѣка, олицетворяющаго стремленія времени, найти не будетъ невозможно, потому что общественное мнѣніе укажетъ на него откровенно и ясно.

§ 19.

Мы бы не осмѣлились никогда совѣтовать уменьшеніе власти Сената; это учрежденіе въ общественномъ мнѣніи пользуется большимъ уваженіемъ, и къ нему всѣ привыкли. Могущественное государство должно бы быть организовано такъ, чтобы на вершинѣ его администраціи былъ несмѣняемый, независимый и дѣятельный центръ, контролирующій легальность дѣйствій власти, и могущій укрощать страстныя увлеченія партій. Поэтому вліяніе Сената должно увеличиться; ему должны принадлежать: кассаціонная власть въ судебномъ порядкѣ, храненіе и обнародованіе законовъ и охраненіе, помимо всякихъ перемѣнъ, правительственной традиціи; онъ долженъ составлять самую высшую инстанцію въ административныхъ процессахъ, при столкновеніи вѣ-

домствъ, прерсканіи о подсудности и о превышеніи власти; ему же долженъ принадлежать дисциплинарный судъ по упущеніямъ чиновниковъ и министровъ, и наконецъ общій контроль государственныхъ расходовъ. Такая дѣятельность высокоуважаемаго безсмѣннаго учрежденія, находящагося внѣ всякихъ партій, охраняющая уваженіе къ законамъ, доставитъ въ общественномъ мнѣніи главный залогъ безопасности въ будущемъ.

§ 20.

Мы сильно желаемъ предложить еще одинъ важный совѣтъ. Правительство прежде всего должно заручиться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія; это не будетъ трудно, такъ какъ удовлетворить публику въ началѣ всегда легко объявленіемъ несомнѣнно честныхъ принциповъ. Но выраженіе общественнаго мнѣнія составляетъ печать; для чего же зажимать ротъ тому, кто долженъ бы высказать все, что у него на душѣ, все, что его оскорбляетъ, все, чего онъ ожидаетъ? Если всѣ принуждены молчать, возможно-ли тогда узнать, въ чемъ всѣ нуждаются, и что дѣлается?

По несчастью, режимъ приложенія „мѣръ административныхъ,“ который теперь въ модѣ, не смотря на то, что предварительная цензура для столичныхъ журналовъ отмѣнена, своимъ явнымъ произволомъ привелъ печать въ совершенное разстройство. Предостереженія, ничѣмъ не мотивированныя, или такія, которыхъ не стараются оправдать ясными и точными причинами, спеціальное запрещеніе разсуждать о предметахъ для кого то неудобныхъ, совершенное запрещеніе изданія за либеральныя стремленія, — всѣ эти тайныя и своекорыстныя уловки, не приносятъ ни малѣйшей пользы ни странѣ, ни Династіи, а развѣ лишь бюрократическому режиму, который, эксплоатируя въ свою пользу положеніе, дѣ-

лаетъ его все болѣе и болѣе несноснымъ. Первѣйшимъ слѣдствіемъ этого произвола было то, что печать была поставлена въ ложное положеніе; ибо когда нельзя знать, что собственно позволяется, то нельзя также точно видѣть, что составляетъ проступокъ, и въ какой мѣрѣ дозволены благонамѣренные совѣты. Такой административный произволъ заставилъ печать прибѣгнуть къ употребленію различныхъ обиняковъ, умолчаній и намековъ, вводящихъ въ заблужденіе всякаго читателя, и наконецъ былъ главнымъ поводомъ возникновенія превратныхъ идей, которыя, при свободѣ разсужденій, не трудно бы было выяснить и опровергнуть достаточно.

У всякой эпохи есть своя характеристическая страсть. Страсть нашего времени дѣлаетъ честь человѣчеству; это — страсть будущаго, страсть общественнаго совершенствованія. Средствомъ проявленія этой страсти нынѣшняго нравственнаго міра служитъ печать, это орудіе цивилизаціи. Слѣдовательно, всякій законъ, стѣсняющій печать, въ дѣйствительности составляетъ лишь посягательство на независимость мысли, то есть посягательство на свободное образованіе сознанія полезности учрежденій, которое должно выработаться при содѣйствіи необходимой и законной борьбы всѣхъ мнѣній на почвѣ самой истины. Когда такимъ образомъ законъ запрещаетъ партіямъ даже всякое разсужденіе, всякое заявленіе самаго честнаго желанія, самую даже надежду, онъ приводитъ ихъ въ отчаяніе, то есть толкаетъ на заговоры, злоумышленія и преступленія; ибо притѣсненіе мысли вызываетъ всегда возмущеніе сердецъ. Мы это видимъ теперь въ Россіи, гдѣ запрещеніе публичнаго обсужденія преобразованій, въ неотложности которыхъ всѣ были убѣждены, довело наконецъ умы до сумасбродствъ нигилизма, этой мрачной идеи, которая при свободѣ и гласности разсужденій, никогда бы не могла пріобрѣсти ны-

нѣшняго вліянія. Свободная печать, если бы она даже иногда служила отголоскомъ анархіи, всегда будетъ заклятымъ врагомъ всякихъ заговоровъ, ибо она тайную мысль партій проповѣдуетъ публично, и всегда громко заявляетъ послѣднее слово крамолы. Такимъ образомъ печать всегда составляетъ предохранительный клапанъ; и самое дѣйствительное средство противъ ея злоупотребленій составляютъ собственныя ея излишества.

Вотъ почему, при всякомъ режимѣ, который можетъ намъ дать будущее, мы бы всегда совѣтовали уважать свободу печати, натурально при достаточномъ огражденіи правъ верховной власти, неприкосновенности лица Государя, законнаго порядка, чести и добраго имени гражданъ и публичныхъ нравовъ. Ибо, хотя въ извѣстныхъ положеніяхъ свободная печать, правда, очень затрудняетъ управленіе, но мы однакожъ должны признать, что безъ нея никакой общественный прогрессъ невозможенъ.

§ 21.

Никто не споритъ, что провозглашеніе въ Россіи либеральной конституціи, вызоветъ сначала въ странѣ нѣкоторую неурядицу; но эта неурядица, по большей части, будетъ существовать въ идеяхъ старыхъ служителей власти, которыхъ духъ времени принудитъ болѣе прежняго уважать общественное мнѣніе, но которые долго еще не будутъ въ состояніи отвыкнуть отъ прежняго, столь для нихъ выгоднаго произвола. Что же касается самаго правительства, то ни прежнее, ни новое не найдутся никогда въ лучшихъ условіяхъ силы и устойчивости; ибо радость, слѣдующая за большими опасеніями, съ самаго начала превозможетъ всякую зависть и всякую злобу, и чѣмъ живѣе чувствовались опасенія, тѣмъ довѣрчивѣе будутъ надежды. Пусть только при-

детъ свобода, злоупотребленія прекратятся, причины неудовольствій исчезнутъ, какъ обветшалыя стѣны заброшенной крѣпости падаютъ отъ первыхъ ударовъ осаждающихъ. Одна лишь придворная партія, а также заговорщики по ремеслу, приведенные въ отчаяніе честолюбцы или политическіе выходцы, не покорятся, ни будутъ довольны. Такимъ образомъ, лишь эти два опасныхъ врага, духъ реакціи и духъ революціи, будутъ равномѣрно усиливаться сдѣлать напрасными столько благопріятныхъ обстоятельствъ, и компромитировать новый порядокъ вещей. Да сохранитъ Богъ Династію отъ ея друзей, а отъ враговъ мы убережемъ ее сами.

Естественно будетъ много партій съ различными, часто крайними мнѣніями. Но вѣдь въ образованіи общественнаго мнѣнія участвуютъ не однѣ лишь крайнія партіи. Извѣстная доля вѣры въ принципы и вѣрности лицамъ составляетъ даже жизненное условіе большихъ партій, точно также какъ и большія политическія партіи составляютъ условіе либеральнаго правительства. А такія партіи образуются и существуютъ лишь тогда, когда общность сильныхъ интерессовъ и твердыхъ убѣжденій успѣютъ соединить людей и удержать ихъ въ единствѣ. Партіи эти для правительствъ составляютъ пробный камень общественнаго мнѣнія, „политическій барометръ." „Вѣрноподанная опозиція Ея Величества," — счастлива страна, гдѣ партіи, одна послѣ другой, носятъ это благородное названіе! Ибо онѣ поддерживаютъ престолъ равно находясь въ оппозиціи, какъ и у кормила правленія. И такъ, вмѣсто того, чтобы страшиться партій искреннихъ и убѣжденныхъ, лучше отдадимъ имъ должную дань уваженія.

Такимъ образомъ, твердой и миротворной мудрости Государя предстоитъ заставить страну принять благодѣянія реформы, способной на всегда дѣйствительно обес-

печить ей необходимую свободу. А страна, при помощи сильнаго и доброжелательнаго правительства, съумѣетъ безъ большихъ усилій возвратиться къ обыкновенному порядку, изъ котораго временно вышла не по привычкѣ, ни по вкусу, но вслѣдствіе необходимости.

§ 22.

И такъ, настоящій режимъ долженъ измѣниться; и по истинѣ, отъ этого страна не надѣнетъ траура. Но обижаетъ Династію тотъ, кто говоритъ, что нельзя желать свободы и, вмѣстѣ, оставаться вѣрнымъ Династіи. Напротивъ, мы глубоко убѣждены, что здоровый и укрѣпляющій режимъ свободы обновитъ ее, и придастъ ей новыя силы и бодрость.

Тайна силы всякой династіи заключается прежде всего въ томъ, чтобы она олицетворяла въ себѣ великую національную и общественную идею, чтобы она была свободна отъ предразсудковъ и фанатизма, чтобы она всегда считалась съ дѣйствительностью, и политику свою основывала на вѣрныхъ соображеніяхъ и случайностяхъ вѣроятныхъ. То есть, она не должна отказываться отъ благопріятнаго случая, посылаемаго счастьемъ, и всегда понимать ясно, безъ предубѣжденія и ненависти, необходимость даннаго историческаго положенія.

Правда, мы думаемъ, что автократическая власть погибла; ибо мы полагаемъ, что она также несовмѣстна съ современною цивилизаціей, какъ и мало удобна для самой Династіи. Но мы думаемъ также, что монархическая идея и охраненіе престола національной Династіи должны служить основаніемъ и составлять настоящую цѣль новаго общества.

Я старался говорить свободно, безъ умолчанія и не стѣсняясь ничѣмъ, какъ человѣкъ, которому предстоитъ разрѣшеніе великой задачи, а не охраненіе интерессовъ

касты или удовлетворенiе сектаторскихъ страстей. И именно потому, что я вижу какъ высшiй политикъ, я стараюсь примѣниться ко всему, что не противорѣчитъ сущности моего взгляда, желая впрочемъ, чтобы Династiя, за потерю своей автократической власти, не смотря ни на что, все-таки отвѣтственной передъ народомъ, получила самыя обширныя вознагражденiя въ дѣйствительной свободѣ, независимости дѣйствiй и верховной неотвѣтственности. Я желаю лишь уничтожить неосуществимые предразсудки, чтобы охранить будущность и достигнуть идеальной цѣли.

Поэтому, я смотрю на конституцiонную монархiю въ Россiи, какъ на необходимую силу, способную привести въ порядокъ движенiе среди водоворота партiй; но въ тоже время не допускаю, чтобы корона когда нибудь могла отдѣлить свои интерессы отъ великихъ интерессовъ нацiи, и думаю, что Династiя не только не должна дать опережать себя желанiямъ и нуждамъ народа, но напротивъ, она должна, когда дѣло идетъ о мѣропрiятiяхъ великодушныхъ и осуществимыхъ, быть всегда впереди, чтобы съ достаточнымъ авторитетомъ воспротивиться народнымъ страстямъ, въ случаѣ если бы толпа предавалась опаснымъ увлеченiямъ.

Я утверждаю далѣе, что безусловная необходимость либеральныхъ реформъ въ Россiи очевидна. Эти реформы, спасая общество и государство отъ постепеннаго и неизбѣжнаго разрушенiя, однѣ способны укрѣпить въ исторической будущности традицiонное положенiе Династiи; такъ какъ для того, чтобы сокрушить силы революцiи, необходимо взять въ руки направленiе общественнаго мнѣнiя, вводя добровольно либеральныя реформы, отсутствiе которыхъ возбуждаетъ пламенныя жалобы и неумолимую ненависть. Вѣра еще совершенно не вымерла въ народѣ; онъ сомнѣвается, но еще не теряетъ

надежды. И какъ высшая консервативная политика состоитъ именно въ томъ, чтобы предвидѣть заблаговременно, отказывать доколѣ возможно, и наконецъ уступить когда необходимо, то намъ поэтому предстоитъ теперь рѣшиться скоро, и твердо дѣйствовать безъ отсрочекъ и безъ устали.

Пусть насъ не устрашаютъ тѣмъ, что трудно удовлетворить желаніе невозможнаго и что тотъ, кто желаетъ по мѣрѣ возможности быть благодѣтелемъ человѣчества, часто рискуетъ быть даже не выслушаннымъ. Все очевидно зависитъ отъ оцѣнки „Ихъ“ правъ и „Нашихъ“ обязанностей, и если нѣкоторыя изъ этихъ правъ и обязанностей не могутъ быть соглашены, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самому избѣгать всякаго соглашенія. Разъ допустивъ справедливость претензій, — а мы ее отрицать не можемъ, много что можемъ сомнѣваться въ своевременности ея заявленія, — необходимо-ли, чтобы изданіе законовъ, которые мы въ принципѣ одобряемъ сами, было вопросомъ силы и времени, и чтобы безпощадная борьба рѣшала, наконецъ, не вопросъ о справедливости принциповъ, но вопросы гордости, своевременности и мести?

Впрочемъ, политическая наука установила при введеніи реформъ надежные путеводительные столбы, а мудрость Государя должна умѣть избѣгать подводныхъ камней и бездонныхъ пучинъ. Правда, Русскому народу свойственно одно особенное заблужденіе: онъ стремится сразу достигнуть всѣхъ крайнихъ послѣдствій соціальнаго прогресса въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ замѣчается у другихъ народовъ, при чемъ забывается, что тѣ народы должны были пройти множество политическихъ испытаній и достигнуть опытности, которой намъ недостаетъ. Такимъ образомъ намъ еще необходимо политическое воспитаніе; позже, со временемъ, придутъ дополненія,

вызванныя необходимостью. Теперь для народа будетъ достаточно провозглашеніе главнаго кодекса его правъ; ибо прогрессъ лишь послѣдовательный, основательный и приноровленный къ современнымъ потребностямъ, способенъ довести общество до его назначенія, то есть, до прогрессивнаго развитія всѣхъ народныхъ силъ.

Намъ возразятъ, что дать націи свободу, расширять ея власть, а вмѣстѣ и ея отвѣтственность, значитъ навязать ей революцію, вынести тяжести которой она будетъ не въ силахъ; что не говоря уже объ опасности этихъ революціонныхъ мѣропріятій, у націи нѣтъ ни общественныхъ людей, ни политическихъ традицій, которые однакожъ необходимы для того, чтобы новая система могла дѣйствовать правильно и съ пользой. Да позволено намъ будетъ сказать, что нѣтъ ничего слабѣе такого возраженія, и вмѣстѣ ничего вреднѣе для великихъ интерессовъ, о которыхъ здѣсь говорится, ибо такъ какъ люди и традиціи образуются не иначе, какъ дѣйствіемъ тойже либеральной системы, то очевидно это возраженіе есть не болѣе, какъ ложный кругъ. Такимъ образомъ ничего сдѣлать нельзя, такъ какъ все невозможно, страна должна всегда ходить на помочахъ, и школы общественныхъ людей, разсадника людей государственныхъ у нея не будетъ никогда!

Но если при осуществленіи необходимаго прогресса можно подвергнуться нѣкоторому риску, такъ что же? Къ нему надо подступить смѣло, а когда для этого нѣтъ орудій, надо ихъ образовать съ терпѣніемъ. Поэтому прежде всего надо рѣшиться дѣйствовать, употребляя людей, которые подъ руками; они преобразятся сами, или современемъ ихъ преобразятъ обстоятельства. Можно-ли въ исторіи народовъ найти хотя одно значительное преобразованіе, котораго начала не были бы затруднены большими препятствіями, происходившими не единственно

отъ силы обстоятельствъ, но кромѣ того увеличены еще неспособностью и равнодушіемъ однихъ, или враждебностью другихъ? Безъ сомнѣнія, для того, чтобы либеральныя реформы принесли всю возможную пользу, необходимо много твердости и разумной терпѣливости; но прежде всего надо, чтобы новое поколеніе правителей заняло мѣсто прежняго, которое еще съ трудомъ бьется между привычками или интерессами прошедшаго и потребностями будущаго.

Развѣ это достаточная причина, чтобы отказаться отъ реформъ и упорно держаться устарѣлыхъ навыковъ, очевидно противорѣчащихъ соціальному и государственному прогрессу?

Намъ возразятъ еще, что у насъ все обстоитъ благополучно, какъ въ самомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Но мы уже доказали, что какъ въ идеяхъ, такъ и въ фактахъ господствуетъ совершенная неурядица. Намъ скажутъ, что если были ошибки и заблужденія, то ихъ можно исправить и изданіе нѣсколькихъ полезныхъ законовъ, всегда въ границахъ возможнаго, можетъ успѣшно и своевременно исправить то, что другіе законы недавно испортили! Но такая попытка основать правительство, которое бы не было ни произвольнымъ, ни ограниченнымъ, была бы чистой химерой и самообольщеніемъ; ибо подчинить преимущества короны законности, не налагая на нее вмѣстѣ никакой необходимой отвѣтственности передъ націей, очевидно невозможно.

Мы знаемъ очень хорошо, что личное правленіе крѣпче всякаго другаго и менѣе подвержено господству страстей. Но откуда взять тѣхъ честныхъ людей, которые бы могли прокладывать себѣ дорогу среди темноты и безмолвія, и однимъ взглядомъ обнимать всѣ разнообразные интерессы государства-исполина? Отвѣчать

не легко! . . . . . Но мы понимаемъ эту прикрытую воздержность изъ полъ-слова, и съ нею согласиться не можемъ.

Печальное сцѣпленіе человѣческихъ заблужденій и неправдъ! Онѣ другъ друга связываютъ и взаимно себя порождаютъ. Придетъ время, когда послабленія будутъ также напрасны, какъ безполезны были дерзости. И такъ, сегодня или никогда: либеральныя реформы на мѣсто революціи!

Глава IV. Внѣшняя политика.

Первый вопросъ, который представляется вниманію политическаго наблюдателя въ Россіи, это вопросъ финансовый; вопросъ главный и вмѣстѣ докучливый. Бѣдственное положеніе финансовъ въ Россіи очевидно, но и не менѣе очевидно, что доколѣ существуетъ настоящая финансовая система, положеніе это улучшиться не можетъ. По несчастью, въ этомъ отношеніи мы находимся въ ложномъ кругу, такъ какъ дѣйствительное сбереженіе общественныхъ суммъ не можетъ быть достигнуто безъ гласной повѣрки расходовъ, а какъ съ другой стороны настоящій режимъ не признаетъ полезности публичнаго контроля, то и дѣлаетъ тѣмъ самымъ всякую дѣйствительную повѣрку расходовъ невозможной. Добрая воля самаго Государя и нѣсколькихъ приближенныхъ личностей никогда и ничѣмъ этому дѣлу не помогутъ, ибо самыя высокія человѣческія способности ограничены невозможностью, а при настоящемъ режимѣ всей человѣческой жизни не достанетъ на то, чтобы очистить эти Авгіевы конюшни, засоренныя злоупотребленіями традиціоннаго прошедшаго. Неограниченная власть всегда неизбѣжно соединена съ предразсудками и преданіями, которые самоволіе нѣкоторыхъ личностей какъ будто извиняютъ раболѣпной ихъ преданностью. Впрочемъ, мы знаемъ по опыту, что общественная честность въ Россіи всегда была лишь миѳомъ. Но еще

больше, дѣйствительность и полезность контроля расходовъ заключается не только въ томъ, чтобы повѣркой счетовъ помѣшать злоупотребленіямъ въ расходованіи суммъ; этого успѣшно можетъ достигнуть счетная или контрольная палата; напротивъ, настоящій финансовый контроль состоитъ въ томъ, чтобы различать расходы полезные отъ расходовъ произвольныхъ и непроизводительныхъ, и наблюдать за правильнымъ производствомъ расходовъ законныхъ; а ни одинъ человѣкъ, будь онъ геній, не въ состояніи удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, не прибѣгнувъ къ совѣту голоса націи, и не удостовѣрясь посредствомъ публичной повѣрки въ точномъ, на постановленіяхъ закона основанномъ исполненіи бюджета. Опытъ всѣхъ странъ доказалъ намъ, что величайшіе финансисты съ пользою прибѣгали къ публичной дискуссіи; тѣмъ болѣе она необходима въ нашей исполинской имперіи. Правильно согласовать всѣ различные интерессы, всѣ разнообразныя стремленія и всѣ противоположныя направленія, и заставить ихъ слиться въ однородное цѣлое, не прибѣгая къ совѣту общественнаго мнѣнія, озареннаго свободнымъ словомъ, невозможно. Именно потому, что неограниченный режимъ желалъ всегда рѣшать все самъ одинъ, никогда не совѣтуясь съ общественнымъ мнѣніемъ, мы и дошли до такого бѣдственнаго истощенія, которое заставляетъ насъ страшиться за будущее. Но прибѣгать къ совѣту національнаго представительства, при монархическомъ образѣ правленія, еще не значитъ позволить видимой неспособности увлекать себя беззащитно. Содѣйствіе національной интеллигенціи позволитъ легко различить истину отъ фальши; и если даже въ средѣ національнаго представительства можетъ иногда появиться какое нибудь бѣдственное пристрастіе и вызвать затрудненія при рѣшеніи вопросовъ, то вѣдь и неограниченная система не разъ

доказала, что и она сама отъ ложныхъ шаговъ не всегда свободна. Значитъ, вопросъ не въ томъ: какая изъ двухъ системъ, національнаго представительства или неограниченной власти, болѣе подвержена заблужденіямъ; но скорѣе въ томъ: при которой изъ этихъ системъ узнать истину легче? Если при представительномъ режимѣ окончательное рѣшеніе дѣлъ иногда замедляется, это еще не бѣда; для правительства важнѣе всего знать, что лучше: имѣть за себя всеобщее содѣйствіе, какъ основу и гарантію его мѣропріятій, или такого содѣйствія быть лишеннымъ? Но національное представительство приноситъ пользу не только тѣмъ, что составляетъ самый лучшій контроль какой бы то ни было финансовой системы; кромѣ того оно часто удерживаетъ насъ въ неумѣренныхъ стремленіяхъ и ограждаетъ отъ бѣдственныхъ послѣдствій какого нибудь необдуманнаго поступка. Представительство это, завѣдуя финансами, тѣмъ самымъ имѣетъ вліяніе и на рѣшеніе политическихъ вопросовъ, а это вліяніе можетъ быть необходимой гарантіей, и всякому рискованному направленію способно дать спасительное предостереженіе. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сдѣлать самая остроумная система финансовъ, если личная политика, основанная на рискованныхъ соображеніяхъ, въ правѣ ввергнуть насъ въ какую нибудь ненадежную экспедицію, за которую послѣ нація принуждена будетъ расплачиваться?

Примѣръ этого представляетъ намъ послѣдняя восточная война. Въ теченіе долгихъ годовъ мира, наши силы вновь укрѣпились, введены неотложныя реформы, націи сообщена новая жизнь. При медленномъ, но твердомъ трудѣ, наши финансы начинали преобразовываться, наши сбереженія накоплялись, а невѣдомое прежде промышленное движеніе начало эксплоатировать наши народныя богатства. Но видно, весь этотъ общественный

прогрессъ былъ слишкомъ непроченъ, такъ какъ вслѣдствіе роковаго увлеченія, однимъ почеркомъ пера сдѣлалось возможно лишить насъ пріобрѣтеннаго благосостоянія и бросить въ приключеніе, стоившее намъ трехсотъ тысячъ людей и полтора милліарда рублей. До чего мы теперь дошли съ нашими сбереженіями и всѣми прежними остроумными финансовыми мѣропріятіями, узнаютъ будущія поколѣнія.

Куда мы дойдемъ еще? Одинъ Богъ знаетъ!

Счастливы націи, у которыхъ нѣтъ исторіи!

§ 1.

Чтобы имѣть удовлетворительные финансы, сказалъ одинъ великій финансистъ, надо прежде всего вести разумную политику. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ сдѣлать всѣ глубокомысленныя финансовыя системы, всѣ остроумные извороты или мелочныя сбереженія, противъ непомѣрныхъ расходовъ, въ которые всегда окончательно вовлекаетъ рискованная политика, будь она основана на мнимыхъ династическихъ, національныхъ или иныхъ какихъ либо интерессахъ, у насъ имъ всегда подыщутъ приличное названіе. Но какъ самосохраненіе составляетъ первѣйшій интерессъ государства, то достиженіе національнаго благоденствія есть главная обязанность правительства. Часто какой нибудь министръ финансовъ безъ устали работаетъ и бьется, чтобы искуссно уравновѣсить бюджетъ, разорительный для народа; но въ сущности онъ собираетъ лишь средства, которыми въ послѣдствіи воспользуется необдуманная отвага для осуществленія „великой миссіи.“ Въ Россіи никогда не будетъ недостатка въ побудительныхъ причинахъ вести великую политику, и какъ она можетъ служить противудѣйствіемъ и отвлекать вниманіе отъ внутреннихъ затрудненій, то за нее хватаются тѣмъ охотнѣе, что рас-

плачиваться придется будущимъ поколѣніямъ. Вслѣд-ствіе этого, подъ вліяніемъ политики, направленной къ территоріяльнымъ расширеніямъ, всегда гоняются за невозможнымъ; въ то время, когда преслѣдуя по прин-ципу политику глубокаго мира, мы бы получили больше дѣйствительнаго вліянія основаніемъ законнаго порядка необходимаго для разработки неизсякаемыхъ источниковъ національнаго нашего богатства. Въ нашемъ неизмѣри-момъ государствѣ, раскинутомъ въ столъ различныхъ климатахъ, нѣтъ недостатка ни въ землѣ, ни въ людяхъ но у насъ нѣтъ порядка, какъ и за тысячу лѣтъ назадъ не было его у нашихъ предковъ славянъ. Не смотря ни на что, у насъ всегда будутъ сосѣди, и если мы не умѣемъ управлять собственными владѣніями, то слѣ-дуетъ-ли намъ зариться на чужія? Мы уже столько забрали у другихъ, что не знаемъ, что съ этимъ дѣлать по извѣстной пословицѣ: „qui trop embrasse mal étreint." Естественное послѣдствіе неизмѣримости нашей терри-торіи уже даетъ себя чувствовать; уже замѣчается не-достатокъ связи между составными частями государства так какъ оживляющая мысль, при незнаніи разнообраз-ныхъ и многочисленныхъ особенностей этихъ частей не можетъ направлять дѣятельности цѣлаго. Націо-нальные рессурсы расточаются, мѣстныя направленія расходятся съ общими интерессами государства, госу-дарственное единство ослабѣваетъ, даже политическое вліяніе мало по малу исчезаетъ, такъ какъ своими по-стоянными непослѣдовательностями, мы сами уже раз-сѣяли прежнее обаяніе нашего могущества. Сила внуши-тельная во внѣшнихъ сношеніяхъ, можетъ быть слѣд-ствіемъ лишь законнаго порядка внутри, споспѣшествую-щаго общественному и матеріальному прогрессу. Не иностранцы легко замѣтили подъ блестящимъ лоскомъ который мы охотно представляемъ ихъ наблюденію

наше прирожденное оцѣпѣненіе и наше дѣйствительное безсиліе. Въ такой именно рѣшительной увѣренности иностранцевъ мы должны искать причинъ нашихъ недавнихъ политическихъ разочарованій, а лукавое равнодушіе нашихъ сосѣдей не имѣетъ другаго основанія кромѣ такого, крайне для нашей будущности огорчительнаго убѣжденія. Поэтому Россія должна отбросить на всегда прежній пагубный образъ дѣйствій и политическіе предразсудки, мѣшавшіе ея развитію; Россія должна на долго сосредоточиться въ себѣ самой, чтобы привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, и въ послѣдствіи быть въ состояніи естественно занять среди державъ принадлежащее ей по праву мѣсто. И такъ, мы должны стремиться къ политикѣ мира, законнаго порядка и матеріальнаго прогресса, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что мы и прежде должны бы были довольствоваться этими успѣхами скромными, но дѣйствительными, и всегда избѣгать опасныхъ приключеній.

§ 2.

Прежде Россія въ Европѣ представляла принципъ. Покойный Императоръ Николай Павловичъ, великій въ своихъ идеяхъ и даже въ своихъ заблужденіяхъ, былъ самымъ прочнымъ оплотомъ монархической Европы и ея принциповъ порядка и охраненія. Не смотря ни на то, система покойнаго Государя была все таки цѣльная и послѣдовательная, и когда онъ говорилъ міру: „Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ,“ даже его противники, хотя и возмущенные такимъ мистическимъ языкомъ, который повидимому дѣлалъ Бога сообщникомъ непомѣрной человѣческой гордости, все таки не могли не признать за нимъ замѣтнаго безкорыстія въ стремленіи къ возстановленію законныхъ властей и удержанію всемірнаго равновѣсія. Подъ вліяніемъ своихъ

политическихъ преданій, Россія умѣла заставить уважать договоры, гарантировавшіе ея будущее преобладаніе, а исторія не можетъ отказать въ признаніи тогдашняго ея истиннаго величія и громаднаго обаянія, впрочемъ вполнѣ заслуженнаго послѣдовательною твердостью ея дипломатіи. По своимъ принципамъ и своимъ интересамъ, мало склонная къ поощренію объединенія Германіи, которой первою мыслью, по словамъ одного знаменитаго циркуляра, была „мысль несправедливаго захвата, а первымъ крикомъ — крикъ войны,“ Россія употребила все свое вліяніе на то, чтобы устройство Германской Конфедераціи возстановить на началахъ, принятыхъ до 1848 г. Не смотря на родство и дружбу, соединявшія Императора Николая Павловича съ домомъ Гогенцоллерновъ, Онъ никогда не переставалъ защищать европейское равновѣсіе и независимость государствъ Европы. Взаимная привязанность обоихъ монарховъ не помѣшала Россіи заставить Пруссію очистить Ельбскія герцогства и принять тягостныя ольмюцкія условія. Покойный Государь, этотъ Великій европейскій Судья, усматривая въ 1850 г. въ собраніи франкфуртскаго сейма „вѣрный залогъ сохраненія общаго мира,“ тѣмъ самымъ опредѣлялъ глубокомысленно и основательно призваніе Германской Конфедераціи среди политическаго порядка, введеннаго въ Европѣ договорами 1815 года. Такое положеніе дѣлъ могло продолжаться до безконечности, такъ какъ традиціонная отдѣльность, пользы которой различныя германскія рассы не отвергали ни мало, предохраняла Германію отъ всякихъ рискованныхъ приключеній и такимъ образомъ служила лучшею гарантіей мира для ея сосѣдей. Находясь въ центрѣ Европы, Германская Конфедерація, держава по необходимости нейтральная, состояла изъ отдѣльныхъ государствъ, достаточно между собою связанныхъ и сплоченныхъ, чтобы дать отпоръ

внѣшнему нападенію, но однако не довольно соединенныхъ для того, чтобы вести войну наступательную и угрожать безопасности сосѣдей. Это соединеніе государствъ съ цѣлью чисто и исключительно „оборонительною,“ своей трудно приводимой въ движеніе массой, отдѣляло одну отъ другой смежныя съ нею милитарныя государства. Теперь общеизвѣстно и доказано, что если съ 1815 г. ни іюльская революція 1830 г. во Франціи, ни бельгійская война, ни возстаніе 1831 г. въ Польшѣ, ни венгерская война, ни крымская кампанія не вызвали всеобщаго пожара, то Европа этимъ обязана такому политическому устройству ея материка, которое „давало возможность локализировать войну, сдѣлавшуюся неизбѣжной,“ и, отдѣляя одного отъ другаго честолюбивыхъ противниковъ, оставляло имъ свободное поле лишь для мирной борьбы дипломатическихъ вліяній, дозволяя откладывать до безконечности развязку драмы, которой характеръ и размѣры не можетъ въ настоящее время опредѣлить никакое человѣческое предвидѣніе. Поэтому можно сказать, что существованіе Германской Конфедераціи съ 1815 г. въ формахъ, болѣе или менѣе приноровленныхъ къ духу времени, было для континентальной Европы истиннымъ политическимъ благодѣяніемъ.

Почему должно было случиться такъ, что тѣ именно державы, которыя болѣе всего были заинтерессованы въ удержаніи такой гарантіи безопасности, Франція, въ приступѣ суетнаго честолюбія, и Россія, подъ вліяніемъ необузданнаго злопамятства, сами постарались ее уничтожить въ пользу новой комбинаціи столько же упрощенной, сколько и опасной. Даже въ случаѣ безмолвнаго согласія Франціи на такое переустройство, чего можно было ожидать отъ суетныхъ и неопредѣленныхъ стремленій Императора Наполеона III, одно наше неодобреніе могло удержать въ традиціонной колеѣ непомѣрное

честолюбіе Пруссіи. Поэтому по истинѣ, мы сами настоящіе виновники всеобщей тревоги и разстройства европейскаго равновѣсія, за которое наконецъ намъ придется поплатиться. Нельзя безъ смущенія вспомнить о томъ, что случилось бы, если бы мы въ этомъ дѣлѣ приняли рѣшеніе болѣе раціональное и предусмотрительное. Австрія несомнѣнно не потерпѣла бы пораженія подъ Садовой въ 1866 г., а Францція подъ Седаномъ въ 1870 г. Европа не допустила бы раздробленія Даніи, ни уничтоженія прежней Германской Конфедераціи, ни наконецъ исключенія Россіи изъ восточнаго вопроса въ пользу Австріи, ни многаго другаго, что намъ придется, быть можетъ, испытать вслѣдствіе образовавшагося во вредъ намъ согласія Австріи и Пруссіи.

§ 3.

Величіе государствъ дѣло относительное, и могущество какой нибудь страны, остающейся въ прежнемъ состояніи, можетъ уменьшиться отъ того, что около нея накопились новыя силы. Наслѣдственный антагонизмъ Австріи и Пруссіи, обязательно соединенныхъ въ одной политической безцвѣтной конфедераціи, обеспечивалъ прежде Россію достаточно отъ всякаго непредвидѣннаго нападенія. У Россіи были благосклонные сосѣди, такъ какъ каждый изъ нихъ по очереди могъ нуждаться въ ея покровительствѣ; намъ тогда было легко сдерживать одного посредствомъ другаго, или употреблять, въ случаѣ необходимости, ихъ обоихъ, чтобы смирить кого нибудь третьяго. Такимъ образомъ это было система мирная и вмѣстѣ оборонительная, и она могла, по нашему мнѣнію, сдѣлаться грозной для всякаго, кто бы вздумалъ нарушить установленный порядокъ. Россія въ то время въ своихъ сношеніяхъ съ западными державами, слѣдовала извѣстнымъ преданіямъ, испытаннымъ опытомъ

извѣстнымъ освященнымъ принципамъ, и отъ нихъ не отступала никогда. Постоянно поддерживая равновѣсіе силъ Австріи и Пруссіи, расширяя свое вліяніе на второстепенныя государства Германіи, Россія, вмѣстѣ съ тѣмъ, держалась неизмѣннаго политическаго принципа международныхъ сношеній, принципа охраненія договоровъ, на которыхъ установленный порядокъ былъ основанъ.

На долю теперешняго нашего Государственнаго канцлера выпало мало по малу отступить отъ истинныхъ преданій, и принять въ нашихъ внѣшнихъ сношеніяхъ политику совершенно новую, которая дала еще не всѣ свои пагубные плоды. Но отбросить въ сношеніяхъ съ державами извѣстныя установившіяся правила, извѣстный образъ дѣйствій, одобренный продолжительнымъ опытомъ, для великаго государства составляетъ шагъ важный и могущій угрожать опасностью. Франція недавно дорого поплатилась за такой разрывъ съ прежними преданіями своей внѣшней политики. Когда то Россія упрекала Италію въ томъ, что „она дѣйствуетъ за одно съ революціей, чтобы получить послѣ нея наслѣдство;“ съ тѣхъ поръ мы тоже дѣйствовали за одно съ революціей, и съ одной изъ революцій самыхъ дерзкихъ и самыхъ свирѣпыхъ, которыя когда либо опрокидывали престолы и ставили вверхъ дномъ царства, но не получили за оказанную услугу никакого наслѣдства, такъ какъ въ тотъ день, когда открылось наслѣдство послѣ „традиціоннаго больнаго,“ „честный маклеръ“, получивъ предварительно задатокъ, не отдалъ намъ товара. . . . . Еще больше, онъ отдалъ его другимъ, вѣроятно надѣясь на какую нибудь для себя премію.

И такъ, нашъ теперешній Государственный канцлеръ, дозволивъ своему личному чувству злопамятства и дурнаго расположенія играть такую важную роль въ своей

политикѣ, сдѣлалъ большую ошибку. Подъ вліяніемъ печальныхъ воспоминаній восточной войны 1854 года, которая, въ слѣдствіе повидимому „австрійской неблагодарности“, кончилась для насъ съ убыткомъ, онъ, мирясь съ побѣдителями, все таки считалъ одну державу виновницей нашихъ неудачъ, ту самую державу, которая, не смотря ни на что, во время войны не поднимала противъ насъ оружія. Италіянская война вскорѣ доставила случай наказать неблагодарнаго, который, желая угодить всѣмъ сторонамъ, какъ обыкновенно водится, расположилъ противъ себя своего стараго друга, равно какъ и новыхъ союзниковъ. Если даже допустить, что италіянскія дѣла насъ не касались ни мало, то все таки это былъ прецедентъ, роковой знакъ, который ставили для того, чтобы въ будущемъ способствовать совершенію темнаго и дерзкаго дѣла. Въ послѣдствіи, преувеличивая значеніе пресловутыхъ „представленій“ на счетъ Польши, даже тогда, когда случай уже рѣшенъ былъ блистательно въ пользу его правительства, какъ равно и услуги, совершенно впрочемъ своекорыстныя, отданныя ему берлинскимъ другомъ, князь Горчаковъ сталъ дуться на всю Европу, не желая имѣть другихъ союзниковъ кромѣ Пруссіи, и упорствовать по отношенію къ этой державѣ въ системѣ, которая ей позволяла поступать и дѣйствовать по ея желанію и брать все, что ей угодно. Князь Бисмаркъ не замедлилъ воспользоваться этимъ преувеличеніемъ политическаго злопамятства, столь рѣдкаго въ государственномъ человѣкѣ, который скорѣе долженъ бы руководствоваться традиціонною предусмотрительностью. Наказать двухъ главныхъ виновниковъ замѣшательства, уничтоживъ ихъ обаяніе, а послѣ . . . . . раздѣлимъ по поламъ, такой вѣроятно былъ лозунгъ.

Такимъ образомъ бѣдственная потачка другъ другу

этихъ двухъ государственныхъ людей, при помощи несчастной идеалогіи Императора Наполеона III, сдѣлала возможными тѣ катастрофы, которыхъ наше время было свидѣтелемъ. Сколько самыхъ удобныхъ случаевъ спасти Европу и возвеличить славу Россіи мы пропустили изъ любви къ Пруссіи? Сколько традиціонныхъ принциповъ принесли мы въ жертву, въ теченіе этихъ семнадцати лѣтъ, союзу съ нашимъ грознымъ сосѣдомъ! Мы принуждены сознаться, что эта „политика взятки" — слѣдствіе чувства досады, которое не должно бы никогда руководить политикой великой націи, — была большимъ несчастьемъ, а окончательнымъ ея результатомъ сдѣлалось глубокое потрясеніе европейскаго равновѣсія и безмѣрное и гигантское увеличеніе сосѣдней державы.

§ 4.

Трудно допустить, чтобы такой государственный человѣкъ, какъ нашъ теперешній канцлеръ, далъ себя обмануть единственно злоупотребленію княземъ Бисмаркомъ его довѣрія. Вѣроятно съ обѣихъ сторонъ было много вѣжливостей, привлекательныхъ обѣщаній, а также и много разочарованій, увы! точно также какъ было и съ побѣжденнымъ подъ Седаномъ. Главное, не ожидали такого совершенства отъ „орудія," которое приготовлялъ на досугѣ отважный союзникъ. Вѣроятно надѣялись вступиться во время, и разъяснить положеніе когда будетъ угодно. Но если не во время войны 1866 г., то по крайней мѣрѣ въ кампанію 1870 г., мгновенное пораженіе Франціи должно было заставить насъ задуматься и дѣйствовать. По несчастью, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительно и охранять угрожаемое европейское равновѣсіе, у насъ съ точки зрѣнія общихъ принциповъ, поздравляли себя съ тѣмъ, что скипетръ запада выпалъ изъ рукъ націи буйной, вулканической,

пропагандирующей разъ якобинизмъ, другой разъ — ультрамонтанство, но всегда революціонной, и кромѣ того еще недавно своими несвоевременными представленіями сильно уязвившей русскую народную гордость. Если личное мнѣніе нашего канцлера о полезности пораженія Франціи и было справедливо, то оно однакожъ не должно было препятствовать Россіи выказать вліяніе на окончательный исходъ дѣла, въ которомъ, по своему политическому положенію, она должна была играть роль рѣшительную. Къ чему же была эта „лига нейтральныхъ,“ помѣшавшая всякому сближенію державъ, когда Англія и Австрія напрасно приглашали насъ принять на себя починъ въ дѣлѣ мира? И тутъ, какъ въ бѣдственной памяти Никольсбургѣ, помѣшала намъ дѣйствовать „политика взятки“. Вотъ почему, если насъ что удивляетъ, такъ это не сама наша ошибка, но то, что съ нами поступили точно также, какъ съ императоромъ Наполеономъ, что мы также обманулись, какъ и онъ; а кажется, его недавній примѣръ могъ бы насъ научить предусмотрительности. Впрочемъ Россія, правда, за свое совершенное самоотверженіе получила всѣ пустыя изъявленія хвастливой благодарности, телеграммы и визиты: все было, недоставало лишь твердой рѣшимости сдержать затруднительныя обѣщанія, вѣроятно въ свое время не довольно опредѣленно высказанныя. Мы даже предполагаемъ, — вѣдь злоупотребленіе чужаго довѣрія все таки можетъ имѣть какое нибудь извиненіе, — что извѣстная чувствительность императора Вильгельма, которой по длинные слѣды останутся въ имперіи во множествѣ рѣчей, писемъ и телеграммъ, дозволяла ему однако же предусматривать минуту, въ которую онъ принужденъ будетъ, сообразуясь съ пользою своего государства, отказаться отъ самыхъ нѣжныхъ своихъ интимныхъ привязанностей, и не исполнить обѣщаній столько же обя-

зательныхъ, сколько и накладныхъ. Но если намъ станутъ говорить объ одномъ изъ сенсаціонныхъ изрѣченій князя Бисмарка: „что онъ даже не можетъ допустить мысли о томъ, чтобы быть во враждебныхъ отношеніяхъ съ Россіей,“ то принимая къ свѣдѣнію эти слова, такъ для нашихъ опасеній успокоительныя, мы однакожъ не можемъ удержаться, чтобы не замѣтить, что еще пятнадцать лѣтъ назадъ такое успокоительное увѣреніе, сдѣланное россійской державѣ прусскимъ министромъ, показалось бы совершенно излишнимъ и даже возбудило бы улыбку.

§ 5.

Пришелъ наконецъ роковой срокъ рѣшительнаго испытанія. Въ послѣднюю восточную войну повидимому должны были оказаться послѣдствія тѣснаго союза, побѣда казалась вѣроятной и развязка обеспеченной. Намъ позволили сражаться какъ прилично храбрымъ, и разориться до основанія для того, чтобы въ послѣдствіи остановить насъ передъ неразрѣшимой проблемой, которую предвидѣли и, можетъ быть, устроили съ самаго начала. Изъ этого вышло, что мы въ этой войнѣ съиграли извѣстную роль, и, въ чемъ для нашего достоинства непріятно сознаться, роль школьника-буяна, получившаго строгій урокъ. Какъ! мы были у воротъ Константинополя и не завладѣли имъ на всегда, предоставляя себѣ расчитаться послѣ? Но въ такомъ случаѣ не для чего было надѣвать бранные доспѣхи, и лучше было мирно оставаться дома. Кто желаетъ достигнуть цѣли, тотъ долженъ употребить необходимыя средства, гласитъ старая пословица. Можно-ли было надѣяться разрѣшить восточный вопросъ, или скорѣе завладѣть имъ въ свою исключительную пользу иначе, какъ съ помощью „желѣза и крови?“ — Если для этого недоставало намъ смѣлости,

или у насъ не было достаточно силъ, то къ чему же было возбуждать вопросъ, котораго мы не могли разрѣшить въ нашу пользу? Этотъ несчастный восточный вопросъ всегда стоилъ намъ строгаго урока, которымъ увы! мы никогда не пользовались. Въ 1828 г., точно также какъ и въ 1854 и 1877 гг., дѣйствовали одинаково: позволяли Россіи истощаться въ побѣдахъ, а послѣ останавливали ее внезапно, убѣдительно побуждая къ отступленію однѣми лишь угрозами, которымъ она никогда не смѣла сопротивляться. Территоріяльное расположеніе театра дѣйствій по несчастью таково, что въ слѣдствіе отдаленности базиса нашихъ военныхъ операцій, мы находимся въ зависимости отъ хитраго сосѣда, который можетъ причинить намъ тѣмъ болѣе вреда, чѣмъ дальше завлекутъ насъ наши побѣды. Такое положеніе, котораго невыгодность легко предвидѣть, заставило насъ на этотъ разъ принять противъ него мѣры и заключить союзъ съ Германіей. „Раздѣлимъ по поламъ,“ сказали мы нашему берлинскому другу, „вамъ Западъ, а намъ Востокъ.“ По несчастью, мы имѣли дѣло съ другомъ похитрѣе насъ, и принуждены были понести наказаніе за наше неблагоразуміе, котораго столь явное доказательство мы дали послѣ Садовой и Седана.

Очень естественно, что разстройство европейскаго равновѣсія должно было вызвать въ будущемъ союзы, основанные уже не на взаимныхъ интерессахъ, но скорѣе на неудовлетворенномъ стремленіи къ возмездію или на желаніи получить сообразное понесеннымъ потерямъ вознагражденіе. Впрочемъ, ни для кого не составляло тайны, что „Германія принуждена, въ теченіе полустолѣтія, защищать посланныя ей счастьемъ пріобрѣтенія.“ Австрія дулась, осторожно и внимательно воздерживаясь отъ всякаго дѣйствія, Франція думала только о вѣроятномъ „реваншѣ,“ Россія, хотя въ союзѣ съ Германіей,

не могла предложить ничего, и кромѣ того требовала исполненія обременительныхъ обѣщаній. Германскому канцлеру, человѣку привыкшему къ рѣшеніямъ, ведущимъ прямо къ цѣли, съ совѣстью обширной и не знающей угрызеній, не оставалось выбора. Для него было ясно, что уединеніе, въ которое его бросила его политическая хищность, непремѣнно въ концѣ вызоветъ образованіе всеобщей лиги противъ Германіи, въ которой естественный союзъ Франціи и Россіи могъ бы играть роль рѣшительную. Какъ беззаботными мы ни казались, вѣроятно мысль о такой комбинаціи намъ сильно нравилась, потому что дѣйствительно она давала намъ возможность направить въ будущемъ политику по нашему желанію и въ послѣдствіи во второй разъ разыграть роль миротворцевъ Европы, которая выпала намъ уже прежде, въ 1815 г. Это князь Бисмаркъ долженъ былъ предвидѣть. Повторяемъ, ему не оставалось выбора; Австрія побѣжденная, но не униженная, хотя исключенная изъ Германіи, все таки представляла нѣкоторую степень соплеменности, которую, въ случаѣ нужды, можно было разсматривать какъ гарантію сходныхъ интересовъ обѣихъ державъ. А Россія, требуя отъ Германіи услуги, равной той, которую она отдала ей сама во время французской войны, домогалась не меньше, какъ уничтоженія личности Австріи, какъ великой европейской державы. Если бы претензіи Россіи на Востокъ могли заручиться покровительствомъ Германіи, то по отношенію къ географическому положенію Австріи, племенному духу и религіи ея обитателей, претензіи эти нанесли бы сильный ударъ монархіи Габсбурговъ. Австрія, какъ держава придунайская и нѣмецкая, должна была заботиться, чтобы Дунай не впалъ въ руки грознаго сосѣда; какъ держава славянская, она должна сильно желать и зорко смотрѣть, чтобы вопросъ, который ее интерес-

суетъ специально, не былъ рѣшенъ державой по преданіямъ и по необходимости панславистской. Держава разнородная, не имѣющая собственной національности, послѣ ея исключенія изъ Германіи и Италіи, Австрія „была вынуждена роковою необходимостью искать своего центра тяжести на востокѣ;“ потому она и не могла потерпѣть, чтобы Россія вкоренилась въ Турціи, а самый лучшій способъ преградить Россіи дорогу въ Турцію на всегда, это очевидно основаться тамъ самой. Вѣроятно эти соображенія нашъ берлинскій другъ рекомендовалъ въ Вѣнѣ; больше ничего не было нужно, и дѣло было сдѣлано. Остальное довершило безпристрастіе „честнаго маклера,“ а если дѣло пошло не хорошо, то онъ тутъ, какъ и слѣдуетъ быть, ни при чемъ. Если въ дѣйствительности наши блестящія побѣды исключили насъ окончательно и на всегда изъ восточнаго вопроса, виновата-ли въ этомъ судьба? Ради Бога, нѣтъ!

Такимъ именно образомъ основался этотъ непредвидѣнный союзъ въ ущербъ Россіи; Германія уже не изолирована, ибо открывъ Австріи свободное поле для новыхъ пріобрѣтеній въ районѣ ея настоящаго „центра тяжести,“ и обѣщавъ ей свое покровительство въ будущемъ, она пріобрѣла ея благосклонность. Надо полагать, что взаимное доброжелательство двухъ державъ этимъ не ограничится, и какъ послѣдствіе политическаго союза, появится договоръ торговый. Все, что Германіи нужно въ настоящее время, это — выгодное таможенное соглашеніе; остальное, современемъ, совершитъ сама сила обстоятельствъ.

§ 6.

Но чего добивается Россія въ этомъ вѣчномъ восточномъ вопросѣ, надо спросить кстати? Что это такое, безкорыстіе или алчность? Доколѣ сосѣдство исламизма

стѣсняло Россію, она имѣла причину округлять свои границы и открыть себѣ доступъ къ Черному морю. Крымъ, Бессарабія, Кавказъ были ей необходимы, и потому война была неизбѣжна. Пока Россія сражалась съ невѣрными въ интерессахъ вѣры, съ притѣснителями для освобожденія народовъ 'отъ позорнаго рабства, это еще была война національная. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Россія владѣетъ половиною береговъ Чернаго моря, и даже не можетъ изъ нихъ извлечь надлежащей пользы. Свобода совѣсти въ Турціи существуетъ фактически и; благодаря равнодушію правительства, вѣроисповѣданія тамъ почти такъ свободны, какъ и въ нашемъ православномъ государствѣ. Различныя народности, образовавшія прежде смѣсь племенъ, — Греки, Румыны, Болгаре, пользуются болѣе или менѣе свободой, остальныя полудикія племена свободы недостойны. Человѣчество пріобрѣло все это благодаря усиліямъ Россіи, и исторія будетъ ей за это признательна. Чего же намъ желать еще больше? Мы желаемъ Константинополя! Но что же дѣлать, когда получить его мы не въ силахъ; очевидно, надо отъ этого желанія отказаться; рисковать же собственнымъ существованіемъ только лишь для того, чтобы имѣть удовольствіе слышать звонъ колоколовъ Св. Софіи, право не стоитъ. Но если бы мы и получили Константинополь, что же мы съ нимъ станемъ дѣлать? Возведемъ-ли его въ званіе столицы и, вѣроятно, въ резиденцію одного изъ нашихъ Великихъ Князей, а болѣе всего сдѣлаемъ изъ него поприще опытовъ для нашихъ незрѣлыхъ великихъ людей, коснѣющихъ въ мелкихъ должностяхъ и чахнущихъ отъ сочувствія къ „угнетеннымъ братьямъ?“ То есть, мы не сдѣлаемъ изъ него ничего путнаго, или очень немного! Не смотря на распространенное мнѣніе, что владѣніе Константинополемъ можетъ доставить преобладающее

вліяніе на дѣла всего міра, для насъ это владѣніе не имѣло бы подобныхъ послѣдствій. Владѣла же имъ Турція въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, и все таки она теперь дряхла. Мы думаемъ, не во гнѣвъ будь сказано любителямъ политическихъ предвидѣній, что Босфоръ и Дарданеллы теперь не больше, какъ географическія названія, и лишены прежняго своего грознаго для насъ значенія, такъ какъ всякій, кто ими будетъ владѣть, будетъ обязанъ давать всегда свободный проходъ купеческимъ кораблямъ. Впрочемъ, во время войны, обстоятельство, что Константинополь не въ нашихъ рукахъ, можетъ представлять затрудненія, съ которыми придется считаться; во время же мира, настоящій вдадѣлецъ этихъ проходовъ обязанъ международными договорами пропускать корабли безъ всякаго замедленія. Такимъ образомъ, этотъ важный вопросъ о Черномъ морѣ вотъ какъ разрѣшенъ: будемъ теперь стараться жить въ мирѣ съ нашими сосѣдями, и наша торговля будетъ всегда свободна какъ въ этомъ морѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ. Но если мы будемъ воевать, на вѣрное не тамъ нанесутъ намъ самые сильные удары; ибо даже если бы мы и могли защищать противъ врага входъ въ Черное море, то все таки при выходѣ изъ него корабли наши подверглись бы опасности быть взятыми. Это также доказываетъ, что естественное назначеніе нашего флота — защищать берега, а не искать непредвидѣннаго въ дальнихъ плаваніяхъ.

Восточный вопросъ, на сколько онъ касается насъ, уже въ дѣйствительности разрѣшенъ. Наши южныя границы округлены достаточно, наши любезные „братья", слава Богу, болѣе или менѣе свободны, тѣмъ же изъ нихъ, которые еще не освободились, отъ этого не хуже, такъ что они могутъ пособить себѣ сами. А такъ какъ неблагодарный міръ, безпрестанно толкуя о своемъ без-

корыстіи, все таки составляетъ противъ насъ коалиціи, вѣроятно съ цѣлью получить свою долю изъ восточной добычи, то намъ не остается ничего больше, какъ взять назадъ свою ставку изъ игры, которая очевидно никогда свѣчь стоить не будетъ. Съ одной стороны Австрія захватываетъ, съ другой — Англія, гарантируя цѣлость турецкой территоріи, обеспечиваетъ вмѣстѣ и свои собственныя пріобрѣтенія; образуется балканская лига съ цѣлью загородить намъ дорогу; однимъ словомъ, все побуждаетъ насъ къ измѣненію въ самомъ вопросѣ основнаго начала. И какъ намъ взять уже нечего, то мы должны волею или неволею теперь твердо поддерживать сказочнаго „больнаго.“ Рано или поздно онъ конечно отъ этого умретъ, но это уже будетъ для насъ безразлично. Слѣдуя такой политикѣ, Россія по крайней мѣрѣ обеспечитъ себѣ миръ. Кромѣ того, такое видимое безкорыстіе увеличитъ ея политическое вліяніе, которое она можетъ употребить для того, чтобы другіе для нея важные вопросы были рѣшены сообразно ея національнымъ интерессамъ.

§ 7.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, около столѣтія постоянно держащійся въ русской политикѣ, вопросъ темный и особенно не точно поставленный; это панславизмъ. Эта идея панславизма, самая отвлеченная какая только быть можетъ, всегда связана съ восточнымъ вопросомъ, а какъ этотъ послѣдній, въ томъ, что касается насъ, разрѣшенъ уже окончательно, то и вопросъ о панславизмѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ его до сихъ поръ русскіе націоналы понимали, для Россіи по нашему существовать уже бы не долженъ. Но еще болѣе, самые горячіе его проповѣдники никогда не могли ни предвидѣть, ни опредѣлить съ точностью вѣрнаго спо-

соба его разрѣшенія. Новые апостолы проповѣдывали, что для одной стороны разрѣшеніе этого вопроса было „общественною обязанностью,“ „историческимъ призваніемъ,“ для другой — „національнымъ стремленіемъ,“ „священнымъ прибѣжищемъ,“ „послѣднимъ пристанищемъ противъ чужеземнаго угнетенія;“ а для всѣхъ вмѣстѣ — трогательнымъ сближеніемъ національныхъ преданій подъ покровомъ власти самой добродѣтельной и самой отеческой, какая когда либо существовала. Такая политическая теорія предполагаетъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны признанную и постоянную сочувственную наклонность къ преслѣдованію національнаго идеала, съ другой — политическое преобладаніе, достаточное для того, чтобы такой идеалъ осуществить. По несчастью, ни одного, ни другаго никогда не было, развѣ въ воображеніи московскихъ мечтателей. Русское національное единство основалось ни способами нравственными и добродѣтельными, ни же посредствомъ добровольнаго соглашенія смежныхъ народностей, а сплотить это великое общественное тѣло довольно крѣпко, чтобы оно могло выдержать удары времени и зло бѣдствій, возможно было лишь „желѣзомъ и кровью.“ Различныя національности, не смотря на ихъ одноплеменность, никогда не дали Россіи доказательствъ своихъ сочувственныхъ стремленій къ принужденному единству, этому узкому ошейнику, въ которомъ должны были исчезнуть ихъ вѣковыя свободы и дорогая для нихъ національная индивидуальность. Сама Россія никогда, въ отношеніи къ своимъ единоплеменникамъ, не высказывала ни любезности въ поступкахъ, ни терпимости и снисхожденія къ мѣстнымъ затрудненіямъ. Поэтому рѣшительно нельзя предполагать, чтобы среди славянскихъ національностей могло возникнуть внезапное сочувствіе къ объединенію съ Россіей и побудить, какъ говорятъ посвященные въ

эти таинства люди, „славянскіе ручьи слиться въ великомъ русскомъ морѣ,“ скорѣе надо бы сказать „океанѣ,“ океанѣ неизмѣримомъ, бурномъ и мрачномъ. Россія впрочемъ никогда не была достаточно политически сильна, чтобы осуществить эти мечтательныя присоединенія. Завоеваніе Польши не могло совершиться иначе, какъ при содѣйствіи двухъ пособниковъ, получившихъ свои доли изъ добычи; и по истинѣ, не славянская же идея воодушевляла Россію, когда она столько разъ предлагала отломки жертвы чужеземцамъ! Во время всѣхъ восточныхъ войнъ, славянскія сочувствія не шли никогда дальше братства по оружію, и несомнѣнно превратились бы въ открытую враждебность при первомъ алчномъ покушеніи со стороны Россіи на политическое надъ ними преобладаніе, которое можетъ быть имъ труднѣе было бы переносить, нежели даже прежнее угнетеніе Турковъ. Но всего безразсуднѣе было бы предполагать, что возрождающіяся изъ вѣковаго забытья подъ скипетромъ Габсбурговъ славянскія національности, могутъ представлять какую либо точку опоры тѣмъ политическимъ мечтамъ, которыя въ Россіи величаютъ названіемъ системы. Не говоря уже о Полякахъ, которыхъ на досугѣ постоянно раздражаютъ, но ни Чехи, ни Моравцы, ни всѣ другіе австрійскіе Славяне не смѣняютъ, въ ожиданіи загадочнаго національнаго величія, своего дѣйствительнаго благосостоянія подъ покровомъ законовъ, въ составленіи которыхъ они участвовали сами, на вошедшую въ пословицу безпорядочность мѣропріятій и пагубную привычку къ произволу и нарушенію законовъ, постоянный примѣръ которыхъ даетъ имъ Россія у себя дома. И такъ, не мечтаніями, ни праздными декламаціями Россія можетъ вызвать среди славянскихъ національностей сочувственную къ себѣ наклонность и привлечь къ себѣ въ отдаленномъ буду-

щемъ нерѣшительныя еще стремленія; но она достигнетъ этого скорѣе предусмотрительнымъ вниманіемъ къ національнымъ потребностямъ своихъ собственныхъ разноплеменныхъ подданныхъ и исполненіемъ обязанностей, которыя налагаетъ обладаніе властью; ибо о правительствѣ судятъ всегда по его дѣйствіямъ, а не потому, что оно позволяетъ говорить.

Но, что еще важнѣе, такое нахальство панславистскихъ рѣчей создаетъ Россіи дипломатическое невозможное положеніе, потому что придавая ей какъ бы подобіе сборища славянскихъ пиратовъ, — честь сомнительная, которую оправдать мы не можемъ и не желаемъ, — оно политику Россіи дѣлаетъ пугалищемъ всей Европы. Хотя эти завоевательныя стремленія никого не обманываютъ на счетъ ихъ вѣроятнаго исхода, все таки они составляютъ какъ бы постоянную угрозу въ отдаленномъ будущемъ и содѣйствуютъ образованію союзовъ, которые бы никогда не могли осуществиться, если бы наши необдуманныя рѣчи не вынуждали нашихъ сосѣдей брать предосторожности противъ возможныхъ случайностей. Что значатъ всѣ эти яростныя восклицанія печати какъ будто правительственной? ибо на счетъ свободы нашего слова не ошибается никто; всѣ знаютъ, что все, что говорится, говорится съ дозволенія или съ допущенія правительства. Что значитъ это политическое сосредоточеніе, полное недомолвокъ и желающее казаться грознымъ? Есть-ли это совершенное уединеніе, или это не больше какъ скрытное недоброжелательство, заставляющее предугадывать какой нибудь рискованный шагъ на поприщѣ необдуманныхъ алчностей или дерзкихъ стремленій? По несчастью, это лишь напрасное желаніе отвести глаза тѣмъ, кому очень хорошо извѣстно наше безсиліе, недозволяющее намъ преслѣдовать порабощенія племени, у котораго, изъ его соплеменности съ нами,

осталась лишь ненависть къ режиму и для насъ самыхъ невыносимому. И такъ, это непонятное старанiе вызвать въ нацiи пагубныя иллюзiи, а во всей Европѣ очень извинительныя предвидѣнiя, возбуждающiя всеобщее недоброжелательство, не болѣе какъ бѣдственная непослѣдовательность. Это также не болѣе, какъ обманчивый расчетъ и неудачное средство отвести безпокойныя стремленiя и направить ихъ на цѣль болѣе отдаленную, чтобы удержать у насъ порядокъ вещей, который долго существовать не можетъ. Во всякомъ случаѣ это важная ошибка, за которую Россiя въ концѣ должна будетъ поплатиться.

§ 8.

И такъ, изъ приведенныхъ выше критическихъ замѣчанiй о нашей политикѣ въ недавнемъ прошедшемъ, мы видимъ ясно, что если послѣдняя восточная война и не была непосредственно дѣломъ недоброжелательства, расчитаннаго на то, чтобы удержать развитiе нацiональнаго благосостоянiя Россiи и ослабить ее посредствомъ самыхъ ея успѣховъ, то не остается никакого сомнѣнiя ни на счетъ всеобщей враждебности всей Европы, ни на счетъ тайной цѣли, которую отъ начала войны преслѣдовали и тѣ, которые не очень ей противились, и тѣ, которые даже ее поощряли. Хотя достигнутая, различными способами, цѣль эта была одна, то есть: ослабить насъ на долго въ милитарномъ и финансовомъ отношенiи. Россiя, сберегающая въ мирѣ силы, капитала и крови, могла сдѣлаться слишкомъ могущественной; необходимо было замедлить ходъ ея возрастающаго благосостоянiя. Война съ Турцiею представляла для достиженiя этой цѣли случай тѣмъ болѣе удобный, что не было ни малѣйшаго сомнѣнiя на счетъ намѣренiя всей Европы, помѣшать намъ, при заключенiи мира, воспользоваться нашими

военными успѣхами. Вся дипломатическая тонкость князя Бисмарка, такимъ образомъ, состояла въ томъ, что онъ предусмотрѣлъ политическія послѣдствія нашей довѣрчивой смѣлости, что ему доставило случай приписать себѣ легкую заслугу, и коверкая слова знаменитой телеграммы изъ Версали, сказать: „Россія Германіи обязана тѣмъ, что весною 1878 г. война не приняла громадныхъ размѣровъ.“ Но такъ какъ результаты войны не должны были ни въ какомъ случаѣ „затрогивать интерессовъ Австріи,“ то съ самаго начала было очевидно, что при такой комбинаціи, Россія не могла получить всего, чего желала. Наше же несчастье состояло въ томъ, что мы недовольно вѣрили откровенности князя Бисмарка, который однако сказалъ съ самаго начала, что „онъ одинаково заботится о пользѣ Австріи, какъ и о пользѣ Россіи, и не пожертвуетъ никогда интерессами одного изъ союзниковъ интерессамъ другаго.“ Какъ бы тамъ ни было, однако изъ всѣхъ нашихъ побѣдъ, изъ всѣхъ нашихъ недочетовъ, должно бы намъ остаться хоть то драгоцѣнное поученіе, что война, даже счастливая, составляетъ всегда бѣдствіе, и что въ отношеніи политики, какъ и въ отношеніи финансовъ и даже въ отношеніи политическаго вліянія, миръ составляетъ приходъ, а война невознаградимый расходъ обаянія и силъ. Такимъ образомъ, сама сила вещей предписываетъ намъ, можетъ быть на долго, спаительное сосредоточеніе, которымъ на этотъ разъ Германія, для исполненія своего „призванія“, не воспользуется. Будущность, надѣемся, докажетъ, что для Россіи, въ извѣстныхъ ситуаціяхъ, важнѣе и полезнѣе сосредоточенная внутренняя сила, чѣмъ сила экспансивная, стремительно дѣйствующая наружу.

§ 9.

И такъ, именно этому несчастному сердечному се-

глашенію съ Пруссіей съ 1863 г. мы обязаны политическимъ положеніемъ, гнетущимъ весь міръ, ниспроверженіемъ европейскаго равновѣсія и необузданнымъ милитаризмомъ, при которомъ миръ дѣлается почти также накладнымъ, какъ была война въ прежнее доброе время испытанныхъ союзовъ и искуссно расчитанныхъ соперничествъ. Въ нѣсколько лѣтъ Россія потеряла плоды трудовъ нѣсколькихъ царствованій, наслѣдіе вѣковой мудрости. На мѣстѣ лиги государствъ мирныхъ, друзей благодарныхъ, которые составляли для нея непрерывную ограду, она видитъ передъ собою Германію объединенную, грозную, друга сомнительнаго въ настоящемъ, у котораго уже свои интерессы на Дунаѣ и на Востокѣ, и который въ будущемъ можетъ еще найти какіе нибудь интерессы даже на Вислѣ, или тамъ гдѣ ему ихъ укажетъ его незастѣнчивая политика. Если бы съ 1870 г. положеніе не измѣнялось больше, то все таки мы могли бы сохранить преобладаніе въ Европѣ, не смотря на то, что она была уже преобразована по новымъ видамъ. Тогда началъ проявляться очень естественный феноменъ; всѣ интерессы, попранные или угрожаемые, соглашались между собою и стали группироваться около Россіи, какъ около державы самой значительной и лучше всего способной составить спасительный противовѣсъ и противодѣйствіе всякимъ хищническимъ поползновеніямъ. Все что въ Европѣ страшилось и страдало, привѣтствовало въ ней защитницу находящагося въ опасности публичнаго права. Преувеличенные можетъ быть размѣры, приписываемые возникшему въ 1875 г. переполоху по случаю натянутыхъ отношеній между Франціею и Германіей, и роль, которую тогда будто играла наша дипломатія, показывали ясно, что міръ желалъ въ лицѣ нашего Государя провозгласить спасителя; здѣсь „легенда предупреждала исторію". Неудивительно, если

при такомъ просвѣтлѣніи политическаго горизонта въ Европѣ, князь Бисмаркъ не могъ намъ отказать въ удовольствіи предпринять правильный крестовой походъ противъ невѣрныхъ. Но мы вынуждены заявить, что одни лишь московскіе исповѣдники могли предполагать, что изъ этой „священной войны“ Россія выйдетъ сильнѣе, чѣмъ когда либо и станетъ судьей въ дѣлахъ всего міра. Впрочемъ, самая большая наша ошибка состояла не въ томъ, что мы недостаточно оцѣнили силу сопротивленія Турокъ подъ Плевной, или Англичанъ въ Сантъ-Стефано; бѣдственное наше заблужденіе состояло въ томъ, что мы полагали будто Германія, жертвуя намъ интерессами Австріи въ восточномъ вопросѣ, согласится благосклонно и добровольно гарантировать намъ неоспоримое политическое преобладаніе, необходимое послѣдствіе новаго положенія дѣлъ. Этого быть не могло и это именно надо было предвидѣть.

Прежнее политическое положеніе теперь совершенно измѣнилось. Вводя рѣшительно своего новаго сообщника въ восточный вопросъ, Германія ожидаетъ, что наше съ нимъ соперничество, по стариннымъ преданіямъ неизбѣжное, вынудитъ насъ еще не разъ прибѣгать къ ея услугамъ, въ которыхъ, мы въ этомъ увѣрены, никогда недостатка имѣть не будемъ. Тогда оправдатся слова знаменитаго публициста: „Гогенцоллерны примутъ на „себя въ славянскомъ мірѣ роль, которая когда то при„надлежала Романовымъ въ мірѣ германскомъ; они ста„нутъ тамъ удерживать равновѣсіе силъ между Австріей „и Россіей, точно также какъ нѣкогда, среди Герман„ской Конфедераціи, Россія уравновѣшивала силы Пруссіи „и Австріи.“ Мы еще добавимъ, что кромѣ того, они вѣроятно останутся въ благосклонной дружбѣ съ обѣими соперницами, будутъ принимать на себя роль посредника всегда желаннаго, и, подчасъ, роль „честнаго маклера,“

получающаго куртажъ разъ со стороны Двины или Вислы, другой разъ со стороны Инна или Молдавы.

Невозможно не замѣчать очевидности такого направленія въ политикѣ германскаго канцлера. Эта идея впрочемъ не нова; мы о ней знали давно, и если она до сихъ поръ не побуждала насъ къ осмотрительности, то это лишь потому, что наша безграничная увѣренность въ прочности и надежности нашего сердечнаго соглашенія съ Пруссіей, по принципу мѣшала нашей политикѣ ясно видѣть. Для оцѣнки политическихъ стремленій князя Бисмарка мы бы должны принимать во вниманіе малѣйшіе намеки, ибо этотъ великій геній не такой человѣкъ, чтобы отказался отъ разъ усвоенной себѣ великой идеи. Надо признать, что какъ колебаніе, такъ и непослѣдовательность ему равно неизвѣстны; онъ знаетъ чего хочетъ, никогда не разбираетъ средствъ, и, если въ его политикѣ замѣчаются иногда остановки и замедленія, то онѣ ни мало не бываютъ слѣдствіемъ какой либо снисходительности, но скорѣе составляютъ предусмотрительность и расчетъ, по которому онъ старается занять новую стратегическую позицію. При будущемъ положеніи международныхъ сношеній, настоящимъ врагомъ Германіи, то есть такимъ изъ пораженія котораго она могла бы извлечь выгоды, не можетъ быть Франція, но скорѣе всего Россія. Зарейнскій сосѣдъ получилъ урокъ слишкомъ чувствительный для того, чтобы добровольно дѣлать пробу, которая можетъ ему стоить дорого. Укрѣпленіе республиканскихъ идей во Франціи, какъ это хорошо предвидѣлъ князь Бисмаркъ, будетъ всегда залогомъ мира, хотя бы ради матеріальнаго благосостоянія, точно такъ какъ династическій интерессъ побудилъ бы монархическое правительство, если бы оно существовало во Франціи, къ какимъ нибудь рѣшительнымъ шагамъ для поддержанія, посредствомъ счастливаго разрѣшенія

политическихъ усложненій, обаянія монархіи. Если бы даже были вѣроятны различныя стеченія обстоятельствъ, при которыхъ Германія могла бы опасаться „возмездія“ побѣжденной Франціи, она всегда бы была въ состояніи, предлагая своевременно и добровольно, подъ извѣстными условіями, желанную уступку забранныхъ провинцій, выговорить себѣ снисходительность Франціи или ея равнодушный нейтралитетъ. На такой мастерской ходъ мы могли бы отвѣчать лишь предложеніемъ своего союза, который, какъ мы недавно испытали, не прельщаетъ больше никого. Совсѣмъ другія отношенія должны существовать между Германіей и ея восточнымъ сосѣдомъ; на его счетъ она можетъ закруглиться сообразно вѣковому направленію своего народонаселенія; тамъ ея традиціонная политика можетъ надѣяться на успѣхъ вслѣдствіе общественнаго разложенія, которое повидимому у насъ обнаруживается. Это необходимое послѣдствіе основанія того милитарнаго „серединнаго“ государства, которое, по естественному теченію обстоятельствъ, должно стремиться постоянно сдѣлаться все больше и больше унитарнымъ. Съ самаго начала мы не имѣли недостатка въ пророческихъ намекахъ. Мы знаемъ офиціально изъ депешъ графа Бейста къ австрійскому посланнику въ Мюнхенѣ отъ 6-го и 9-го Апрѣля 1867 г., что сдѣлано было предложеніе національнаго союза между Австріею и Германіей съ цѣлью устройства политическихъ отношеній между обоими государствами. Это предложеніе, сначала отвергнутое подъ вліяніемъ чувства досады, возбужденнаго недавнею войною, получило начало своего осуществленія въ тѣсномъ союзѣ, заключенномъ при содѣйствіи графа Андраши. „Органическое сближеніе“ теперь составляетъ вопросъ дня въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Наше правительство должно быть въ этомъ увѣрено болѣе чѣмъ кто либо, не смотря на всѣ дружественныя

отпирательства и на всѣ торжественныя заявленія, получаемыя изъ Берлина. Канцлеръ его предсказываетъ, офиціозные кружки намекаютъ на него явно, парламентскія партіи приходятъ въ восторгъ отъ великой идеи; даже самые горячіе наши приверженцы въ былое время дѣлаются теперь ея поклонниками. Приманкой для Австріи служитъ будто мирное пріобрѣтеніе Востока, а опасенія, возбуждаемыя нашею традиціонной жадностью къ завоеваніямъ, необхедимо вліяютъ на ея окончательное рѣшеніе. Увѣренные въ сочувствіи Англіи, а можетъ быть въ случаѣ нужды и въ ея союзѣ, два новыхъ друга имѣютъ возможность выступить въ походъ когда имъ заблагоразсудится, то есть сейчасъ какъ только мы какимъ нибудь неблагоразуміемъ облегчимъ имъ къ этому средства.

Благосклонныя чувства родства въ этомъ ничего не подѣлаютъ; одинъ лишь государственный интерессъ, подъ вліяніемъ наущенія какого бы то ни было канцлера, всегда будетъ побуждать Германію къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Насъ хотятъ увѣрить въ противномъ, и даже, можетъ быть, именно для того, чтобы удержать насъ еще нѣсколько времени въ выгодномъ для себя бездѣйствіи; но мы видимъ: предвидѣнія ясны и положеніе опредѣленно на чисто, хотя въ этомъ честномъ ремеслѣ не все еще идетъ гладко.

§ 10.

Надо полагать, что на будущее время намъ не придется больше въ нашихъ союзахъ играть роль обманутыхъ; и какъ справедливо говорятъ, что испытать измѣну можно лишь отъ своихъ друзей, ибо кому же и довѣриться какъ не друзьямъ, то въ будущемъ, покорившись судьбѣ, которая все таки предоставляетъ намъ блистательную политическую участь, мы будемъ вынуждены

стрѣчься лишь отъ нашей мечтательной политики и вести политику реальную. И такъ, зло еще не велико.

Надо думать, что если мы разъ покончимъ съ восточнымъ вопросомъ, ибо никто не обязанъ исполнять неисполнимаго, то насъ уже оставятъ въ покоѣ. Такимъ образомъ мы воспользуемся тѣмъ избыткомъ гарантій, которыя Австрія и Англія благоволили предложить „сказочному больному“ и станемъ безпощадно надѣлять его благими совѣтами, на этотъ разъ безкорыстными, такъ какъ взять съ него уже нечего. Это доставитъ намъ въ замѣнъ предполагаемаго соперничества вліяніе дѣйствительное, ибо такъ какъ раньше или позже все таки придется послѣ „больнаго“ дѣлить наслѣдство, а мы отъ него благородно отказываемся, то такое наше безкорыстіе мы можемъ поставить въ счетъ „честному маклеру,“ которому это будетъ по дѣломъ.

Надо еще предполагать, что отрѣкшись наконецъ на всегда и безвозвратно отъ качества славянскаго Гаргантуи, за которое насъ такъ упрекали, мы отъ этой перемѣны фронта пріобрѣтемъ громадныя выгоды политики мирной и соблюдающей свое достоинство на столько, чтобы возбудить къ себѣ уваженіе. Наша близкая сосѣдка и какъ бы одноплеменница, эта столь опозоренная Австрія, ничего не опасаясь въ настоящемъ, успокоенная на счетъ будущаго, сдѣлается нашей естественной союзницей и обеспечитъ намъ спокойствіе, котораго нашъ берлинскій другъ никогда нарушить не посмѣетъ. Такимъ образомъ славянскій міръ будетъ принадлежать намъ обоимъ, и мы, не прибѣгая ко вмѣшательству этого сомнительнаго друга, съумѣемъ раздѣлить его между собою.

Тогда то именно идея славянскаго соединенія получитъ глубокій смыслъ. Но принципъ этого соединенія долженъ будетъ существенно различаться отъ того, къ

которому насильно прикрѣпляетъ насъ бѣдственной памяти режимъ. Тождественность племеннаго происхожденія, для того чтобы имѣть смыслъ политическій, прежде всего должна сопровождаться единствомъ нравственныхъ и политическихъ стремленій, ибо преданія общаго происхожденія могутъ быть поддержаны лишь общимъ сочувствіемъ къ извѣстному политическому идеалу. Кровное родство образуетъ естественную связь, которой въ политикѣ ни отвергать, ни игнорировать нельзя; но національность, что бы тамъ ни говорили, будетъ всегда составлять такой элементъ, который призванъ рѣшать окончательно всѣ вопросы о составѣ государства. Этому не помѣшатъ никакія легальныя ограниченія, ни даже запальчивыя гоненія. Придетъ время, когда счастье перемѣнится; это потому что или побѣжденный созрѣетъ въ безмолвіи и гоненіи, или побѣдитель слишкомъ увлечется своимъ презрительнымъ изступленіемъ. Тогда придется повернуть назадъ; хорошо еще если судьба оставитъ намъ какую нибудь постоянную дверь для выхода. Но патріотическія чувства національности, на равнѣ со всякимъ другимъ политическимъ принципомъ, составляютъ, да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, какъ бы пожизненный майоратъ, въ которомъ никакой обязательный долгъ настоящаго владѣльца не можетъ никакимъ образомъ связывать будущихъ поколѣній. И если Россіи суждено когда либо осуществить идею славянскаго соединенія, то она достигнетъ этого лишь постояннымъ превосходствомъ своей общественной цивилизаціи, но никакъ не принужденіемъ, ни завоеваніемъ. То есть, что нравственное единство, дѣйствительное и сознанное, должно предшествовать единству политическому и сдѣлать его возможнымъ. А потому сегодня надо воспользоваться вліяніемъ соціальныхъ наукъ, національной поэзіи, свободы печати, и всѣхъ наконецъ тѣхъ

нравственныхъ силъ, безконечныхъ хотя и неосязаемыхъ, которыя совершали столько чудесъ отъ начала нынѣшняго столѣтія. Такимъ именно образомъ все можетъ удаться, но тому только, кто съумѣетъ ожидать.

Мы знаемъ хорошо, что наше обозрѣніе политическаго горизонта сразу оскорбитъ русскіе національные предразсудки. Но какъ политика великой націи не должна руководствоваться ни энтузіазмомъ, ни злопамятствомъ, то мы для Россіи не видимъ другаго исхода. По нашему мнѣнію, только предлагаемая нами новая политическая комбинація можетъ дать ей спокойствіе, необходимое для совершенія великихъ реформъ, которыхъ требуетъ наше общественное положеніе. Эта комбинація доставила бы Россіи сочувствіе всей Европы, и вмѣстѣ спасла бы ее отъ опаснаго уединенія. Она бы успокоила Англію на счетъ нашихъ предполагаемыхъ захватовъ въ Европѣ, и вмѣстѣ открыла бы намъ дорогу къ тѣсному союзу съ Франціей, устраняя всѣ прежнія усложненія, которыя до сихъ поръ давали намъ поводъ къ ссорѣ.

Но когда ударитъ часъ возмездія, часъ указанный судьбою, а не назначенный человѣческими страстями, тогда мы сведемъ счеты съ нашимъ бывшимъ союзникомъ, въ полной увѣренности, что мы, не вынимая даже меча изъ ноженъ, однимъ своимъ неблагосклоннымъ нейтралитетомъ успѣемъ заставить его возвратить добычу, которой онъ нахватилъ слишкомъ много. Натурально тогда въ Германіи образуется новый политическій порядокъ, и не мы станемъ защищать ея принудительное, наступательное и хищническое единство.

И такъ, политика Россіи должна быть тверда, мирна и безкорыстна. Всѣ наши силы должны быть направлены къ одной цѣли: основать внутреннюю свободу и гарантировать ее увеличеніемъ матеріальнаго благосо-

стоянія. Этого труда будетъ вдоволь для цѣлаго поколѣнія, а онъ дастъ Россіи политическое вліяніе, на которое она имѣетъ дѣйствительное право. Имперія, раскинутая на такой значительной части земнаго шара, подъ столь различными климатами, не нуждается въ завоеваніяхъ. Да поможетъ ей Богъ сохранить въ цѣлости свои теперешнія пріобрѣтенія; искать же славы и силы она должна лишь въ развитіи своихъ внутреннихъ силъ. Политическое преобладаніе явится само собою, когда всѣ ея части, соединенныя въ одно гармоническое цѣлое, будутъ счастливы, и станутъ гордиться тѣмъ, что живутъ подъ однимъ скипетромъ.

Изъ всѣхъ этихъ критическихъ соображеній о теперешней нашей внѣшней политикѣ вытекаетъ непреложная истина: что какъ для сохраненія своего вліянія, такъ и для спасенія нашихъ финансовъ, правительство прежде всего должно слѣдовать политикѣ мира, безъ всякой задней мысли; ибо всякая слишкомъ смѣлая политика ведетъ къ дорого стоющимъ усложненіямъ, а намъ никакъ не приходится дѣлать непроизводительныя издержки. Наше явное безкорыстіе дастъ намъ въ будущемъ возможность дѣлать сбереженія въ содержаніи войска, которыя, не уменьшая ни мало оборонительной силы государства, позволятъ намъ употреблять наши финансовыя средства для цѣлей болѣе производительныхъ.

Такой поворотъ въ нашей внѣшней политикѣ, не только что неотложно необходимъ вслѣдствіе нашего политическаго положенія, но онъ сверхъ того, мы полагаемъ, будетъ болѣе всего способствовать будущему политическому величію Россіи. Одно изъ величайшихъ бѣдствій настоящаго времени, это безъ сомнѣнія разнузданный милитаризмъ, поставленный впереди всѣхъ

другихъ общественныхъ потребностей. Мы имъ обя-
заны, по обыкновенію, честной Германіи, учредившей у
себя, на случай войны, спеціальный фондъ, который, по
словамъ канцлера, „долженъ пополняться изъ будущихъ
вѣроятныхъ контрибуцій.“ Мы имъ также и больше
всего обязаны собственной нашей непредусмотритель-
ности; такъ какъ съ нашего именно согласія, нашъ не-
благодарный сосѣдъ былъ въ состояніи приготовить и
употребить въ дѣло свое „усовершенствованное оружіе.“
Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ трудно предвидѣть до
какой степени могутъ увеличиться непомѣрные расходы
на этотъ вооруженный миръ, безъ сомнѣнія болѣе вы-
кладный, чѣмъ любая война въ прежнее время.

Но какъ въ этомъ, будто бы мирномъ соперни-
чествѣ, никогда нельзя предвидѣть дѣйствительныхъ гра-
ницъ необходимости вооруженія, потому что какъ скоро
одинъ сосѣдъ рѣшится увеличить свои военныя средства,
другіе должны непремѣнно за нимъ слѣдовать, и какъ
такое соревнованіе въ концѣ приведетъ всѣхъ къ неиз-
бѣжному финансовому кризису, то для насъ безъ всякаго
сомнѣнія было бы выгоднѣе рѣшить вопросъ сейчасъ же,
а не ожидать пока къ такому рѣшенію принудитъ насъ не-
достатокъ средствъ. Находясь въ положеніи исключи-
чительномъ, мы можемъ имъ воспользоваться по нашему
усмотрѣнію. Если правда, что Россія въ настоящее
время дѣйствительно безсильна для экспансивной дѣя-
тельности, что происходитъ отъ хроническаго безпорядка
въ ея администраціи, за то ея сила сопротивленія огромна.
Неизмѣримыя ея пространства составляютъ самый луч-
шій залогъ ея національной безопасности. Начиная съ
похода Кира противъ Скифовъ и до нашихъ временъ
всякому кто посмѣлъ проникнуть въ эти безграничные
предѣлы, пришлось плохо. Такое естественное преиму-
щество можетъ служить Россіи самой лучшей защитой

ія территоріяльной цѣлости. Система крѣпостей во второй линіи спасетъ ее всегда отъ всякаго враждебнаго нападенія. Даже если допустить, что врагъ стремительнымъ нападеніемъ вломится въ наши границы, намъ будетъ возможно, удалившись въ центръ имперіи, причинить ему неминуемую погибель, если онъ за нами туда послѣдуетъ, или собрать значительныя силы и уничтожить его окончательно. Несмѣтные милліоны русскаго народонаселенія, крѣпкаго и преданнаго отечеству, доставлятъ Россіи всегда достаточное обеспеченіе противъ дерзкаго нападенія, лишь бы только съумѣли съ надлежащею предусмотрительностью устроить наши силы и воспользоваться всѣми нашими средствами. Поэтому наши необдуманныя усилія подобно нашимъ сосѣдямъ постоянно вооружаться, право не что иное, какъ промахъ съ нашей стороны, увы! очень дорого стоющій, слѣдствіе незнанія нашего относительнаго превосходства, а также привычки постоянно повторять, и часто даже неудачно, все что дѣлается или что думается въ западной Европѣ.

Не наше дѣло излагать здѣсь всѣ подробности частичнаго и прогрессивнаго разоруженія и образованія областныхъ ополченій, это работа министерскихъ канцелярій; мы настаиваемъ лишь на томъ, что такое разоруженіе неотложно и крайне необходимо; когда же такая неотложность будетъ допущена въ принципѣ, тогда можно будетъ произвести и техническое изслѣдованіе. Средство такого разоруженія доставитъ всеобщая воинская повинность распространеніемъ въ народонаселеніи спеціальнаго знанія военной службы, а развитіе первоначальнаго образованія дастъ намъ возможность сократить срокъ дѣйствительной службы, сообразно требованіямъ необходимой бережливости. На этихъ именно принципахъ мы основываемъ идею дѣйствительнаго разо-

руженія, въ твердой увѣренности, что заставить другія державы уважать насъ, мы можемъ не столько чрезмѣрно увеличеннымъ числомъ солдатъ, такъ какъ всѣ очень хорошо знаютъ о нашемъ безденежьи, сколько улучшеніемъ состоянія нашихъ финансовъ, и приведеніемъ ихъ въ уровень съ нашимъ историческимъ предназначеніемъ, ибо мы въ одномъ всегда должны быть увѣрены, что въ наше время деньги составляютъ силу войны, доставляющую побѣду и спасающую отъ послѣдствій пораженія.

Но еще больше. Мы утверждаемъ, что рѣшительно принятая нами политика мира, способствуя нашему соглашенію съ Англіею на счетъ взаимныхъ нашихъ границъ въ Средней Азіи, облегчила бы въ тоже время осуществленіе нашего сердечнаго согласія съ этой державой. Успокоенная на счетъ нашихъ традиціонныхъ поползновеній къ захватамъ, Англія была бы вынуждена искать нашей дружбы, хотя бы въ интересахъ своей торговой политики. Наше взаимное соглашеніе облегчило бы успѣхъ предложенія въ Европѣ всеобщаго разоруженія, предложенія тѣсно связаннаго съ финансовымъ вопросомъ, которое вскорѣ сдѣлается политическимъ лозунгомъ либеральныхъ партій во всѣхъ государствахъ.

Мы полагаемъ, что можетъ быть очень скоро представится случай доказать неотложность такого рѣшенія, которое публичное опасеніе желало бы внушить повсемѣстно. Предупреждая это всеобщее желаніе соотвѣтственнымъ дипломатическимъ дѣйствіемъ, мы пріобрѣли бы заслуженную и огромную популярность, которая была бы для насъ лучшимъ огражденіемъ противъ всякаго возможнаго нападенія. Это политическое положеніе было бы намъ тѣмъ болѣе полезно, что изъ всѣхъ европейскихъ державъ, только Англія и Россія ограждены

самой природой достаточно для того, чтобы желать всеобщаго разоруженія. Онѣ даже могутъ навязать его насильно тѣмъ, которые, поддерживая въ цѣлой Европѣ разорительное состояніе вооруженнаго мира, въ дѣйствительности сами постоянно угрожаютъ миру настоящему.

Глава V. Польскій вопросъ.

Въ предыдущей главѣ, разсуждая о нашей внѣшне
политикѣ, мы старались обратить вниманіе читателя н
то бѣдственное и безвыходное положеніе, въ котор
насъ поставила наша непредусмотрительность и злоп
мятство. Мы теперь безъ союзниковъ, мы компромит
рованы, насъ подозрѣваютъ; скоро, быть можетъ, нас
станутъ эксплоатировать и заставятъ поплатиться.

Настоящій союзъ Германіи и Австріи служитъ яв
нымъ предзнаменованіемъ такого будущаго; онъ дока
зываетъ, что теперь насталъ послѣдній срокъ, который
судьба даетъ Россіи. При настоящихъ политическихъ
обстоятельствахъ, такъ какъ мы не отказываемся от
нашихъ традиціонныхъ вожделѣній, восточный вопросъ
хотя на сколько онъ касается насъ уже разрѣшенны
окончательно, все еще стоитъ на первомъ планѣ. Мы
знаемъ, что Австрія гарантируетъ европейскую Турці
а стратегическая позиція, которую она тамъ занимаетъ
такова, что вытѣснить ее оттуда намъ невозможно. Со
образно требованіямъ своей политики, она воспользуетс
всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить свои вл
дѣнія отъ моря до моря, а мы, при нашемъ относител
номъ безсиліи, помѣшать ей въ этомъ вѣрно не усп
емъ. Небольшія государства, созданныя нами на Ба
канскомъ Полуостровѣ, уже соединяются, и скоро при

нутъ къ государству, отъ котораго находятся въ политической и коммерческой зависимости, а не наше сомнительное вліяніе удержитъ ихъ отъ этого. Англія, гарантируя владѣнія Турціи въ Азіи, съ цѣлью получить предлогъ для постояннаго вмѣшательства въ ея дѣла, дѣйствуетъ уже какъ верховная держава неспособнаго вассала. Раньше или позже, необходимыя преобразованія въ азіятской Турціи будутъ введены съ участьемъ турецкаго правительства, или безъ него. Эти преобразованія составятъ надежный оплотъ противъ всякихъ съ нашей стороны посягательствъ, а не намъ помѣшать Англіи эксплоатировать вещественныя богатства страны. Восточный вопросъ дѣйствительно разрѣшенъ уже въ ущербъ Россіи; въ этомъ, быть можетъ, непріятно сознаться; во всякомъ случаѣ, если это зло, то оно невознаградимо, а намъ теперь остается лишь ему покориться. Поэтому Австрія и Германія заключаютъ союзъ не для того только, чтобы укрѣпить пріобрѣтенное уже вслѣдствіе явнаго нашего безсилія положеніе; онѣ очевидно мѣтятъ дальше. Наша изолированность, вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ нашимъ истощеніемъ, поощряютъ жадность нашихъ сосѣдей, которая, хотя до сихъ поръ не проявилась еще во враждебныхъ дѣйствіяхъ, но старается вызвать отношенія, которыя бы сдѣлали ихъ возможными. Разъ признавъ несомнѣнную враждебность новаго союза нашихъ сосѣдей, мы смѣло можемъ вывести отсюда всевозможныя заключенія, и прежде всего заключеніе сообразное съ естественными ихъ стремленіями.

Вотъ почему мы опасаемся, что театръ будущей борьбы будетъ соотвѣтствовать національнымъ вожделѣніямъ, выраженнымъ, въ знаменитомъ и знаменательномъ изрѣченіи: „Der Drang nach Osten.“ Да не покажутся наши предвидѣнія странными; мы уже видѣли, что въ наше время нѣтъ ничего невозможнаго,

и что счастливый исходъ войны оправдываетъ все. Желаніе воспользоваться опасеніями, которыя возбуждаетъ наша традиціонная политика, найдется безспорно, а скорѣе всего возникнетъ жадность удобныхъ присоединеній. Поэтому можно опасаться, что рано или поздно, можетъ быть очень скоро, такъ какъ „желѣзный канцлеръ" старъ и ему ждать некогда, Россія подвергнется нападенію въ самомъ сердцѣ своего могущества, въ Польшѣ, и, по неимовѣрной странности судьбы, нападенію тѣхъ самыхъ, которые вмѣстѣ съ нею были соучастниками прежнихъ ея захватовъ. Тогда то мы увидимъ всеобщую коалицію противъ государства по необходимости панславистскаго, вѣчно угрожающаго войною мирной Европѣ, противъ этого средоточія соціализма, враждебнаго спокойствію народовъ и т. д. Мы полагаемъ, что въ такихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ, равно какъ и во всеобщей враждебности, недостатка не будетъ. Но мы знаемъ на вѣрное, что германскій канцлеръ подобную идею лелѣетъ уже давно; мы даже почти увѣрены, что когда то были сдѣланы нѣкоторыя предложенія въ этомъ родѣ, хотя можетъ быть и не совсѣмъ опредѣленныя. Во всякомъ случаѣ бѣдственное зерно посѣяно и вѣроятно, чтобы взойти ожидаетъ лишь благопріятнаго времени; способъ, которымъ это совершится, долженъ быть для Россіи безразличенъ, такъ какъ онъ всегда поведетъ къ безвозвратной потерѣ. Если тогда, въ слѣдствіе вѣроятной побѣды Германіи, Польша обратится въ независимое государство, въ видѣ нейтральной полосы между обидчивыми сосѣдями, состоящее подъ непосредственнымъ вліяніемъ побѣдителя, или снова будетъ раздѣлена, ей все таки не зачѣмъ будетъ заявлять о своей лойяльной преданности режиму, который, въ замѣнъ отнятой свободы, не съумѣлъ ей доставить даже матеріальнаго благосостоянія и законнаго порядка.

Это предположеніе не такъ несбыточно, какъ сразу можетъ казаться. Выселяться нѣмецкому народу необходимо. Прежде излишекъ населенія направлялся въ Польшу; переселеніе тогда двигалось постоянно къ востоку, и лишь съ тѣхъ поръ, какъ убѣжденіе въ экономической неурядицѣ въ Россіи, вслѣдствіе множества примѣровъ, образовалось и прочно установилось, нѣмецкое переселеніе обратилось рѣшительно къ Америкѣ. Поэтому, пріобрѣтеніе Царства Польскаго составляетъ для династіи Гогенцоллерновъ „pium desiderium," и можно быть впередъ увѣреннымъ, что всякое усложненіе, могущее облегчить достиженіе этой цѣли, будетъ съ жаромъ поддержано нашимъ союзникомъ, котораго на этой дорогѣ не удержатъ ни династическое родство, ни обязанности отяготительной благодарности.

Предварительныя приготовленія къ окончательному исполненію этого проекта начались уже давно. Успѣхи медленнаго и твердаго промышленнаго труда наводняютъ Польшу множествомъ нѣмецкихъ пришлецовъ, которые подъ вліяніемъ неблагопріятнаго впечатлѣнія, производимаго на нихъ настоящимъ режимомъ, правда во второмъ поколѣніи уже перерождаются въ заклятыхъ Поляковъ, хотя съ нѣмецкими фамиліями. Но совсѣмъ тѣмъ, для водворенія въ странѣ нѣмецкаго вліянія нѣтъ средства дѣйствительнѣе наплыва этихъ интеллигентныхъ работниковъ, составляющихъ передовой отрядъ сосѣдней націи. Послѣ этого, для вооруженнаго вмѣшательства останется мало дѣла, а общественное мнѣніе страны, столько разъ обманутое въ своихъ лойяльныхъ ожиданіяхъ, быть можетъ, принуждено будетъ наконецъ принять политическое положеніе, которое, какъ дѣйствительное вознагражденіе за невозможную уже независимость, обеспечило бы по крайней мѣрѣ законность и свободу. Князь Бисмаркъ понялъ это очень хорошо въ

1863 г., когда изъ излишней ревности, очень впрочемъ извинительной, онъ спѣшилъ заключить свою знаменитую конвенцію. Впрочемъ не составляетъ ни малѣйшей тайны, что Гогенцоллернская династія никогда не могла забыть совершенно того времени, когда она владѣла обѣими берегами Вислы, до береговъ Нѣмана. Объ этомъ даже расказываютъ много характеристическихъ подробностей, повторять которыя можетъ быть было бы напрасно. Но то, что для крошечной Пруссіи было лишь полезно, для великой унитарной Германіи, обладающей огромной экспансивной силой, безусловно необходимо. Поэтому пріобрѣтеніе польскихъ провинцій въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, должно непремѣнно составлять цѣль всякой нѣмецкой національной политики. По добровольному соглашенію или посредствомъ насилія, посредствомъ союзовъ или вслѣдствіе побѣды, держава, у которой въ средствахъ нѣтъ недостатка, необходимо наконецъ этой цѣли достигнетъ. Этому еще будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать настоящее политическое состояніе Европы, Австро-Германскій союзъ и изолированное положеніе Россіи.

Наивно было бы думать, что польскій вопросъ въ Россіи разрѣшенъ окончательно столѣтнимъ владѣніемъ. Онъ не рѣшенъ ни мало, и не будетъ рѣшенъ до тѣхъ поръ, пока обоюдное согласіе обѣихъ враждебныхъ національностей не утвердитъ этого владѣнія окончательно. Затруднительность такого положенія Пруссія всегда понимала очень хорошо, и потому въ 1815, въ 1831, равно какъ и въ 1863 гг., предлагала такіе лишь совѣты, которые способны были посѣять больше розни между двумя родственными національностями. Поэтому мы ни мало не ошибаемся утверждая, что настоящая фальшивая дружба Пруссіи къ Россіи всегда сопровождалась задней мыслью о томъ, чтобы оставить открытую дверь

для всякой непредвидѣнности, а можетъ быть для какого нибудь присоединенія, которое бы ей въ концѣ было облегчено національнымъ отчаяніемъ Поляковъ. Вотъ почему мы утверждаемъ, что окончательное разрѣшніе польскаго вопроса, но такое, которое бы было благосклонно принято обѣими національностями безвозвратно и на всегда, составляетъ первѣйшую обязанность всякаго государственнаго человѣка, которому судьба ввѣритъ управленіе русской политикой. И такъ, мы станемъ обсуждать польскій вопросъ въ его настоящемъ видоизмѣненіи, но для того, чтобы обсуждать его по возможности безпристрастно, намъ необходимо сначала сдѣлать историческое обозрѣніе обоюдныхъ злоупотребленій и необдуманныхъ поступковъ, всегда сопровождавшихъ наше вынужденное сожительство.

§ 1.

Польскій вопросъ въ Россіи—вопросъ самый затруднительный, какой только бытъ можетъ. При его обсужденіи, мысли представляется столько народной ненависти, столько мести и столько мученичества! Но однакожъ все таки съ этимъ вопросомъ надо покончить разъ на всегда; всему же вѣдь долженъ быть когда нибудь конецъ, и, какъ въ этомъ дѣлѣ судьба произнесла уже окончательный приговоръ, то не лучше ли обѣимъ сторонамъ прошедшее предать забвенію, и, оставивъ обоюдные упреки, возложить надежду на будущее. Я постараюсь представить этотъ вопросъ въ безпристрастномъ свѣтѣ, прямодушно и безъ всякой задней мысли, и потому стану говорить какъ слѣдуетъ государственному человѣку, который убѣжденъ, что соглашеніе рѣшительно и неотложно необходимо и что оно возможно.

Войны между Русскими и Поляками, по поводу отношеній, возчикавшихъ изъ сосѣдства, продолжаются

уже сотни лѣтъ. Во время оно война между сосѣдями была постоянна; однокровность происхожденія этому не мѣшала; война была состояніемъ обыкновеннымъ, а миръ былъ исключеніемъ. Можно бы даже сказать, что люди дрались въ качествѣ близкихъ и добрыхъ сосѣдей. Впрочемъ, какъ война происходила такъ сказать среди семьи, то она не отличалась большимъ ожесточеніемъ, обѣ воюющія стороны знали хорошо, что онѣ по происхожденію себѣ равны. Безжалостны и безпощадны были лишь въ отношеніи Татарина или Нѣмца, и послѣ, какъ подъ Грюнвальдомъ и на Куликовомъ полѣ споръ съ Нѣмцами и Татарами судьба рѣшила окончательно, оба соперника начали между собою войну за гегемонію въ славянствѣ.

Такъ какъ каждый изъ нихъ принадлежалъ къ различной цивилизаціи, то надо было или одолѣть другъ друга, или же слиться совершенно. Военное счастье благопріятствовало съ начала Полякамъ и привело ихъ въ Москву; высокомѣріе и безтактность побѣдителей раздражали національное чувство Русскихъ; народное избраніе возвысило къ верховной власти династію Романовыхъ. Поляки, вытѣсненные изъ Россіи, подверглись въ свою очередь нападенію и вынуждены были защищаться у себя дома; вскорѣ они были побѣждены и поражены. Весь этотъ періодъ польской исторіи заключаетъ въ себѣ постепенное паденіе Польши, котораго различныя фазы могли быть предусмотрѣны впередъ, и которое завершилось тому назадъ сто лѣтъ окончательнымъ ея покореніемъ. Поляки, хотя побѣжденные и унылые, но не терявшіе надежды, въ теченіе столѣтія вели войну потаенную; всякое оружіе противъ нашествія враговъ казалось имъ пригоднымъ: измѣна, лесть и проклятія; ни что не могло ихъ унять, ни благосклонность, ни репрессія, ни подкупы; до такой степени на-

ціональное чувство было живо и дѣятельно, покуда оставалась какая нибудь надежда добиться независимости.

Такимъ образомъ Польша почитала, что она находится въ безпрерывной борьбѣ съ завоеваніемъ. Всякій ея раздѣлъ, всякій о ней договоръ или соглашеніе, совершенные или заключенные безъ ея участія, почитались недѣйствительными и для страны необязательными. Принимая условія такихъ сдѣлокъ для себя благопріятныя, Поляки всегда помышляли о возможности избавиться отъ ихъ всѣхъ. Въ этомъ отношеніи всѣ партіи были согласны, думали, что надо взять что давали и сохранить за собою право добиваться остальнаго.

Но могло-ли быть иначе? Завоеваніе никогда не было признано за право цѣлой страной; во мнѣніи Поляковъ оно было лишь актомъ грубой силы, объясняемымъ, но ни мало не оправдываемымъ исторической судьбою; поэтому, всякое ему противодѣйствіе, на основаніи международнаго права и съ польской точки зрѣнія, было лишь дѣломъ законной защиты. Если вызванныя отчаяніемъ насилія влекли за собою репрессію тѣмъ грознѣе, чѣмъ чаще они повторялись, это по общему мнѣнію было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ военнаго состоянія. Отстранить такія бѣдствія старались единичными усиліями, расчитывая порвать цѣпи при первомъ удобномъ случаѣ.

§ 2.

Невозможно не признать, что одной изъ главныхъ причинъ постояннаго сопротивленія Поляковъ завоеванію съ самаго начала, было раздробленіе націи между тремя союзниками. Если бы Россія была въ состояніи завоевать всю страну сама одна, то самый даже фактъ незаконнаго завладѣнія, современемъ и мало по малу, показался бы лишь необходимымъ присоединеніемъ, которое

въ наше время еще бы болѣе упрочили матеріальные интерессы и идея государственнаго могущества. Въ настоящее время мы не въ состояніи рѣшить: недоставало-ли тогда Россіи смѣлости дѣйствовать рѣшительно, или скорѣе предвидѣнія политическаго положенія въ будущемъ; во всякомъ случаѣ это была важная ошибка. Кромѣ того, чтобы оправдать свою жадность и насиліе и прикрыть ихъ сомнительною законностью, три завоевателя, не помня о томъ, что и безъ того уже національной чести нанесена позорная обида самымъ фактомъ поголовнаго и подушнаго ея раздѣла, вздумали требовать удовлетворенія своихъ неслыханныхъ претензій, основывая ихъ на какихъ то историческихъ правахъ, обветшалыхъ или неправдоподобныхъ. Это по истинѣ значило добровольно продолжать сопротивленіе, перенося его изъ области совершенныхъ фактовъ, по политическимъ соображеніямъ можетъ быть даже извинительныхъ, на почву отвлеченныхъ идей и безусловныхъ началъ народной чести. Это значило вызывать борьбу на томъ поприщѣ, гдѣ святость обязанностей не допускаетъ забвенія.

Этотъ принципъ возвращенія когда то будто бы принадлежавшихъ провинцій, былъ причиной введенія въ Россіи административнаго раздѣленія на „губерніи возвращенныя“ и „неразрывно связанныя“ въ слѣдствіе завоеванія или мирныхъ трактатовъ. Такое названіе во всякомъ случаѣ показывало, какъ мало было обращено вниманія на національныя преданія и благородныя скорби. Это административное дѣленіе было причиной значительной розницы въ самой администраціи; съ одной стороны она была болѣе законна, съ другой — болѣе произвольна и какъ бы нарочно устроена такъ, чтобы въ обѣихъ частяхъ присоединеннаго края возбуждать естественную вражду къ правительству, отмѣривающему своимъ под-

даннымъ справедливость и гражданское равенство двумя различными мѣрками. Такое раздѣленіе прежде всего дало всѣмъ національнымъ силамъ, произвольно лишеннымъ естественнаго общенія, поводъ къ безпрестанной борьбѣ то дерзкой и отважной, то скрытной и хитрой, чтобы достигнуть политическаго соединенія частицъ, которыхъ, въ собственномъ своемъ интерессѣ, не долженъ былъ разлучать самъ завоеватель. Если бы въ 1815 г. Россія соединила въ одно политическое цѣлое всѣ пріобрѣтенныя отъ Польши провинціи, то посредствомъ личнаго соединенія она привязала бы побѣжденныхъ къ царствующей Династіи на всегда. Такая политическая мѣра, удовлетворяя въ извѣстной степени народныя стремленія, въ концѣ показалась бы Полякамъ какъ бы продолженіемъ прежней національной жизни. Для всякаго Поляка соединеніе всѣхъ разсѣянныхъ частей отечества подъ однимъ скипетромъ, составляло бы политическій идеалъ, предметъ общественной дѣятельности и цѣль будущаго. Тѣ самыя сдѣлавшіяся послѣ враждебными силы, посвящая себя, съ врожденнымъ имъ горячимъ усердіемъ, патріотической идеѣ, безсознательно и сами о томъ не зная, трудились бы надъ укрѣпленіемъ завоеванія, противъ котораго впослѣдствіи пришлось имъ бороться. Тогда великая мечта панславизма могла бы воспламенить довѣрчивый восторгъ польскихъ соплеменниковъ и сосѣдей, и „всѣ славянскіе ручьи слились бы въ одномъ національномъ морѣ.“ Но чтобы этого достигнуть, надо было чистосердечно слѣдовать либеральнымъ принципамъ, которые повидимому одушевляли Императора Александра Павловича во время Вѣнскаго конгресса. По несчастью такъ не случилось, и, какъ сами побѣдители находились подъ неограниченнымъ режимомъ, то они не могли охотно допустить для побѣжденныхъ такого поразительнаго отличія; отсюда произошло то, что

польская конституція, обижая самолюбіе Русскихъ, пробудила въ нихъ вѣковые предразсудки и сдѣлалась предметомъ молчаливаго ихъ неодобренія, хотя они сами должны бы были болѣе всего быть заинтерессованы въ ея сохраненіи и въ возможно большемъ распространеніи ея благодѣтельнаго дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ Поляки, по странному опредѣленію судьбы, въ современной исторіи Россіи какъ будто бы играютъ роль совершенно спеціальную: при господствѣ либеральной системы они пользуются покровительствомъ, всякая же реакція съ ожесточеніемъ старается ихъ уничтожить и стереть съ лица земли. Казалось бы почти, что этотъ чуждый, насильно втолкнутый въ общественное тѣло Россіи элементъ, представляетъ въ немъ принципъ либеральнаго прогресса, такъ какъ онъ борется скорѣе противъ неограниченнаго режима, чѣмъ противъ государственнаго соединенія съ Россіей; и это дѣлаетъ его для русскихъ патріотовъ тѣмъ болѣе симпатичнымъ, чѣмъ искреннѣе онъ отказывается отъ продолженія невозможной борьбы за независимость.

По несчастью, съ самаго начала обѣ стороны, какъ Русскіе, такъ и Поляки, вмѣсто того чтобы трудиться надъ раціональнымъ разъясненіемъ обоюдныхъ обязанностей, стали бороться: одни за идеалы своего патріотизма, другіе—противъ послѣдствій прежней политической ошибки. Тогдашнее политическое состояніе европейскихъ государствъ представляло столько непредвидѣннаго, что питать несбыточныя надежды Полякамъ, по истинѣ, было простительно. Они могли легко забыть, что паденіе Польши, которое обыкновенно приписывается завоеванію, въ дѣйствительности рѣшено уже было за долго передъ тѣмъ, самою невозможностью независимаго существованія среди могущественныхъ сосѣдей, а больше всего ея естественною зависимостью въ отношеніи экономическихъ

интерессовъ. Такимъ образомъ, постоянной причиной продолжительной вражды двухъ націй, — вражды тѣмъ болѣе серьёзной, что ихъ взаимныя отношенія вращались въ ложномъ кругу, и если одна была неправа, то права не была и другая,—было лишь непостоянство народныхъ стремленій и вѣковая несовмѣстимость ихъ политическихъ преданій и соціальныхъ наклонностей.

Изслѣдуя внимательно всѣ системы, которыя русское правительство примѣняло къ Польшѣ, мы легко замѣчаемъ одну черту общую имъ всѣмъ: если примѣняется система примиренія, то въ ней всегда найдутся умышленныя умолчанія или упущенія, или же какой нибудь мнимо легальный обманъ, заключающіе въ себѣ скрытное намѣреніе достигнуть отъ восторженнаго довѣрія, не замѣчающаго настоящихъ побужденій, того унизительнаго отрѣченія, которое впослѣдствіи, когда придетъ расположеніе къ дѣятельной репрессіи, предполагаютъ презрительно навязать посредствомъ употребленія грубой силы. Примирительныя намѣренія правительства, часто проводимыя посредствомъ личностей недоброжелательныхъ польской народности, возбуждали всегда столкновенія, обижающія чувство національнаго достоинства Поляковъ. Такимъ образомъ обоюдная недовѣрчивость не дозволила осуществить цѣли, равно для обѣихъ сторонъ полезной.

Мы никакъ не намѣрены оправдывать польскихъ патріотовъ въ томъ, что они, вмѣсто того чтобы пользоваться либеральными учрежденіями, дарованными конституціей 1815 года, вздумали съ самаго начала, посредствомъ тайныхъ сходокъ, поддерживать въ странѣ постоянное волненіе; для насъ очевидно, что національная партія въ Польшѣ не имѣла яснаго понятія о тогдашнемъ положеніи, которое не смотря на многія нелегальности, все таки оставляло ей довольно простора для

того, чтобы трудиться на пользу страны и способствовать ея общественному и экономическому развитію. Послѣдствія показали ясно, что самое ненадежное средство внушить къ себѣ почтеніе побѣдителя, это — выказывать презрѣніе къ легальнымъ формамъ, которыя онъ предписалъ себѣ самъ. Но почитая Поляковъ отвѣтственными передъ потомствомъ, мы въ тоже время въ ихъ извиненіе вынуждены замѣтить, что выборъ Великаго Князя Константина Павловича на представителя Императорской власти въ Варшавѣ, не былъ способенъ побудить ихъ къ терпѣнію. Его безразумная грубость, (выраженіе это не преувеличено, ибо извѣстно, что эта самая особенность Его характера была одной изъ причинъ, устранившихъ Его отъ престола) заставляла Его постоянно оскорблять народную честь, и не могла Ему доставить общей благосклонности.

Такимъ образомъ послѣ десятилѣтнихъ обоюдныхъ непослѣдовательностей и произвольныхъ гоненій, дѣло дошло до того, что трудно было предугадать, кто первый начнетъ борьбу: нежелавшее исполнить непріятныхъ для себя обѣщаній правительство, или увлеченный въ водоворотъ нелегальнаго сопротивленія народъ. Несдержаніе данныхъ обѣщаній однимъ, вызвало въ другомъ недовѣріе. Это сдѣлало невозможными совѣты благоразумнаго терпѣнія, такъ какъ люди всегда цѣнятъ удальство болѣе чѣмъ осторожность, храбрость болѣе чѣмъ благоразуміе, и силу болѣе чѣмъ совѣты. Прирожденная пылкость національнаго чувства довела наконецъ Поляковъ до отчаянія, и борьба началась.

Въ 1831 г. произошелъ кризисъ, прискорбный для обѣихъ сторонъ. Кризисъ этотъ, вызванный польской націей, не оправдалъ ея ожиданій, и отнялъ у нея всѣ средства легальной защиты; послѣ его усмиренія правительство нашло въ немъ поводъ къ непомѣрнымъ го-

ненiямъ, доходившимъ до того, что казалось какъ бы оно желало поджечь домъ, чтобы заставить выйти изъ него безпокойнаго жильца. Но всякiя мстительныя мѣры доказываютъ не больше какъ злобу побѣдителя. Если бы власть, усмиривъ взрывъ необдуманныхъ страстей, возвратилась къ системѣ благосклоннаго примиренiя, то общественное мнѣнiе въ Польшѣ принуждено бы наконецъ было признать логику совершившагося факта; между тѣмъ какъ подозрительная и постоянная репрессiя, доводя отчаянiе до необдуманныхъ поступковъ, была причиною продолженiя чувства той роковой ненависти и жажды мщенiя, которыя останутся на всегда достопамятнымъ примѣромъ въ исторiи человѣческихъ страстей и ихъ бѣдственныхъ послѣдствiй.

§ 3.

Въ началѣ настоящаго царствованiя общественное мнѣнiе въ Польшѣ, опечаленное, но не впавшее въ унынiе, ожидало отъ юнаго Государя исправленiя многихъ важныхъ неправостей, удовлетворенiя обидъ и возстановленiя неотъемлемыхъ правъ. Надо считать большимъ несчастьемъ, что изъявленiе милостивыхъ намѣренiй Его Величества, сопровождаемое прискорбными словами: „pas de reveries,“ не было понято и не прiобрѣло надлежащаго влiянiя. Если бы реформы, введенныя послѣ, при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ, были обнародованы съ самаго начала царствованiя, если бы при томъ дано было участвовать въ извѣстной мѣрѣ въ выгодахъ отъ новыхъ учрежденiй и другимъ провинцiямъ прежней Польши, то всѣ нацiональныя стремленiя Поляковъ были бы этимъ удовлетворены. Между тѣмъ, какъ тѣ же самыя роформы, введенныя послѣ безпорядковъ, которыхъ значенiе впрочемъ преувеличено, казались какъ бы вынужденными силой, и тѣмъ менѣе имѣю-

щими значенія, что онѣ составляли, какъ это оказалось впослѣдствіи, непостоянное право, а лишь временную милость, которую можно было отмѣнить по произволу. Положеніе, принятое во время мятежнаго движенія зажиточными и образованными сословіями страны, указываетъ ясно на то, чего бы могло достигнуть правительство, если бы, усмиривъ безпорядки въ самомъ зародышѣ, съ довѣріемъ обратилось къ націи; средства для этого у него были, недоставало лишь желанія. Одна возможность, которую имѣли задумавшіе движеніе приготовлять его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на глазахъ правительства устроеннаго, сильнаго и неразборчиваго на средства, доказываетъ уже достаточно или неискренность правительства при провозглашеніи реформъ, или недобросовѣстность его агентовъ при ихъ примѣненіи. Мы не смѣемъ подвергать сомнѣнію искренность намѣреній Государя Императора, котораго терпѣливое ожиданіе было постоянно обмануто; но мы знаемъ по опыту какъ часто, при настоящемъ режимѣ, милостивыя намѣренія Государя, прежде чѣмъ пробиться сквозь мрачный покровъ тайныхъ жадностей и корыстныхъ совѣтовъ опаздываютъ и не успѣваютъ побороть противоположныхъ теченій.

Маркизъ Велепольскій очевидно не имѣлъ надлежащаго понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Неугомонный доктринеръ легальности, всегда надменный, не смотря на то, что дѣлался все больше и больше непопулярнымъ, онъ не обладалъ завиднымъ даромъ привлекать къ себѣ людей. Пресловутый рекрутскій наборъ, столько въ свое время восхваляемый и столько порицаемый, долженъ быть приписанъ не ему одному. Этотъ наборъ составлялъ не что иное, какъ срочный вызовъ, брошенный въ лицо цѣлой націи. Онъ былъ назначенъ съ намѣреніемъ; что было предвидѣно

то естественно случилось: пылкіе патріоты, не желая быть задушенными по одиночкѣ, возстали поголовно. Какъ и слѣдовало ожидать, позволили возстанію разростись до размѣровъ, не оправдываемыхъ ни мало взаимнымъ отношеніемъ силъ обѣихъ сторонъ; но необдуманное удальство, составляющее черту національнаго характера Поляковъ, увидѣло въ этомъ лишь обратную постепенность политическихъ вѣроятностей. Поляки были до того удивлены возможностью держаться нѣкоторое время, что увлеклись надеждой на вѣроятность успѣха, и, хотя даже самые неистовые изъ нихъ не надѣялись на успѣхъ иначе, какъ при чужеземномъ пособіи, но наконецъ всѣ опьянѣли отъ изступленія борьбы, и подъ вліяніемъ отчаянія, сочли продолженіе безнадежнаго сопротивленія до крайности долгомъ чести. Къ этому присоединились разные дипломатическіе происки, и иллюзіи, основанныя на обаяніи Франціи. Правительство лучше чѣмъ кто либо знаетъ, до какой степени французская дипломатія злоупотребляла легковѣріемъ Поляковъ, а лозунгъ, данный возстанію послѣ амнистіи 1-го Мая 1863 г. „не отставать,“ заключалъ въ себѣ не менѣе пустыхъ обѣщаній, какъ и желанія эксплоатировать безразсудную дерзость Поляковъ въ пользу своей коварной и неумѣлой политики. Когда обманъ сдѣлался очевиднымъ, отступить было уже поздно, и личностямъ компромитированнымъ оставалось лишь продолжать прискорбную борьбу, которую наконецъ прекратили смерть и изгнаніе.

§ 4.

Съ тѣхъ поръ началась цѣлая система репрессій, примѣняемая съ неимовѣрной грубостью. Подъ предлогомъ необходимости государственнаго объединенія, безъ всякой причины рвутъ и разбиваютъ всякую національ-

ную особенность; подъ видомъ специальнаго русскаго патріотизма, гонятъ и презираютъ самыя лойяльныя намѣренія; подъ предлогомъ переустройства враждебнаго общества, на досугѣ расточаютъ публичное достояніе, дисконтируя легкую побѣду, туча жадныхъ и голодающихъ личностей налѣтаетъ на общественное тѣло, чтобы напастись крохами отъ пира. Ради удовлетворенія личной злобы придумываютъ фантастическія доктрины, и тѣмъ вызываютъ гибельныя послѣдствія въ будущемъ. Но, что всего страннѣе, повидимому все это дѣлается въ видѣ опыта „in anima vili,“ какъ бы съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, когда созрѣютъ обстоятельства, перенести тѣ же принципы и тотъ же образъ дѣйствія въ самую Россію. И въ самомъ дѣлѣ, два крайнія заблужденія человѣческаго ума, Деспотизмъ и Демагогія, повидимому въ Польшѣ подали себѣ руку. Говорятъ: „Caesar et plebs,“ этого для насъ должно быть достаточно! Мы должны замѣтить, что не одобряя примѣняемаго теперь къ побѣжденнымъ режима, мы въ сущности сражаемся за дѣло самихъ побѣдителей; ибо было бы наивно предполагать, что лица, напитанныя пагубными доктринами, которыя они примѣняли въ Польшѣ, могутъ измѣнить свои политическія убѣжденія, когда имъ придется дѣйствовать въ Россіи. Такимъ образомъ, мы защищаемъ дѣло справедливости въ Польшѣ съ точки зрѣнія русскаго интересса, въ полной увѣренности, что русскому правительству, вмѣстѣ съ поддержаніемъ состоянія, возникшаго изъ совершившихся фактовъ, все же надо дѣйствовать благосклонно, такъ какъ лишь этимъ способомъ можно привлечь къ себѣ націю, которую историческая судьба связала съ Россіею на всегда.

§ 5.

Сознаюсь, что хотя слѣдуя историческому безпр

страстію, которое всегда произноситъ правдивый приговоръ относительно неотъемлемыхъ правъ народовъ и проистекающихъ изъ совершившихся фактовъ обязанностей, я польскій вопросъ представилъ въ свѣтѣ скорѣе для побѣжденной націи благопріятномъ, нежели враждебномъ; но я поступилъ такъ въ твердомъ убѣжденіи, что время, назначенное судьбою для разрѣшенія польскаго вопроса, наконецъ настало. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надо прежде всего точно обозначить какой долженъ быть необходимо на этотъ предметъ русскій взглядъ. И сразу представляется намъ вопросъ: что же Россія желаетъ сдѣлать съ Польшей? Будетъ-ли для нея Польша вѣчно какъ бы привязаннымъ къ ногѣ каторжнымъ ядромъ, политическими и соціальными путами, задерживающими ея будущія судьбы? Или же Россія желаетъ сдѣлать изъ Польши провинцію, преданную дѣлу величія общаго отечества?

Сто лѣтъ прошло со времени завоеванія; политическое тѣло Польши было уничтожено, но національный геній, эта душа народа, которая презираетъ всякія гоненія, осталась жива вопреки всему и всѣмъ.

Уже полъстолѣтія Россія владѣетъ главными обломками великаго крушенія; пріобрѣла-ли она лойяльное сочувствіе въ общественномъ мнѣніи страны? Совершено-ли государственное соглашеніе, способное возбудить довѣріе цѣлой польской націи? Старались-ли справедливостью и безпристрастьемъ пріобрѣсть благосклонность побѣжденныхъ?

Прошла уже четверть столѣтія, какъ, уничтожая фиктивную преграду дипломатическихъ границъ между Имперіей и Царствомъ Польскимъ, Россія соединила политическія и экономическія судьбы обѣихъ странъ въ одинъ непроходимый лабиринтъ надеждъ и разочарованій. Какогожъ, въ это время, матеріальнаго и общественнаго

прогресса достигло правительство своими распоряженіями? Все почти что сдѣлалось, возникло изъ частныхъ усилій, стеченія независимыхъ отъ него обстоятельствъ, помимо его и почти вопреки тлетворнымъ мѣропріятіямъ его дѣятелей. Вмѣсто того, чтобы въ Польшѣ дѣйствовать благотворно, правительство хищничаетъ; вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ умы, оно разжигаетъ въ Польшѣ соціальную ненависть, вмѣсто того, чтобы поражать народное воображеніе твердымъ и великодушнымъ безпристрастіемъ, оно наводнило Польшу толпою людей, съ которыми по большей части не знала бы что дѣлать у себя дома. Но наглость поступковъ правительственныхъ дѣятелей вызвала общее неуваженіе къ представителямъ власти. Должно-ли послѣ этого удивляться, если Россія, посѣявъ грабежъ и месть, пожинаетъ ненависть и измѣну?

Къ чему же весь этотъ избытокъ гоненій? Къ чему всѣ эти безчисленныя злоупотребленія, всѣ эти административныя безразсудства? Къ чему, наконецъ, когда уже все взято и отнимать больше нечего, эта злоба палача къ жертвѣ?

Развѣ быть можетъ, все это служитъ средствомъ убѣжденія, предпринимаемымъ для того, чтобы заставить лучше цѣнить благодѣянія высшей цивилизаціи?

Боже мой! Всѣ эти мѣры, предпринимаемыя то робко и тайкомъ, то настойчиво и предпріимчиво, всѣ эти выдуманныя обвиненія, все это фиктивное и корыстное пренебреженіе, доказываютъ лишь одно, а именно: уже не знаютъ что дѣлать. Польская національность по видимому ежедневно доказываетъ силу своего страдательнаго сопротивленія; она есть и всегда останется тѣмъ, чѣмъ она была прежде: высшей интеллигенціей края, историческою притягательною силой, соединившею разбросанные элементы завоеваннаго общества.

Къ чему же эта безвыходная, основанная на историческихъ предразсудкахъ борьба противъ призраковъ, вызванныхъ обвиненіями выдуманными или неправдоподобными?

Если логика совершившагося факта повелѣваетъ, чтобы Полякъ сдѣлался искренно лойяльнымъ русскимъ подданнымъ, то достигнуть этого надо иными средствами, а не заставляя его отростить бороду русскаго мужика. Не станемъ на этотъ счетъ заблуждаться, — объ исторической національности рѣшаетъ всегда интеллигенція, а не численность; принципы побѣждаютъ грубую силу, а въ концѣ концовъ верховный авторитетъ остается за народнымъ преданіемъ.

Эта почва возраставшая столько гордаго героизма, упитанная потомъ и напоенная кровью нашихъ предковъ, безпощадно отвергаетъ всякаго посторонняго самозванца, попирающаго ее съ презрѣніемъ. Но покорившись исторической своей судьбѣ, она лойяльно присоединится къ новому отечеству, если только Россія приметъ ее по братскому.

Россія должна это сдѣлать, потому что Польша вынуждена выжидать, такъ какъ ей уже терять нечего. Россіи даже сдѣлать это необходимо, такъ какъ увеличеніе и распространеніе національныхъ силъ составляетъ прямую ея выгоду. Россія даже не можетъ поступать иначе, такъ какъ завоеваніе Польши, увеличивая ея политическое могущество, вмѣстѣ съ тѣмъ тормозитъ въ ней всякій общественный прогрессъ.

§ 6.

Пусть намъ не говорятъ: мы уже испробовали всѣ системы; отъ того именно дѣла и дошли до теперешняго положенія, что вы не держались ни одной изъ нихъ постоянно. Впрочемъ, система административныхъ

излишествъ и постоянной репрессіи — собственно не система; это не больше, какъ капризная фантазія, и потому вѣчно продолжаться не можетъ. Всякое правительство должно въ отношеніи своихъ подданныхъ дѣйствовать чистосердечно и довѣрчиво. Правительство постоянно обезпокоенное, подозрительное и всего опасающееся, это актеръ, который затрудняется исполненіемъ своей роли. Когда правительство видитъ, что законы въ силѣ и повсемѣстно уважаемы, оно можетъ быть увѣрено въ своей безопасности. Настроеніе цѣлаго общества должно ему ручаться за дѣйствія частныхъ лицъ. Впрочемъ всякое завоеваніе, по самой природѣ вещей, порождаетъ непримиримыхъ. Создавая безпрестанно мучениковъ, часто вовсе не заслуживающихъ этой чести, правительство озаряетъ ихъ ореоломъ и раздражаетъ національную гордость; между тѣмъ какъ продолжая, не смотря ни на что, слѣдовать системѣ примиренія, можно было вѣрнѣе и успѣшнѣе достигнуть желанной цѣли, и заставить значительное большинство завоеванной націи принять послѣдствія фактовъ, противодѣйствіе которымъ невозможно.

§ 7.

Права, проистекающія изъ завоеванія, основаны на насиліи, которое одинъ народъ желалъ, могъ или принужденъ былъ употребить противъ другаго. Но публичное право народовъ образованныхъ повелѣваетъ оставить побѣжденнымъ народамъ неотмѣнно ихъ собственность, религію и обычаи. Завоеватель, добровольно не ослѣпленный, никогда не трогаетъ этихъ трехъ устоевъ общественнаго зданія; завоеваніе составляетъ пріобрѣтеніе, духъ же пріобрѣтенія требуетъ сохраненія и пользованія, а не разрушенія. Вотъ почему всякій завоеватель, уничтожая побѣжденное политическое общество, ра…

собственнаго своего интереса, долженъ оставить себѣ средства (а они многочисленны) согласить когда нибудь требованія побѣды съ стремленіями побѣжденныхъ. Такимъ образомъ, на обязанности побѣдителя лежитъ хотя отчасти исправить зло, которое онъ причинилъ, ибо право побѣды составляетъ все таки необходимое зло, и всегда оставляетъ за побѣдителемъ огромный долгъ, который онъ обязанъ уплатить человѣчеству.

Если право частной собственности ненарушимо, даже относительно побѣжденныхъ, посмотримъ какъ съ этимъ правомъ поступаютъ исключительныя узаконенія въ польскихъ провинціяхъ.

Основной принципъ репрессіи въ этихъ провинціяхъ состоитъ въ обѣдненіи побѣжденныхъ на томъ основаніи, что достатокъ даетъ возможность развивать національную дѣятельность; но спрашивается: развѣ нищета не ведетъ всегда къ народному отчаянію?

Говорятъ, что національная идея въ Польшѣ сосредоточивается въ наклонностяхъ и стремленіяхъ старыхъ землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе этого всегда, вездѣ и всѣми способами, то прямо, то скрытно, но постоянно дѣлается нападеніе на самъ принципъ индивидуальной собственности; только по невозможности добраться до имущества своихъ подданныхъ, состоящаго въ наличныхъ деньгахъ, такъ какъ оно можетъ удобно скрыться, правительство подвергаетъ ежеминутно истязаніямъ лишь одну собственность поземельную, которой укрыть нельзя. Это дѣлается будто ради общественной пользы, хотя общественная польза требуетъ именно, чтобы каждый спокойно пользовался своей собственностью, которую признаютъ за нимъ гражданскіе законы; то опять, ради удовлетворенія алканій неимущихъ классовъ, которые на досугѣ поощряются спеціальными чиновниками съ цѣлью поддержать среди нихъ постоянное чувство злобы. Кромѣ

того, существуетъ еще исключительный налогъ, подъ названіемъ процентнаго сбора, взымаемый только съ лицъ польскаго происхожденія, чтобы принудить упорныхъ владѣльцевъ къ отчужденію наслѣдственныхъ вотчинъ. Цифра этого налога, какъ бы въ укоръ справедливости, возвышается прогрессивно по мѣрѣ убыли членовъ гонимой національности, въ отягощеніе оставшихся владѣльцевъ. Такая мѣра сильно колеблетъ стойкость права поземельной собственности. Существуютъ также спеціальные законы, ограничивающіе право землевладѣльцевъ польскаго происхожденія въ отношеніи завѣщанія, купли и продажи недвижимыхъ имѣній. Однимъ словомъ, всѣ средства почитаются хорошими, и всѣ они дѣйствуя путями болѣе или менѣе окольными, достигаютъ однако результата: если не уничтожаютъ права собственности, то его затрудняютъ, преобразовываютъ, ограничиваютъ и обращаютъ его въ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ право собственности индивидуальной, которое мы видимъ во всѣхъ странахъ и которое извѣстно отъ начала міра.

Мы съ трепетомъ спрашиваемъ русское правительство: не тотъ-же ли это соціализмъ?

§ 8.

Посмотримъ, что объ этомъ говоритъ Буанаротти, историкъ, ученикъ и другъ Бабёфа, этого предка всѣхъ современныхъ соціалистовъ.

„Уничтоженіе поземельной собственности составляетъ послѣднюю цѣль. Чтобы ея достигнуть, необходимо узаконить такой общественный порядокъ, при которомъ землевладѣльцы, не лишаясь своихъ имѣній, но вынужденные тратить значительную часть своихъ доходовъ на издержки по обработкѣ земли и на налоги, обремененные при томъ тяжестью прогрессивнаго налога,

„удаленные отъ дѣлъ, лишенные всякаго вліянія, обра-„зуя въ государствѣ какъ бы только классъ особеннаго „рода иностранцевъ, по неволѣ бы эмигрировали, бро-„сили свои имѣнія или закрѣпили бы общность владѣнія „своимъ согласіемъ.“

Не такимъ-ли совершенно образомъ поступаютъ съ тѣмъ сословіемъ, которое представляетъ поземельную собственность въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ?

Это совпаденіе дѣйствительно не случайно, и вліяніе этихъ отвлеченныхъ принциповъ въ теоріи и ихъ примѣненіе на практикѣ, можетъ легко перешагнуть границу и отомстить когда нибудь побѣдителямъ въ Россіи за обиды побѣжденныхъ въ Польшѣ.

Въ намекахъ уже нѣтъ недостатка; до сихъ поръ еще ихъ прикрываютъ взрывами сочувствія къ неимущимъ классамъ въ Россіи, финансовою необходимостью, но въ концѣ концовъ, изъ за всего этого проглядываетъ одинъ и тотъ же принципъ: обложить большую поземельную собственность всевозможными тяжестями, чтобы лишить ее въ будущемъ всякаго вліянія. Извѣстная часть тенденціозной печати наполнена подобными предположеніями и указываетъ ясно на стремленія людей, которые примѣняли ихъ въ Польшѣ. Соціалистская пропаганда превозноситъ по обыкновенію то, что сдѣлано въ пограничныхъ губерніяхъ, и вмѣстѣ напираетъ на жгучую несправедливость и неумѣлость власти, употребляющей въ отношеніи своихъ подданныхъ двѣ мѣрки при распредѣленіи благъ одинаково необходимыхъ для всѣхъ.

Не есть-ли это самая большая опасность, которой только политическая непредусмотрительность можетъ подвергнуть Династію и цѣлое общество?

Мы знаемъ, говорятъ также, что для того, чтобы побѣдить польскую національность у нея, дома, или тамъ,

гдѣ она вкоренилась въ теченіе столѣтій, надо противъ нея возбудить соціальную ненависть неимущихъ классовъ! Мы однако на это отвѣтимъ, что такое лекарство будетъ гораздо бѣдственнѣе самой болѣзни; такъ какъ правительство не будетъ же въ состояніи непрерывно удовлетворять жадныхъ вожделѣній, которымъ оно теперь оказываетъ покровительство, и поэтому, чтобы предохранить общество отъ опасности поважнѣе той, съ которою оно борется въ настоящее время, ему придется въ будущемъ необходимо прибѣгнуть къ репрессіи тѣхъ самыхъ стремленій, которыя она теперь вызываетъ.

§ 9.

Мы полагаемъ, что польское общество составляетъ одинъ изъ важныхъ факторовъ будущихъ судебъ Имперіи, и вмѣстѣ силу, съ которою придется когда нибудь считаться. Мы знаемъ, что могущественные враги не допускаютъ его пріобрѣсть въ совѣтахъ правительства то вліяніе, на которое оно имѣетъ право. Враговъ этихъ мы назвать не желаемъ, такъ какъ мы охотно избѣгаемъ всякихъ личностей; но чтобы уразумѣть эту вражду, довольно обратить вниманіе на тѣхъ, кому настоящее положеніе приноситъ пользу. Ненормальныя репрессивныя мѣры, мы уже замѣтили, порождаютъ искуственную потребность содержанія въ польскихъ губерніяхъ спеціальныхъ чиновниковъ, которые оказываются надѣленными тѣмъ лучше, что тамъ въ мутной водѣ легко пріобрѣсти добычу; тѣмъ болѣе, что гдѣ нѣтъ никакой гласности, а всякій протестъ противъ злоупотребленій и беззаконія обыкновенно остается безъ послѣдствія, тамъ усердіе безотвѣтственныхъ дѣятелей часто выходитъ за предѣлы, обозначенные закономъ.

Отсюда ясно, что настоящею виновницей продолжи-

тельности репрессіи мы должны считать правительственную бюрократію.

Но репрессія выгодна также и демагогическому элементу русскаго общества.

Безпокоить и запугивать умы, ожесточать злобу, подавлять всякое лойяльное стремленіе къ примиренію, это ихъ общая цѣль. Они надѣются, что даже силы ни мало не революціонныя, но стремящіяся лишь къ достиженію національной автономіи, утомившись преслѣдованіемъ недостижимаго, огорченныя, но не подавленныя, тѣмъ болѣе страшныя, что въ разрушеніи основъ правительства будутъ искать удобнаго случая для удовлетворенія своей мести, — рано или поздно необходимо придутъ имъ на помощь, а враждуя противъ государства и безсознательно преслѣдуя общую цѣль, разрушатъ ненавистный имъ общественный строй. Такая ихъ общая надежда!

Но поляки народъ опрометчивый и до неблагоразумія отважный, рѣшающійся скоро и безвозвратно. Сегодня сопротивляясь пассивно, безмолвно соглашаясь принять послѣдствія совершившагося факта, завтра, если увидятъ, что ихъ надежды на соглашеніе рушились окончательно, они будутъ безвозвратно увлечены въ водоворотъ неслыханной ненависти и гибельной мести.

Увы! Развѣ у Россіи мало дѣла съ своею собственной крамолой, чтобы еще взваливать себѣ на плечи цѣлую націю приведенныхъ въ отчаяніе заговорщиковъ, которые скорѣе взорвутъ общественный корабль, чѣмъ согласятся опустить флагъ.

§ 10.

Чтобы какъ нибудь извинить разрушительныя стремленія и прикрыть ихъ политической идеей, выдумали небывалицу, будто именно образованныя сословія въ гу-

берніяхъ населенныхъ поляками, особенно то изъ нихъ, которое права свои основываетъ на историческомъ преданіи, одни только враждебны Династіи. Духъ времени, говорятъ, требуетъ, чтобы царствующая Династія вездѣ основывала свою будущность лишь на тѣсномъ соединеніи своихъ интерессовъ съ эгалитарными стремленіями народа . . . . стало быть простонародья? Нѣтъ, скорѣе бы должно сказать: со стремленіями цѣлой націи, а по истинѣ, интеллигентные классы составляютъ самую важную часть націи.

Такое мнѣніе представляетъ одинъ изъ многихъ примѣровъ безпорядка и сбивчивости въ понятіяхъ людей и забвенія фактовъ, часто случающихся при оцѣнкѣ происшествій. Впрочемъ, такая аксіома, въ послѣднее время, пользуется авторитетомъ не только въ Польшѣ, но и въ самой Россіи. При этомъ забывается, что правильное правительство можетъ основаться лишь на великой общественной идеѣ, а никакъ не на необразованныхъ толпахъ; на принципахъ нравственнаго закона, а ни мало не на злоупотребленіи грубой силы; а больше всего на публичной признательности, которая одна въ состояніи обеспечить ему вѣрное будущее. Принципъ этотъ старый и общеизвѣстный, и, если интеллигенція страны о немъ напоминаетъ, то она не избрала его лишь на настоящій случай. Поэтому благонамѣренное и предусмотрительное правительство должно бы принять его въ свое руководство, и тогда оно могло бы быть увѣрено въ усердномъ и всеобщемъ содѣйствіи. По несчастью, „опираться на массахъ“ вѣроятно значитъ: пользоваться ихъ оплошностью для того, чтобы поддержать режимъ, продолжать существованіе котораго желательно во что бы то ни стало. Но чтобы привлечь къ себѣ массы, необходимо предлагать имъ всегда что нибудь новое; надо поднять опять аграрный вопросъ, а это можетъ сдѣлать

положеніе ненадежнымъ и вызвать роковыя неожиданности. Такой странный принципъ, слѣдовательно, не больше какъ отрѣченіе отъ нравственныхъ началъ, которыя должны руководить дѣйствіями всякаго правительства, или скорѣе это фантастическая иллюзія, которая не можетъ продолжаться, ни даже осуществиться. Такое наше искреннее мнѣніе, намъ кажется, пригодно столько же для Польши, какъ и для Россіи.

§ 11.

И такъ, для насъ очевидно, что настоящее положеніе дѣлъ требуетъ нѣкоторой великодушной снисходительности побѣдителя къ побѣжденнымъ, такъ какъ только посредствомъ такой снисходительности къ національной гордости, достаточно уже уязвленной самымъ фактомъ побѣды, Россія можетъ усыпить крайнія стремленія въ Польшѣ. По несчастью, какъ побѣжденнымъ, такъ и побѣдителямъ всегда недоставало настоящаго пониманія положенія, и въ слѣдствіе этого злобныя предубѣжденія привели наконецъ обѣ стороны къ безвыходной системѣ. Винить безусловно въ этомъ побѣжденныхъ, по совѣсти, мы не можемъ, такъ какъ ихъ роль была лишь страдательна; хотя впрочемъ, мы это признать должны, сдѣлали они все, что могли для того, чтобы положеніе сдѣлать хуже. Мы полагаемъ, что послѣ кризиса настало время побѣдителю доказать, что онъ былъ правъ, и уплатить свой долгъ человѣчеству; потому что побѣдитель не только пріобрѣтаетъ права, но и принимаетъ на себя большія обязанности по отношенію къ цѣлому побѣжденному обществу. Но въ настоящемъ случаѣ, такъ-ли побѣдитель поступаетъ съ побѣжденными? Въ то время, когда самый административный режимъ въ странѣ, офиціальныя гоненія, разныя безчисленныя, безцѣльныя и безпричинныя притѣсненія,

когда разнообразныя канцелярскія придирки и крючкотворства обижали постоянно самолюбіе побѣжденныхъ и причиняли вредъ ихъ интерессамъ, Россія присоединила ко всему этому еще религіозное гоненіе. Дѣло невѣроятное, но казалось бы, что наскучивъ относительною тишиной, послѣдовавшей за насыщеніемъ алчныхъ вожделѣній и удовлетвореніемъ ненависти и мести, побѣдитель, сломавъ уже тѣла, хотѣлъ еще вызвать на борьбу души.

Прискорбно однакожъ, что нельзя сдѣлать людей святыми противъ ихъ собственнаго желанія; такъ какъ по несчастію предразсудки слишкомъ упрямы для того, чтобы оцѣнить доброе намѣреніе!

Къ чему же это гоненіе? Изъ за чего безпокоить и преслѣдовать этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ священниковъ и епископовъ? Развѣ для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать невольныхъ мучениковъ? Не скорѣе ли это обижающая публичную нравственность месть всему польскому народу, или историческое возмездіе за обиды, совершенныя въ средніе вѣка?

Къ чему съ понятіемъ о національной независимости насильно связывать католическій догматъ, который по самому принципу папства, не имѣетъ съ ней ничего общаго.

Или это догматическая пропаганда, геройское намѣреніе уничтожить высокомѣрное преобладаніе римскаго епископа?

Или это у насъ первый актъ культуркампфа, который окончательно дѣйствительную пользу принесетъ лишь друзьямъ безпорядка и безбожія?

Мы полагаемъ, что все это неприлично ни великому народу, ни національной Династіи, которая по самой своей природѣ должна быть снисходительна къ вѣроисповѣданію своихъ подданныхъ и безпристрастна, такъ

какъ ей предстоитъ ограждать общественные интерессы историческаго будущаго, и чѣмъ болѣе она будетъ устраняться отъ партій и страстей и держаться середины, тѣмъ она будетъ прочнѣе и величественнѣе.

§ 12.

Мы здѣсь говоримъ какъ политики, а не какъ богословы, вотъ почему мы смѣло и съ увѣренностью коснулись систематическаго гоненія, воздвигнутаго противъ католической религіи въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ. Объ этомъ предметѣ мы говоримъ тѣмъ смѣлѣе, что для самыхъ даже богослововъ терпѣть какое либо вѣроисповѣданіе и не гонить его, или его одобрять и покровительствовать, рѣшительно не одно и тоже.

Относительно религіи, въ политикѣ признается основнымъ принципомъ, что когда новая религія въ государствѣ еще не принята, можно ее не признавать офиціально, но когда она тамъ уже основалась, надо ее допустить чистосердечно. Если поэтому законы государства учреждали равенство правъ между различными вѣроисповѣданіями, то необходимо чтобы они ихъ обязали ко взаимной толеранціи. Но какъ большую ревность къ прозелитизму проявляютъ лишь религіи нетолерантныя, потому что всякая толерантная религія нимало не думаетъ о своемъ равпространеніи, точно также всякая религія угнетенная, начинаетъ угнетать, какъ скоро по какому нибудь случаю сама избавится отъ притѣсненія; это потому, что она тогда дѣйствуетъ противъ религіи угнетавшей ее прежде, не какъ противъ религіи, а какъ противъ тираніи. Вотъ почему законъ долженъ требовать безусловно отъ различныхъ вѣроисповѣданій не только, чтобы они не тревожили государства, но также, чтобы они не ссорились между собою.

Всякое уничтоженіе или притѣсненіе разъ признан-

ной въ государствѣ религіи, подвергаетъ общество сильному замѣшательству. Граждане получаютъ отвращеніе къ своимъ законамъ, начинаютъ ненавидѣть установленное правительство; твердое вѣрованіе въ догматы одной религіи, замѣняется подозрѣніями между двумя исповѣданіями; однимъ словомъ, государству на долго приготовляются дурные граждане, а церкви — ненадежные сыны. Правда, что наказанія, полагаемыя государствомъ за нарушеніе единства вѣры, внушаютъ страхъ; но у всякой религіи есть тоже свои карательные законы и они тоже внушаютъ страхъ, а одинъ страхъ уравновѣшивается другимъ. Вслѣдствіе этого, люди въ отношеніи къ религіознымъ своимъ убѣжденіямъ дѣлаются равнодушными, тѣмъ болѣе, что на какую нибудь религію обыкновенно нападаютъ не открытою борьбою, но болѣе незамѣтными средствами, не возбуждая негодованія, но приводя къ равнодушію. Однако вопросъ долженъ бы состоять въ томъ: что составляетъ меньшее зло, возможность-ли злоупотребленія какою нибудь религіей, или отсутствіе между людьми всякихъ религіозныхъ убѣжденій?

Ничто такъ не упрочиваетъ завоеванія, какъ слитіе двухъ національностей посредствомъ браковъ; между тѣмъ какъ всякое ограниченіе и нетолеранція лишь разобщаютъ рассы. По несчастью, у насъ обязательное воспитаніе дѣтей, отъ смѣшанныхъ браковъ, въ православіи, служитъ источникомъ разныхъ придирокъ къ родителямъ, и не располагаетъ достаточныя сословія къ заключенію такихъ во всѣхъ отношеніяхъ желательныхъ союзовъ. Но религія заявляетъ такія страшныя угрозы, она предлагаетъ такія завлекательныя обѣщанія, что когда эти угрозы и эти обѣщанія присущи воображенію людей, что бы правительство ни предпринимало, дабы заставить ихъ отрѣчься отъ своей религіи, оно въ этомъ

не успѣетъ, и людямъ всегда покажется, что отнимая у нихъ религію, имъ не оставляютъ ничего, и что имъ много еще остается, если имъ оставляютъ религію.

Такъ какъ главная сила религіи происходитъ отъ вѣры, а сила человѣческихъ законовъ заключается въ ихъ санкціи страхомъ наказанія, то отношеній чисто государственныхъ не должно опредѣлять и устроивать посредствомъ божескихъ законовъ; и наоборотъ, вѣрованій религіозныхъ опредѣлять невозможно законами человѣческими. И потому, какъ ни достойны уваженія религіозные догматы, они не должны никогда служить мотивомъ изданія законовъ гражданскихъ, такъ какъ эти послѣдніе обусловливаются другою причиной, а именно матеріальнымъ благосостояніемъ общества.

§ 13.

Вотъ принципы, на которыхъ основана всеобщая вѣротерпимость. По несчастью, въ Россіи предубѣжденія православія не дозволили допустить равенства вѣроисповѣданій, допущеннаго и признаннаго всѣми цивилизованными націями, и потому принимая безмолвно отвлеченную вѣрность принципа въ теоріи, на практикѣ всегда старались пользоваться преобладаніемъ силы, чтобы никогда не примѣнять его на дѣлѣ. Дѣйствительно, вслѣдствіе этого общаго направленія, которое хорошо было извѣстно и всегда подозрѣвалось, догматическая нетолеранція какъ бы ищетъ лишь случая разразиться грубыми толчками, обижающими человѣческую совѣсть и вызывающими публичное негодованіе. Но гоненія на католическую религію никогда не начинались отъ изданія законовъ, осуждающихъ ее по принципу. Для этого употреблялись пути окольные, скрытныя средства, гнусныя личности, отъ которыхъ впослѣдствіи отказывались,

и все это доставило исторіи множество фактовъ и результатовъ, достигнутыхъ средствами непохвальными.

Однакожъ полезность этихъ результатовъ въ будущемъ очень гадательна. Въ наше время ни одна монархія не можетъ быть основана лишь на единствѣ вѣры, и даже это единство не представляется нигдѣ необходимымъ условіемъ государственнаго единства; между тѣмъ какъ всякое религіозное гоненіе, или даже всякое тайное недоброжелательство вездѣ и всегда отдаляли слитіе разнородныхъ рассъ на неопредѣленное время. Если мы намѣренія и дѣйствія правительственной власти станемъ разсматривать съ этой точки зрѣнія, то почти окажется, что эта власть какъ будто была подвержена двумъ противоположнымъ вліяніямъ. Одно изъ этихъ вліяній, по самой своей природѣ политическое, направляемое Государемъ лично, служило основаніемъ законовъ, и повидимому стремилось побѣдить трудности, лежавшія на пути общественнаго сближенія; между тѣмъ какъ другое вліяніе религіозное, руководимое нѣсколькими заклятыми богословами, теперь, какъ и тысяча лѣтъ тому назадъ, всегда повидимому боролось съ Римскимъ епископомъ, скорѣе для того, чтобы вырвать у него изъ рукъ какую нибудь частичку проблематическаго авторитета, чѣмъ съ цѣлью спасти нѣсколько душъ отъ мнимой погибели. По самой причинѣ существованія этихъ противоположныхъ вліяній, правительственная политика естественно своими рѣзкими колебаніями подавала поводъ къ разнымъ произвольнымъ толкованіямъ, и принципы публичнаго права при ихъ примѣненіи оказывались лишь мертвой буквой.

Во всѣхъ случаяхъ постояннаго гоненія дѣйствовали какъ бы скачками, или милостивыми соизволеніями, которыя, для довершенія ироніи, вызывались будто желаніями самихъ гонимыхъ. Высшія сферы центральнаго

правительства какъ бы ничего не знали о злоупотребленіяхъ; поэтому и лица, обращавшіяся прямо къ великодушію Государя, получали иногда лично для себя удовлетвореніе на свои жалобы. Но мѣстныя власти заботились уже о томъ, чтобы изнемагающій голосъ мученика не могъ слишкомъ безпокоить возвышенныхъ чувствъ и трогательнаго безпристрастія самаго министра. Такимъ образомъ, въ наше время состряпано вынужденное присоединеніе къ православію въ Холмѣ, и развитъ жаркій прозелитизмъ на Литвѣ, подготовленные оба, ради большей свободы дѣйствія, административной ссылкой епископовъ, ни въ чемъ не повинныхъ.

§ 14.

Бѣдственное заблужденіе! Ибо всякая политическая безсовѣстность, какъ и всякое нарушеніе нравственнаго закона, имѣетъ двойной результатъ, и никогда нельзя знать, что вреднѣе: затрудненія ли, которыя желательно устранить, или тѣ послѣдствія, которыя непремѣнно возникаютъ отъ всякаго явнаго отступленія отъ началъ публичной нравственности.

Религіозное гоненіе, даже послѣ прекращенія скрытныхъ непріязненныхъ дѣйствій, было всегда главнѣйшею причиной всеобщаго негодованія. Такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ зловредныхъ послѣдствій русской политики въ Польшѣ было то, что она вызвала соединеніе стремленій національныхъ съ религіозными побужденіями, что привело фанатиковъ къ мечтательному предположенію, будто само провидѣніе окажетъ имъ покровительство. Сопротивленіе, подъ вліяніемъ мистическаго чувства, пріобрѣло отъ этого силу, которую трудно измѣрить разумомъ, и прирожденная восторженность націи, казалось, сама искала мученичества въ ожиданіи отъ неба какого нибудь чуда. Католическая церковь, не смотря

на всю свою практическую предусмотрительность, всегда однако повидимому поощряла своихъ членовъ къ принятію мученичества, зная, что кровь, пролитая за великую идею, всегда плодотворна. И въ слѣдствіе этого, горячность самопожертвованія со стороны гонимыхъ, при этомъ двойномъ гоненіи, была такова, что напоминаетъ собою первыя времена христіянства. Но католическая церковь, почитая себя вселенной, держится въ политикѣ по преимуществу принциповъ космополитическихъ. Если бы правительство, свободное отъ всякихъ богословскихъ вліяній, въ отношеніи къ этой церкви было всегда справедливо и безпристрастно, если бы оно довольствовалось упроченіемъ завоеванія только посредствомъ административныхъ распоряженій, и не старалось спасать людей противъ ихъ воли, церковь эта не дѣйствовала бы за одно съ возстаніемъ; напротивъ, тоже самое католическое духовенство, почитаемое за враждебное правительству, совѣтовало бы, какъ оно дѣлаетъ во всѣхъ другихъ странахъ, терпѣніе и подчиненность установленной власти, и прекратило бы безвыходную борьбу.

Поэтому, поднимать два вопроса вдругъ, вмѣсто того, чтобы сперва разрѣшить тотъ, который былъ поважнѣе, было большой ошибкой. Въ отношеніи вѣры, правительство должно бы знать лишь символъ своей вѣры политической и не заниматься богословскими вопросами, такъ какъ оно должно заботиться единственно объ обеспеченіи мирскихъ интерессовъ общественной будущности; поэтому правительство должно быть по своей природѣ всегда и вездѣ толерантно. А если такъ, то и всѣ догматическія распри о томъ, кто болѣе угоденъ Господу Богу, должны быть совершенно чужды Династіи, самой судьбой призванной царствовать надъ столь различными и столь разновѣрными народами. Но мало быть лишь толерантнымъ; правительство обязано давать

помощь и покровительство всякой религіи, признанной законами. Во время общественныхъ бѣдствій, религія можетъ поддержать политическій порядокъ даже тогда, когда законы оказываются уже недѣйствительными, потому что начала христіанства, твердо запечатлѣнныя въ сердцахъ, будутъ всегда сильнѣе гражданскихъ добродѣтелей въ республикахъ, высокомѣрной чести въ монархіяхъ и раболѣпнаго страха въ государствахъ деспотическихъ.

§ 15.

Есть нѣсколько началъ общественной жизни безусловно общихъ всѣмъ націямъ. Великіе принципы, на которыхъ такая общность основывается, поражаютъ лишь избранные умы, ибо прослѣдить сквозь исторію народовъ всѣхъ временъ, ихъ причины и послѣдствія, дано лишь генію. Но есть также условія общежитія народовъ, мелкія или второстепенныя, которыхъ сходство или различіе маловажно; эти именно мелочныя начала и замѣчаются непремѣнно мелкими умами, такъ какъ по своей природѣ они обыкновенно роются лишь въ мелочахъ.

Изъ того, что полицейскіе законоположенія должны бы дѣйствовать въ цѣломъ государствѣ однообразно, что мѣры и вѣсы должны быть одинаковы, они заключаютъ, что и прочіе законы въ цѣломъ государствѣ должны быть тождественные, и что во всѣхъ его частяхъ, религія и языкъ должны быть одни и тѣ же.

Но всегда-ли и во всѣхъ ли безъ исключенія случаяхъ это пригодно, и всегда ли вредъ отъ измѣненія существующаго меньше, чѣмъ отъ оставленія всего по старому?

Лишь бы только граждане повиновались установленнымъ законамъ, важно-ли, что эти законы тождественны

для цѣлаго государства, или они различны и приспособлены къ его различнымъ частямъ? И не въ томъ-ли именно состоитъ сила политическаго генія, чтобы знать, когда нужно тождество, а когда отдѣльность?

Мы полагаемъ, что есть одно національное сокровище, которое всякое завоеваніе должно бы болѣе чѣмъ все прочее оставить ненарушеннымъ, такъ какъ оно никогда отнять его не успѣетъ; это — языкъ завоеванной націи; и однако, потому именно, что польскій языкъ сіяетъ и звучитъ среди бѣла дня, Россія сегодня притѣсняетъ его въ Польшѣ. Въ прежнее время побѣдители были сговорчивѣе; завоеванія предпринимались въ виду увеличенія военныхъ силъ, а героическая гордость Государя предписывала побѣжденнымъ условія съ сохраненіемъ въ общихъ чертахъ извѣстной доли самостоятельности. Сегодня завоеватели болѣе боязливы и болѣе мелочны; завоеваніе сводится на эксплоатацію завоеванной страны въ виду удовлетворенія личныхъ вожделѣній, а бюрократическая централизація старается отдѣлать осужденнаго такъ, чтобы облегчить работу исполнительному приставу.

Не смотря на то, что въ Польшѣ нѣтъ больше силы для дѣятельнаго сопротивленія, правительство, сломивъ политическую жизнь націи, увлеченное пыломъ побѣды и не обращая вниманія ни на что, беззаботно думаетъ всегда лишь о томъ, чтобы разрушать, а между тѣмъ, приходитъ же пора, когда создать и установить раціональный порядокъ составляетъ естественную обязанность, тѣмъ болѣе неизбѣжную, что завоеванная страна, своею дѣятельностью успѣла соединить интерессы, схватить и собрать жизненныя нити побѣдоносного общества. Но вѣковыя привычки безнаказанно оскорблять нельзя, и если побѣжденная народность лишена матеріальныхъ силъ, необходимыхъ для того, чтобы

успѣшно требовать возврата своихъ неотъемлемыхъ правъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что ненормальное состояніе людей и дѣлъ не будетъ влiять заразительно, и не распространитъ ослабляющей порчи въ странѣ завоевателя.

Въ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ безопаснѣе нарушать ихъ законы, чѣмъ ихъ обычаи; ибо законы установлены людьми и могутъ быть отмѣнены, обычаи же прирожденны и отъ человѣческаго произвола не зависятъ; народы слѣдуютъ имъ по вдохновенію. Они больше проистекаютъ изъ общихъ свойствъ народа, и объ этомъ не должны бы забывать издающіе законы оскорбительные для народнаго духа, такъ какъ народы менѣе привержены къ своимъ учрежденіямъ, чѣмъ къ своимъ обычаямъ, языку и преданіямъ. Поэтому всякій грубый ударъ, нанесенный этимъ предметамъ народнаго уваженія и привязанности, почитается народомъ за личное оскорбленіе, такъ какъ всякій законъ, не оправдываемый необходимостью, есть законъ тиранический. Вотъ почему завоеватель долженъ бы оставить завоеваннымъ ихъ законы; но еще необходимѣе оставить имъ ихъ обычаи, такъ какъ всякая нація всегда знаетъ, любитъ и защищаетъ лучше свои обычаи, чѣмъ свои законы.

Трудно по истинѣ понять, какую пользу приносятъ правительству всѣ эти принудительныя мѣры къ употребленію языка, на которомъ никто не говоритъ. Если посредствомъ этихъ мѣръ правительство думаетъ заставить принять его добровольно, то надо сознаться, что всѣ напрасные хлопоты, причиненные обществу этими мѣрами, и возбужденное ими общее неудовольствіе, никакъ не могутъ быть вознаграждены проблематической пользой отъ единства языка, котораго впрочемъ достигнуть невозможно. Но если эти мѣры предпринимаются съ цѣлью доказать побѣжденнымъ презрѣніе, питаемое

побѣдителями къ преданіямъ ихъ вѣковой цивилизаціи, то такая презрительная иронія и такое злоупотребленіе безпощаднаго преобладанія составляютъ большую ошибку. Польская нація, всегда склонная разгорячиться и всегда нетерпѣливая, станетъ слушать скорѣе голоса страстей, чѣмъ голоса разсудка, которому люди всегда мало повинуются, а отчаяніе можетъ легко ее подвинуть даже на предпріятія, ни мало не сообразныя съ ея истинными интерессами.

Въ такихъ случаяхъ факты родятся одни изъ другихъ, такъ какъ месть и отчаяніе не могутъ быть хорошими совѣтниками. Отсюда происходитъ всегда непреодолимое отвращеніе и наконецъ доходитъ до бѣшенства; послѣ слѣдуетъ грубая репрессія, и такъ въ опредѣленныхъ промежуткахъ чередуются одно съ другимъ печальныя явленія, систематически вызванныя непредусмотрительною политикой и необдуманными оскорбленіями.

Но для династической политики такое положеніе не можетъ быть желательно. Мы убѣждены, что всякій образованный Русскій скорбитъ объ его бѣдственныхъ послѣдствіяхъ, ибо великій народъ долженъ управлять на основаніи законовъ и сообразно принципамъ, а не слѣдуя за увлеченіями страсти и мщенія. Если система примиренія не удалась, то это потому, что ей никогда не слѣдовали настойчиво и съ постоянствомъ; казалось бы почти, что даруя различныя милости, правительство всегда думало отмѣнить ихъ заблаговременно, чтобы не дать дѣйствительно усилиться принципамъ искренняго соглашенія. Такимъ образомъ непостоянство намѣреній правительства никогда не позволило образоваться въ Польшѣ партіи національной по своимъ стремленіямъ и предусмотрительной въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, которая по самой природѣ вещей заставила бы наконецъ

всякіе неумѣренные элементы покориться исторической необходимости.

§ 16.

Всего огорчительнѣе то, что главное основаніе настоящаго режима повидимому составляетъ всегда чувство злопамятства; это чувство побуждаетъ правительство къ мѣропріятіямъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которымъ оно слѣдовало весьма недавно. Въ заграничной политикѣ, Россія уступаетъ Пруссіи единство Германіи и униженіе Австріи и Франціи изъ злопамятства за восточныя усложненія и за представленія по поводу Польши во время польскаго возстанія, чѣмъ опровергается традиціонное европейское равновѣсіе сверху до низу. Въ польскомъ вопросѣ правительство не можетъ утолить своей неумолимой ненависти къ побѣжденнымъ за то, что они отвергли запоздалыя льготы, не заботясь ни мало о томъ, что ему придется же когда либо возвратиться къ принципамъ, которыхъ бы оно не должно было оставлять никогда. Почти можетъ показаться, что русской политикой управляетъ обидчивое самолюбіе, а не та предусмотрительная логика, основанная на предчувствіи измѣнчивости человѣческихъ судебъ, которая одна должна бы руководить идеями и дѣйствіями великой державы.

Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, настоящій режимъ въ Польшѣ, можно въ немъ замѣтить много характеристическихъ странностей. Прежде всего, правительство желаетъ показаться неумолимымъ во что бы ни стало, соблюдать презрительную и полную угрожающихъ недомолвокъ осанку. По несчастью, въ политикѣ эти самохвальства въ дѣйствительности оказываются не болѣе, какъ грубой злобой или смѣшною странностью самаго худшаго разбора. Даже издаваемыя узаконенія

полны разныхъ подразумѣваемыхъ предположеній, заставляющихъ несчастныхъ управляемыхъ ожидать въ будущемъ мѣропріятій еще болѣе бѣдственныхъ. И со всѣмъ тѣмъ узаконенія эти могли бы еще быть приняты терпѣливо, если бы личныя наклонности чиновниковъ не усиливались извратить ихъ смыслъ при ихъ примѣненіи. Большая часть этихъ дѣятелей, кажется, какъ бы нарочно избранная не для того, чтобы успокоивать, а для того, чтобы разжигать взаимное чувство озлобленія двухъ національностей. Обыкновенно они всѣ безъ исключенія геніи, или около того, такъ какъ всѣ являются съ готовой уже системой и предвзятымъ намѣреніемъ неумолимо преобразовать общество по единственному образцу собственнаго ихъ изобрѣтенія. По несчастью, эти исключительныя и личныя стремленія рѣдко согласуются съ законами до такой степени, что эти послѣдніе становятся вовсе излишними тамъ, гдѣ благонамѣренныя тенденціи оправдываютъ всякое увлеченіе. Можно-ли послѣ этого удивляться, если правительство, подъ вліяніемъ такихъ принциповъ, и употребляя людей такого сорта, склонно къ мелочному гоненію всякой мѣстной особенности?

Одно изъ самыхъ прискорбныхъ преувеличеній такого рода составляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, гоненіе на польскій языкъ. Что русскій языкъ признается оффиціальнымъ въ сношеніяхъ съ центральнымъ правительствомъ — очень естественно. Безусловно также необходимо, чтобы учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ усвоили себѣ совершенное знаніе русскаго языка для того, чтобы облегчить сближеніе двухъ національностей. Но къ чему навязывать необходимость употребленія этого языка въ школѣ и судѣ, языка, на которомъ никто не говоритъ, котораго большая часть изъ учащихся и имѣющихъ дѣла въ судахъ даже не понимаетъ, и обязательность употребленія котораго, такимъ обра-

зомъ, ни мало не содѣйствуя желательному сближенію двухъ національностей, становится лишь тягостнымъ притѣсненіемъ. Какая государственная польза заставляетъ ниспровергать съ верху до низу почтенное судебное сословіе или отрекаться отъ юридическихъ преданій уложенія, которыя до настоящаго времени не безъ основанія щадили всѣ увлеченія завоевателя? Необходимо-ли было, въ то время, когда прежнее судопроизводство не представляло никакихъ существенныхъ недостатковъ, безпокоить общество введеніемъ незнакомаго ему судебнаго процесса и тѣмъ усложнять общественную жизнь безъ малѣйшаго повода? Мы никакъ не можемъ понять практической пользы всѣхъ этихъ насильныхъ нововведеній, и просто утверждаемъ, что всѣ они произвели лишь бѣдственное потрясеніе и не доставили никакой выгоды государству. Рано или поздно Россіи придется возвратиться къ болѣе справедливымъ принципамъ и сдѣлать уступки относительно всего, что не будетъ очевидно противиться государственному единству. Пусть Поляки говорятъ по польски, — тѣмъ лучше, лишь бы они на этомъ языкѣ выражали свою прямодушную преданность имперіи. Русскій языкъ долженъ быть какъ бы придворнымъ мундиромъ, который надѣвается лишь въ торжественныхъ случаяхъ, но мѣстный языкъ долженъ быть всегда языкомъ разговорнымъ и служить для обычнаго употребленія. Если при разсужденіяхъ о провинціальныхъ интерессахъ употребляется польскій языкъ, то развѣ это покушеніе на общественную безопасность? Даже больше. Мы утверждаемъ, что въ интерессѣ Россіи не только уважать всѣ національныя особенности, но даже открыто имъ покровительствовать, такъ какъ такое уваженіе историческихъ воспоминаній располагаетъ къ благодарности и внушаетъ довѣріе.

Поэтому мы утверждаемъ, что уважая національ-

ную щекотливость Поляковъ, возвышая уровень провинціяльныхъ льготъ, устраняя возможность бюрократическаго произвола, правительство дало бы людямъ, преданнымъ идеѣ національнаго примиренія, способность влiять на общественное мнѣніе, и облегчило бы созданіе лойяльной партіи, которая, сохраняя свои національныя стремленія, съумѣло бы настоять на необходимости соглашенія русской и польской національности, заставляя эту послѣднюю оцѣнить всю важность благодѣяній, дарованныхъ съ цѣлью прекращенія на всегда невозможной борьбы и напрасныхъ волненій.

§ 17.

И такъ, прежде всего надо возбудить дѣятельную провинціяльную жизнь, ибо не въ интерессѣ Династіи препятствовать осуществленію лойяльныхъ намѣреній историческихъ рассъ.

Не составляетъ ли скорѣе политической необходимости привлекать къ себѣ національныя стремленія, на сколько это дозволяетъ интерессъ государственнаго единства?

Свобода мѣстнаго самоуправленія укрѣпляетъ общность государственныхъ интерессовъ; между тѣмъ какъ бюрократическая централизація всей имперіи, по необходимости теряется въ мелкихъ и безполезныхъ подробностяхъ. При мѣстной свободѣ лойяльныя чувства различныхъ отдѣльныхъ національностей, скрѣпленныя принципами либеральнаго самоуправленія, были бы всегда самой надежной опорой монархическаго порядка уже въ слѣдствіе самой своей приверженности, основанной на ясномъ пониманіи собственныхъ интерессовъ, — въ то время, какъ бюрократическая централизація, стѣсняя мѣстныя стремленія безполезной всеобщей нивеллировкой, вынудитъ умы къ безусловному сопротивленію и

докажетъ всю невозможность навязать силою извѣстную административную сосредоточенность, полезность которой заставила бы признать въ послѣдствіи сама сила вещей. Но быть принужденнымъ къ употребленію строгости всегда для правительства составляетъ несчастье. Очень часто правительства вынуждены усиливать наказанія за неповиновеніе, или подозрѣвать подданныхъ въ отсутствіи вѣрности, лишь потому, что сами сдѣлали повиновеніе невозможнымъ. Вотъ почему всякій благоразумный законодатель долженъ бы стараться избѣгать прискорбной необходимости сдѣлаться законодателемъ грознымъ. По несчастью, въ польскихъ провинціяхъ, кажется, преобладаетъ единственное начало, подразумѣваемое всѣми, начало, котораго скрытную цѣль составляетъ методическое разрушеніе. Однакожъ поведеніе Поляковъ во время послѣднихъ соціалистическихъ происковъ доказываетъ достаточно, что въ ихъ мнѣніяхъ произошелъ поворотъ, которымъ правительство должно бы воспользоваться. Это можетъ быть единственный, предлагаемый ему судьбою случай, съ достоинствомъ выйти изъ прискорбнаго положенія, не бывъ къ тому принужденнымъ тягостными усложненіями. Во всякомъ случаѣ, поддержать эти новыя лойяльныя стремленія, которыми Россія обязана скорѣе политической проницательности побѣжденныхъ, чѣмъ всѣмъ своимъ тенденціознымъ преобразованіямъ, составляетъ для нея политическую необходимость и вмѣстѣ историческую обязанность.

§ 18.

Было бы несправедливо не признавать, что извѣстныя соціальныя преобразованія, введенныя въ завоеванномъ краѣ русскимъ правительствомъ, были полезны и даже крайне необходимы. Съ польской точки зрѣнія, мы вынуждены признать за великую заслугу русскому

правительству введеніе, въ началѣ нынѣшняго царствованія, аграрной реформы. Освобожденіе крестьянъ и выкупъ ихъ земель будутъ для Польши никогда незабвеннымъ благодѣяніемъ. Однако общеизвѣстно, что это аграрное преобразованіе въ имперіи совершено было въ двухъ различныхъ видахъ. Введенное въ самой Россіи осторожно и предусмотрительно, въ прежнихъ польскихъ губерніяхъ оно совершено въ тенденціозномъ духѣ, съ тѣмъ, чтобы могло служить орудіемъ для возбужденія между общественными сословіями постоянныхъ недоразумѣній. Поэтому мы, хотя далеки отъ того, чтобы порицать самый принципъ этого преобразованія, но не одобряемъ способа его примѣненія, такъ какъ онъ очевидно доказываетъ непреодолимое недоброжелательство или прискорбное намѣреніе постоянно безпокоить общественное мнѣніе враждебными мѣропріятіями, вмѣсто того, чтобы его умиротворить законными распоряженіями. Впрочемъ, сильная страсть къ тенденціознымъ мѣропріятіямъ, повидимому, у правителей господствуетъ эпидемически. Различныя постановленія слѣдуютъ одно за другимъ безпрерывно, сплетаются различными способами, и всегда какъ бы нарочно направлены къ тому, чтобы обмануть всякое лойяльное ожиданіе управляемыхъ. Такое положеніе, кажется, не близится къ концу; такъ по крайней мѣрѣ приходится заключить изъ своекорыстнаго хвастовства представителей власти. Это тоже больше всего вредитъ настоящему режиму, такъ какъ одно изъ важнѣйшихъ аксіомъ политическихъ требуетъ, если при введеніи въ обществѣ реформъ придется употребить строгія мѣры, чтобы эти мѣры были задуманы и исполнены вмѣстѣ и вдругъ, для того, чтобы не надо было прибѣгать къ нимъ ежедневно и чтобы возможно было, не раздражая совѣсти людей, въ послѣдствіи успокоить умы и привлечь ихъ благодѣяніями. Правитель-

ство, по боязливости, или слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, поступающее иначе, находится вынужденнымъ безпрестанно держать въ рукахъ мечъ, и никогда не можетъ положиться на своихъ подданныхъ, которыхъ оно всегда держитъ въ безпокойствѣ, постоянно нанося имъ обиды. Поэтому реформы должны быть совершаемы въ промежутокъ времени сравнительно не долгій, чтобы можно было утишить возбужденное ими неудовольствіе. Благодѣянія же, наоборотъ, должны одно за другимъ слѣдовать медленно, чтобы ими больше наслаждались. Но еще больше, побѣжденныхъ надо или ласкать, или раздавить; такъ какъ за обиды легкія, но наносимыя постоянно, они мстятъ, за окончательное же подавленіе они мстить не могутъ. Отсюда слѣдуетъ, что принимаясь за преобразованія враждебнаго общества, надо или быть твердо увѣреннымъ въ возможности его исполненія, или вовсе не браться за это дѣло. То есть, необходимо или не оскорблять никого, или, удовлетворивъ всю свою злобу за одинъ разъ, послѣ того ободрить гражданъ и возвратить имъ довѣріе и спокойствіе. Это — старое общее правило, которому слѣдовали всѣ похитители власти, отъ древности до нашихъ временъ, и которое должны бы знать и ему слѣдовать русскіе государственные люди. По несчастью, ихъ образъ дѣйствія составляетъ верхъ фантазіи; они создаютъ враговъ, имѣющихъ возможность вредить, оставаясь послѣ претерпѣнія обиды у себя дома. Отсюда слѣдуетъ естественно, что правительство, какъ мы уже сказали, прежде всего должно со своими подданными поступать такъ, чтобы они не замѣчали измѣнчивости его дѣйствій, сообразно хорошимъ или дурнымъ обстоятельствамъ. Если оно станетъ дѣлать добро лишь вынужденное необходимостью, то это ему не принесетъ никакой пользы; всѣ станутъ думать, что это — благодѣяніе вынужденное и за него никто благодарнымъ не будетъ

§ 19.

Есть одно обстоятельство, на которое настоящій режимъ долженъ бы обратить серьёзное вниманіе: не надо принимать своихъ желаній за мѣрило своихъ силъ. Если бы еще онъ могъ получить отъ своихъ безпрестанныхъ гоненій желанный успѣхъ, то такой конецъ дѣла извинилъ бы, быть можетъ, употребленныя средства. По счастью, очевидность убѣждаетъ Поляковъ теперь во всей тщетности его угрозъ и всей безплодности его усилій. При настоящемъ состояніи соціальнаго порядка, никогда о будущности общества не рѣшаетъ напоръ грубой силы, а этой цѣли современемъ достигаетъ лишь цивилизація, общность интерессовъ, а болѣе всего честный трудъ превосходнѣйшихъ личностей. Въ этомъ именно заключается причина, почему Россія всегда потерпитъ неудачу тамъ, гдѣ нѣмецкая пропаганда ступаетъ и идетъ впередъ твердою ногою. Нѣмцы мало по малу утвердили и упрочили свое завоеваніе не чѣмъ другимъ, какъ медленнымъ и постояннымъ трудомъ гражданъ, всеобщимъ достаткомъ, аккуратностью въ поведеніи и кротостью частныхъ нравовъ. Позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы этими именно качествами обладали всѣ офиціальные представители настоящаго режима въ Польшѣ. Впрочемъ мы полагаемъ, что нѣтъ возможности заставить враждебное общество почитать непопулярныя учрежденія, когда создавшее ихъ правительство, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, само первое преступаетъ имъ же самимъ установленныя для себя границы; ибо не легкую для побѣжденнаго лойяльность можетъ ему внушить лишь великодушное или справедливое благоразуміе побѣдителя. Всякое правильное правительство должно бы всегда, даже среди завоеванія, поставить себя въ такое положеніе, чтобы

не нуждаться никогда въ употребленіи и примѣненіи революціонной политики. Собственное даже его достоинство требуетъ, чтобы ему никогда не приходилось ни искать, ни переносить такого бѣдственнаго положенія, которое принуждало бы его основаніемъ своей власти имѣть насиліе, и для его поддержанія прибѣгать къ анархическому произволу.

Одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ причинъ, почему Пруссія успѣла тамъ, гдѣ Россіи придется потерпѣть неудачу, заключается въ томъ, что первая, съ самыхъ первыхъ годовъ завоеванія, нашлась въ условіяхъ правильнаго правительства, сразу вступивъ на законную дорогу, на которой держалась постоянно и которой придерживается и теперь.

Впрочемъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ живучести польскаго племени могутъ служить тѣ опасенія, которыя послѣ вѣковаго владѣнія до настоящаго времени возбуждаетъ его вліяніе на общественныя сословія даже въ провинціяхъ, гдѣ народъ чисто русскій. На этомъ основаніи легко возстановить забытыя, послѣ вѣковаго перерыва государственной жизни, границы прежней Польши; потому что польская національность все таки существуетъ именно тамъ, гдѣ она теперь возбуждаетъ опасенія. Это историческое вліяніе Полякамъ дали: относительное превосходство ихъ цивилизаціи, привычка къ общественному самоотверженію, гибкость ихъ характера, семейное единство и та особенность ихъ племени, что они, крѣпко держась земли своихъ предковъ, почерпаютъ изъ нея свои силы трудомъ честнымъ и постояннымъ. Щедрые или бѣдные, но большею частью трудолюбивые, они на этой землѣ довольствуются малымъ, но довольны, что этимъ исполняютъ національную обязанность. Польское дворянство, окруженное народомъ, само принадлежитъ къ народу, тѣмъ болѣе, что

гражданское равенство даетъ ему теперь общность матеріальныхъ интерессовъ и общественныхъ упованій. Абсентеизмъ высшихъ сословій, этотъ бичъ русскихъ деревень, въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ почти неизвѣстенъ. Этому косвенно способствуетъ само правительство, такъ какъ удаленіемъ польскихъ дворянъ отъ должностей, оно вынуждаетъ ихъ оставаться дома. Вслѣдствіе этого, естественное вліяніе образованныхъ классовъ будетъ преобладать всегда тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе Поляки будутъ искренно лойяльны, потому что народный инстинктъ всегда съумѣетъ хорошо понять безмѣрное различіе между лойяльнымъ желаніемъ равенства правъ и страстнымъ требованіемъ невозможной независимости. Всѣ аграрныя гоненія Полякамъ вреда не причиняютъ; они имъ уже дали сосѣдей довольныхъ и спокойныхъ. Всѣ тенденціозныя подстрекательства неимущихъ классовъ къ зависти противъ поземельныхъ владѣльцевъ тоже останутся безуспѣшными; Поляки научились уже ихъ примирять посредствомъ благосклонной терпѣливости, всегда слѣдуя постоянно принципамъ традиціоннаго сосѣдства. Они даже очень хорошо понимаютъ свою страдательную силу, и укрѣпившись прилежнымъ трудомъ, они почувствовали обязанность разумной терпѣливости и дѣятельной устойчивости, которыя лишь однѣ могутъ охранить ихъ національное достоинство. И такъ, они требуютъ нынѣ правосудія и усвоиваютъ себѣ разъ на всегда, какъ девизъ своего дѣла, извѣстное изрѣченіе: „la Pologne se recueille“ („Польша ожидаетъ“); ибо принимая послѣдствія совершившихся фактовъ, Поляки все таки твердо вѣрятъ, что судьба предназначаетъ имъ быть однимъ изъ главныхъ факторовъ историческихъ судебъ Россіи.

§ 20.

Не надо полагать, что въ общественномъ мнѣніи Поляковъ, сильно возбужденномъ постоянными притѣсненіями, переворотъ произошелъ вдругъ, вслѣдствіе какого либо особеннаго чувства благосклонности или какого нибудь внезапно пробудившагося сочувствія; на это имѣли вліяніе другія побужденія. Съ начала опытъ современныхъ войнъ доказалъ побѣжденной націи, чтó серьёзнымъ умамъ было давно извѣстно, что успѣшно сражаться могутъ лишь значительныя военныя силы, хорошо вооруженныя, выученныя и организованныя, что побѣда зависитъ менѣе отъ храбрости, чѣмъ отъ числа баталіоновъ, и что наконецъ преимущество остается окончательно на сторонѣ числа. Вслѣдствіе такихъ соображеній, въ Польшѣ перестали вѣрить въ возможность удачи народнаго возстанія, этой героической легенды Поляковъ. Исходъ войны 1870 г., уничтожая обаяніе Франціи, утвердилъ ихъ въ такомъ мнѣніи еще больше, и доказалъ имъ, что на пособіе отъ Европы расчитывать нечего. Но какъ всѣ Поляки любятъ разсуждать о политикѣ, и всѣ безъ исключенія, въ деревушкѣ и въ городѣ, отъ гостинной до мастерской, интерессуются судьбой страны, то такое убѣжденіе, твердо укорененное въ общественномъ мнѣніи, сдѣлалось для него закономъ и обратило вниманіе Поляковъ на побѣдившую націю, которой, правду сказать, до тѣхъ поръ никто не зналъ, до такой степени непріязненныя чувства устраняли всякій къ ней доступъ. Начали учиться русскому языку, читать русскія газеты и книги, изслѣдовать взаимныя отношенія. Это настоящая причина, почему Поляки согласятся лучше обратиться къ вѣковой Династіи, и прямодушно и чистосердечно покориться своей исторической судьбѣ, чѣмъ принять тенденціозныя

предложенія отъ людей, стремящихся ни къ чему другому, какъ къ уничтоженію цѣлаго общественнаго строя. Упрямство, скажу даже почти героизмъ, съ которымъ польская нація боролась за возстановленіе своей независимости, не смотря ни на что и противу всѣхъ, доказываетъ всю глубокость національнаго чувства, которое, если примкнётъ къ кому однажды, съумѣетъ быть преданнымъ и не поддастся противоположному вліянію, развѣ тогда, когда противиться ему не будетъ уже никакой человѣческой возможности.

§ 21.

Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о польскомъ обществѣ, надо быть убѣжденнымъ въ одномъ, а именно: что среди его сильно преобладаютъ консервативные элементы. Польское дворянство, хотя и консервативно по происхожденію, но національно по преданію, и либерально изъ патріотизма. Поэтому въ Польшѣ благородные роды, на сколько это возможно, тождественны съ народомъ, и это составляетъ ихъ великое достоинство; ибо чѣмъ больше аристократія приближается къ демократіи, тѣмъ она въ своемъ принципѣ совершеннѣе. Вслѣдствіе этого въ странѣ нѣтъ настоящаго различія между партіями, и какъ политическое поприще очень ограничено, то повидимому всѣ держатся одного и того же мнѣнія. Средніе классы, не только съ дворянствомъ не ведутъ войны, но напротивъ тѣсно съ нимъ соединены; это происходитъ отъ того, что его форма неопредѣленна и его границы неизвѣстны; не столько отъ того, что всякій можетъ въ него проникнуть, какъ отъ того, что никто навѣрно не можетъ знать, находится ли онъ въ немъ или нѣтъ; такъ что всякій, кто къ нему приближенъ, можетъ почитать себя къ нему принадлежащимъ, участвовать въ его вліяніи и пріобрѣ-

тать нѣкоторое значеніе или выгоду отъ его популярности. Примѣръ такого значенія дворянства представляетъ аристократія англійская, изъ среды которой именно торійская партія провела всѣ главныя реформы въ странѣ. Различіе во мнѣніяхъ существовало скорѣе между польскими патріотами, удалившимися за границу, чѣмъ въ самой странѣ. Тамъ ссорились за слова или за идеи; здѣсь этихъ ссоръ не понимали, но все таки снабжали деньгами разъ демократовъ, другой разъ аристократовъ, потому что служили скорѣе національному дѣлу, чѣмъ какой нибудь партіи.

Правительство, устраняя польское дворянство отъ публичныхъ должностей, такъ сказать заперло его въ деревенской жизни; при содѣйствіи народной традиціи дворянинъ, все болѣе и болѣе привязываясь къ землѣ своихъ предковъ честнымъ и постояннымъ трудомъ, сохранилъ вліяніе, которое всегда доставляетъ вѣковое владѣніе землею. Уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній разрушило послѣднія преграды; много частныхъ состояній отъ этого пострадало, но со всѣмъ тѣмъ политическая сторона вопроса не измѣнилась, такъ какъ сомнѣнія относительно національности рѣшаютъ скорѣе выдающіяся личности и мѣстное вліяніе, чѣмъ численное большинство. Поземельный вопросъ, въ видахъ мести, по большой части былъ разрѣшенъ въ пользу крестьянъ. Вслѣдствіе этого, когда денежныя отношенія были устроены и пререканія по этому поводу забыты, деревенское дворянство пріобрѣло сосѣдей довольныхъ и тѣмъ самымъ благосклонныхъ. Гоненіе всякой особенности польской національности было равно обидно для всѣхъ общественныхъ сословій страны, и возбуждало всеобщее негодованіе даже среди тѣхъ изъ нихъ, которыхъ думали привлечь на свою сторону. Такъ какъ всегда однѣ и тѣ же привычки, одни и тѣ же воспоминанія и однород-

16

ныя занятія сближали дворянъ съ крестьянами, то эти два сословія вскорѣ стали повѣрять себѣ взаимныя скорби, разсуждать о прошедшемъ и о будущемъ, какъ бы преданія и надежды были у нихъ одинаковы. Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что не смотря на подстрекательство къ соціальной ненависти со стороны мѣстной администраціи, не смотря на неуваженіе къ частной собственности, которое стараются внушить крестьянамъ, въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ, даже въ югозападномъ краѣ, гдѣ соціалистическая пропаганда дѣйствуетъ всего сильнѣе, отношенія между сословіями благопріятны и почти не оставляютъ ничего желать больше.

§ 22.

Никто такъ не консервативенъ въ своихъ стремленіяхъ, какъ мелкія землевладѣльцы, тѣмъ болѣе спокойные на счетъ своего владѣнія, что имъ нечего ожидать больше. Они дорожатъ сохраненіемъ того, что пріобрѣли такъ счастливо, а владѣніе заставляетъ любить порядокъ. Вотъ почему народъ видя, что цѣлое образованное сословіе, лично занимаясь земледѣльческимъ трудомъ, раздѣляетъ съ нимъ его нужды и терпитъ одни съ нимъ обиды, — вотъ почему, утверждаемъ мы, народъ пріобрѣлъ довѣріе къ тѣмъ, кто по своему возвышенному положенію имѣетъ больше средствъ защищать общество отъ злоупотребленій власти. Поэтому, можно быть увѣреннымъ, что онъ, не смотря на всѣ противоположныя вліянія, поручилъ бы общественныя должности не кому иному, какъ польскому дворянству, котораго честный трудъ онъ видѣлъ, если бы только правительство ему это дозволило. Нѣсколько дворянскихъ имѣній перешло, правда, въ руки новыхъ владѣльцевъ, но самое ихъ качество людей постороннихъ и неизвѣстныхъ, ихъ незнаніе мѣстныхъ привычекъ, сейчасъ дали

замѣтить все различіе между старинными родами и этими новыми пришлецами, всегда жадными къ наживѣ, и, что еще больше, представляющими стремленія враждебныя стариннымъ хорошимъ отношеніямъ между сосѣдями. Такимъ образомъ несомнѣнно, что вліяніе землевладѣльцевъ польскаго происхожденія на деревенское населеніе всегда будетъ увеличиваться, тѣмъ болѣе, что всѣ сепаратическія стремленія исчезнутъ съ политическаго горизонта, ибо какъ народу будетъ невозможно признать необходимость безнадежной борьбы, основанной на патріотическихъ иллюзіяхъ, такъ равно по той же причинѣ народное мнѣніе съумѣетъ всегда оцѣнить охранительное вліяніе классовъ образованныхъ, трудолюбивыхъ и честныхъ.

§ 23.

Мы искренно и чистосердечно желаемъ, чтобы всякая вражда и недоразумѣніе между Русскими и Поляками наконецъ прекратились. Много кое чего насъ раздѣляетъ, но мы смѣло утверждаемъ, что одна лишь свобода способна соединить насъ на всегда. Важность настоящей минуты состоитъ именно въ томъ, что Династія теперь имѣетъ возможность завѣщать будущему монархію, нарушить единство которой было бы невозможно безъ потрясенія существованія самой націи. Поэтому мы бы желали въ свободѣ видѣть средство расширенія мирнаго завоеванія для монархіи, и въ тоже время изъ Династіи сдѣлать силу уравнивающую движеніе революціи и залогъ государственнаго единства.

Мы настоятельно утверждаемъ, что собственный интерессъ Россіи требуетъ, чтобы она была справедлива; справедливость полезна во всемъ, а тѣмъ болѣе въ политикѣ. Поэтому Россія имѣетъ возможность и обязанность удовлетворить лойяльныя стремленія побѣжденной

національности, допуская ихъ въ размѣрахъ ограниченныхъ требованіями послѣдствій совершившагося факта.

Прежде всего правительство должно забыть, что обладаніемъ Польшей оно обязано завоеванію, и, допуская политическую фикцію, почитать своихъ новыхъ подданныхъ за давнишнихъ и законныхъ членовъ государства, имѣющихъ одни и тѣ же права и несущихъ однѣ и тѣже повинности; ибо лишь одно равенство правъ можетъ заставить переносить тяжесть обязанностей, и только дѣйствительное довѣріе можетъ вызвать непоколебимую лойяльность. Поэтому не надо больше никакихъ исключительныхъ законовъ, а всякое враждебное стремленіе должно быть напередъ разсматриваемо какъ случайное исключеніе, противъ котораго оградить общественный порядокъ достаточно успѣютъ обыкновенные суды и законы. При настоящемъ состояніи общественнаго мнѣнія въ Польшѣ, такая примирительная система будетъ оцѣнена надлежащимъ образомъ; партія, стоящая за порядокъ, пріобрѣтетъ рѣшительную силу и съумѣетъ повліять въ пользу правительства и поддержать его на этомъ новомъ пути. Вотъ почему прежде всего надо отмѣнить вдругъ и торжественно всѣ безъ изъятія тенденціозные законы и всѣ ограниченія правъ, возвратиться къ политической точкѣ зрѣнія, подъ внушеніемъ которой правительство даровало Царству Польскому реформы, введенныя подъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Николаевича и при содѣйствіи Его помощника, маркиза Велепольскаго; въ прочихъ же провинціяхъ ввести немедленно и однообразно всѣ дѣйствующія уже въ Россіи новыя учрежденія. Это будетъ первый шагъ.

Естественно этому первому шагу должна предшествовать, или немедленно за нимъ слѣдовать, полная и великодушная амнистія; потому что братское примире-

ніе можетъ быть скрѣплено лишь преданіемъ полному забвенію обоюдныхъ обидъ и оскорбленій.

Неоправдываемое никакой логической причиной гоненіе католическаго вѣроисповѣданія оскорбляетъ національное чувство тѣмъ больше, что грубость системы поражаетъ лица, равно какъ и интерессы. Грубый и пылкій прозелетизмъ, который практикуется въ Польшѣ, составляетъ одну изъ причинъ продолженія борьбы, и вмѣстѣ фактъ постыдный и недостойный великой націи. Гоненіе это должно прекратиться на всегда; и какъ религіозная толеранція должна бы составлять одинъ изъ основныхъ нашихъ законовъ, то Россія должна примѣнить его чистосердечно и къ побѣжденнымъ.

Въ высшей степени несправедливо принуждать народъ отрѣчься отъ своего языка; да впрочемъ и достигнуть этого невозможно. Польскій или русскій языкъ будетъ офиціальнымъ, отъ этого число вѣрноподданныхъ не увеличится ни однимъ человѣкомъ; а этой именно цѣли мы и должны добиваться. Совсѣмъ напротивъ, это именно самый лучшій способъ внушить отвращеніе къ тому, что надо бы заставить принять съ терпѣніемъ. Когда всѣ подданные преданы общему отечеству, не все ли равно, какой они языкъ употребляютъ у себя дома, въ судахъ и въ школахъ? Поэтому естественно, въ Царствѣ Польскомъ офиціальнымъ долженъ быть преимущественно языкъ польскій, а въ другихъ провинціяхъ прежней Польши, сообразно требованіямъ мѣстнаго населенія, исключительно русскій, или совмѣстно русскій, малороссійскій и польскій, по желанію заинтерессованныхъ сторонъ. Это вопросъ щекотливый, и въ этомъ случаѣ Россія могла бы какъ можно больше уважать раздражительность національной гордости, такъ какъ она проявляется въ такихъ безвредныхъ стремленіяхъ. Такой образъ дѣйствія сдѣлаетъ Россію тѣмъ болѣе по-

пулярной, чѣмъ искреннѣе она будетъ уважать національныя преданія; ибо есть одинъ принципъ очень обыкновенный, который долженъ бы себѣ усвоить всякій побѣдитель, а именно: для того, чтобы имѣть на свои услуги кошельки и руки подданныхъ, государь долженъ прежде всего пріобрѣсти ихъ сердца.

Предразсудки и бюрократическія придирки не должны мѣшать мѣстнымъ жителямъ занимать правительственныя должности. Надо имѣть къ нимъ довѣріе, а они сдѣлаются этого довѣрія достойными, когда узнаютъ настоящія намѣренія правительства. Остальное довершитъ популярность самаго Государя, ибо восторгъ составляетъ большое сокровище, которымъ надо умѣть воспользоваться своевременно. И такъ, не надо больше тенденціозныхъ названій, которыя всегда глубоко уязвляютъ самолюбіе побѣжденныхъ и составляютъ какъ бы новый административный раздѣлъ страны. Скорѣе будетъ болѣе послѣдовательно новымъ вещамъ и дѣламъ давать старыя названія. Перекрещиваніе же старыхъ общечтимыхъ названій не больше, какъ пустая придирка, которую будетъ всегда отвергать историческое преданіе. Поэтому административные центры должны бы находиться въ старинныхъ историческихъ столицахъ. При томъ была бы желательна нѣкоторая однородность въ рѣшеніи мѣстныхъ дѣлъ, во всѣхъ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, и нѣкоторая сообразность управленія, порученнаго лицамъ въ странѣ популярнымъ. Россія не должна бы отказываться уважать традиціонныя стремленія, когда они гарантируются лойяльностью намѣреній. Вотъ почему мы бы полагали даже, что спеціальныя дѣла Царства Польскаго должны по прежнему находиться въ вѣдѣніи польскаго министра при Высочайшемъ Дворѣ. Этотъ министръ сосредоточивалъ бы въ своей особѣ всѣ лойяльныя стремленія общественнаго мнѣнія.

Такой благородный и чистосердечный образъ дѣйствій, послѣ стольких злополучій, выкажетъ чрезмѣрное различіе между бѣдственнымъ прошедшимъ и предполагаемымъ, сравнительно блистательнымъ, будущимъ, а великодушная система уничтожитъ даже слѣды всякихъ сепаратическихъ стремленій. Всѣ оттѣнки національной партіи оцѣнятъ благодѣянія счастливой тишины, а публичное мнѣніе будетъ служить самымъ лучшимъ обеспеченіемъ противъ всякаго политическаго сумасбродства.

§ 24.

Намъ необходимо еще напомнить о томъ, что подобный режимъ несказанно облегчитъ окончательное разрѣшеніе вопроса о различныхъ народностяхъ, которыя, ради государственнаго интересса, должны составлять однородную русскую имперію. Разрѣшивъ разъ на всегда политическій вопросъ, Россія должна бы стараться всѣми возможными способами, а эти способы безчисленны, облегчить нравственное соединеніе и связь положительныхъ интерессовъ. Для того, чтобы навязать свою цивилизацію, свои обычаи и свой языкъ, мы должны въ этомъ сознаться, у Русскихъ нѣтъ ни необходимыхъ способностей, ни даже твердой надежды на успѣхъ, потому что принудить народъ къ измѣненію своихъ обычаевъ можно лишь указывая ему какъ цѣль: соціальный прогрессъ. Впрочемъ, Россія никогда не находилась въ такомъ положеніи, развѣ относительно полудикихъ инородцевъ, живущихъ на ея окраинахъ. Къ Финляндіи и Отзейскимъ провинціямъ правительство было всегда внимательно и уважало ихъ національныя особенности. Къ чему же было запутывать польскій вопросъ желаніемъ навязать силою рѣшеніе, которое быть можетъ наконецъ заставило бы принять само время? Безразсудство польскихъ патріотовъ не можетъ служить

извиненіемъ русскому правительству, которое все таки должно было быть справедливымъ и предусмотрительнымъ. Государству легко быть снисходительнымъ и терпѣливымъ, потому что оно должно быть вѣчно. Сегодня, когда политическая сторона вопроса разрѣшена окончательно, Поляки не желаютъ ничего больше чѣмъ того, что̀ сами Русскіе надѣются получить отъ своей національной Династіи, то-есть политической свободы и административной децентрализаціи. Россія поэтому можетъ признать за Поляками тѣ права, получить которыя она сама желаетъ. Впрочемъ, этому противится не общественное мнѣніе въ Россіи, а лишь бюрократическіе предразсудки; но эти предразсудки должны будутъ уступить очевидности, ибо они равно бѣдственны для Россіи, какъ и для Польши. Такимъ образомъ Поляки могутъ сейчасъ же дѣйствовать съ Русскими за одно, и стараться разрѣшить современные вопросы посредствомъ взаимнаго соглашенія, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что высшіе умы среди націи съумѣютъ направить общественное мнѣніе къ положительному труду, который вознаградитъ страну, за потерю невозможнаго политическаго существованія, мѣстною независимостью, способною принести пользу отдѣльной національности, равно какъ и объединенной Имперіи. Отношенія Поляковъ къ Австрійской Имперіи могутъ этому служить примѣромъ. Не смотря на самую гнусную тиранію и неслыханную рѣзню, время тамъ примирило всякую злобу и всякое негодованіе; сегодня у Габсбургской династіи нѣтъ подданныхъ вѣрнѣе Поляковъ. Придетъ можетъ быть время, когда и Династія Романовыхъ не будетъ имѣть подпоры надежнѣе тѣхъ самыхъ Поляковъ, которыхъ всегда почитаютъ непримиримыми.

Если Поляки желаютъ, чтобы ими управляли лица изъ ихъ народности, то Россія смѣло можетъ допустить это,

лишь бы между ними нашлись способные люди. Чтобы въ польскихъ школахъ употреблялся польскій языкъ, это очень естественно, такъ какъ онъ тамъ природный. Существуютъ же національныя школы въ Финляндіи и въ Остзейскихъ провинціяхъ, и отъ этого онѣ не менѣе преданы. Впрочемъ Поляки, также какъ Нѣмцы и Финляндцы, станутъ сами первые искать знанія офиціальнаго языка, необходимаго для того, чтобы въ Россіи пріобрѣсти то вліяніе, на которое они претендуютъ. Пусть польская литература процвѣтаетъ, пусть науки преуспѣваютъ, пусть промышленность усиливается! Тѣмъ лучше; имперія отъ этого всегда пріобрѣтетъ славу, и, что еще лучше, преданныхъ подданныхъ. Пусть они носятъ колпаки или чалмы, это для Династіи все равно, лишь бы они добровольно давали деньги и кровь для сохраненія государства. Пусть они основываютъ какую угодно „Матицу"; если это имъ нравится, то Россія будетъ довольна тѣмъ болѣе, что людей часто можно вести лучше игрушками, чѣмъ насиліемъ. Національный энтузіязмъ разовьетъ нѣсколько высшихъ интеллигенцій, это дастъ случай сочинять хорошія поэмы, предаться глубокимъ историческимъ изслѣдованіямъ, и такимъ образомъ великое множество бурныхъ стремленій испарится въ полезныхъ занятіяхъ; надо лишь будетъ искуссно удерживать тенденціи на путяхъ законныхъ и безвредныхъ. Пусть въ судахъ, собраніяхъ или земствахъ употребляется языкъ русскій, нѣмецкій, шведскій, грузинскій, польскій или малороссійскій, финскій, эстонскій или литовскій, это для государства можетъ быть совершенно безразлично, ибо этимъ способомъ окончательно разрѣшатся затруднительные вопросы. Намъ можетъ быть возразятъ, что это будетъ Вавилонское столпотвореніе, въ которомъ никто другъ друга не станетъ понимать, и что такое офиціальное снисхожденіе водворитъ, осо-

бенно въ провинціяльныхъ собраніяхъ, мѣстный антагонизмъ, такъ какъ всякое нарѣчіе будетъ себѣ требовать равныхъ правъ съ другими. Намъ кажется, что центральное правительство этихъ домашнихъ споровъ рѣшать не обязано. Эти собранія очень хорошо успѣютъ обойтись безъ посторонняго вмѣшательства, потому что всѣ въ нихъ участвующіе будутъ имѣть равное право голоса, и потому сдѣлаютъ себѣ необходимо взаимныя уступки. Впрочемъ, государства это касается очень мало, такъ какъ оно нисколько не отказывается отъ своего преобладанія, способнаго удержать разныя національности въ законномъ порядкѣ, и не дозволить имъ тревожить другъ друга. Кромѣ того, чтобы ихъ примирить въ случаѣ возникновенія какихъ либо важныхъ несогласій, всегда можно будетъ прибѣгнуть къ языку оффиціальному, то есть русскому. Такое выжидательное положеніе будетъ для Россіи тѣмъ выгоднѣе, что оно дастъ ей возможность удержать однихъ посредствомъ другихъ и такимъ образомъ обеспечить спокойствіе всѣхъ, оставаясь при томъ всегда снисходительной и справедливой.

§ 25.

Пусть намъ не говорятъ, что общественное мнѣніе въ Россіи не перенесетъ терпѣливо подобной системы, которая была бы рѣшительнымъ отрицаніемъ всей работы столѣтій и ея поношеніемъ. Оно должно ее принять; этого требуетъ справедливость, равно какъ интерессъ государства. Впрочемъ мнѣнія, съ которыми можно встрѣтиться въ злобныхъ словоизверженіяхъ нѣкоторыхъ шовинистскихъ журналовъ, ни мало не составляютъ выраженія дѣйствительнаго образа мыслей страны. Если, какъ говорятъ, въ Россіи общественное мнѣніе дѣйствительно направляетъ правительственную

системy, то мы должны признать, что правительство слишкомъ много обращаетъ на него вниманія, такъ какъ оно создаетъ его само. Поэтому мы не можемъ думать, что правительство находится въ зависимости отъ воображаемыхъ увлеченій.

Но чтобы такое преобразованіе могло дать свои плоды, необходимо чтобы оно съ самаго же начала явилось въ видѣ неизмѣннаго основанія системы, прочно установленной и раціональной, проистекающей изъ твердаго убѣжденія Династіи, строгой и гордой, какъ основной законъ имперіи; ибо правительство достигнуть желанной цѣли можетъ одною лишь непоколебимою настойчивостью. Самое главное затрудненіе поэтому составляетъ недостатокъ довѣрія побѣжденнаго общества къ побѣдителю, и та измѣнчивость принциповъ, которой все прошедшее дало столько доказательствъ. Это главная опасность, единственная угроза, которыя можно предвидѣть въ будущемъ. Потому не надо пренебрегать ничѣмъ изъ того, что повелѣваетъ верховное достоинство и твердое и благородное довѣріе. Традиціонныя церемоніи, историческія воспоминанія, великолѣпіе престола, блескъ великодушія, личныя милости, — все надо употребить въ дѣло; а больше всего необходима твердая рѣшимость быть настойчивымъ и не отступать. Однимъ словомъ, если у правительства есть истинное и дѣйствительное намѣреніе, то оно съумѣетъ снискать рыцарскую преданность націи въ пользу безусловнаго единства имперіи.

Если мы излагаемъ польскій вопросъ такъ ясно и подробно, то это потому, что эта неразрѣшимая задача, кромѣ того, что составляетъ для Россіи вопросъ внутренней администраціи, еще причиняла ей всегда, въ сношеніяхъ съ сосѣдними державами, постоянныя усложненія, и до

настоящаго времени затрудняетъ основательное развитіе ея національныхъ силъ. Послѣ примѣненія стольких различныхъ образовъ управленія, послѣ стольких опытовъ и стольких одно другому противуположныхъ рѣшеній, русское правительство не подвинулось ни на шагъ. Оно умножаетъ число изгнанниковъ и осужденныхъ, изобрѣтаетъ новыя искусныя системы гоненія, оно даже старается отрицать очевидность. Никто не помогаетъ; польская нація всегда твердо протестуетъ. Кажется, какъ бы Россія была связана какимъ то роковымъ обѣтомъ, отъ котораго никакая судьба освободить ее не можетъ. Необходимо-ли, чтобы недоброжелательство и предразсудки вели роковымъ образомъ двухъ противниковъ крутыми изворотами къ достиженію невозможнаго, когда бы было такъ легко рѣшить споръ при обоюдномъ довѣріи? Мы уже сказали, что Поляки въ настоящее время ведутъ борьбу скорѣе противъ неограниченнаго режима, чѣмъ противъ политическаго соединенія; и какъ раньше или позже, теперешняя система должна все же уступить мѣсто принципамъ болѣе послѣдовательнымъ, то соглашеніе возможно на этой лишь дорогѣ. Крайнія партіи въ Россіи предчувствовали это очень хорошо, ибо всякая реакція съ ожесточеніемъ старается уничтожить эту непримиримую національность, между тѣмъ какъ либеральная партія сочувствуетъ побѣжденнымъ и находитъ между ними горячихъ приверженцевъ.

Польшу раздѣлили втроемъ, и сила Россіи состояла именно въ томъ, что у нея были соучастники. При всякомъ вздрагиваніи жертвы, чувство роковаго соучастія напоминало участникамъ раздѣла ихъ неотложныя и тягостныя обязанности. Пруссія, правда, не очень стѣснялась, такъ какъ для нея, что взято, то всегда было свято. Австрія, напротивъ, никогда не принимала раз-

дѣла охотно. Пользуясь увеличеніемъ своей территоріи, и защищая его всѣми неправыми способами, въ 1875, равно какъ и въ 1855 и 1863 гг., она всегда повидимому, какъ предсказывала Марія Терезія во время перваго раздѣла, сочувствовала всякой комбинаціи, клонящейся къ провозглашенію независимости Польши. Это потому, что политическій ея интерессъ требовалъ противувѣса панславистскимъ стремленіямъ Россіи. Съ тѣхъ поръ, конституціонный режимъ, а болѣе всего федеративная система, которая непремѣнно, наконецъ, вполнѣ восторжествуетъ въ этомъ агломератѣ народовъ, соединенныхъ лишь ради публичной пользы и безъ сплошной однородной національности, даетъ этимъ самымъ Полякамъ, которыхъ Россія хочетъ у себя уничтожить, дѣйствительное вліяніе у могущественнаго сосѣда. Надо основательно знать современныхъ Поляковъ, чтобы понять, какъ твердо они намѣрены быть теперь практическими въ направленіи своей національной политики. 1863 годъ былъ для нихъ урокомъ, правда суровымъ, но на этотъ разъ они имъ воспользовались какъ опытомъ рѣшительнымъ. Послѣ того какъ обаяніе Франціи было окончательно уничтожено, они на всегда отреклись отъ пустыхъ надеждъ на помощь, которой они столько разъ ожидали и никогда не получили. Это въ свою очередь принудило ихъ сосредоточиться въ себѣ, и искать спасенія въ умноженіи своихъ матеріальныхъ средствъ и развитіи правъ, которыя даруетъ имъ легальное состояніе края. Такое положеніе въ настоящее время имъ нравится, ибо оно ежедневно доказываетъ имъ свою полезность, сохраняя вмѣстѣ всю привлекательность борьбы, ведущей, хотя въ другой формѣ, къ достиженію національной цѣли. Есть среди нихъ, какъ и вездѣ, партія непримиримыхъ; но всякое сумасбродство считается уже теперь за измѣну народному дѣлу. Ор-

ганизація парламентской жизни въ Австріи и Пруссіи, сообщаетъ имъ опытность въ пріемахъ и дисциплину партіи, которыя въ свою очередь даютъ имъ основательную увѣренность въ успѣхѣ, лишь бы они не отступали отъ разъ избраннаго пути. Полякъ такимъ образомъ теперь преобразился, несчастье научило его правильно разсуждать и быть лойяльнымъ; онъ составляетъ силу, съ которою надо считаться.

Система безусловнаго гоненія, можетъ быть, могла бы имѣть успѣхъ въ прежнее время, когда проворное правительство имѣло въ рукахъ всѣ рѣшительныя средства для того, чтобы рубить съ плеча всякій національный вопросъ. Это было въ тѣ библейскія времена очевидно гораздо проще, а особенно гораздо выгоднѣе. Но настоящій режимъ репрессіи не можетъ ни перерѣзать цѣлой касты, ни переселять цѣлой націи, ни разорить мечемъ и огнемъ цѣлой страны; всѣ же какія либо язвительныя полумѣры, которыми онъ теперь злоупотребляетъ, повидимому въ концѣ концовъ лишь запутываютъ вопросъ и безъ того довольно трудный. Поэтому не лучше-ли искать какого нибудь „modus vivendi,“ который укрѣпилъ бы за Россіей ея пріобрѣтеніе, и вмѣстѣ ободрилъ встревоженное на счетъ своей судьбы и твердое въ своемъ вѣрованіи населеніе?

Русское правительство должно бы оцѣнивать свое настоящее положеніе хладнокровно. Прежде, въ дележѣ было три участника; они были соединены общностью интерессовъ и принциповъ. Это составляло силу тройственнаго союза. Теперь все измѣнилось. Сначала парламентарная система, преувеличенныя стремленія панславизма, а послѣ восточный вопросъ разстроили его на всегда. Въ настоящее время Россія стоитъ одна, изолированная, всегда подверженная подозрѣніямъ, вскорѣ нападеніямъ; отъ нея, можетъ быть, потребуютъ выкуп

и заставятъ возвратить добычу, которой она взяла себѣ часть слишкомъ великую, для того, чтобы быть въ состояніи усвоить ее себѣ во время. Что бы ни случилось, — будетъ ли Австрія стараться пріобрѣсти сочувствіе Поляковъ, съ цѣлью облегчить добровольное присоединеніе, или Пруссія заставитъ Россію заплатить себѣ за пріобрѣтенія Австріи на востокѣ, рано или поздно, Россійская имперія несомнѣнно подвергнется нападенію въ Польшѣ, то есть въ самомъ сердцѣ ея могущества; ибо нѣтъ хуже политическаго положенія, чѣмъ настоящее уединеніе, вызванное ненасытными требованіями и злораднымъ памятозлобіемъ. Изъ этого гибельнаго положенія нельзя выйти иначе, какъ признать политическую необходимость и ея роковыя послѣдствія. Мы утверждаемъ: отказаться совершенно и безвозвратно отъ корыстныхъ видовъ при разрѣшеніи восточнаго вопроса, и привлечь къ себѣ разъ на всегда сочувствіе польскаго народа, посредствомъ либеральнаго образа дѣйствій — составляетъ, въ настоящее время, неотложную обязанность Россіи. Не станемъ сомнѣваться; эти самые Поляки, которые еще недавно казались непримиримыми, съумѣютъ очень хорошо оцѣнить свое исключительное положеніе въ искреннемъ соединеніи съ имперіей и лойяльно принять блага, посылаемыя имъ судьбою.

Глава VI. Поземельныя и экономическія отношенія.

Стеченіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ рано или поздно вынудитъ правительство обратиться къ націи, а именно: разочарованія и затрудненія, которыхъ источникъ заключается въ плачевномъ состояніи государственныхъ финансовъ. Деньги составляютъ силу правительства, и вмѣстѣ служатъ осязательнымъ доказательствомъ способностей правителей; а цифры говорятъ громко и заставить ихъ молчать нельзя. Нація, даже самая покорная, желаетъ знать, какъ стоятъ ея счеты, и негодуетъ, когда ее почитаютъ несостоятельною. Наши бюджеты, окруженные таинственнымъ мракомъ, теперь уже недостаточно скрываютъ отъ взоровъ народа неизбѣжное разореніе нашихъ финансовъ, состояніе которыхъ было когда то такъ блистательно! Финансовая наша система отъ начала столѣтія измѣнилась менѣе всего, и хотя бюджетъ нашъ, въ сравненіи съ тѣмъ, который былъ 20 лѣтъ тому назадъ, удвоился, мы все еще ищемъ разрѣшенія неразрѣшимой задачи: какъ достигнуть правильныхъ финансовъ и надлежащаго бюджета въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободныхъ учрежденій, имѣющихъ право вотировать подати и контролировать ихъ употребленіе. Я даже осмѣливаюсь утверждать, что совѣщанія Государственнаго Совѣта и специальная по-

вѣрка счетовъ въ Государственномъ контролѣ, хотя въ сравненіи съ прошедшимъ составляютъ очевидный прогрессъ, однако онѣ все таки не болѣе, какъ безполезная формальность, часто очень поверхностная, и ни мало неспособны ввести въ Россіи правильную и строгую бережливость. За то и бюджеты бываютъ у насъ обыкновенно фантастическіе, и самымъ несовершенствомъ технической обработки выказываютъ или непредусмотрительность ихъ составителей, или ихъ твердое намѣреніе скрыть дѣйствительное состояніе дѣлъ. Правда, что менѣе непреклонные на практикѣ чѣмъ въ теоріи, благодаря выходной двери, которую представляютъ намъ добавочные кредиты, мы опять поправляемся, и въ нашей казнѣ опять появляется изобиліе, которое не должно бы покидать ее никогда. Внимательное сопоставленіе цифръ общаго бюджета за послѣднія шестнадцать лѣтъ, необходимо наводитъ на заключенія, представляющія весь контроль финансовъ въ очень странномъ свѣтѣ. Казалось бы, что недавнія преобразованія контроля въ 1871 г., должны бы имѣть слѣдствіемъ болѣе вѣрные расчеты въ бюджетѣ доходовъ, а также содѣйствовать болѣе строгой бережливости въ расходахъ, потому что хотя при этихъ расходахъ допускаются трансферты, но ихъ общая сумма по закону не должна превышать указаній общаго бюджета; однако цифры доказываютъ противное, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы. Общая разность перевышки въ кассахъ, непредвидѣнная въ бюджетѣ доходовъ за восемь послѣднихъ лѣтъ, до реформы контроля, составляетъ сумму 108.783.000, то есть на всякій годъ 18.130.000. Но какъ въ послѣдніе восемь лѣтъ, послѣ реформы контроля, эта самая общая разница перевышки достигла до суммы 213.585.000, а на всякій годъ 30.500.000, то естественно предположить, что новая реформа не была въ состояніи сдѣлать нерадивой администраціи болѣе предусмотри-

	Годъ.	Бюджетъ прихода.			Бюджетъ расхода.		
		Дѣйств. тысяч.	предв. тысяч.	разность тысяч.	Дѣйств. тысяч.	предв. тысяч.	разность тысяч.
До преобразованія Государственнаго контроля.	1863	339.566	332.160	+ 7.406	384.498	343 867	+40.631
	1864	360.419	353.525	+ 6.894	406.207	395 912	+10.295
	1865	371.267	357.695	+13.572	396.677	376.093	+20.584
	1866	352.695	362.553	— 9.858	413.298	376.137	+36 161
	1867	419.838	399.670	+20.168	424.904	406 026	+18 878
	1868	421.560	425.965	— 4.405	441.282	429.481	+11.801
	1869	457.496	428.282	+29.214	468.797	439.601	+29.196
	1870	489.558	449.029	+31.529	485.482	458 836	+26.646
Послѣ преобразованія Государственнаго контроля.	1871	508.187	470.691	+27.596	499.734	469.165	+29.569
	1872	523.057	487.772	+35.285	523.077	482.383	+30.689
	1873	537.942	511.983	+25 459	539.149	506.956	+22.184
	1874	557.733	531.052	+26.681	543.317	519 885	+23.432
	1875	576.493	548.670	+27.823	537.414	543.221	— 5.807
	1876	559.242	556.744	+ 2.518	573.107	550.658	+22.449
	1877	548.830	558.205	— 9 400	585.044	552.196	+32.848
	1878	625.972	558.249	+67.723	600.510	579.744	+20.766
	1879	Отчетъ контроля еще не обнародованъ.					

тельною, или что можетъ быть эта послѣдняя нарочно предусматривала доходы меньше дѣйствительныхъ, чтобы ихъ постояннымъ увеличеніемъ оправдать дѣйствующую финансовую систему. Разность между цифрою доходовъ предполагаемыхъ и цифрою дѣйствительнаго ихъ поступленія слишкомъ велика для того, чтобы объяснить ее обыкновенною трудностью полнаго соблюденія въ финансовыхъ расчетахъ совершенной точности; эта разность указываетъ ясно на недостаточность технической обработки, отъ которой не могла насъ спасти настоящая реформа контроля. Но если сравнимъ дѣйствительно произведенные расходы съ позиціями расходовъ, утвержденными въ бюджетѣ, то мы найдемъ въ нихъ порокъ гораздо болѣе прискорбный. Перевышка расходовъ, произведенныхъ дѣйствительно противъ расходовъ предви-

дѣнныхъ и утвержденныхъ въ бюджетѣ, за восемь последнихъ лѣтъ до реформы контроля составляетъ общую сумму 194.192.000, а на всякій годъ перевышки 24.265.000. Но какъ въ восемь лѣтъ слѣдовавшихъ послѣ реформы контроля эта перевышка достигла среднимъ числомъ 260.000.000 въ годъ, то мы принуждены заключить, что привести администрацію къ дѣйствительной бережливости, Государственный контроль не въ силахъ. Какъ всѣ чрезвычайные расходы въ тотъ періодъ времени были всегда покрываемы займами, то естественно предположить, что такое преумноженіе расходовъ, которое по необходимости должно было быть покрыто изъ добавочныхъ кредитовъ, происходитъ дѣйствительно отъ недостатка бережливости въ издержкахъ, а болѣе всего отъ явной неохоты держаться предписаній закона. Эта благородная беззаботность при употребленіи общественныхъ суммъ, можетъ показаться тѣмъ болѣе удобной, что она повторяется постоянно всякій годъ, такъ какъ обыкновенная легкость полученія добавочныхъ кредитовъ всегда наконецъ оправдываетъ эти разорительныя увлеченія. Но надо же сознаться, что въ виду такихъ практическихъ облегченій, вся серьёзная работа составленія бюджетовъ оказывается трудомъ напраснымъ и суетнымъ. По несчастью, теперь уже никто на этотъ счетъ не обманывается, ни плательщики, ни кредиторы.

Мы полагаемъ, что такой финансовой режимъ можетъ быть оправданъ однимъ лишь успѣхомъ. Но когда гибельныя непослѣдовательности на всякомъ шагу обнаруживаютъ прискорбную неспособность, когда общественныя злоупотребленія даже профанамъ открываютъ неисправимые недостатки, а специалисты ясно видятъ всѣ непреодолимыя затрудненія, гдѣ тогда искать спасенія? Отвѣчать на это легко: въ финансовомъ дѣлѣ не такъ полезны остроумныя изобрѣтенія, какъ прочная

и раціональная система, порядокъ и прежде всего честность; этого всего именно, повидимому, намъ недостаетъ.

Не надо никакъ утѣшить себя надеждой, что при настоящемъ состояніи финансовъ въ Россіи намъ будетъ легко справиться съ будущимъ. Мы испытываемъ нормальный дефицитъ, который будетъ все больше и больше увеличиваться до тѣхъ поръ, пока неотразимый кризисъ принудитъ насъ ввести коренныя реформы. Все это было уже рѣшительно доказано мѣстною печатью, и намъ нѣтъ нужды повторять здѣсь ея доводы. И такъ мы полагаемъ, что въ виду нашей относительной бѣдности, нечего уже поддерживать настоящій финансовый режимъ, и тѣмъ вести насъ шагъ за шагомъ къ рѣшительному кризису, котораго нельзя будетъ предотвратить запоздалыми изворотами доведеннаго до крайности министра, ни оправдать передъ общественнымъ мнѣніемъ никакими остроумными извиненіями или пустыми обѣщаніями.

Мы не можемъ наполнять наше изслѣдованіе сухими цифрами, такъ какъ сжатая форма нашего труда не допускаетъ насъ заниматься всѣми предметами. Безъ сомнѣнія мы бы могли много чего сказать: о податной системѣ вообще, о странности отношеній государственнаго казначейства къ государственному банку, о принудительномъ обращеніи 1.200 милліоновъ бумажныхъ денегъ, о недостаткахъ и вредности настоящей системы винокуреннаго акциза, о злоупотребленіяхъ гарантій желѣзныхъ дорогъ и ихъ тарифовъ, объ ихъ чрезмѣрно увеличенныхъ счетахъ, о дисконтѣ государственныхъ займовъ и о разныхъ недочетахъ банковыхъ операцій, о несовершенствѣ и непостоянствѣ таможенныхъ тарифовъ, объ обманахъ при различныхъ поставкахъ для войскъ, о синекурахъ и о чрезмѣрномъ жалованьи высшихъ чиновниковъ, о субсидіяхъ, даваемыхъ разнымъ

находящимся въ милости финансистамъ и подрядчикамъ, о затрудненіяхъ, налагаемыхъ на общую продукцію, наконецъ о злоупотребленіяхъ, всеобщемъ взяточничествѣ и кумовствѣ, — но всѣ эти подробности мы должны оставить въ сторонѣ; безъ смертельной тоски всего сказать невозможно. Теперь мы стараемся изложить политическую сторону дѣлъ; о специально финансовыхъ вопросахъ мы можетъ быть поговоримъ когда нибудь послѣ, въ особенномъ сочиненіи. Такимъ образомъ, теперь разсмотримъ лишь отношенія поземельныя и экономическія и ихъ вліяніе на политическое состояніе страны.

Но мы почитаемъ своею обязанностью настоять на одномъ, а именно: отнынѣ намъ необходимо собраться съ мыслями, укрѣпиться, подняться. Возможно ли намъ это сдѣлать въ виду настоящаго состоянія умовъ и дѣлъ? Возможно ли намъ это при существующемъ мракѣ администраціи нерадивой, неспособной и хищной?

Правительству слѣдуетъ соображать количество взымаемыхъ податей со степенью свободы подданныхъ: чѣмъ больше свободы, тѣмъ подати могутъ быть больше; по мѣрѣ же увеличенія произвола, и подати должны уменьшаться; это потому, что въ государствахъ свободныхъ, свобода служитъ вознагражденіемъ за значительность податей, а въ государствахъ неограниченныхъ умѣренность податей замѣняетъ свободу. Требуютъ отъ націи раболѣпства, но забываютъ, что раболѣпство заботится о своихъ преимуществахъ больше, нежели свобода о своихъ правахъ. Мы должны помнить, что дозволить себѣ много, можно лишь при благополучномъ ходѣ дѣлъ; вотъ почему наше правительство, послѣ столькихъ печальныхъ разочарованій и при настоящемъ рѣшительномъ кризисѣ, должно бы кое отъ чего отказаться.

„Ведите правильную политику, а я вамъ дамъ хо-

рошіе финансы," сказалъ знаменитый государственный человѣкъ. Въ этотъ старый принципъ не мѣшала бы хорошенько вдуматься русскимъ государственнымъ людямъ настоящаго времени. Увы! за честными совѣтами въ свое время дѣло не стало, такъ какъ мы всегда знали, что намъ не столь трудно будетъ вести послѣднюю войну, сколько нести ея издержки.

И такъ, при отчаянномъ положеніи нашихъ финансовъ, наши тяжести будутъ увеличиваться съ каждымъ годомъ; и такъ будетъ постоянно, доколѣ не наступитъ бѣдственная развязка гибельныхъ ошибокъ, которыя по истинѣ можно было предвидѣть во время. Счастливы народы, у которыхъ нѣтъ исторіи! Но мы, у которыхъ больше славы, чѣмъ денегъ, мы, испытавшіе уже столько суровыхъ разочарованій, мы не можемъ позабыть, что если богатство порождаетъ честолюбіе, то бѣдность приводитъ къ отчаянію. И однако мы далеко не бѣдны; въ нашемъ необъятномъ государствѣ нѣтъ недостатка ни въ чемъ, недостаетъ намъ только двухъ вещей, которыя не всякому даются: порядка и честности. Пристрастіе къ печальному режиму, равнодушіе къ общественному благу алчной и погрязшей въ рутинѣ бюрократіи, совершенное отсутствіе гласности, могущей успѣшно контролировать честность людей и дѣлъ, ведутъ насъ роковымъ образомъ въ будущемъ къ неминуемому финансовому разоренію. Можно сколько угодно прикрывать цифры сѣткой тенденціозныхъ обмановъ, но ихъ значенія ослабить нельзя. У насъ нѣтъ денегъ, это фактъ; наконецъ еще фактъ: никто не хочетъ дать намъ въ займы иначе, какъ за лихвенные проценты. Мы это видимъ и даже понимаемъ настоящую причину этихъ фактовъ, но не желаемъ въ ней сознаться. У насъ есть все, намъ недостаетъ только главнаго: порядка и честности.

---

§ 1.

Россія прежде всего страна земледѣльческая. Ея финансовая система, поэтому, должна быть основана не на эксплоатаціи земледѣлія, но на его покровительствѣ, должна способствовать усовершенствованію всѣхъ его отраслей, облегчить и удешевить сбытъ его произведеній, чтобы оно могло выдержать иностранную конкуренцію. У насъ все происходитъ именно на оборотъ.

По своимъ неизмѣримымъ пространствамъ Россія можетъ быть почитаема за отдѣльный міръ; у нея свои исключительныя условія производства, у нея также свои естественныя мѣста сбыта; ея минеральныя богатства неисчислимы, даже не всѣ до сихъ поръ изслѣдованы. Поэтому, въ Россіи необходима толковая покровительственная система, способная вызвать починъ частной производительности, и дать національной промышленности возможность выносить конкуренцію другихъ странъ, стоящихъ выше насъ въ промышленномъ отношеніи. Къ такой твердой и постоянной системѣ покровительства для всѣхъ отраслей нашей промышленности должны стремиться всѣ наши желанія. Повидимому, это не будетъ очень нравиться нашимъ сосѣдямъ, которые желали бы эксплоатировать насъ безпрепятственно.

Въ Россіи цѣлый новый міръ ожидаетъ колонизаціи. Въ Россіи есть расса колонистовъ предпріимчивыхъ и готовыхъ отважиться на все, которымъ, для развитія ихъ производительной дѣятельности, недостаетъ лишь законной свободы передвиженія; а какъ мѣстныхъ средствъ для обезпеченія народнаго благосостоянія недостаточно, то достигнуть улучшенія экономическаго состоянія, которое теперь возбуждаетъ серьёзныя опасенія, мы можемъ не иначе, какъ совершеннымъ освобожденіемъ частнаго почина отъ всякихъ стѣсненій. Впрочемъ, повсемѣстный опытъ подтвердилъ неизмѣнную

аксіому, что производительность каждой страны возрастаетъ по мѣрѣ свободы и независимости ея гражданъ, и наоборотъ она уменьшается въ прямомъ отношеніи къ ихъ прикрѣпленности и зависимости. Вотъ почему безусловная свобода переселенія въ границахъ имперіи, должна бы быть допущена закономъ. Такое переселеніе мы должны не только поощрять и организовать, но необходимо даже выдавать опредѣленныя пособія и тѣмъ обеспечить переселенцамъ вѣроятность успѣха, ибо лишь переселяя излишекъ народонаселенія, которое вслѣдствіе прискорбныхъ земельныхъ отношеній бѣдствуетъ на одномъ мѣстѣ, въ среду болѣе благопріятствующую его будущей дѣятельности, мы будемъ въ состояніи разрѣшить опасный вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ. Именно этого одни не могутъ понять, а другіе не хотятъ въ этомъ сознаться.

И такъ, мы бы желали установить фискальную систему въ Россіи на слѣдующихъ трехъ главныхъ принципахъ: рѣшительное покровительство земледѣлію, раціональная система покровительственныхъ пошлинъ для поддержанія національной промышленности, и безусловная свобода переселенія для земледѣльческаго населенія, удерживаемаго теперь на мѣстѣ его обязательною связью со всемогущею общиной.

§ 2.

Настоящее положеніе земледѣлія въ Россіи извѣстно всѣмъ: раціональной культуры нѣтъ, все хозяйство состоитъ въ жадномъ и постоянномъ истощеніи почвы, такъ что постоянное вычерпываніе силъ природы наконецъ ихъ уничтожаетъ окончательно. Такому прискорбному состоянію сельскаго хозяйства способствовало много причинъ; одна изъ главнѣйшихъ это недостатокъ техническихъ знаній, а болѣе всего отсутствіе среди образо-

ванныхъ классовъ усердной охоты заниматься почвой, неблагодарной въ отношеніи тѣхъ, кто не обработываетъ ее съ любовью и признательностью. Совсѣмъ другое намъ представляютъ Нѣмцы, и даже Поляки; тѣ привязываются къ землѣ предковъ, къ отеческому очагу, борются не теряя надежды, не изнемогаютъ подъ тяжестью труда, и какъ новые Антеи, отъ прикосновенія къ матери земли пріобрѣтаютъ свѣжія силы. Какъ бы тамъ впрочемъ ни было, отъ нашей ли вины или отъ стеченія роковыхъ причинъ, но положительно вѣрно, что сельское хозяйство въ Россіи находится въ совершенномъ упадкѣ. Если со времени освобожденія крестьянъ и особенно со времени умноженія путей сообщенія, заграничный вывозъ зерновыхъ хлѣбовъ принялъ гораздо большіе размѣры чѣмъ прежде, то причины этому мы должны искать въ послѣдовавшей затѣмъ обработкѣ залежей, или приписать это другимъ причинамъ естественнымъ или случайнымъ, и ни мало раціональному увеличенію земледѣльческой производительности. Очевидное уменьшеніе скотоводства и увеличеніе цѣны на говядину, въ деревняхъ, почти въ трое противъ прежняго, доказываетъ скорѣе уменьшеніе производства, чѣмъ увеличеніе запроса. Но что всего прискорбнѣе это то, что не только почти исчезли большія хозяйства, но что даже мелкая собственность, въ губерніяхъ чисто русскихъ, находится въ положеніи отчаянномъ. Вопреки всякому ожиданію, освобожденіе крестьянъ вмѣсто того, чтобы укрѣпить ихъ благосостояніе сообразно пріобрѣтеннымъ правамъ, послужило лишь къ разъясненію въ общественномъ мнѣніи послѣдствій режима, ведущаго повидимому общество къ повсемѣстному обѣднѣнію. Это потому, что во всякой административной системѣ всѣ великіе гуманные принципы неизмѣнно соединены съ практическими послѣдствіями общественной жизни, они

образуютъ нескончаемый рядъ звеньевъ обязанностей и соотвѣтственныхъ правъ; но они иногда составляютъ ложный кругъ, въ которомъ народная сила чахнетъ печально и на всегда.

§ 3.

Бѣдственное состояніе крестьянъ въ Россіи ни для кого не составляетъ тайны; теперь уже можно предвидѣть то роковое время, когда постепенно бѣднѣя, они сдѣлаются несостоятельными не только въ уплатѣ казенныхъ налоговъ, но не будутъ въ состояніи содержать самихъ себя. Но крестьянскаго сословія насчитывается въ Россіи пятьдесятъ милліоновъ душъ. Оно владѣетъ на правѣ собственности двумя третями всѣхъ обрабатываемыхъ земель. Оно въ общемъ бюджетѣ доходовъ уплачиваетъ казнѣ пятую долю прямыми и болѣе трети косвенными налогами. Въ слѣдствіе выкупа земель оно сдѣлалось самымъ значительнымъ должникомъ государства. Поэтому оно по своей численности главный факторъ національнаго богатства и силы; а если въ слѣдствіе какихъ либо затрудненій производительность его уменьшится, то его постоянное обѣдненіе должно составлять первѣйшую заботу государства. Впрочемъ, это вопросъ не новый. Уже тому десять лѣтъ, умы безпокойные или предусмотрительные, предвидѣли его появленіе; но публика видѣла въ ихъ соображеніяхъ лишь одинъ раздраженный пессимизмъ или сѣтованія людей, не могущихъ примириться съ новыми порядками. Теперь всѣ согласны въ томъ, что экономическое положеніе страны страдаетъ недугомъ неизлѣчимымъ, и естественно порождаетъ постепенное обѣдненіе трудящихся классовъ. Даже правительственная печать признаетъ это, печать же революціонная дѣлаетъ изъ этого обстоятельства лозунгъ своей подпольной агитаціи. Общест-

венное мнѣніе доискивается причинъ такого непонятнаго истощенія, и видя ихъ всѣ въ активныхъ или страдательныхъ отношеніяхъ самаго правительства, такимъ образомъ составляетъ обвинительный актъ, служащій революціонной пропагандѣ какъ бы сборникомъ поводовъ къ возбужденію всеобщаго озлобленія противъ неумѣлости или беззаботности власти.

§ 4.

Но такое опасное стремленіе не можетъ остановиться на полудорогѣ, такъ какъ въ жизни общественной, точно также какъ и во всей природѣ, ничто не можетъ оставаться неподвижнымъ, все возвышается или падаетъ постепенно, а за всякой причиной слѣдуетъ необходимо соотвѣтствующее ей послѣдствіе. Недостаточно было даровать столькимъ миллıонамъ личную свободу, довольно впрочемъ ограниченную, необходимо еще было обеспечить имъ нѣкоторое благосостояніе и хоть надежду на возможность матеріальнаго развитія.

Исторія даетъ намъ, въ этомъ отношеніи, какъ замѣчательный примѣръ Францію подъ старымъ режимомъ. Ея состояніе въ концѣ XVIII столѣтія представляетъ поразительное сходство съ настоящимъ состояніемъ Россіи. У насъ тоже какъ и въ тогдашней Франціи благонамѣренная власть, желающая имѣть возможность дѣлать добро, но которая въ тоже время забываетъ, что прежде всего надо знать, какъ его дѣлать. У насъ есть наша интеллигенція, которая своими, часто радикальными, требованіями напоминаетъ какъ нельзя лучше отвлеченныя системы французскихъ „философовъ.“ У насъ есть непримиримые, своими сумасбродствами явно обнаруживающіе свое происхожденіе. У насъ есть тоже сословіе крестьянъ, мелкихъ собственниковъ, всегда нуждающихся, также необразованныхъ, также бѣдныхъ, также способ-

ныхъ и злобныхъ, которое не смотря на личную свободу, изнемогаетъ и чахнетъ подъ гнетомъ невыносимыхъ тяжестей и отъ недостатка личныхъ правъ. Во Франціи крестьянинъ былъ тоже собственникомъ и лично былъ свободенъ, но былъ угнетенъ множествомъ патримоніяльныхъ повинностей. Фискальная администрація прежняго режима во Франціи: „taille,“ „capitation“ очень похожа на нашу систему подушнаго налога, а всемогущество русской общины, состоящей подъ вліяніемъ сельскихъ знаменитостей, барышниковъ и ростовщиковъ, современемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сдѣлается не лучше прежняго всемогущества французскаго дворянства. Голосъ народа съумѣлъ мѣтко заклеймить эти личности, назвавъ ихъ „міроѣдами;“ дѣйствительно же настоящее положеніе приноситъ пользу лишь имъ однимъ. И такъ очевидно, оставить это положеніе нетронутымъ и поддерживать настоящія ограниченія, значитъ въ дѣйствительности закабалить гнуснымъ выскочкамъ цѣлое населеніе, запирая его ради выгодъ власти въ тѣсныхъ предѣлахъ общины.

Такое состояніе очень опасно, и оно должно обратить на себя вниманіе правительства. Если одинъ отдѣльный человѣкъ лишенъ всего и сдѣлался нищимъ, онъ еще часто покоряется своей участи, и вслѣдствіе постигшаго несчастья, впадаетъ въ безчувственное равнодушіе, удерживающее его въ обычной косности. Но если цѣлое многочисленное сословіе владѣетъ собственностью и въ тоже время нищенствуетъ, оно наконецъ сильно враждуетъ и необходимо, подъ вліяніемъ исключительнаго чувства, старается уничтожить соціальное препятствіе, спутывающее его естественную дѣятельность. Это ему будетъ тѣмъ легче, что вслѣдствіе своей численности оно пользуется въ государствѣ дѣйствительнымъ преобладаніемъ.

Причина обѣдненія крестьянина, мы это утверждаемъ, заключается именно въ распоряженіи закона, запирающемъ его въ общинѣ, какъ въ учрежденіи отвѣтственномъ за исполненіе требованій казны. Такая свобода, сомнительная и недостаточная, подвергаетъ его разнымъ исключительнымъ ограниченіямъ, спутываетъ его личный починъ и заставляетъ его коснѣть въ вѣковой рутинѣ, нерадѣніи и предразсудкахъ. Другія причины обѣдненія крестьянъ лишь второстепенны, но всѣ онѣ вмѣстѣ доведутъ непремѣнно и скоро къ кризису, котораго нельзя будетъ отвратить ни запоздалымъ пособіемъ, ни безполезными соболѣзнованіями.

§ 5.

Обыкновенно существующее въ Россіи общинное владѣніе принято почитать за „учрежденіе національное, которое должно быть сохранено при всѣхъ формахъ цивилизаціи, какъ характеристическая черта мѣстныхъ обрядовъ и обычаевъ, и что такое владѣніе служитъ лучшей защитой противъ пауперизма.“ Это не больше какъ предразсудокъ, и прежде всего это этнографическое заблужденіе. Во всякой первобытной цивилизаціи общность земель между различными членами одной и той же семьи, рода или общины, всегда предшествовала индивидуальной собственности. Способъ и срокъ передѣловъ мало для насъ интерессенъ, равно какъ и то, что составляетъ предметъ передѣловъ? Пахотныя земли, лѣса или пастбища? Изслѣдовать все это критически дѣло историка, насъ же занимаетъ здѣсь лишь бытовая дѣйствительность. Намъ поэтому достаточно замѣтить, что фактъ коммунальнаго, т. е. общиннаго владѣнія землею существовалъ въ первобытныхъ обществахъ, во многихъ странахъ въ средніе вѣки; существуетъ въ Германіи и во Франціи до настоящаго времени, равно какъ

и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи и Голландіи, даже относительно пахатныхъ земель; составляло національный обычай у нѣкоторыхъ словянскихъ племенъ; появляется часто въ наше время въ томъ или другомъ видѣ въ Сербіи, точно также и у живущихъ на нашихъ границахъ Башкиръ, — поэтому оно ни мало не національная особенность Россіи. Если же намъ возразятъ, что характеристическій способъ передѣловъ по „тягламъ," кромѣ Россіи не встрѣчается нигдѣ, мы отвѣтимъ, что этотъ способъ передѣловъ, какъ часто самый раціональный, существуетъ также гдѣ-то въ одномъ изъ малыхъ кантоновъ Швейцаріи, но что въ Россіи его надо было до послѣднихъ временъ поддерживать искусственно самому правительству, чтобы прикрѣпить народонаселеніе къ землѣ и облегчить сборъ податей посредствомъ круговой поруки членовъ общины.

Это для насъ тѣмъ очевиднѣе, что даже въ западныхъ губерніяхъ имперіи, гдѣ общиннаго владѣнія никогда не было, въ случаѣ казеннаго недобора, административныя власти разлагаютъ уже теперь этотъ недоборъ на всѣхъ членовъ общины. Это дѣлается негласно; да и сами впрочемъ крестьяне иногда также совершаютъ частные передѣлы и самовольно отнимаютъ участки земли отъ лицъ несостоятельныхъ боясь, что ихъ заставятъ отвѣчать передъ казною за недоимки по уплатѣ выкупной суммы. Все это дѣлается негласно и помимо закона. Оно переносится безмолвно по причинѣ незначительности суммы незаконнаго налога, по причинѣ страха, который внушаетъ всякое административное распоряженіе, отъ котораго нельзя защититься, какъ бы незаконно оно ни было, а больше всего потому, что общее благосостояніе крестьянскаго сословія дозволяетъ ему легко переносить тяжесть новаго налога. Но и въ этихъ губерніяхъ принципъ круговой поруки уже начинаетъ вводиться

правительственными дѣятелями во всякомъ случаѣ, а также и принципъ нѣкоторой общности владѣнія, и, если не будетъ предпринято мѣръ, то онъ принесетъ свои плоды.

Если впрочемъ даже допустить, что общинное владѣніе было полезно и составляло родъ гарантіи противъ личнаго произвола въ то доброе старое время, когда общинная земля не имѣла въ дѣйствительности другихъ предѣловъ кромѣ тѣхъ, которые могла намѣтить сама предпріимчивость народонаселенія, до того мѣста, куда могъ достигнуть тепоръ, плугъ или коса; если даже обычай этотъ прежде, при отсутствіи всякаго другаго закона, и былъ необходимъ, это еще не доказываетъ, что имъ можно злоупотреблять въ настоящее время и примѣнять его къ требованіямъ настоящей цивилизаціи. Но это мнѣніе составляетъ заблужденіе тѣмъ болѣе вредное, что общинное владѣніе ни мало не способствуетъ благосостоянію общинниковъ. Если община и сама вообще не владѣетъ достаточнымъ количествомъ земли, то раздѣлъ грунтовъ между ея нуждающимися членами, земли ей не прибавитъ. Но незначительность единичнаго надѣла должна бы побуждать его настоящаго владѣльца производить больше посредствомъ интенсивнаго хозяйства, что обыкновенно и бываетъ тамъ, гдѣ земля раздроблена. Это выгодное явленіе невозможно въ русской общинѣ, такъ какъ всякій настоящій владѣлецъ участка, часто не зная ни срока, до котораго онъ этимъ участкомъ будетъ владѣть, ни какой другой участокъ дастъ ему будущій передѣлъ, не имѣетъ интересса затрачивать свой трудъ или капиталъ въ пользу другаго. Онъ этого сдѣлать не можетъ, не желаетъ, а въ слѣдствіе этого, даже какъ сдѣлать не знаетъ. Вотъ почему онъ принужденъ держаться рутины, которая не можетъ ему доставить средствъ достаточныхъ для содержанія его

семейства. Прежде, во время крѣпостнаго состоянія, когда не слишкомъ наблюдали границъ общиннаго пользованія, крестьянинъ могъ еще доставить себѣ средства содержанія косвеннымъ путемъ изъ другихъ участковъ, или изъ различныхъ другихъ источникоовъ. Теперь же, когда строгое разграниченіе земель должно бы его принудить къ болѣе раціональному интенсивному хозяйству, для того, чтобы получить скудное свое пропитаніе изъ своего крошечнаго участка, непостоянство владѣнія, происходящее отъ системы передѣловъ, то есть именно это столько восхваляемое общинное владѣніе, мѣшаетъ ему въ этомъ тѣмъ болѣе, что по своей природѣ онъ постоянно держится рутины. Если бы еще общій надѣлъ цѣлой общины былъ достаточно обширенъ, переходное состояніе могло бы продолжаться нѣкоторое время, такъ какъ обиліе земли дозволило бы увеличить производство посредствомъ продолжительныхъ перелоговъ. Это бы необходимо на нѣкоторое время скрыло отъ насъ вѣроятныя послѣдствія обветшалыхъ привычекъ, которыя теперь бросаются въ глаза всякому безпристрастному наблюдателю. И такъ, мы съ полною увѣренностью утверждаемъ, что общинное владѣніе не только не устраняетъ индивидуальнаго пауперизма, но напротивъ, посредствомъ постепеннаго истощенія земель, дѣлаетъ пауперизмъ всеобщимъ, тѣмъ вѣрнѣе, что съ умноженіемъ народонаселенія умножатся въ числѣ и вмѣстѣ уменьшатся въ размѣрахъ надѣлы, и сдѣлаются дѣйствительно недостаточными. Такое постепенное истощеніе земли будетъ всегда естественнымъ послѣдствіемъ всякаго общаго владѣнія, которое вездѣ и всегда убиваетъ предпріимчивость и починъ отдѣльныхъ личностей. Мы думаемъ, не во гнѣвъ будь сказано нашимъ канцелярскимъ филантропамъ, что въ отношеніи этого общаго соціальнаго принципа, такъ какъ и въ отношеніи всѣхъ другихъ,

для Россіи исключенія изъ общаго правила быть не можетъ. На это намъ не нужно другихъ доказательствъ, — и мы въ этомъ просимъ извиненія у всѣхъ тенденціозныхъ исповѣдниковъ вѣры, враждебной всякой не русской народности, — какъ сравненіе состоянія крестьянъ русскихъ съ состояніемъ крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и западнаго края, то-есть тѣхъ именно, гдѣ нѣтъ общиннаго владѣнія; и мы утверждаемъ, что эти мелкіе собственники очень интеллигентные, что бы тамъ ни говорили нѣкоторые господа, лучше бы желали бросить свои участки, чѣмъ согласиться на передѣлы по усмотрѣнію всемогущей общины.

§ 6.

И такъ, общинное владѣніе въ дѣйствительности не что иное, какъ родъ сельскаго сервитута, который надо уничтожить какъ и всѣ прочіе сервитуты, для того, чтобы облегчить расширеніе производительности земли. Но на государствѣ лежитъ двойная обязанность. Первая и главная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы въ цѣлой странѣ поощрять земледѣльческую производительность такимъ образомъ, чтобы она была достаточна для общаго потребленія сырыхъ произведеній. Исполненіе этой экономической обязанности необходимо безусловно и не допускаетъ отсрочекъ; такъ какъ прежде, чѣмъ люди станутъ думать о необходимыхъ общественныхъ улучшеніяхъ, надо чтобы они были сыты; то-есть, что либеральный прогрессъ долженъ стать на второмъ планѣ. Но самаго этого прогресса достигнуть нельзя иначе, какъ законнымъ развитіемъ пріобрѣтенныхъ правъ, потому что онъ увеличиваться можетъ лишь отъ настойчивости индивидуальнаго труда, основанной на убѣжденіи въ неприкосновенности общественныхъ отношеній. Если станемъ отнимать у богатыхъ и надѣлять

бѣдныхъ, то этимъ никакъ не сдѣлаемъ послѣднихъ зажиточными. Этой цѣли достигнуть можно не какимъ либо неохотнымъ подаяніемъ, такъ какъ нѣтъ возможности достаточно обеспечить бѣдствующее нерадѣніе, но единственно повсемѣстнымъ облегченіемъ развитія индивидуальной дѣятельности. Такимъ образомъ, доставить всѣмъ средства обеспечить самихъ себя возможно не какими либо обязательными распоряженіями закона, но единственно неограниченною свободой общественныхъ отношеній, потому что дѣйствительнаго увеличенія производительности никогда нельзя достигнуть ограниченіемъ правъ собственности. Эти принципы во всякой цивилизованной странѣ общеизвѣстны, и мы съ большимъ удивленіемъ видимъ, что намъ необходимо о нихъ напоминать на этомъ мѣстѣ. По несчастью, въ Россіи общественное мнѣніе часто бываетъ такъ извращено, что множество лицъ съ самыми даже лучшими намѣреніями, вмѣсто того, чтобы думать объ отмѣнѣ вредныхъ ограниченій, спутывающихъ производительность страны, занимаются лишь мечтами и изобрѣтеніемъ разныхъ средствъ, какого либо всеобщаго лекарства, которое бы могло предъотвратить всѣ возможныя бѣдствія. Но если судить такъ, то всякій недочетъ въ чьемъ либо карманѣ легко пополнить принужденнымъ займомъ изъ чужаго кошелька. Такія странныя проявленія мнѣній очевидно происходятъ отъ недостатка спеціальныхъ знаній о сельско-хозяйственной производительности и отъ прискорбнаго обыкновенія заниматься единственно теоретическими обобщеніями, при совершенномъ при томъ отсутствіи практическихъ свѣдѣній. Это происходитъ также отъ того, что существовавшій въ странѣ, въ теченіе столѣтій, недостатокъ легальности препятствовалъ зарожденію въ умахъ народа уваженія къ чужимъ правамъ, такъ какъ принципъ произвола, лежащій въ основаніи дѣйствій са-

маго правительства, всегда оправдывалъ въ глазахъ множества людей всякую выгодную для нихъ незаконность. Громкое и безсодержательное выраженіе: „общественная польза“ повидимому служитъ извиненіемъ всякому посягательству на частную собственность, не смотря на то, что общественное благо составляется изъ суммы благъ единичныхъ личностей и заключается дѣйствительно лишь въ неприкосновенности пріобрѣтенныхъ правъ и въ неограниченной свободѣ индивидуальной дѣятельности. Обыкновенно въ разсужденіяхъ держатся всегда крайностей, по недостатку спеціальныхъ практическихъ свѣдѣній, изъ чего происходитъ, что всякій, самый горячій споръ дѣлается совершенно празднымъ и не производитъ того вліянія, которое могъ бы получить, если бы вмѣсто того, чтобы касаться единственно принцнпіальныхъ обобщеній, спорящіе усвоили себѣ сущность бытовыхъ дѣйствительностей. Но при такомъ образѣ разсужденій идется скоро и можно зайти далеко: съ одной стороны результатомъ разсужденій бываютъ фантастическія заключенія соціализма, съ другой — оправданіе всякаго произвола неограниченной власти.

Если къ этимъ причинамъ, неотдѣльнымъ отъ самой природы вещей, добавимъ то обстоятельство, что Россія, въ среду цивилизованныхъ націй Европы вступила послѣдней, если примемъ во вниманіе происходящій отсюда у Русскихъ недостатокъ опытности, то это объяснитъ намъ множество встрѣчаемыхъ въ ихъ разсужденіяхъ несообразностей. Желаютъ прежде всего насильно и скоро пріобрѣсти окончательные результаты экономическаго прогресса, и желали бы теперь же рѣшительно оградить себя противъ злоупотребленій свободой сношеній, которая въ странахъ съ излишкомъ народонаселенія подвергаетъ трудящіеся классы вліянію порочной конкуренціи. Отсюда происходитъ, что разсуждающіе такимъ обра-

зомъ, разсматривая только одну сторону дѣла, дѣлаются пристрастными и основываютъ свои убѣжденія на опасеніяхъ, которыя при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказались бы напрасными. Выдумываютъ для Россіи, по примѣру запада, горячую борьбу труда съ капиталомъ, борьбу невѣроятную теперь у насъ, гдѣ капиталъ незначителенъ, а труда вообще недостаточно. Смѣшивая въ одно ирландскую поземельную неурядицу съ ошибочными порядками въ Мекленбургѣ, приправивъ это нивелляторскими поползновеніями на американскій манеръ и традиціоннымъ славянскимъ хламомъ, доходятъ до того, что желаютъ навязать какъ во времена Гракховъ и ихъ аграрныхъ законовъ, принципъ, по которому всякій совершеннолѣтній гражданинъ долженъ былъ получить извѣстный участокъ земли опредѣленныхъ закономъ размѣровъ. На основаніи этой теоріи, всѣ безъ исключенія низшіе, то-есть одѣтые въ сермягу, классы должны получить въ надѣлъ пахотныя земли. Почему же исключать изъ этого благодѣянія одѣтыхъ въ черный фракъ и даже тѣхъ, которые такого надѣла не пожелаютъ? Какъ самый производительный трудъ, безъ сомнѣнія, трудъ свободный, то есть такой, который не подверженъ никакой ограничительной обязанности или постороннему распоряженію, то говорятъ, естественно предположить, что земля хорошо производить будетъ лишь тогда, когда пахать ея станетъ лично самъ ея владѣлецъ. При этомъ забываютъ, что устроивая это новое землевладѣніе будто свободно, въ тоже время усиливаются навязать ему самое рѣшительное ограниченіе, а именно: общее владѣніе, которое въ дѣйствительности составляетъ не что иное, какъ вѣчный сервитутъ, стѣсняющій самое право собственности. Повидимому не знаютъ, что Францція, эта традиціонная страна мелкаго хлѣбопашества, свободнаго отъ всякихъ стѣсненій, даетъ

самъ пятнадцать годичнаго урожая, а Англія, страна фермерства, даетъ самъ восемнадцать, между тѣмъ какъ Россія даетъ съ трудомъ самъ пять, не смотря на то, что ея почва также плодородна и что въ ней другія условія для мелкаго хлѣбопашества гораздо благопріятнѣе. Если ко всему этому экономическому вздору прибавимъ еще буйный политическій шовинизмъ экономистовъ-патріотовъ, отыскивающихъ въ варварской старинѣ рабства семена и начала національнаго возрожденія, то мы принуждены сознаться, что во всей этой ерундѣ выдуманныхъ теорій, всего удивительнѣе многословіе тѣхъ, которые ихъ излагаютъ, не заикнувшись, и многотерпѣніе тѣхъ, которые ихъ слушаютъ, не опровергая съ презрѣніемъ столь безумнаго попранія всѣхъ логическихъ началъ человѣческаго общежитія.

Мы утверждаемъ, что экономическое состояніе Россіи требуетъ столько же мелкихъ независимыхъ собственниковъ, сколько и свободныхъ работниковъ, по той простой причинѣ, что мелкое хозяйство не въ состояніи продовольствовать всей страны, а большое хозяйство, если оно должно быть раціональнымъ, не можетъ обойтись безъ опредѣленнаго числа работниковъ. Дѣйствительное затрудненіе могло бы состоять въ томъ, чтобы опредѣлить надлежащее отношеніе запроса на работу къ ея предложенію, но мы полагаемъ, что этому пособитъ свободная конкуренція. Поэтому правительство должно бы облегчить индивидуальную дѣятельность устройствомъ колонизаціи въ предѣлахъ имперіи, освобождая переселеніе изъ одной мѣстности въ другую отъ всякихъ стѣсненій. Въ Россіи есть много пустопорожнихъ земель, которыхъ достанетъ для прокормленія населенія въ двое больше; она можетъ также устроить колонизацію не хуже Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, и тогда согласіе между капиталомъ и работой установится само

собою и свободно. Извѣстное число населенія, удержаннаго на мѣстѣ разными формальными ограниченіями, разойдется въ мѣстности, которыя будутъ ему доставлять больше заработковъ, остальная часть останется на мѣстѣ, такъ какъ она воспользуется уменьшеніемъ конкуренціи. Такимъ образомъ, сельско-хозяйственныя отношенія улучшатся, потому что для мелкаго сельскаго собственника поденный заработокъ столько же необходимъ, сколько и доходъ отъ его участка, и часто приноситъ ему больше, нежели этотъ послѣдній. То есть, тотъ кто пожелаетъ пріобрѣсти поземельную собственность, находя всѣ мѣста занятыми, пойдетъ искать дальше; остатокъ же населенія останется на мѣстѣ и будетъ пользоваться возвышеніемъ заработной платы, которое доставитъ ему капиталъ. Въ слѣдствіе этого, когда кризисъ минетъ, производительность страны возвысится раціонально и собственность, успокоенная на счетъ своихъ опасеній, будетъ получать возвышенную ренту также легко, какъ это бываетъ въ Англіи или во Франціи. Этотъ экономическій режимъ можетъ продолжаться до отдаленнѣйшихъ нашихъ потомковъ, и тогда имъ уже придется, въ свою очередь, предпринимать мѣры противъ ожесточенной борьбы предложенія и запроса, капитала и труда. Что же касается настоящаго времени, то мы полагаемъ, что такой борьбы въ Россіи нѣтъ вовсе, кромѣ развѣ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностяхъ, гдѣ она вызывается ограниченіями рабства; да она существуетъ еще навѣрно въ воображеніи нѣсколькихъ мечтателей, намъ всѣмъ извѣстныхъ.

§ 7.

И такъ, общинное владѣніе, дѣлая право собственности непрочнымъ, не только удерживаетъ хлѣбопашество въ деревняхъ въ прискорбной рутинѣ, но принуж-

даетъ хозяевъ-общинниковъ къ обработкѣ земли, основанной на постоянномъ исчерпываніи силъ природы, приводящей наконецъ землю къ совершенному истощенію, и дѣлающей ее безплодной. Доказательство тому мы видимъ въ періодическихъ голоданіяхъ, появляющихся именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ черноземъ доставляетъ больше возможности съ выгодой и въ скоромъ времени истощать производительность почвы. Причина этого заключается не въ скудости пахатнаго надѣла, потому что мы видимъ тоже самое не только у прежнихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получившихъ среднимъ числомъ по 3½ десятины на душу, но также и у удѣльныхъ, которымъ дано по 5¼ десятины, и у казенныхъ, получившихъ до 7½ дес. на душу. Вездѣ замѣчается одинъ и тоже результатъ: начинаютъ съ того, что истощаютъ сперва поля самыя отдаленныя, послѣ, когда они уже довольно истощатся, ихъ еще отдаютъ въ наймы годично и за самую низкую цѣну до тѣхъ поръ, пока они станутъ совсѣмъ негодны.

Съ нѣкотораго времени, когда патріархальный авторитетъ главы семейства потерялъ въ сельскихъ семьяхъ прежнее обаяніе, молодыя поколѣнія сдѣлались наклонными къ частымъ раздѣламъ. Всякій желаетъ жить отдѣльно, въ собственной избѣ, чтобы свободнѣе распоряжаться могущимъ случиться заработкомъ. Такимъ образомъ деревня должна тѣсниться, для того, чтобы всякому дать мѣсто. При всякомъ подобномъ случаѣ, хотя это именно запрещено закономъ, урѣзываютъ часть усадебъ для новаго поселенца, и тѣмъ лишаютъ себя возможности заниматься огородничествомъ, этимъ главнымъ подспорьемъ мелкой собственности.

Такъ какъ въ общинѣ всѣ земли находятся въ общемъ владѣніи, то хозяева поважнѣе постоянно стараются обрѣзывать общественныя пастбища и обращать

ихъ для себя въ пахатныя земли; такимъ образомъ, уменьшая пажита, они естественно уничтожаютъ у крестьянъ скотоводство и лишаютъ ихъ самаго главнаго источника дохода. Такое постепенное уменьшеніе пастбищъ естественно принуждаетъ крестьянъ не пахать пара до той поры, пока окончаніе жатвы доставитъ новое пастбище для общиннаго скота. Вслѣдствіе этого земля, впрочемъ плохо унавоженная, обработывается поздно и недостаточно, и не можетъ дать надлежащаго урожая. Если предположимъ, что годичное уменьшеніе урожая, вслѣдствіе вынужденнаго запозданія обработки земли, въ отношеніи къ его нормальному количеству составляетъ 20%, что никакъ не преувеличено, то надо признать, что такимъ образомъ всякія пять лѣтъ приготовляется искусственная голодовка, приводящая естественно въ слѣдующіе годы экономическое состояніе страны еще въ большій упадокъ.

Вотъ главныя вещественныя причины постепеннаго обѣдненія сельской общины, которыя всѣ повидимому составляютъ послѣдствіе прискорбнаго вліянія на хозяйство общиннаго владѣнія землями.

Но спрашивается: почему же, если наши соображенія такъ ясны и справедливы, не принималось ни прежде, и не принимается и теперь, никакихъ мѣръ для того, чтобы смягчить зловредныя послѣдствія общиннаго владѣнія? А вотъ почему: потому что лица, имѣющія въ этомъ дѣлѣ рѣшающій голосъ, сами отъ этой системы не страдаютъ, самоувѣренны и сыты, а страдающіе не имѣютъ голоса и не понимаютъ задачи.

§ 8.

Казалось бы, что какъ общинное владѣніе вліяетъ вредно на экономическое состояніе крестьянъ, то они должны бы стараться ввести у себя индивидуальное

землевладѣніе посредствомъ цѣлесообразнаго раздѣленія участковъ. Но они встрѣчаютъ этому разнообразныя препятствія въ законахъ, мѣстныхъ обычаяхъ, равно какъ и въ закоренѣлой рутинѣ. Прежде всего, на первый разъ, введеніе системы отдѣльной поземельной собственности представляло бы то значительное затрудненіе, что собственность эта не могла бы быть совершенно независима, потому что обыкновенно употребляемый въ деревняхъ сѣвооборотъ принуждаетъ оставлять на паръ въ одномъ отдѣльномъ околоткѣ третье поле, какъ необходимое общее пастбище для скота цѣлой общины. Деревни построены такъ, что дома идутъ одинъ за другимъ непрерывнымъ рядомъ, и при томъ очень скучены, а это не дозволяетъ хозяевамъ имѣть поля близь усадьбы, какъ бы мелкому собственнику было необходимо. Прискорбный обычай унавоживать земли по мѣрѣ ихъ близости отъ деревни, сдѣлалъ качество разныхъ частей одного и того же участка весьма разнообразнымъ, а это затрудняетъ ихъ правильное распредѣленіе такъ, чтобы всякій хозяинъ получилъ участокъ равнаго достоинства съ другими и при томъ въ округленной межѣ. Всѣ эти мѣстныя причины естественно производятъ то послѣдствіе, что если бы въ общинахъ сразу введено было индивидуальное владѣніе, оно казалось бы лишь новымъ видоизмѣненіемъ владѣнія общиннаго. Это не поощряетъ пугливыхъ людей вводить его противъ желанія толпы, такъ какъ различіе между двумя видами собственности существовало бы лишь по имени, а вкоренившіяся привычки тянули бы всегда къ прежней рутинѣ.

Законъ, повидимому, скорѣе откладываетъ, чѣмъ допускаетъ это полезное преобразованіе собственности. Необходимость, чтобы предложеніе о преобразованіи было сдѣлано двумя третями членовъ всего заинтерессованнаго въ раздѣлѣ населенія, составляетъ уже тягостное огра-

ниченіе. Но самое главное препятствіе раздѣленія общественныхъ земель заключается въ круговой порукѣ за взносъ государственныхъ повинностей, которая требуется закономъ въ видахъ обеспеченія интересса казны, какъ при общинномъ владѣніи, такъ равно и въ случаѣ обязательнаго раздѣленія общественныхъ земель. Надо сознаться, что если это вынужденное обеспеченіе казны прискорбно при общинномъ владѣніи, то при индивидуальной собственности оно совершенно неосуществимо. Правительство, установляя въ общинѣ круговую поруку за взносъ повинностей, какъ полезную для себя гарантію своего интересса, имѣло вѣроятно въ виду въ случаѣ, если нечего уже будетъ взять съ бѣдныхъ плательщиковъ, взыскивать недоимку съ богатыхъ, не потому, чтобы они дѣйствительно были должны, но потому, что они еще могутъ что нибудь уплатить. Такая гарантія въ сущности безнравственна, неправа и даетъ поводъ ко множеству вымогательствъ и несправедливостей. Взыскивая на основаніи круговой поруки недоимки, сначала продаютъ движимость бѣдныхъ, потому что имъ платить не чѣмъ, а послѣ продаютъ скотъ богатыхъ за то, что они не хотятъ платить за своихъ неимущихъ сосѣдей. Такимъ образомъ законъ самъ ставитъ общину въ ненормальное положеніе, такъ какъ она никому изъ своихъ членовъ не можетъ отказать въ участкѣ земли, соотвѣтствующемъ предполагаемымъ его способностямъ, и однако она не въ состояніи гарантировать его состоятельности въ платежѣ податей, ни принять надежныхъ мѣръ противъ его неакуратности. Вслѣдствіе этого въ общинѣ обыкновенно одни бѣдны по естественному ходу вещей, другіе бѣднѣютъ отъ излишнихъ требованій, исполнить которыхъ они не въ состояніи. Впрочемъ, крестьяне признаютъ сами, что при общинномъ владѣніи было бы еще справедливо вносить съобща выкупные

платежи за общественныя земли; что же касается круговой поруки за всѣ прочія казенныя повинности, то они ее всегда почитаютъ за непомѣрное притѣсненіе.

Но если примемъ въ соображеніе, что платежи на погашеніе выкупной суммы составляютъ болѣе 50% прежняго господскаго оброка, что земскія и волостныя повинности можно также опредѣлить въ 25%, то естественно, что вслѣдствіе прискорбной неакуратности общины въ платежѣ, вызванной постепенно возрастающею бѣдностью, общая сумма платежей, падающихъ на крестьянъ по богаче, то есть на тѣхъ, которые еще въ состояніи платить, почти уже возвысилась до тягостной суммы, платимой во времена крѣпостнаго состоянія. Такое положеніе дѣла, постоянно умножая число неакуратныхъ плательщиковъ, сдѣлается наконецъ причиной неизбѣжнаго разоренія всѣхъ безъ исключенія членовъ общины; потому что одни изъ нихъ будутъ всегда не въ состояніи платить, а другіе наконецъ не вынесутъ тяжести поруки, навязанной имъ единственно ради большаго удобства администраціи.

Мы полагаемъ, что своими ошибочными фискальными и административными мѣрами, правительство само ослабляетъ въ деревняхъ чувство собственности, отвращаетъ отъ этой поземельной собственности частный починъ къ другимъ цѣлямъ, и такимъ образомъ дѣлается главнымъ виновникомъ того постепеннаго обѣдненія народонаселенія и оскуденія почвы, о которомъ само сожалѣетъ.

§ 9.

Такое несчастное положеніе крестьянина приноситъ однако пользу извѣстнымъ ловкимъ личностямъ, которыхъ всегда есть нѣсколько въ каждой общинѣ, сказочнымъ пьявкамъ, живущимъ лишь на счетъ бѣдности

своихъ сосѣдей. Обыкновенно они содержатъ въ общинѣ кабакъ, потому что въ кабакѣ сосредоточиваются всѣ подозрительныя дѣла, а не рѣдко въ тоже время занимаются покупкой и сбытомъ краденыхъ вещей, ибо при соединеніи этихъ двухъ промысловъ, дѣла ихъ могутъ процвѣтать какъ можно лучше. Къ концу зимы приходитъ роковое время, когда у крестьянина нѣтъ хлѣба, но въ тоже время надо платить подати, срокъ приближается, и тогда то кулакамъ крупная пожива. Эти проклятые кулаки однако умѣютъ жить въ ладахъ съ сосѣдями; голодающій крестьянинъ находитъ у нихъ обыкновенно радушную помощь. Ссуженный хлѣбъ даже поставленъ не въ очень высокую цѣну; только въ благодарность за оказанную услугу, крестьянинъ отдаетъ дешево въ аренду свой участокъ или соглашается работать въ будущую страду за ничтожную плату. Отсюда образуется, по взаимному согласію заинтерессованныхъ, вѣчная кабала, родъ притѣснительной барщины, и продолжается безконечно, такъ какъ одинъ годъ всегда походитъ на другой. Эти кабачники, возбогатѣвъ обыкновенно скупаютъ и сосѣднія земли; такимъ образомъ возникаетъ новый промыслъ, новая аристократія самой худшей пробы, вызванная бѣдственнымъ положеніемъ крестьянства. Прежніе владѣльцы земли, дворяне, точно также какъ и новые пріобрѣтатели, побуждаемые очевидною возможностью наживы, отдаютъ земли въ аренду оптомъ извѣстнымъ лицамъ, а тѣ уже отъ себя отдаютъ ихъ по частямъ за двойную цѣну. Эта непомѣрная арендная плата вызвана естественнымъ положеніемъ крестьянина, которому законъ запрещаетъ оставлять мѣсто жительства, не смотря на невозможность приискать себѣ достаточный заработокъ. Если бы русское дворянство было больше привязано къ родной почвѣ и занималось земледѣліемъ раціонально, какъ это бываетъ

во всякой другой цивилизованной странѣ, то неизбѣжныя отношенія его къ крестьянству упрочили бы ихъ взаимное положеніе. Земледѣліе, веденное въ обширныхъ размѣрахъ, должно бы было заботиться о прiисканiи необходимыхъ работниковъ, а это обеспечило бы крестьянамъ на мѣстѣ постоянный и достаточный заработокъ. Но вслѣдствіе традиціоннаго абсентеизма, еще увеличивающагося съ обѣдненіемъ дворянъ, деревни прогрессивно пустѣютъ. Образованные классы все больше и больше покидаютъ сельское населеніе, которое такимъ образомъ дѣлается добычею всего корыстнаго отродія, доводящаго его искусственно до прибыльной для себя нищеты. Законъ тутъ никогда ничего не подѣлаетъ; эти люди съумѣютъ всегда достаточно соблюдать законныя формы. Поэтому, помочь крестьянину мы можемъ лишь расширяя поприще его индивидуальной дѣятельности, облегчая ему возможность найти въ другихъ странахъ имперіи свѣжія земли или болѣе благопріятныя экономическія условія, и лишь такимъ образомъ успѣемъ обуздать эту эксплоатацію человѣка, порождающую искусственное крѣпостное состояніе, гораздо тягостнѣе того, которое мы отмѣнили, — крѣпостное состояніе, происходящее изъ нищеты, добровольно принятое и гарантированное законами страны.

Кредитъ крестьянину, въ деревнѣ, не обходится никогда дешевле 50%; даже общественное или правительственное пособіе стоитъ ему не меньше; ибо если допустить, что въ неурожайный годъ, когда крестьянинъ получаетъ пособіе, цѣна хлѣба поднимается обыкновенно на 50%, то крестьянинъ, для уплаты взятой имъ въ займы суммы, на слѣдующій годъ, при обыкновенныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, принужденъ продать полуторное его количество. Мы полагаемъ, что наша система общественнаго пособія дурно устроена; она основана на кре-

дитѣ, на который несостоятельная личность не имѣетъ права, вмѣсто того, чтобы вытекать изъ благотворительности, въ которой ей, во время ея бѣдствія, отказывать бы не слѣдовало.

Отсутствіе хорошо организованнаго кредита для мелкой собственности, не можетъ составлять однако причины ея упадка; такъ какъ зажиточный земледѣлецъ у насъ для поддержки своего рутиннаго хозяйства, въ немъ рѣдко нуждается, а земледѣлецъ бѣдный не представляетъ никакой гарантіи для того, чтобы получить кредитъ, въ которомъ нуждается для уплаты казенныхъ повинностей. Зажиточный крестьянинъ, при нормальныхъ условіяхъ, могъ бы обойтись безъ кредита. Поденная работа, занятіе какой нибудь службой, ремесломъ или мелкой торговлей, доставляетъ ему всегда доходъ достаточный. Вспомогательныя кассы, тамъ гдѣ онѣ есть, могутъ ему доставить пособіе, хотя такой краткосрочный кредитъ можетъ, въ дѣйствительности, скорѣе принести помощь ремесленнику или мелкому торговцу, чѣмъ земледѣльцу. Но крестьянинъ бѣдный и голодающій, скорѣе нуждается въ благотворительномъ пособіи, которое бы не оставило его даже и послѣ того, какъ причина его бѣдствія уже прошла, и доставило бы ему возможность и тогда заняться своимъ дѣломъ успѣшно и содержать свое семейство. Земство, по несчастью, слишкомъ бѣдно само, и не можетъ брать на себя такихъ издержекъ, а поэтому пособить тутъ должно государство, главнымъ образомъ изданіемъ законовъ, способствующихъ колонизаціи, и устройствомъ, на надлежащихъ началахъ, публичнаго вспомоществованія.

§ 10.

Намъ еще остается сказать о тѣхъ обстоятельствахъ общинной жизни, вслѣдствіе которыхъ личность

дѣлается рабомъ толпы, а сама община — игрушкой безсознательнаго сборища людей, дѣйствующихъ часто по наущенію своекорыстныхъ личностей, которыя эксплоатируютъ ее въ свою пользу. Законъ далъ общинѣ всѣ права настоящаго самоуправленія; она свободно избираетъ своихъ должностныхъ лицъ, а административный авторитетъ сельскаго схода такъ великъ, что крестьянинъ почти лишенъ права жаловаться на его рѣшенія. Казалось бы, что даровавъ крестьянамъ личную свободу, сравнительно дешевое пріобрѣтеніе земли и право свободнаго управленія своими общественными дѣлами, правительство доставило крестьянскому самоуправленію всѣ точныя средства для обеспеченія въ будущемъ своего экономическаго интересса. Но, по несчастью, во всемъ этомъ нашлась одна формальная погрѣшность, много повредившая дѣлу. Законъ не опредѣлилъ, должны ли сельскіе сходы состоять только изъ отцовъ семействъ и хозяевъ, или же въ нихъ, съ правомъ голоса, должны участвовать, кромѣ того, ихъ сыновья и батраки. Рѣшеніе этого вопроса, какъ и всѣхъ другихъ, зависѣло отъ общиннаго схода, и крестьяне, не понимая хорошо всего значенія того или другаго состава сельскаго схода, допустили въ него всѣхъ безъ исключенія. Отсюда произошло прискорбное вліяніе необдуманнаго юношества на рѣшенія взрослыхъ и болѣе опытныхъ хозяевъ и отцовъ семействъ. Такое обстоятельство кажется тѣмъ страннѣе, что тѣ же самыя дѣти, которыя въ обыденныхъ семейныхъ отношеніяхъ подчинены власти отцовъ, дѣлаются имъ равными при рѣшеніи самыхъ важныхъ общественныхъ дѣлъ въ сельскомъ сходѣ. Такимъ образомъ, въ этихъ сходахъ сейчасъ образовались двѣ различныя партіи: отцы семействъ отстаивали интерессы земледѣльческой эксплоатаціи, деревенская же молодежь — интерессы свободнаго заработка. Отсюда произошло,

что при составленіи уставныхъ грамотъ, многія общества, въ которыхъ преобладало вліяніе молодежи, пожелали лучше получить мало земли, чтобы меньше платить, и даже довольствовались однимъ лишь даровымъ надѣломъ, въ надеждѣ найти послѣ легкій заработокъ. Это, какъ опытъ доказалъ въ послѣдствіи, была во всякомъ случаѣ ошибка. Но такое преобладаніе молодежи сдѣлалось причиной постоянныхъ раздѣловъ въ семействахъ, отнявшихъ у этихъ послѣднихъ возможность труда энергическаго и производительнаго. Прежде, законъ и обычай сохраняли за главами семействъ патріархальный авторитетъ надъ всѣми ихъ членами, ихъ мнѣніе одно имѣло значеніе въ офиціальныхъ совѣщаніяхъ, а законъ открыто покровительствовалъ многочисленнымъ семействамъ. Но подъ впечатлѣніемъ того мнѣнія, что дарованная недавно свобода не допускала никакого преобладанія какого либо тягостнаго авторитета, и какъ при томъ хозяева, главы семействъ, въ общинномъ сходѣ были въ меньшинствѣ, они не могли осуществить своего консервативнаго вліянія, и случилось въ маломъ видѣ то, что часто является въ исторіи народовъ въ большихъ размѣрахъ, а именно: необразованная толпа, получивъ рѣшительный авторитетъ, въ большинствѣ случаевъ дала изъ себя примѣръ злоупотребленія власти, пристрастія, продажности и постояннаго произвола. Большинство было рѣшительно несговорчиво и не допускало никакихъ возраженій на свои мнѣнія, и, какъ ни малой часточки интеллигенціи не было вложено въ эту безсознательную среду, чтобы ей сообщить направленіе, болѣе сообразное съ разумомъ, то толпа стала угнетать личности и обирать ихъ безпощадно.

Трудно пересчитать всѣ безсмыслицы, которыя творятся обыкновенно въ общинѣ. Какъ законъ не опредѣлилъ съ точностью мѣстныхъ обычаевъ, то для всякаго

отдѣльнаго случая придумываютъ специальное рѣшеніе подъ предлогомъ, что этотъ коллегіяльный произволъ будто основанъ на какомъ нибудь написанномъ „обычаѣ“; привыкаютъ тянуть корысть изъ всего; нѣтъ почти ни одного дѣла, которое возможно бы было устроить, не напоивъ сельскихъ коноводовъ и всей клики до пьяна. Должностныя лица сельскаго и волостнаго общества живутъ лишь незаконными поборами и похищеніемъ общественныхъ суммъ; крестьянинъ, какъ легальная личность, находится совершенно въ ихъ власти, и они эту власть употребляютъ постоянно для того, чтобы изъ него что нибудь вымучить. Посредники или чиновники, заступившіе ихъ мѣсто, не трудятся акуратно посѣщать общины; никто не повѣряетъ счетовъ, а контроль волостнаго схода, часто лишь фиктивный, никогда не бываетъ достаточнымъ; и потому изъ общественныхъ суммъ беретъ всякій кто хочетъ и воруетъ всякій кто можетъ. Но если сосчитать, что такая администрація стоитъ общинамъ отъ 50 до 60 милліоновъ ежегодно, что къ этой суммѣ надо еще прибавить всѣ ежедневные поборы и всѣ неисчислимыя вымагательства, то придется удивляться лишь одному: какъ центральное правительство, которому приписывается все владѣніе, дозволяетъ существовать такому прискорбному порядку.

Сельскій сходъ не умѣетъ никогда сдѣлать надлежащаго выбора людей, способныхъ охранять общіе интерессы, и поэтому получаетъ всѣ голоса и должности не цвѣтъ общины, но скорѣе ея подонки, такъ какъ на выборахъ преобладаетъ вліяніе всякаго сброда. Обязательность службы въ общественныхъ должностяхъ, сопряженныхъ съ ничтожнымъ жалованьемъ, стѣснительна тѣмъ болѣе, что съ этими должностями соединены полицейскія обязанности; отсутствіе всякаго образовательнаго ценза, также какъ и вліяніе толпы, ослабляютъ дѣйствіе

выборнаго начала, и въ концѣ производятъ то, что должности замѣщаются почти не по выбору, а по очереди, которая въ свое время приходитъ на всякаго. Естественнымъ слѣдствіемъ этого бываетъ обыкновенно, что какъ отборнѣйшія личности общества принуждены стушеваться, то должностныя лица избираются обыкновенно изъ самыхъ бездарныхъ, которыя вмѣсто того, чтобы руководить обществомъ, сами не больше какъ ревностные слуги толпы, сельское общество получаетъ начальниковъ неспособныхъ и потворствующихъ его необдуманнымъ стремленіямъ, а полиція — служителей бездарныхъ, нерадивыхъ и безсовѣстныхъ. За то повсемѣстно, отъ Архангельска до Одессы, раздаются общія нареканія крестьянъ поразсудительнѣе, указывающіе на „волю" толпы и „отсутствіе порядковъ," какъ на основную причину господствующей теперь въ сельскихъ общинахъ неурядицы.

Всякій, кто живетъ въ деревнѣ, не привычной праздной и безплодной жизнью салоновъ, кто съумѣлъ внушить истинное довѣріе простымъ, но яснымъ и честнымъ, въ своемъ пониманіи взаимныхъ отношеній, умамъ крестьянъ, всякій, не поддающійся теоретическимъ мечтамъ, всякій практическій и благонамѣренный человѣкъ долженъ сознаться, что никакая законодательная регламентація не въ состояніи пособить такому прискорбному порядку вещей; потому что привычка къ произволу уже слишкомъ вкоренилась въ обычаи и поддерживается всѣми интерессами, жадно стремящимися пріобрѣсти мѣстное вліяніе, часто непохвальное и всегда притворно скрываемое. Поэтому успѣшно обуздать злоупотребленія въ общинной администраціи, возможно лишь введеніемъ въ общинныя совѣщанія новаго фактора. Этотъ полезный факторъ — мѣстная интеллигенція, она лишь одна въ состояніи прорвать эти новыя путы,

тормозящія всякую правильную дѣятельность и порождающія прискорбное положеніе, равно бѣдственное для частныхъ интерессовъ, какъ и для общественнаго порядка.

§ 11.

Прежде всего надо различать два техническія термина: деревня и село, то есть „сельское общество“ и „волость.“ Одна лишь деревня представляетъ естественную единицу общихъ интерессовъ, единственныхъ и исключительныхъ. Съ самаго начала законъ недовольно точно ее обозначилъ и недостаточно обеспечилъ. Теперь уже село, по настоящему, можетъ и должно быть только сельскою хозяйственною общиной, охранительницей патріархальнаго права, наблюдающей за исполненіемъ взаимныхъ хозяйственныхъ обязанностей членовъ общины. „Волость,“ такая какъ мы ее знаемъ теперь, не больше какъ округъ съ произвольно установленными границами, въ которомъ нѣтъ до сихъ поръ никакой общности собственно ему принадлежащихъ интерессовъ. Волость можетъ затѣмъ представлять выгоды въ отношеніи общаго порядка сельской полиціи, но какъ административная единица, она должна бы на хозяйственные интерессы сельскихъ обществъ вліять какъ можно меньше. Въ настоящее время, волостное правленіе (названіе установленное закономъ) состоитъ изъ старшины и его писаря, которые ежегодно стоятъ крестьянскимъ обществамъ отъ 50 до 60 милліоновъ, не считая разныхъ прочихъ всевозможныхъ поборовъ и обирательствъ. При теперешнихъ порядкахъ эти лица, дѣйствія которыхъ недостаточно контролируются ихъ избирателями, на которыхъ дѣйствуютъ разнообразныя вліянія, играютъ роль настоящихъ распорядителей общиннаго благосостоянія. Такъ какъ всѣ члены общины одинаково необра-

зованы, то должностныя лица никогда не могутъ съ ихъ стороны встрѣтить ни толковой критики своихъ административныхъ дѣйствій, ни честныхъ совѣтовъ, которые могли бы имъ служить руководствомъ. Польза отъ посредниковъ или отъ непремѣнныхъ членовъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, лишь мнимая; у этихъ господъ, какъ и слѣдуетъ, обыкновенно много другихъ дѣлъ, и серьёзно заниматься крошечными дѣлами, ни мало ихъ не интерессующими, имъ некогда. Такимъ образомъ сельское общество совершенно забыто всѣми, за исключеніемъ фискальныхъ чиновниковъ и взыскателей казенныхъ повинностей, которые ее контролируютъ непосредственно и надоѣдаютъ ей постоянно. Послѣ этого неудивительно, что самыя лучшія начала могли быть извращены при ихъ практическомъ примѣненіи, такъ какъ въ этомъ не виновно недоброжелательство заинтерессованныхъ, но непредусмотрительность самаго правительства, предавшаго ихъ привилегированной толпѣ и бѣдственнымъ опытамъ будущаго.

Теперь слишкомъ поздно убѣждать крестьянъ въ необходимости болѣе раціональныхъ порядковъ; это тѣмъ болѣе невозможно, что мы бы никакъ не могли постоянно слѣдить за ихъ нравственнымъ преуспѣяніемъ. Поэтому необходимо ввести въ эту безсознательную среду элементы, способные преслѣдовать цѣль болѣе возвышенную, то есть надо соединить въ одной волости всѣ сословія, которыя прискорбная непредусмотрительность, казалось, разлучила на всегда. Въ общественной жизни лучше смѣшать различныя стремленія, чѣмъ разъединить общіе интерессы. Во всѣхъ государствахъ первоначальную административную единицу составляетъ община, „commune"; но какъ въ Россіи интерессы всякаго сельскаго общества, вслѣдствіе общиннаго владѣнія землею, слишкомъ исключительны, то всемѣстное населе-

ніе должно бы быть соединено въ волости и связано естественными узами общности интерессовъ. Къ волости должны бы принадлежать всѣ мѣстные жители, безъ различія сословій или общественнаго положенія. Такое соединеніе вызвало бы общность честныхъ стремленій, ибо интерессъ всѣхъ не можетъ дѣйствовать во вредъ однимъ и въ исключительную пользу другихъ, а больше всего оно бы породило у всѣхъ чувство права и общественной обязанности. Экономическою единицей, въ отношеніи земледѣльческихъ интерессовъ крестьянъ, могло бы всегда оставаться сельское общество; тамъ они могли бы рѣшать свои сельскія дѣла касательно общественныхъ полей, лѣсовъ и пастбищъ. Но какъ волость тогда уже будетъ представлять интерессы жителей всѣхъ сословій, то необходимо, чтобы къ ней принадлежали всѣ проживающія въ ея предѣлахъ личности. Это сдѣлаетъ каждаго отвѣтственнымъ за начала и за образъ волостной администраціи. Выборы въ такой волости были бы болѣе раціональны и контроль болѣе дѣйствительный, а требуя отъ кандидатовъ на должности извѣстной степени образованія, правительство было бы больше увѣрено въ правильномъ исполненіи законовъ. Подчиненные волостной администраціи, какъ люди болѣе образованные, тѣмъ самымъ имѣющіе болѣе послѣдовательности, съумѣли бы во всякомъ случаѣ отстоять свои законныя права. Уже потому самому, что контроль будетъ въ рукахъ людей интеллигентныхъ, крестьянинъ будетъ обеспеченъ отъ всякаго въ своей деревнѣ обирательства, тѣмъ болѣе, что законъ ему предоставитъ право аппелляціи въ волостное собраніе, въ которомъ мѣстныя вліянія необходимо будутъ менѣе сильны, нежели въ собраніи сельскомъ. Злоупотребленія власти сдѣлаются такимъ образомъ невозможными, такъ какъ для возстановленія силы закона достаточно будетъ гласнаго протеста.

Очень естественно, что въ общинѣ законъ долженъ защищать интерессы зажиточныхъ классовъ отъ жадности многочисленной толпы. Во всякомъ случаѣ не трудно будетъ найти необходимую гарантію противъ своеволія большинства, хотя бы эта гарантія съ начала должна была показаться тягостнымъ ограниченіемъ, до тѣхъ поръ, пока чувство солидарности интерессовъ не сдѣлается общепонятнымъ всѣмъ членамъ общества. Для того, чтобы желать такого устройства волости и села, намъ достаточно увѣренности въ томъ, что оно будетъ способствовать устраненію отъ общественныхъ должностей извѣстныхъ личностей, которыя уже не будутъ въ состояніи, какъ прежде, вредить тѣмъ самымъ интерессамъ, защита которыхъ составляетъ ихъ прямую обязанность.

Введеніе такой административной единицы достигло бы соціальной цѣли и принесло бы много пользы обществу. Какъ волостные бюджеты обыкновенно быть могутъ достаточны, то земства избавились бы отъ множества издержекъ на пособіе общинамъ въ отношеніи ихъ прямыхъ обязанностей, и не были бы принуждены стремиться къ достиженію цѣли недостижимой, какъ это бываетъ теперь, по недостаточности дѣйствительнаго контроля. Устройство такой „всесословной волости,“ — мы, наконецъ, должны дать ей это названіе, — побудило бы естественно высшіе классы оказывать покровительство деревнямъ, которыхъ онѣ теперь чуждаются, потому что имъ тамъ дѣлать нечего. Свобода сношеній сблизила бы людей, а сосѣдство способствовало бы сердечному соглашенію взаимныхъ интерессовъ. Открытіе высшимъ классамъ способности пріобрѣсти естественное вліяніе, ввелобы въ русскихъ салонахъ сначала моду, а вскорѣ и призваніе, заниматься деревнею, которую привычный абсентеизмъ до сихъ поръ совершенно игнори-

ровалъ. По нашему мнѣнію, всесословная волость составляетъ самое лучшее, а можетъ быть даже единственное средство противъ соціалистской пропаганды. Нравственность, публичная благотворительность, сельская гигіена, выиграютъ отъ этого много, а особенно первоначальное образованіе.

Между тѣмъ, какъ теперь — бѣдный Иванушка! честный сѣрый человѣкъ! У насъ теперь за нимъ ухаживаютъ, спорятъ за его благосклонность; хотя бы по крайней мѣрѣ горячая привязанность его друзей дошла до того, чтобы научить его грамотѣ.

§ 12.

Если бы отъ насъ потребовали опредѣлить въ общихъ чертахъ: какія по нашему безпристрастному мнѣнію необходимы преобразованія волостнаго управленія, то мы бы ихъ излагали въ слѣдующихъ нѣсколькихъ строкахъ.

Волость, какъ административная единица, должна заключать въ себѣ, въ формѣ однороднаго цѣлаго, всѣхъ жителей извѣстнаго округа. Право голоса, личное въ извѣстныхъ размѣрахъ для однихъ, для другихъ можетъ соотвѣтствовать обширности ихъ поземельныхъ владѣній.

Охраненіе земельныхъ интерессовъ общины должно быть сосредоточено въ сельскомъ обществѣ, олицетворяющемъ въ себѣ экономическую ихъ общность. Но общинное владѣніе, это безполезное наслѣдство традиціоннаго прошедшаго, должно замѣниться собственностью индивидуальною, которая лишь одна въ состояніи поднять земледѣльческую производительность до необходимыхъ размѣровъ. Пахатныя земли, равно какъ и луга, можно бы раздѣлить окончательно по опредѣленному закономъ способу, сообразно мѣстному числу тяголъ, какъ только раздѣла пожелаетъ половина настоящихъ владѣльцевъ,

оставивъ однако извѣстное количество общественныхъ земель, въ размѣрахъ опредѣленныхъ закономъ, какъ наслѣдіе бѣдныхъ. Но, чтобы выказать всю полезность такого преобразованія собственности, законъ долженъ съ самаго начала назначить, для нынѣ существующихъ передѣловъ земли, срокъ какъ возможно болѣе продолжительный. Это бы облегчило народному пониманію уразумѣніе той экономической истины, что общее пользованіе землею, уже по самой неувѣренности относительно продолжительности владѣнія, принуждаетъ земледѣльца вести хищное хозяйство и составляетъ, такимъ образомъ, первѣйшую причину постепеннаго оскудѣнія почвы. Такой продолжительный срокъ безспорнаго владѣнія доставитъ земледѣльцу достаточное обеспеченіе его затратъ и расположитъ въ тоже время умы ко введенію индивидуальной собственности, которое впрочемъ всегда будетъ зависѣть отъ ихъ воли. Социальная связь экономической общности, тѣмъ не менѣе, будетъ существовать въ сельской общинѣ, такъ какъ пастбища, лѣса и другія общественныя угодія, будутъ предметомъ общаго пользованія, подъ надзоромъ волостной администраціи. Такимъ образомъ общинное владѣніе землею должно быть смѣло отмѣнено тамъ, гдѣ оно составляетъ препятствіе общей производительности, но ему вмѣстѣ съ тѣмъ надо покровительствовать съ предусмотрительностью въ тѣхъ случаяхъ, когда оно служитъ дѣйствительною силой, поддерживающей полезную дѣятельность цѣлаго населенія.

Выкупъ общинныхъ надѣловъ, конечно, не долженъ быть почитаемъ за административное мѣропріятіе, клонящееся къ прикрѣпленію къ землѣ цѣлаго земледѣльческаго населенія, но скорѣе за средство обеспеченія его благосостоянія; поэтому если, послѣ двадцатилѣтняго опыта, найдутся общества или отдѣльные хозяева, не могущіе вносить выкупныхъ платежей акуратно, то

естественно предположить, что или цѣна выкупа слишкомъ велика, или худое качество земли дѣлаетъ владѣніе его отяготительнымъ. Эти соображенія должны бы привести насъ къ заключенію о необходимости уменьшенія выкупныхъ платежей до предѣловъ болѣе справедливыхъ. Но какъ правительство должно опасаться, чтобы несвоевременною уже теперь перецѣнкою земель не вызвать новыхъ аграрныхъ требованій, то не остается дѣлать ничего другаго, какъ отмѣнить всѣ препятствія и формальности, удерживающія крестьянина въ общинѣ и подвергающія его постояннымъ лишеніямъ; то есть, слѣдуетъ устроить и облегчить переселеніе и такимъ образомъ предотвратить справедливое неудовольствіе. Организація переселенія составляетъ необходимое послѣдствіе нашей системы поземельнаго владѣнія, такъ какъ умноженіе народонаселенія и плохая обработка земли дѣлаютъ вездѣ уже и теперь общинный надѣлъ недостаточнымъ. Поэтому для крестьянина должна быть допущена безусловная свобода перемѣны мѣста жительства, равно какъ и его право отказаться отъ выкупа извѣстныхъ участковъ, на условіяхъ, точно обозначенныхъ въ спеціальномъ законѣ. Покупка новаго участка земли или заключеніе законно совершеннаго договора на аренду, давало бы право оставить непроизводительный участокъ, и было бы въ тоже время достаточной гарантіей противъ необдуманной непредусмотрительности или противъ возможности какихъ либо увертокъ и отговорокъ. Безчисленное множество пустопорожныхъ земель въ Россіи, недостатокъ населенія въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ въ другихъ существуетъ его излишекъ, вызванный случайными обстоятельствами, заставляютъ насъ быть совершенно спокойными на счетъ послѣдствій подобной мѣры. Первымъ ея послѣдствіемъ было бы колебаніе въ числѣ народонаселенія въ разныхъ

мѣстностяхъ, сообразно требованіямъ промышленности или предпріимчивости переселенцевъ. Но плодородность и значительное пространство казенныхъ земель, худо обработанныхъ или вовсе не обработанныхъ, дастъ всегда правительству возможность привести въ порядокъ движеніе переселенія, къ облегченію котораго будетъ равнымъ образомъ стремиться и частная инціатива. Новые переселенцы найдутъ въ другихъ мѣстахъ новыя земли по сходнымъ цѣнамъ. Остающіеся на мѣстѣ крестьяне воспользуются ихъ отсутствіемъ, пріобрѣтая за пониженную плату оставленныя земли. Пройдетъ нѣкоторое время и мѣстныя условія упрочатся сами собою, естественнымъ порядкомъ.

Разумѣется, что сначала казна почувствуетъ недочетъ въ выкупныхъ платежахъ; но она будетъ въ послѣдствіи обильно вознаграждена увеличеніемъ производства и полученіемъ постояннаго дохода съ земель, доселѣ непроизводительныхъ. Впрочемъ, финансовый вопросъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть преобладающимъ, и долженъ уступить мѣсто соображеніямъ политическимъ, требующимъ безотлагательнаго принятія мѣръ противъ общественнаго состоянія, вызывающаго самыя печальныя опасенія.

Естественно, что давъ земледѣльческому населенію совершенную свободу избранія мѣста жительства, одновременно надо отмѣнить круговую поруку въ общинѣ, за взносъ казенныхъ повинностей и выкупныхъ платежей. Впрочемъ, такое злоупотребленіе отвѣтственностью плательщиковъ податей приноситъ, по нашему мнѣнію, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, такъ какъ оно возможно лишь при существованіи общиннаго владѣнія землею, вредныя послѣдствія котораго мы считаемъ доказанными. Этотъ своеобразный способъ взыманія податей прежде всего не логиченъ въ своемъ примѣненіи, такъ

какъ каждая подать должна быть сообразна съ экономическимъ состояніемъ платящаго. И если допустить въ принципѣ, что зажиточный земледѣлецъ долженъ платить за своего бѣднаго собрата, то такое сотоварищество въ платежѣ тягостныхъ налоговъ необходимо заставляетъ предполагать, что эти налоги или слишкомъ велики или дурно разложены. Поэтому очевидно всѣ платежи слѣдовало бы разложить правильнѣе или уменьшить. Если же намъ возразятъ, что отмѣна круговой поруки повлечетъ за собою вѣроятность недоимокъ, мы отвѣтимъ, что фискальная акуратность имѣетъ свои границы, и что тамъ, гдѣ взять нечего, казна теряетъ свои права. Впрочемъ, отъ отмѣны круговой поруки въ сущности ничто не измѣнилось бы; бѣдный, несостоятельный плательщикъ въ дѣйствительности ничего не платитъ, такъ какъ у него ничего нѣтъ, а несправедливо же, ради наполненія государственной казны, заставлять зажиточнаго труженика платить вдвое.

Другимъ послѣдствіемъ свободы избранія мѣста жительства должно быть преобразованіе прямыхъ налоговъ. Раскладка подушнаго оклада, которая расчитивалась сообразно народной переписи, тѣмъ болѣе несправедлива, что эти переписи производились обыкновенно среднимъ числомъ черезъ каждыя 25 лѣтъ; въ спискахъ плательщиковъ пропускались взрослые молодые люди, родившіеся послѣ переписи, а общество должно было платить за стариковъ или за умершихъ, то есть именно за тѣхъ, которые очевидно платить не были въ состояніи. Но какъ въ тоже время естественно во всякой общинѣ всегда найдется извѣстное число личностей, которыя по случайнымъ причннамъ не въ состояніи платить податей, то въ раскладкѣ подушнаго сбора появляется еще новая неправильность; такъ какъ государство, на основаніи круговой поруки, платить недоимку заставляетъ лицъ,

въ ней вовсе неповинныхъ. Вслѣдствіе этого, съ финансовой точки зрѣнія, раскладка самаго налога совершенно неправильна, ибо вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ дѣйствительною платежной силой, она производится совершенно произвольно, такъ какъ правительство, по самому принципу, даже не чувствуетъ себя обязаннымъ повѣрять съ точностью списки плательщиковъ. Вводя въ общинѣ круговую поруку за исполненіе всѣхъ казенныхъ повинностей, законъ поручаетъ правильную ихъ раскладку тѣмъ именно лицамъ, которыя менѣе всего заинтерессованы въ исправленіи фискальныхъ ошибокъ и пропусковъ, такъ какъ въ случаѣ справедливой раскладки, имъ пришлось бы платить больше. Такимъ образомъ этотъ налогъ часто обращается въ родъ насильственнаго побора, въ тяжелое обремененіе поденнаго труда, отъ котораго страдаютъ больше всего именно личности, наименѣе способныя пропитаться сами. Но какъ подушная подать въ сущности не что иное, какъ налогъ на личный трудъ, то обыкновенная ея раскладка, по общему числу душъ мужескаго пола, не обращающая вниманія на малолѣтнихъ и стариковъ, несправедлива тѣмъ болѣе, что она облагаетъ равною податью способности ни мало не равныя. Налогъ этотъ тѣмъ невыносимѣе, что даже цифра его по истинѣ непомѣрна. Если расчитаемъ, что земледѣльческое семейство, состоящее изъ трехъ душъ, платитъ у насъ различныхъ прямыхъ налоговъ отъ восьми до десяти рублей ежегодно, кромѣ земскихъ повинностей, между тѣмъ какъ въ Пруссіи такое же семейство платило бы не больше, какъ отъ полутора до четырехъ съ половиной талеровъ всѣхъ вообще податей и повинностей; если примемъ во вниманіе трудность полученія достаточныхъ средствъ къ пропитанію, при отсутствіи мѣстной производительности и при ограниченіяхъ, удержи-

вающихъ нуждающееся населеніе на мѣстѣ, то мы должны будемъ сознаться, что подати, лежащія у насъ на землѣ и личномъ трудѣ, слишкомъ велики, тѣмъ болѣе, что ежегодный взносъ отяготительныхъ выкупныхъ платежей и круговая порука еще увеличиваютъ ихъ до цифры непомѣрной. По нашему мнѣнію прежде всего надо бы измѣнить самое основаніе раскладки податей и постановить, что платить личныя подати должны лишь взрослыя и производительныя лица. Такимъ образомъ налогъ сдѣлался бы личнымъ только для лицъ отъ 20 до 55 лѣтъ, такъ какъ разъ допустивъ свободу избранія мѣста жительства, уже нельзя будетъ акуратно взыскивать податей, лежащихъ на тѣхъ, которые къ труду неспособны. При томъ необходимо, чтобы налогъ не превышалъ извѣстной справедливой мѣры, ибо въ противномъ случаѣ онъ будетъ способствовать развитію непроизводительнаго бродяжничества, для избѣжанія уплаты казенныхъ повинностей. Недоимки и могущій случиться дефицитъ въ доходахъ казны должны быть покрыты подоходнымъ налогомъ, раскладываемымъ по классамъ и категоріямъ, какъ единственнымъ средствомъ оградить землю и поденный трудъ противъ чрезмѣрности налоговъ, удерживающей ихъ въ непроизводительномъ застоѣ.

Если мы здѣсь такъ подробно разсматриваемъ вопросъ, который можетъ показаться слишкомъ спеціальнымъ для настоящаго сочиненія, гдѣ мы не должны бы выходить изъ круга общихъ соображеній, то это потому, что по нашему мнѣнію, матеріальное благосостояніе сельскаго населенія въ Россіи составляетъ главную основу всей ея дѣятельности въ будущемъ. Обыкновенно случается, что даже признавая очевидную полезность какого либо преобразованія въ принципѣ, все таки отрицаютъ своевременность его примѣненія. Но когда существованіе гибельнаго факта: общаго и все больше и больше

увеличивающагося обѣдненія, очевидно для всѣхъ, тогда естественно заключить, что нечего медлить преобразованіемъ, и что если не будетъ немедленно употреблено надлежащее средство, то необходимо произойдетъ кризисъ, который наконецъ сдѣлаетъ невозможной всякую сдѣлку. Такое всеобщее истощеніе, давящее въ Россіи всѣхъ, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ слоевъ общества, составляетъ не послѣдствіе какого либо единичнаго рѣшенія правительства или его упущенія; это результатъ цѣлой пагубной системы, завѣщанной намъ прошедшимъ и поддерживаемой до сихъ поръ личностями, извлекающими изъ нея пользу, во вредъ цѣлой націи.

Мы знаемъ очень хорошо, что все сказанное нами, хотя доказываетъ основательность нашихъ экономическихъ предвидѣній, но можетъ вмѣстѣ вызвать разныя уловки со стороны тѣхъ именно, которымъ бы хотѣлось поддержать выгодный для нихъ порядокъ вещей. Такъ какъ экономическое положеніе трудящихся классовъ, тѣхъ именно, на которые настоящій режимъ повидимому желаетъ опереться, бѣдственно, скажутъ они, то надо этому пособить, не трогая однако ни мало самаго принципа неограниченной власти, ни же бюрократической системы, то есть, не отмѣняя политическихъ ограниченій, обеспечивающихъ слѣпое повиновеніе управляемыхъ. Натурально будутъ стараться уменьшить тягостныя подати, даже привлечь ко взносу выкупныхъ платежей за общественныя земли другія сословія, кромѣ крестьянъ. Будутъ стараться облегчить, такимъ образомъ, тяжесть налоговъ, подавляющую трудящіеся классы и облегчить ее даже обременяя рѣшительно государственный бюджетъ какими нибудь милліонами въ пользу крестьянъ, на преданности которыхъ всегда думаютъ основать существованіе настоящаго режима. Это не больше, какъ

химерическія обольщенія. Желая употребленіемъ полумѣръ избѣжать немедленной развязки, только истратятъ время и государственную казну, безъ всякой существенной пользы. Благопріятный случай пройдетъ, кризисъ усилится и производительная сила будетъ истощаться все больше и больше, потому что прити на помощь неимущимъ сословіямъ, нельзя никогда безмездными подачками, а вызвать усиленіе общей производительности можно лишь свободою соціальныхъ отношеній и облегченіемъ путей личнаго почина.

Единственное дѣйствительное средство противъ этого общеизвѣстно всѣмъ народамъ; оно изобрѣтено не нами; это всеобщее противоядіе: свобода. Производительность всякой страны возвышается сообразно степени свободы и независимости ея гражданъ, и одна лишь свобода въ состояніи излѣчить бѣдствія, налагаемыя на людей невѣжествомъ и рабствомъ. Устроимъ же сперва свободную и интеллигентную всесословную волость, она послужитъ крѣпкимъ основаніемъ общественнаго зданія въ будущемъ!

§ 13.

Въ дополненіе къ представленному нами печальному образу земледѣлія въ Россіи, намъ предстоитъ сказать еще нѣсколько словъ о земледѣліи помѣщичьемъ. Состояніе этого земледѣлія общеизвѣстно, и мы не думаемъ ошибиться, если скажемъ, что если бы даже правительство признало его безусловно для страны вреднымъ, оно бы и тогда не могло бы поступать послѣдовательнѣе того, какъ оно поступаетъ теперь, не обращая ни малѣйшаго вниманія на очевидные факты. Обширныя поземельныя владѣнія мало по малу приходятъ въ упадокъ

не потому, что они раздробляются и переходятъ въ руки менѣе способныя поддерживать ихъ производительность, но потому, что при общемъ абсентеизмѣ крупныхъ владѣльцевъ, раціональная эксплоатація исчезаетъ, и уступаетъ мѣсто системѣ неистоваго истощенія, все болѣе и болѣе понижающей уровень сельско-хозяйственнаго производства. Это можетъ имѣть послѣдствія очень прискорбныя, и, если только не будутъ приняты мѣры, въ слѣдующемъ поколѣніи исчезнутъ всѣ старинные землевладѣльцы; кулаки же изъ крестьянъ и купеческіе міроѣды, которые займутъ ихъ мѣсто, не въ состояніи будутъ вознаградить общество за понесенную имъ нравственную утрату. Мы утверждаемъ, что кромѣ того, это будетъ большимъ политическимъ несчастьемъ для самой Династіи, такъ какъ въ Россіи, при неизмѣримыхъ пространствахъ, способствующихъ развитію въ обществѣ демократическихъ стремленій, съ исчезновеніемъ старинныхъ землевладѣльческихъ родовъ, монархическая традиція, если она не основана на истинномъ достоинствѣ и не поддерживается закономъ, можетъ терять свое обаяніе. Съ монархической точки зрѣнія, непринятіе общихъ мѣръ противъ исчезновенія старинныхъ землевладѣльческихъ родовъ составляетъ большую ошибку, ибо лишь только въ республикахъ безусловное равенство можетъ покрыть всякій общественный недостатокъ и вознаградить государство, за всѣ испытанныя или предполагаемыя потери, безграничною свободой. Но въ государствѣ монархическомъ, общественныя отношенія устроиваются обыкновенно въ обратномъ смыслѣ, такъ какъ эти отношенія основываются сообразно съ принципомъ скорѣе конвенціональнымъ, чѣмъ безусловно необходимымъ. Поэтому, въ такомъ государствѣ отношенія между сословіями должны быть установлены на основаніи логическаго вывода, безусловно вытекающаго изъ

главнаго принципа; ибо если по какому либо случаю общественный порядокъ будетъ серьёзно нарушенъ, тогда безграничное преобладаніе одного сословія неизбѣжно повлечетъ за собою не только гибель другаго, но еще будетъ началомъ борьбы противъ главнаго руководительнаго принципа, которая наконецъ измѣнитъ весь существующій строй государства.

Въ монархическомъ государствѣ, государь въ дѣйствительности есть „первый между равными“, а потому онъ какъ „первый“ долженъ быть больше всего заинтерессованъ въ поддержаніи значенія своей „дружины.“ „Монархія“ безъ „дворянства“ не понятна; точно также какъ и дворянство, пріобрѣтенное, какъ въ Россіи, не примѣрнымъ самопожертвованіемъ, но обыкновенно службой, не основанное на землевладѣніи, ни поддерживаемое чувствомъ личной жертвы, не заключаетъ теперь въ себѣ причины своего существованія въ будущности. Это потому, что всякое право дворянства въ дѣйствительности теперь уже не больше, какъ прирожденная преемственность общественныхъ обязанностей и жертвъ, а не какихъ либо злоупотребительныхъ привилегій. Поэтому дворянство составляетъ званіе почетное и обременительное, котораго достоинство всякая монархическая власть должна умѣть поддерживать.

Очевидно необходимо, чтобы въ монархическомъ государствѣ законы поддерживали достоинство дворянства, но столько же необходимо, чтобы ряды дворянства пополнялись лишь личностями, за которыми общепризнано превосходство во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ оно должно умѣть соблюдать свое достоинство и помнить, что „Noblesse oblige“ — не пустой призракъ. Поэтому надо, чтобы во всякой монархіи законы поддерживали дворянство, которому честь должна быть, такъ сказать, „отцомъ и сыномъ“, и поддерживать его не

потому, чтобы оно было преградой между властью государя и безсиліемъ народа, но потому, что оно должно составлять связь между однимъ и другимъ. Законы должны поддерживать эту часть націи, которая должна бы всегда служить отечеству всѣмъ своимъ достояніемъ, хотя бы ей угрожало совершенное разореніе, ту часть націи, которая должна вступать въ государственную службу, для того, чтобы никто не осмѣлился сказать, что она въ ней не бывала; которая, когда не можетъ надѣяться пріобрѣсти богатства, надѣется достигнуть чести и тѣмъ должна довольствоваться, которая всегда будетъ считать себѣ за честь жертвовать собой ради Государя, когда онъ въ нуждѣ, но которая будетъ тогда считать верхомъ позора, торговать своею преданностью. Когда для монархіи придетъ время испытаній, тогда вѣрнымъ останется лишь тоже дворянство; оно можетъ негодовать, но оно оставитъ все, для того, чтобы бороться съ судьбою и будетъ увѣрено, что честь повелѣваетъ ему погибнуть и простить. И такъ, ни одна монархія не можетъ существовать безъ вліятельнаго дворянства, а такое вліяніе дворянство можетъ пріобрѣсти лишь владѣя землею.

Вотъ почему равнодушіе правительства въ отношеніи дворянской собственности, составляетъ политическую ошибку, тѣмъ еще болѣе вредную, что и о мелкой собственности оно заботится не больше. Эта беспечность тѣмъ удивительнѣе и тѣмъ пагубнѣе, что благосостояніе земледѣлія во всѣхъ странахъ и всегда было главнымъ основаніемъ могущества въ настоящемъ и вмѣстѣ самымъ вѣрнымъ залогомъ общественнаго преуспѣянія въ будущемъ.

§ 14.

Разумѣется, нельзя требовать, чтобы правительство

занималось частными дѣлами гражданъ; но если мы скорбимъ о беспечности частныхъ лицъ, то въ тоже время должны признать, что у насъ правительство не предпринимаетъ ничего, чтобы имъ пособить или ихъ наставить. Во всѣхъ законахъ казеннаго управленія, нѣтъ почти положительныхъ постановленій, систематически стремящихся къ поддержанію земледѣльческой производительности или поощренію частной предпріимчивости. Правда, что во многихъ распоряженіяхъ администраціи часто провозглашаются истинные принципы, но они всегда до того сопровождаются множествомъ формальныхъ и невыносимыхъ ограниченій, что среди этого огромнаго хлама ненужныхъ формальностей, какъ бы исчезаетъ сама идея изданнаго законоположенія. Если же дѣло касается казеннаго интересса, тогда не стѣсняются ничѣмъ, и не колеблясь приносятъ въ жертву частные интерессы ради того, чтобы какое либо казенное управленіе удобнѣе могло доставлять барыши. Мы могли бы привести этому множество примѣровъ, но ограничимся однимъ, тѣмъ болѣе, что онъ прямо идетъ къ предмету настоящаго разсужденія. Я подразумѣваю способъ взыманія акциза съ винокуренія, которое въ такой сильной степени вліяетъ на состояніе земледѣлія въ Россіи.

Было время, когда правительство собирало этотъ доходъ посредствомъ откуповъ, которые однако давали его мало. Пожелали получить больше, и вѣроятно это была первоначальная причина перемѣны системы, которую старались представить публикѣ какъ доказательство общественнаго и экономическаго прогресса. Это было бы дѣйствительно такъ, если бы увеличеніе доходовъ государства, которое должно было принести пользу всѣмъ, не сопровождалось соразмѣрнымъ увеличеніемъ непроизводительныхъ расходовъ. Но по несчастью въ

расчетѣ ошиблись, надо въ этомъ сознаться; въ послѣднюю четверть столѣтія бюджетъ почти удвоился, а мы однако отъ этого не стали богаче. Какъ бы то ни было, но успѣвъ получить больше прежняго, пожелали получить еще больше. Если бы однако ограничились увеличеніемъ акциза съ четырехъ до семи копѣекъ и болѣе отъ градуса спирта, зло еще не было бы такъ велико; но по несчастью такое увеличеніе, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождалось обыкновенными стѣсненіями заводчиковъ, придуманными ради облегченія чиновничьяго надзора. Стали ежегодно возвышать „норму“ обязательнаго выхода и вмѣстѣ уменьшать проценты перекура, что въ такой же мѣрѣ уменьшало доходъ заводчика отъ улучшенія самаго производства; и какъ продажная цѣна спирта, отъ четырехъ до шести разъ меньше количества взымаемаго акциза, и какъ „усушка“ и „утечка“ падаетъ на счетъ заводчика, то заводы, вмѣсто барыша часто стали давать чистый убытокъ, а заводчики принуждены были прекратить производство, которое бы должно было служить основаніемъ земледѣлія. Въ Россіи, при ея суровомъ климатѣ, раціональное земледѣліе безъ мѣстныхъ винокуренъ существовать не можетъ, такъ какъ безъ ржаной или картофельной барды скотоводство не мыслимо. Поэтому законодательство должно бы прежде всего, для поддержанія земледѣльческой производительности страны, охранять интерессы владѣльцевъ небольшихъ винокуренъ. Но какъ предложеніе спирта на рынкѣ всегда и вполнѣ соотвѣтствовало его требованію, то очевидно, что одновременно съ разореніемъ мелкихъ винокуренъ, изъ которыхъ лишь немногія были въ состояніи выдержать новый режимъ акциза, возникли большіе заводы, устроенные такъ, чтобы могли, посредствомъ разныхъ остроумныхъ увертокъ, успѣшно бороться со странными притязаніями

акцизнаго управленія. Дѣло большихъ заводчиковъ идутъ обыкновенно блистательно, тѣмъ болѣе, что значительная цѣнность заводскаго продукта и громадность получаемыхъ барышей, даютъ имъ часто возможность задобрить чиновниковъ и закрыть глаза на разныя неодобрительныя продѣлки. Такимъ образомъ очевидно, что совершивъ ради прогресса полезное и неотложное преобразованіе, мы опять, путемъ разныхъ, одно за другимъ слѣдовавшихъ стѣсненій, возвратились къ точкѣ отправленія, то есть, къ самой худшей монополіи, содѣйствуя сосредоточенію винокуреннаго производства въ рукахъ немногочисленныхъ заводчиковъ, во вредъ производству честному, полезному и необходимому.

По нашему мнѣнію, это одна изъ самыхъ главныхъ причинъ, тормозящихъ въ Россіи развитіе сельскаго хозяйства въ большихъ размѣрахъ. Правительство должно бы хорошо проникнуться этой истиной, и тогда оно легко отыщетъ противъ этого зла какое нибудь дѣйствительное средство, неотложное примѣненіе котораго необходимо.

§ 15.

Если теперь обратимъ вниманіе на все то, чего намъ еще недостаетъ въ отношеніи интеллигентнаго покровительства земледѣлію, то прежде всего замѣтимъ, что у насъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ законоположеній, которыя во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ признаются самыми необходимыми.

У насъ нѣтъ вовсе правильно устроенной ипотеки и, вслѣдствіе этого, нѣтъ дешеваго поземельнаго кредита. На это обыкновенно возражаютъ указаніемъ на трудность введенія всеобщаго кадастра, который однакожъ въ началѣ совершенно излишенъ; а мы все таки вмѣсто того, чтобы пользоваться кредитомъ дешевымъ

и сообразнымъ съ нашими средствами, дѣлаемся добычею ростовщиковъ, учитывающихъ наши нужды и затрудненія.

У насъ нѣтъ никакой организованной системы взаимнаго страхованія отъ пожаровъ, падежей скота и т. д. Вслѣдствіе этого мы становимся добычею различныхъ страховыхъ компаній, предлагающихъ намъ, по цѣнѣ непомѣрной, обеспеченіе недостаточное, или же мы страдаемъ отъ обыкновеннаго нашего нерадѣнія и своею непредусмотрительностью причиняемъ народному богатству вредъ неизмѣримый.

У насъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни земледѣльческихъ школъ, ни опытныхъ фермъ, которыя служили бы въ разныхъ мѣстностяхъ примѣрами раціональнаго земледѣлія, хотя общеизвѣстно, что нерадивость и неспособность частныхъ лицъ нигдѣ столько не нуждаются въ совѣтахъ и въ технической опытности, какъ въ нашей странѣ бѣдной, невѣжественной и преданной рутинѣ.

У насъ нѣтъ первоначальныхъ школъ во всякой деревнѣ, но за то кабаковъ больше, чѣмъ нужно; а потому деревенское юношество пріобрѣтаетъ познанія тамъ, гдѣ оно ихъ находитъ, и получаетъ наставленія и принципы скорѣе въ кабакахъ, которые его ближе, чѣмъ въ отдаленныхъ училищахъ. Слѣдуетъ-ли послѣ этого удивляться, если вслѣдствіе отсутствія толковыхъ мѣропріятій съ нашей стороны, черный народъ, погруженный въ обычное нерадѣніе, не можетъ справиться съ требованіями новаго своего положенія?

У насъ нѣтъ хорошихъ проселечныхъ дорогъ, не смотря на всю притѣснительность натуральныхъ повинностей. Поэтому, непомѣрныя и безъ того наши разстоянія дѣлаются еще неудобнѣе, такъ какъ наши сырыя произведенія, по самой своей естественной громоздк-

кости, могутъ приносить доходъ лишь при хорошо устроенныхъ дорогахъ.

У насъ нѣтъ полной сѣти желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ наши желѣзные пути устроены менѣе въ виду пользы торговли, чѣмъ въ предвидѣніи стратегической необходимости. Компаніи стараются захватить въ свои руки монополію дорогъ; ради своей пользы возвышаютъ тарифы. Вслѣдствіе этого, цѣны на товары понижаются на мѣстѣ, не сообразно требованіямъ рынка или условіямъ производства, но сообразно трудности транспорта, и то тѣмъ болѣе, что хроническій безпорядокъ въ дорожной адмнистраціи и недостаточность подвижнаго матеріала, дѣлаютъ часто всякія коммерческія соображенія невозможными.

Намъ невозможно исчислить всего, да мы и не намѣрены высказать все; мы желаемъ лишь указать на главныя причины бѣдственнаго застоя промышленности, угнетающаго населеніе по причинѣ равнодушія власти.

§ 16.

И такъ, бѣдственное положеніе нашего земледѣлія намъ кажется очевиднымъ. За десять лѣтъ тому назадъ можно еще было такое увеличивающееся паденіе земледѣльческаго производства подвергать сомнѣнію и даже оспоривать возможность существованія такого факта. По несчастью, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать его очевидныя причины, правительство старалось обыкновенно всѣ докучливыя догадки выставить какъ естественное слѣдствіе враждебности недоброжелательной печати. Въ настоящее время множество общеизвѣстныхъ фактовъ не допускаетъ на этотъ счетъ ни сомнѣній, ни споровъ, и спорить теперь можно лишь о выборѣ способовъ побѣдить такому, несомнѣнно существующему состоянію. Министерскіе циркуляры, въ этой странной борьбѣ кан-

целярскихъ тонкостей съ силой фактовъ, доказали лишь свое безсиліе. Прежде не принимали на себя отвѣтственности за голодъ въ губерніяхъ Архангельской, Вятской, Самарской и Области Войска Донскаго; но однако теперь принуждены сознаться, что экономическія бѣдствія повторяются и обобщаются во всей Россіи, съ логическою и роковою послѣдовательностью; нищета дѣлается все болѣе и болѣе общей, вздорожаніе всѣхъ предметовъ первой необходимости до размѣровъ, которые ихъ дѣлаютъ для бѣдныхъ классовъ почти недоступными, доказываетъ это достаточно. Россія, по преимуществу, страна земледѣльческая, сознается въ своей экономической несостоятельности на томъ поприщѣ, которое составляло нѣкогда ея славу и ея гордость. Россія, бывшая нѣкогда житницей Европы, изнемогаетъ жалкимъ образомъ, подъ угрозой періодическихъ безхлѣбицъ. Въ Россіи, славившейся нѣкогда своими безчисленными стадами, теперь недостаетъ говядины и молока. Цѣны на мясо недоступны рабочему классу, а недостатокъ въ молокѣ порождаетъ среди дѣтей неслыханную смертность. Самыя даже силы природы какъ бы соединились, чтобы поразить Россію новымъ экономическимъ бѣдствіемъ. Миріяды различныхъ насѣкомыхъ, на подобіе египетской язвы, опустошающихъ наши губерніи, появляются какъ предостереженіе судьбы, напоминающее намъ о необходимости сосчитаться съ своими силами. Наши слова, мы знаемъ, могутъ показаться смѣшными, но они по истинѣ не таковы. Кто же можетъ поручиться, что всеобщее истребленіе лѣсовъ не повліяло значительно на размноженіе вредныхъ насѣкомыхъ? Равно какъ и недостаточная запашка или нераціональные сѣвообороты? Всѣ эти причины несомнѣнно способствовали нашествію истребителей хлѣбовъ и благопріятствовали ихъ размноженію.

Какъ бы тамъ впрочемъ ни было, постоянный и все болѣе и болѣе увеличивающійся упадокъ экономическаго благосостоянія въ Россіи составляетъ фактъ, неоспоримое существованіе котораго долженъ признать всякій безпристрастный наблюдатель. Онъ становится очевиднымъ, и общественное мнѣніе о немъ скорбитъ. Не признавать его было бы не болѣе, какъ ребячествомъ или тенденціознымъ отрицаніемъ. Поэтому мы утверждаемъ, что правительство обязано обратить на это вниманіе и отыскать неотложно дѣйствительное противъ этого бѣдствія средство.

§ 17.

Мы уже замѣтили, что Россія — это отдѣльный міръ; у нея свои исключительныя условія производства и свои естественныя мѣста сбыта. Вотъ почему національная ея промышленность должна быть основана на толковой системѣ покровительственныхъ пошлинъ. Это основное начало было у насъ всегда признано, только по несчастью таможенныя пошлины разсматривались скорѣе какъ источникъ дохода казны, нежели какъ рѣшительное средство вызвать раціональное производство, которое административныя отношенія и наша собственная неспособность удерживаютъ въ безсиліи. Чтобы не слишкомъ оскорблять самолюбіе нашихъ офиціозныхъ финансистовъ, мы не приводимъ въ доказательство нашихъ словъ болѣе одного примѣра, а именно: взыскиванія въ послѣднее время таможенныхъ пошлинъ золотомъ. Эта мѣра, возвышая обыкновенныя пошлины почти на 50%, должна была принести государству пользу какъ прибавкой дохода, такъ и обиліемъ дорогаго металла. Но какъ вмѣсто того, чтобы въ тарифѣ распредѣлить товары спеціально по ихъ цѣнности и полезности, считали болѣе удобнымъ обложить ихъ всѣ одинаковой

пошлиной, то отъ этого пострадали и частные интерессы, и доходъ казны не могъ быть достаточно гарантированъ, такъ какъ изъ всей массы привозимыхъ товаровъ, одни, какъ напримѣръ сырьё и разные инструменты, не могли вынести чрезмѣрнаго обложенія, другіе, какъ предметы роскоши или вообще произведенія фабрикъ, не могли найти довольно доброхотныхъ покупателей. Вслѣдствіе этого, хотя съ одной стороны доходъ казны возвысился, но съ другой — казна понесла потерю, такъ какъ ввозъ чрезмѣрно обложенныхъ товаровъ уменьшился въ исключительную пользу нѣсколькихъ туземныхъ производителей.

Но еще больше: обыкновенно торговля не можетъ положиться на существующія узаконенія, а это натурально мѣшаетъ ей въ ея будущихъ расчетахъ. Тарифы не бываютъ никогда долгосрочны или, по крайней мѣрѣ, установлены на срокъ извѣстный и опредѣленный закономъ; вслѣдствіе этого, какъ они повидимому зависятъ совершенно отъ усмотрѣнія министра, спекуляція не можетъ быть увѣрена въ будущемъ, а личная дѣятельность, вмѣсто предпріятій, имѣющихъ въ виду общую пользу, удерживается въ жалкой и непроизводительной рутинѣ.

Нельзя отрицать того, что во многихъ случаяхъ правительство искренно желало пособить одной или другой отрасли національной промышленности, которая въ то время казалась полезной; по несчастью, это запоздалое пособіе никогда не достигало своей цѣли, такъ какъ оно въ сущности оказывалось скорѣе нѣкоторымъ привиллегированнымъ личностямъ, чѣмъ извѣстному роду промышленности. Поэтому, какъ при такомъ пособіи дѣйствуютъ обыкновенно протекція и даже негласные барыши, то и результатъ поддерживаемаго предпріятія не приноситъ ни мало пользы общему благосостоянію, а достав-

ляетъ лишь незаконные барыши личностямъ, умѣющимъ пользоваться обстоятельствами.

Но какъ неспособность или беспечность офиціозныхъ финансистовъ, которые никогда не удостоиваютъ своимъ вниманіемъ голоса общественнаго мнѣнія, составляетъ самое значительное препятствіе правильному прогрессу, и какъ между тѣмъ состояніе финансовъ настоятельно требуетъ употребленія мѣръ рѣшительныхъ, то необходимо случается, что вмѣсто того, чтобы ограничиться трудомъ раціональнымъ и терпѣливымъ, который медленными и твердыми шагами привелъ бы ихъ наконецъ къ желанному результату, они бросаются въ банковыя приключенія, и желая пособить дѣлу скоро, вызываютъ лишь монетные кризисы, понижающіе денежный курсъ на неопредѣленное время. Одни займы слѣдуютъ за другими, а къ нимъ прибѣгаютъ тѣмъ чаще, что въ нихъ находятъ личный расчетъ, да кромѣ того можетъ показаться, что пополняя на нѣкоторое время казну и доставляя, такимъ образомъ, возможность удовлетворить настоятельныя требованія, они дѣйствовали подъ вліяніемъ геніяльнаго вдохновенія. Прискорбно только, что развязка не заставитъ себя ожидать, а такое постоянное учитываніе рессурсовъ и средствъ націи, ради цѣлей непроизводительныхъ, доведетъ наконецъ до разоренія всего національнаго состоянія.

§ 18.

При заключеніи нашего обозрѣнія, да позволено намъ будетъ провозгласить еще одинъ принципъ, который по нашему мнѣнію долженъ бы служить однимъ изъ основаній въ будущемъ нашей финансовой системы. Россія – страна преимущественно земледѣльческая, но кромѣ того, она должна быть житницей Европы. Всѣ ея государственныя и мѣстныя учрежденія должны клониться

къ одной цѣли: облегчить и усилить сельско-хозяйственное производство. Но для достиженія этой цѣли недостаточно создать милліоны свободныхъ земледѣльцевъ, мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, которые, слѣдуя исконно принятой рутинѣ, роясь въ землѣ на подобіе кротовъ, счастливые, если въ ней найдутъ хлѣбъ насущный, — не увеличиваютъ общаго производства иначе, какъ постояннымъ истощеніемъ новыхъ земель. Это результатъ временный и — осмѣлюсь сказать — результатъ какъ будто отрицательный освобожденія крестьянъ; такъ какъ всякое истощеніе должно необходимо имѣть свои предѣлы, и если производство не приноситъ всей возможной пользы, то отъ этого страна и теперь уже несетъ неизмѣримые убытки. Послѣ опредѣленія отношеній между землевладѣльцами и работниками, на правительствѣ лежитъ обязанность, покровительствовать раціональному земледѣлію и промышленнымъ предпріятіямъ. Намъ нѣтъ надобности исчислить средства, необходимыя для достиженія этой цѣли, — они давно извѣстны; добавимъ только, что примѣненныя къ мѣстнымъ обычаямъ, средства эти, какъ вездѣ, такъ и у насъ, дадутъ результаты медленные, но вѣрные.

Намъ однако желательно вспомнить объ одномъ вопросѣ чрезвычайной важности, а именно: о желѣзно-дорожныхъ тарифахъ, которые для насъ спеціально интересны. Всякое промышленное предпріятіе, для своего успѣха требуетъ возможно легкаго сбыта своихъ произведеній; поэтому оно нуждается въ удобныхъ и дешевыхъ путяхъ сообщенія. Но какъ наши страшныя разстоянія сами по себѣ увеличиваютъ издержки транспорта, то намъ необходимо увеличить сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Этой же самой цѣли можно достигнуть пониженіемъ тарифа на желѣзныхъ дорогахъ уже существующихъ, тѣмъ болѣе, что устраняя такимъ образомъ

финансовый вопросъ теперь, мы упростимъ вопросъ о планѣ желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ. Поэтому мы бы предложили прогрессивное и систематическое пониженіе желѣзно-дорожныхъ тарифовъ для сырья и нѣкоторыхъ мануфактурныхъ и горныхъ произведеній, въ обратномъ отношеніи разстояній, для того, чтобы открыть равномѣрный доступъ на европейскіе рынки главнымъ произведеніямъ русскаго земледѣлія и промышленности, даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Это пониженіе тарифовъ должно быть коренное, чтобы изъ него сдѣлать поощрительную премію, которая будетъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе вывоза, улучшеніе коммерческаго баланса и соотвѣтственное повышеніе курса, это въ свою очередь доставитъ пользу казнѣ. Удешевленіе транспорта, уменьшая по этой статьѣ издержки, необходимо усилитъ производство, что со временемъ, въ свою очередь, увеличитъ доходы желѣзно-дорожныхъ компаній, не смотря на пониженіе тарифовъ. Если бы даже, при такомъ пониженіи, казна въ началѣ и потерпѣла убытки, она современемъ легко ихъ пополнитъ, создавая себѣ новые источники дохода, вслѣдствіе общаго благосостоянія и улучшенія денежнаго курса.

Настоящая дѣйствительная зависимость желѣзнодорожныхъ компаній отъ казны, даетъ полную возможность введенія всѣхъ необходимыхъ преобразованій желѣзно-дорожнаго дѣла. Кромѣ того, если принять во вниманіе, что государство безвозвратно, безъ всякой для себя пользы и безъ всякой сколько нибудь уважительной причины, уплачиваетъ ежегодно болѣе тридцати милліоновъ гарантіи желѣзно-дорожнымъ компаніямъ, можно смѣло утверждать, что если только устроить строгій контроль счетовъ этихъ компаній и потребовать отъ нихъ болѣе расчетливости въ издержкахъ, то проведеніе реформы и достиженіе желанной цѣли большихъ затруд-

ненiй не представитъ. Мы полагаемъ, что если бы даже въ концѣ концовъ пришлось выкупить линiи главныхъ компанiй, эксплоатировать ихъ на счетъ казны или позже отдать въ аренду, то надо рѣшиться и на это; потому что при нашихъ огромныхъ разстоянiяхъ и при зависимости производства отъ средствъ сообщенiя, большiя желѣзно-дорожныя компанiи составляютъ въ сущности монополiю исключительныхъ интерессовъ и общественную опасность въ Россiи; въ случаѣ же ихъ стачки, государство можетъ потерять больше, нежели даже тогда, когда бы, эксплоатируя дороги само, не выручило первоначальныхъ издержекъ.

§ 19.

Мы старались вкратцѣ, въ общихъ чертахъ, начертить общiй планъ, по которому мы бы желали видѣть устроенными финансы имперiи. Не надо при томъ удивляться, если, говоря о финансахъ, мы хотя и представляемъ основы полной и послѣдовательной системы, но не излагаемъ спецiальныхъ подробностей преобразованiя, сообразно съ принципами, усвоенiе которыхъ мы совѣтуемъ. По нашему мнѣнiю, для этого надо приводить цифры, а потому это дѣло собственно настоящаго или будущаго министра финансовъ; мы же имъ заняться не можемъ. Какъ въ частныхъ дѣлахъ, какъ бы они запутаны ни были, прежде всего надо знать дѣйствительное состоянiе кассы, ея кредитъ и дебетъ, точно тоже можно сказать и о государственныхъ финансахъ: прежде всего надо знать настоящiя цифры государственныхъ обязательныхъ расходовъ и возможныхъ приходовъ. Мы въ правѣ допустить, что на государствѣ лежатъ извѣстныя обязанности, отъ которыхъ оно освободиться не можетъ, и что цифра его дохода также ограничена, какъ и цифра дохода какого нибудь частнаго лица. Но

государство обладаетъ кредитомъ гораздо обширнѣе кредита частнаго лица, и почти неисчерпаемымъ, такъ какъ оно можетъ имъ пользоваться безусловно, коль скоро общественное мнѣніе его поддерживаетъ и обеспечиваетъ публику на счетъ его намѣреній, имѣющихъ въ виду цѣль полезную и производительную. Необходимость бережливости, для увеличенія запаса, не въ такой степени настоятельно для государства, какъ для частнаго лица; такъ какъ предполагается, что государство вѣчно, то оно имѣетъ возможность, для достиженія производительныхъ цѣлей, учитывать свои честныя намѣренія. Поэтому государство должно прежде всего убѣдить публику въ своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи, настойчиво держаться того образа дѣйствій, котораго отъ него ожидаютъ. Такимъ образомъ государство, преслѣдуя цѣль благоразумную и производительную, можетъ всегда измѣрять свои силы своими предположеніями; но прежде всего оно должно въ этихъ намѣреніяхъ быть послѣдовательнымъ, и отъ избраннаго пути не уклоняться. Такимъ лишь способомъ оно можетъ усилить свой кредитъ и поддерживать его до тѣхъ поръ, пока окончательно не приведетъ своихъ финансовъ въ равновѣсіе. И такъ, дѣла частныя отличаются отъ дѣлъ государственныхъ именно тѣмъ, что частный человѣкъ долженъ всегда страшиться отказа въ кредитѣ, который можетъ его погубить, а государство можетъ вести свои дѣла смѣло, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно пользуется кредитомъ неограниченнымъ.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что надо лишь начертать себѣ дорогу, твердо намѣтить цѣль и стараться всегда имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе, чтобы быть увѣреннымъ въ результатѣ, ибо средства найдутся всегда. Но, естественно, что такъ дѣйствовать можетъ только геній, явная же бездарность всегда

погибнетъ отъ разочарованія обманутыхъ ожиданій или отъ непредвидѣнной и роковой случайности.

Въ нашемъ критическомъ разсужденіи о поземельныхъ и экономическихъ отношеніяхъ въ Россіи, мы старались вѣрно изобразить прискорбные принципы, на которыхъ основывается ея финансовый режимъ. Недостатокъ мѣста и нежеланіе слишкомъ обременять вниманіе публики, принудили насъ оставить цифры въ сторонѣ. Но одинъ непрерывный рядъ бѣдственныхъ обстоятельствъ, о которыхъ намъ пришлось упомнить, уже достаточно доказываетъ, что первоначальная причина зла заключается не въ какой либо отдѣльной ошибкѣ или въ какомъ либо упущеніи власти, но должна быть приписана всецѣло и единственно цѣлой ошибочной системѣ, поддерживаемой злоупотребленіями прошедшаго. Поэтому, для того, чтобы начать новую эру, намъ необходимо отбросить всѣ предразсудки.

Для насъ очевидно, что мы учитываемъ будущее и что нѣтъ уважительныхъ причинъ надѣяться на улучшеніе дѣлъ при режимѣ, который не желаетъ признать существованія бѣдствія. Если же дѣла идутъ и необходимо пойдутъ отъ дурнаго къ худшему, надо-ли заключить изъ этого непремѣнно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ финансовая катастрофа? Нѣтъ; намъ еще остается возможность преобразованій. Но намъ уже невозможно найти спасенія въ какомъ либо остроумномъ средствѣ или въ какой либо богатой изобрѣтательностью личности. Нѣтъ; дѣла стоятъ не такъ, и намъ, для спасенія государства отъ постепеннаго упадка, необходимы цѣлый рядъ, полная система послѣдовательныхъ средствъ и коренныхъ преобразованій.

Мы думаемъ, что сущность финансоваго вопроса

заключается не въ увеличеніи прихода, но скорѣе въ ограниченіи непроизводительныхъ расходовъ. Мы вынуждены заявить, что бюджетъ почти въ 700 милліоновъ, какъ онъ теперь навѣрно предвидится, для страны не богатой слишкомъ непомѣренъ и обременителенъ. Бюджетъ расходовъ увеличивается ежегодно; противу того, который былъ тому двадцать лѣтъ, онъ удвоился; но увеличилось ли съ того времени въ такой же мѣрѣ національное благосостояніе? Мы должны сознаться, что мы все также бѣдны, какъ и прежде, и можетъ быть даже, въ слѣдствіе реформъ, потрясшихъ общество въ его вѣковомъ основаніи, мы эту бѣдность чувствуемъ ощутительнѣе прежняго. Поэтому намъ необходимо дѣйствительно сократить бюджетъ расходовъ, то есть, строго его контролировать.

Достанетъ ли у насъ на это довольно средствъ и силы?

Нѣтъ; ибо у насъ нѣтъ ни народнаго представительства, ни свободнаго слова, то есть, у насъ нѣтъ ни надежной стражи общественныхъ интерессовъ, ни дѣйствительнаго надзора, ни дѣльнаго направленія.

Глава VII. Децентрализація.

Намъ, кажется, нѣтъ нужды перечислять великія преобразованія настоящаго царствованія. Народная благодарность ихъ оцѣниваетъ и весь міръ ихъ знаетъ. Дарованные великодушно и лойяльно принятыя, они съ самаго начала повидимому обеспечивали общественный прогрессъ Россіи. Все казалось блестящимъ: народъ счастливый, преданный и полный довѣрія, правительство справедливое, твердое и либеральное! Будущность казалась обеспеченной, и Россія готовилась возродиться изъ пепла прошедшаго, счастливѣе и сильнѣе чѣмъ когда либо.

Прошла четверть столѣтія. Мы всѣ жили обольщеніями, ожиданіями и разочарованіями.

Въ настоящее время все измѣнилось: съ верху до низу подозрѣніе и эгоизмъ задерживаютъ полетъ генія, съ низу до верху недовѣріе и отчаяніе порождаютъ измѣну.

Почему такъ случилось, что самъ законодатель потерялъ довѣріе къ своему созданію?

Почему положеніе кажется народу тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе оно улучшилось?

Это потому, что ожиданіе публики обмануто въ его логическихъ послѣдствіяхъ.

Десять лѣтъ реакціи доказали націи, что всѣ пріоб-

...тенныя его права были не болѣе какъ милость, которую можно отмѣнить по произволу, родъ скоро проходящихъ льготъ, примѣненіе которыхъ не должно было нарушать ни въ чемъ непогрѣшности бѣдственнаго режима.

Опытъ прошедшаго поучаетъ насъ, что при настоящемъ состояніи дѣлъ перемѣна людей ничего не значитъ, но что необходимо обновить принципы и обеспечить ихъ исполненіе.

Ибо состояніе края таково, что все пріостановилось. Все чахнетъ и приходитъ въ упадокъ, не смотря на обиліе рапортовъ, донесеній, приказаній и распоряженій.

Это потому, что настоящему режиму недостаетъ одного жизненнаго принципа, именно: безкорыстной преданности общественному дѣлу и вѣрной оцѣнки общественнаго долга.

И какъ режимъ этотъ осужденъ окончательно, то не пользуется публичнымъ довѣріемъ.

Вотъ почему недовѣріе вызываетъ отчаяніе и подвергаетъ къ измѣнѣ.

Мы старались въ нашемъ сочиненіи доказать ошибки настоящаго режима. Всѣ пороки системы, даже экономическія ошибки, повидимому, всегда происходятъ изъ одной и той же ложной политической точки зрѣнія, которая заставляетъ управляющихъ отрицать очевидность лишь ради того, чтобы существовать не смотря ни на что. Но поступая такимъ образомъ, можно попасть въ ...жный кругъ, а въ концѣ поплатится за это Россія. Для насъ очевидно, что для поддержанія пороковъ политическаго принципа, придется подвергнуться опасности ...ственной экономической невзгоды. Мы полагаемъ, что доказали это достаточно въ той главѣ настоящаго сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о поземельныхъ и экономическихъ отношеніяхъ въ Россіи, и здѣсь повторять этого

не станемъ. По нашему мнѣнію этому не помогутъ полумѣры, ни проволочки, ни палліятивы; даже самые благонамѣренные люди не спасутъ отъ бѣдствія. Эти послѣдніе истратятъ свою популярность на бездѣлье, ибо при самомъ благомъ намѣреніи, дѣлать добро они будутъ не въ состояніи. Поэтому мы утверждаемъ, что зло проникло гораздо глубже чѣмъ полагаютъ, что оно заключается въ самомъ принципѣ настоящаго режима, и червь, который подточиваетъ Россію и погубитъ ее, это — бюрократія. Ибо даже въ наше время можно еще переносить власть хотя неограниченную, но отеческую, справедливую и снисходительную. Подъ такимъ режимомъ государство можетъ еще преуспѣвать, ибо государь, какъ первое лицо въ государствѣ, болѣе всего заинтерессованъ въ его сохраненіи. Но когда одна какая нибудь каста эксплоатируетъ достояніе государства, она ищетъ не его блага, а по необходимости заботится о своихъ спеціальныхъ выгодахъ, такъ какъ оно представляетъ партію исключительную, у которой свои матеріальные интерессы, обеспеченные тѣмъ, что власть въ ея рукахъ. Такъ всегда было когда у власти находилась какая нибудь исключительная аристократія, такъ въ наше время во всѣхъ странахъ поступаетъ всякая бюрократія.

Однако между этими двумя режимами всегда существовало очень значительное различіе. Аристократы поддерживали свой авторитетъ рыцарскою преданностью общественному дѣлу, что составляло для государства нѣкоторое вознагражденіе. Между тѣмъ какъ бюрократы, преслѣдуя лишь свой матеріальный интерессъ, своею жадностью и постоянной продажностью, всегда доказывали намъ свою общественную несостоятельность.

Такимъ образомъ, когда правительство чрезмѣрно сосредоточиваетъ управленіе въ единственномъ центрѣ,

оно въ самомъ дѣлѣ способствуетъ собранію въ одно всѣхъ рессурсовъ страны, которыми пользуется и которыми злоупотребляетъ лишь этотъ общественный паразитъ.

Чтобы достигнуть этой цѣли, національнымъ стремленіямъ противопоставляется цѣлая система нивеллирующей демократіи, подъ названіемъ „цезаризма,“ которая, надѣляя политическими правами будто всѣхъ, въ сущности не дозволяетъ пользоваться ими никому. Но нивелировка, по отношенію къ равенству, то же, что деспотизмъ по отношенію къ свободѣ, ибо она давитъ и уничтожаетъ способности и естественныя положенія, которымъ равенство напротивъ открываетъ поприще. Бѣдственная черта настоящаго режима состоитъ именно въ томъ, что онъ проводитъ одинъ уровень надо всѣмъ, что находится внѣ привилегированнаго класса, низводя, посредствомъ самаго прискорбнаго неравенства, силу на степень слабости и обращая въ ничто всякое достоинство.

Мы полагаемъ, что централизація не приноситъ ни мало пользы ни общему благосостоянію, ни даже самой Династіи, ибо ничто такъ не облегчаетъ водворенія республиканскаго равенства, какъ безусловная и всеобщая нивеллировка. Она не облегчаетъ даже исполненія законовъ, которые, исходя изъ единственнаго центра, часто встрѣчаютъ въ своемъ примѣненіи неожиданныя затрудненія и могутъ оскорблять самыя лойяльныя стремленія, къ которымъ снисходительная справедливость должна бы отнестись съ предусмотрительнымъ терпѣніемъ и надлежащимъ уваженіемъ. Между тѣмъ какъ административная децентрализація, направляя мысли гражданъ къ мѣстнымъ дѣламъ, внушаетъ имъ вмѣстѣ и любовь къ общественному дѣлу, заставляетъ ихъ обращать вниманіе на положительные интерессы, и вмѣсто того, чтобы за

ниматься безплоднымъ изслѣдованіемъ общихъ принци-
повъ, побуждаетъ ихъ заботиться о водвореніи повсе-
мѣстнаго благосостоянія и упроченіи общественнаго по-
рядка. По нашему мнѣнію, такой режимъ для Россі
тѣмъ необходимѣе, что неизмѣримыя ея пространств
дѣлаютъ контроль центральной власти совершенно не
достаточнымъ. Поэтому, удовлетворить справедливы
желанія націи, для того, чтобы обеспечить государств
общественную тишину, составляетъ обязанность Ди-
настіи.

Въ такомъ именно смыслѣ мы намѣрены вести наше
изслѣдованіе.

§ 1.

Въ Россіи всѣ такъ привыкли къ постоянному офи-
ціальному почину правительства во всемъ, что почти
ожидаютъ отъ него исполненія даже невозможнаго. Уди-
вительный фетишизмъ; всякой легальной формулѣ мы
приписываемъ особенную и внутреннюю обязательную
силу, а официіальной печати качества почти сверхестест-
венныя. По несчастью, такая вѣра въ неограниченно
могущество официіальной машины не болѣе, какъ грубо
заблужденіе, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ когда вмѣ-
шательство законодателя не имѣетъ успѣха, оно н
только безполезно, но даже иногда бываетъ положительн
вредно, такъ какъ законъ въ концѣ часто производит
дѣйствіе противоположное тому, которое произвести был
долженъ. Послѣдствіемъ официіальнаго вмѣшательств
въ обществѣ бываютъ часто неисчислимыя усложненія
По естественному теченію дѣлъ, кромѣ послѣдствій та-
кого вмѣшательства очевидныхъ и близкихъ, появляютс
еще послѣдствія отдаленныя, причиняющія, правда, вред
не столь очевидный, но которыя, еслибъ мы могли из-
мѣрить ихъ дѣйствіе въ будущемъ, показались бы нам

можетъ быть, еще тяжелѣе. Вотъ почему вопросъ не въ томъ, достанетъ-ли у правительства довольно знанія для того, чтобы умѣть исполнить различныя обязанности, которыя на него часто налагаетъ мѣстная нетерпѣливость, но скорѣе въ томъ, дозволитъ ли ему сдѣлать это, даже при достаточномъ знаніи дѣла, сама его природа? Такимъ образомъ здѣсь мало желать, надо еще быть въ состояніи сдѣлать. Допустивъ даже, что правительство вполнѣ способно исполнить эту обязанность, все таки механизмъ его администраціи, скажу почти безличный, слишкомъ многосложенъ. Официіальная машина привыкла къ медленности, ей недостаетъ почина, зачастую она не искуссна, а болѣе всего она дорого стоитъ. Отличаясь въ этомъ отъ частной дѣятельности и не обладая надлежащей гибкостью, официіальная машина, не обращая вниманія на измѣнчивость обстоятельствъ, медленно тащится по избитой и освященной рутиной дорогѣ. Съ такою костностью не легко справиться можетъ даже могущественное общественное мнѣніе. Тѣмъ болѣе это невозможно у насъ, гдѣ до настоящаго времени вліяніе націи было совершенно ничтожно, и тѣмъ прискорбнѣе появленіе этого призрака неблагоразумнаго режима, который, накопляя колебанія, сомнѣнія и предразсудки, старается затормозить всякій прогрессъ и держитъ общественную жизнь въ традиціонной колеѣ потому именно, что не довѣряетъ общественному почину. Въ обыденной жизни, рутинѣ безъ сомнѣнія слѣдуютъ всѣ люди. Но у отдѣльнаго человѣка съ этимъ легко справляется его личный интерессъ, между тѣмъ какъ въ публичной администраціи, этотъ чрезмѣрно консервативный инстинктъ, не подчиненный никакому индивидуальному интерессу, дѣйствуетъ вполнѣ свободно и часто приводитъ къ бѣдственнымъ и нелѣпымъ результатамъ. Если бы еще всѣ чиновники были надежны; это необходимо прежде всего.

Безъ сомнѣнія, если бы можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что весь персоналъ чиновниковъ состоитъ изъ лицъ отборныхъ, это бы много говорило въ пользу офиціальнаго вмѣшательства; но если судить такъ, то и деспотизмъ имѣетъ свои выгодныя стороны, стоитъ лишь отыскать хорошаго деспота.

§ 2.

Однако, если мы желаемъ ясно видѣть различіе между двумя методами удовлетворенія общественныхъ потребностей: одной — офиціяльной или искусственной, другой — естественной, основанной на мѣстномъ починѣ, недовольно знать недостатки одной, надо еще обратить вниманіе на достоинства другой. Достоинства эти многочисленны и важны. Прежде всего, всякое частное предпріятіе находится въ тѣсной зависимости отъ общественной потребности, которая его породила. Если усиліе соотвѣтствуетъ потребности, то есть, предложеніе спросу, то предпріятіе это укореняется и благоденствуетъ; въ противномъ случаѣ оно умираетъ отъ истощенія. Кромѣ того, что новыя учрежденія исчезаютъ, когда они излишни, но перестанутъ существовать и старыя, когда ихъ задача исполнена. И какъ эти учрежденія, возникшія произвольно, развиваются сообразно потребностямъ и достигаютъ необходимыхъ размѣровъ, то та же сила, которая вызвала ихъ существованіе, понуждаетъ ихъ искать вѣтви по всѣмъ направленіямъ тамъ, гдѣ это можетъ оказаться полезнымъ. Силы частныхъ лицъ на первыхъ порахъ часто кажутся ничтожными, а между тѣмъ свѣтъ удивляется чудесамъ, которыя ежедневно совершаетъ частная иниціатива. Это доказывается болѣе всего тѣмъ, что даже въ дѣйствіяхъ, спеціально предоставленныхъ офиціальному почину, правительство постоянно прибѣгаетъ къ дѣятельности частныхъ лицъ. Ибо опытъ дока-

залъ, что государство — худшій изъ всѣхъ собственниковъ, худшій фабрикантъ, худшій купецъ, словомъ самый худой изъ администраторовъ, что бы ни было предметомъ администраціи. Но недовольно сказать, что для того, чтобы свободно и безъ шума исподоволь удовлетворять требованія общественной жизни, необходимо расчитывать на жизненныя силы самаго общества. Недовольно сказать, что всѣ пробѣлы будутъ дѣйствительно заполнены этими естественными средствами, между тѣмъ какъ искусственными пріемами производится лишь поверхностная замазка. Надо сказать болѣе, а именно: доколѣ потребности общества не будутъ удовлетворяться средствами естественными, онѣ не будутъ удовлетворены никогда; ибо нѣтъ ни одного человѣка, нѣтъ ни одного собранія людей, которые могли бы, по одному лишь обзору общества, узнать въ чемъ оно нуждается. Поэтому необходимо позволить обществу, о дѣйствительныхъ своихъ нуждахъ заявлять самому. Для разрѣшенія этого вопроса надо обращаться къ свободѣ, а не къ офиціальной рутинѣ, ибо возмужалый народъ долженъ быть всѣмъ обязанъ самому себѣ. Граждане будутъ способны пособить себѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе будетъ имъ пособлять государство; и на оборотъ, способности на самопомощь у нихъ будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ государство станетъ помогать имъ болѣе. Ибо по самой природѣ вещей, искусство помогать себѣ самому пріобрѣтается лишь изъ одного источника: изъ привычки къ самопомощи, а незнаніе этого искусства происходитъ единственно изъ непривычки имъ пользоваться.

§ 3.

Прошло уже пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали много говорить о децентрализаціи. Всѣ благоразумные и умѣренные люди думаютъ, что центра-

лизація для правительствъ быть можетъ опасною, въ особенности для правительствъ монархическихъ неограниченныхъ; а тѣмъ еще болѣе для Россіи, гдѣ неизмѣримыя пространства стѣсняютъ центральную дѣятельность и осуждаютъ ее на непроизводительный трудъ въ канцеляріяхъ, трудъ косный, ни къ чему негодный и зачастую для интерессовъ различныхъ провинцій вредный. Поэтому правительство наше, если желаетъ быть полезнымъ, должно децентрализироваться, а чтобы достигнуть этой цѣли есть одно лишь средство: это — вызвать къ жизни общественной провинціальныя знаменитости, на которыя центральная власть могла бы опереться. Это тѣмъ болѣе неизбѣжно, что исторія поучаетъ насъ, что если какое либо правительство пало вслѣдствіе революціоннаго движенія, то это случилось потому что оно не умѣло создать вокругъ власти народныхъ силъ, чуждыхъ всякаго духа партій, всякой политической заботы, которыя служили бы ему фундаментомъ и охраняли бы его въ провинціяхъ отъ опасности революціи всегда могущей угрожать въ столицѣ.

Но всякій разъ, когда рѣчь заходила о децентрализаціи, обнаруживались два рода опасности: прежде всего боялись, чтобы не дать власти въ руки людей, не обладающихъ ни знаніями, ни вліяніемъ, достаточными для того, чтобы пользоваться ею успѣшно; второе, боялись чтобы неприсвоить мѣстнымъ властямъ значенія политическаго, что могло бы вызвать стѣсненіе дѣятельности власти центральной. Поэтому, для избѣжанія этихъ неудобствъ, необходимо въ провинціяхъ отыскивать личности съ высшими способностями и пользующіяся вліяніемъ, и поручить имъ обширную власть административную, запретивъ въ тоже время всякое вмѣшательство въ политику; дозволить имъ разсуждать о мѣстныхъ ин

трессахъ, но запретить изслѣдовать общій ходъ правительства.

То есть, вмѣсто того, чтобы по своему желанію и сообразно удобству министровъ, назначать чиновника, по необходимости временнаго, который бы рѣшалъ о нуждахъ провинціи, которой онъ даже знать не въ состояніи, лучше и выборъ чиновниковъ, и контроль администраціи предоставить мѣстному населенію. Ибо какъ только всѣ вліятельныя лица провинціи примутся за дѣло рѣшительно, пожелаютъ узнать настоящіе мѣстные интерессы и станутъ стараться ихъ удовлетворить, тогда политическіе вопросы изчезнутъ изъ обыденныхъ разсужденій, гдѣ имъ не мѣсто. Впослѣдствіи, во всей странѣ образуются группы личностей интеллигентныхъ, радѣющихъ о благѣ своихъ согражданъ и полагающихъ все свое честолюбіе въ томъ, чтобы для этого блага трудиться съ успѣхомъ. Мѣстная жизнь удовлетворитъ потребность дѣятельности, пожирающую столькихъ людей и толкающую ихъ въ оппозицію лишь потому, что они не могутъ въ оффиціальной сферѣ свободно и независимо употреблять въ дѣло свои способности.

Вѣроятно, такія естественныя соображенія послужили поводомъ ко введенію земствъ въ Россіи. Но духъ недовѣрчивости, которую центральная власть всегда высказывала къ мѣстному самоуправленію, постоянная боязнь правительства, чтобы въ странѣ не появились личности со значительнымъ вліяніемъ и пользующіяся большимъ довѣріемъ помимо его, не дозволили этому учрежденію принести всей пользы, которой отъ него ожидать слѣдовало. Вмѣсто того, чтобы вызывать мѣстную жизнь, съ нѣкоторыхъ поръ, напротивъ, стараются стѣснять ея развитіе.

Со всѣмъ тѣмъ, что учрежденіе существуетъ, оно уже отдало неоспоримыя услуги, и было бы неблаго-

дарностью, не признавать теперь всего добра, которое оно сдѣлало; но однако ничего прочнаго оно не создало.

Въ этомъ виновато правительство, виноваты и граждане. Эти послѣніе никогда не хотятъ безъ посторонняго побужденія заняться своими дѣлами дружно и рѣшительно. Казалось бы, что имъ по сердцу лишь трудъ вынужденный. Они сильно желаютъ имѣть права, но не столько для того, чтобы ими пользоваться, сколько для того, чтобы быть въ правѣ жаловаться, когда этимъ правамъ что либо угрожаетъ. Они бы почти желали, чтобы ихъ дѣла устроивало само правительство, оставивъ себѣ въ утѣшеніе, если дѣла будутъ устроены дурно, пріятное времяпровожденіе: критиковать его мѣропріятія.

§ 4.

Есть люди, думающіе, что слово децентрализація составляетъ знамя, подъ которымъ собираются всѣ элементы оппозиціи, соединившіеся съ цѣлью низверженія существующаго правительства. Этимъ людямъ мы совѣтуемъ искать поученія въ исторіи всѣхъ странъ за послѣднее столѣтіе. Всѣ приверженцы только что провозглашенныхъ тогда либеральныхъ идей, желавшіе въ то же время посвятить служенію и упроченію монархіи свои знанія, свое время и свою жизнь, понимали, что власть, если желала удержаться, должна была децентрализировать дѣятельность своей администраціи. Всѣ они вездѣ и всегда полагали, что создать посредствомъ рѣшительной политики примиренія великую партію консервативную и вмѣстѣ либеральную, дать ей въ провинціяхъ преобладающее вліяніе и значительно расширить кругъ дѣйствія мѣстной администраціи и самоуправленія, было лучшимъ средствомъ укрѣпить въ странѣ преданность монархіи. Происшествія всегда оправдывали эти

вѣрныя предположенія; они также доказали, что провинціяльныя собранія никогда не злоупотребляли дарованными имъ правами для того, чтобы причинить центральной власти какое либо политическое стѣсненіе. Такъ точно и теперь; что побуждаетъ всѣхъ просить Государя сдѣлать новый шагъ на пути прогресса? Побуждаетъ-ли къ этому желаніе создать Ему среди земства придирчивую оппозицію, способную стѣснить дѣятельность центральной власти? Никто этому не повѣритъ. Напротивъ, побуждаетъ къ этому искреннее желаніе водворить въ Россіи порядокъ и сообщить ей прочность, а правительству — дѣйствительныя силы для борьбы со всякой революціей, которая могла бы ей угрожать въ будущемъ.

§ 5.

Но еще больше: если административная децентрализація казалась въ Россіи полезной при неограниченномъ правленіи, то при правленіи представительномъ она безусловно необходима. Центральная власть вездѣ и всегда почитаемая за всевѣдающую, которая однако и не смотря ни на что, ошибается очень часто, какъ скоро ей придется имѣть дѣло съ мелкими подробностями, у насъ тѣмъ болѣе подвержена ошибкамъ, что наши неизмѣримыя пространства порождаютъ великое различіе противуположныхъ другъ другу интерессовъ, которыхъ ни знать, ни сосредоточить въ единственномъ центрѣ центральной власти рѣшительно невозможно. Если въ настоящее время возможно отрицать потребности, о которыхъ правительство не знаетъ, то равно возможно прикрыть густымъ покровомъ всѣ непредвидѣнныя разочарованія и бѣдственныя обольщенія. Но при свободномъ образѣ правленія, правительство будетъ всегда вынуждено объяснить публично всякое свое

дѣйствіе, могущее подать поводъ къ осужденію тѣмъ болѣе справедливому, что высшіе администраторы необходимо будутъ отвѣтственны за поступки своихъ подчиненныхъ.

При настоящемъ режимѣ, когда нужно лишь заботиться о личномъ интерессѣ Государя, интерессъ этотъ допускаетъ еще нѣкоторое послабленіе повиновенія, такъ какъ онъ дозволяетъ, чтобы ему служили всѣ различныя мнѣнія, сохраняя при томъ всякое свой собственный характеръ. Отъ этого, правда, происходитъ нескладность въ примѣненіи законовъ, но личные пріемы, подъ вліяніемъ различныхъ стремленій, часто смягчаютъ все, что въ постановленіяхъ закона можетъ быть противно принципамъ отдѣльныхъ личностей или вредно національному интерессу различныхъ мѣстностей. Такая пассивная оппозиція обыкновенно центральной властью не замѣчается, такъ какъ даже часть ея искусства заключается въ томъ, чтобы пользоваться однообразною покорностью, не обращая вниманія на разнообразіе причинъ, побуждающихъ къ ея заявленію.

Между тѣмъ кратковременное господство всякаго министерства часто сопровождается большею или меньшею угодливостью какой нибудь партіи. Въ наше время естественно легко не подчиняться факціямъ, это не составляетъ даже большой заслуги; но однакожъ времена могутъ измѣниться, и если придется по неволѣ подчиниться какой либо факціи, она можетъ показаться суровой и требовательной. Тогда то именно надо будетъ отрѣчься отъ прежнихъ дружескихъ связей, покорно дозволить, хотя бы временно, позорить все, что прежде чествовалось и почиталось, усвоить себѣ весь духъ факціи съ ея нетерпимостью, отрицать все, къ чему она питаетъ отвращеніе, то есть быть несвободнымъ во всѣхъ своихъ, даже самыхъ скоропроходящихъ

ечатлѣніяхъ. Министры иногда могутъ думать, что ъ высокое положеніе даетъ имъ лично возможность бѣгнуть такой зависимости, но несомнѣнно, что они дутъ принуждены требовать ея отъ своихъ подчиненхъ и, такимъ образомъ, сами будутъ способствовать иженію ихъ характера.

При неограниченномъ режимѣ, взысканія по службѣ чиновниковъ повидимому строги, но по странному отиворѣчію, къ этой строгости примѣшана нѣкоторая ля свободы. Поэтому, какъ у насъ лица всегда имѣтъ больше значенія, нежели принципы, то чиновники, и они не ослѣплены нелѣпой ревностью, могутъ егда хвалиться, что они употребили нѣкоторую кротъ и благосклонность въ исполненіи приказаній, о корыхъ разсуждать никто не имѣлъ права. Этимъ они гутъ пріобрѣсти къ себѣ сочувствіе и много уваже. Они представляютъ власть возвышенную, не боююся нападенія и постоянную въ своемъ направленіи, потому они пользуются нѣкоторымъ родомъ аристотическаго вліянія. Поэтому они могутъ проявлять ой авторитетъ не одними лишь офиціальными прикаіями, такъ какъ и ихъ совѣтамъ всегда станутъ поноваться по самому уже почтенію къ ихъ личности. потому, что они составляютъ все таки нѣкоторую рантію, когда нѣтъ никакой другой, если только успѣли обрѣсти публичное уваженіе.

Но при конституціонномъ образѣ правленія, коль оро дозволено имѣть собственное мнѣніе и его объявть, когда почтеніе къ величію государя совмѣстимо правомъ порицать его совѣтниковъ, какое можетъ ть положеніе людей, которымъ ихъ должность запреетъ имѣть какое либо сужденіе о дѣлахъ ихъ отетва? Но это бы еще не значило ничего, если бы, аничиваясь исполненіемъ обязанностей своей долж-

ности, сохраняя честное безпристрастіе къ политическимъ мнѣніямъ, увѣренные по совѣсти, что ихъ труды приносятъ пользу общественному порядку, они на нѣкоторое время удерживались отъ критики. Поступая такимъ образомъ, они конечно не пріобрѣли бы славы за независимость своихъ гражданскихъ добродѣтелей, но удостоились бы всеобщаго почтенія за честное исполненіе обязанностей своего званія. Именно это даже не будетъ имъ дозволено, такъ какъ министръ будетъ требовать, чтобы вліянія и авторитетъ чиновниковъ были употреблены ради его личной выгоды, въ интерессахъ и для охраненія партіи, къ которой принадлежитъ онъ самъ. Такимъ образомъ, агенты администраціи сдѣлаются надзирателями надъ мнѣніями, ибо министръ будетъ желать больше всего, чтобы собраніе свободныхъ голосовъ гражданъ было лишь административной операціей, въ родѣ исполненія воинской повинности или взыманія податей. Все войско чиновниковъ получитъ электральный лозунгъ съ тѣмъ, чтобы участвовать въ избирательныхъ маневрахъ, и даже станутъ требовать, чтобы всякій изъ нихъ по своей возможности употребилъ всѣ усилія для распространенія, посредствомъ убѣжденій, рѣшенія, угоднаго власти. Такимъ образомъ будетъ необходимо, чтобы всѣ поступки и рѣчи чиновниковъ согласовались съ интерессами и желаніями современнаго министра и господствующей партіи. Чиновникъ боязливый принужденъ будетъ взвѣшивать всѣ свои слова, ибо доносъ и за нимъ недобровольная отставка будутъ его устрашать и угрожать ему безпристанно. Онъ неловко удалится отъ общества, среди котораго живетъ, все въ его сношеніяхъ сдѣлается неловкимъ, коснымъ и офиціяльнымъ, онъ въ этомъ потихоньку будетъ извиняться, съ нетерпѣніемъ ожидая, чтобы перемѣна министерства дозволила ему быть болѣе свободнымъ въ обращеніи со своими согражданами.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище можетъ быть болѣе жалкимъ, какъ то, которое представляетъ напримѣръ губернаторъ, сообщающій всѣмъ окружающимъ его чиновникамъ чувство неопредѣленнаго страха, который онъ самъ испытываетъ; наивно угрожающій имъ всѣмъ своимъ напускнымъ негодованіемъ, котораго нисколько не чувствуетъ и которому служитъ лишь невольнымъ выраженіемъ; требующій ихъ содѣйствія принципамъ, которые годъ тому назадъ ему повелѣно было устранять; не знающій какъ принимать вліятельныхъ лицъ, какъ тѣхъ, которыхъ онъ былъ прежде союзникомъ, такъ и тѣхъ, съ которыми повелѣно ему сблизиться сегодня; не смѣющій принять руки однихъ и стараясь привыкнуть къ другимъ; и все какъ можно осторожнѣе и бережливѣе! Потому, какъ знать, не придется ли скоро возвратиться къ прежнему направленію или по крайней мѣрѣ ловко къ нему наклониться? Былъ онъ, правда, въ столицѣ, желая получить болѣе точныя инструкціи, но не могъ добиться ничего положительнаго, — тамъ даже избѣгали всякихъ точныхъ объясненій и ограничивались одними лишь общими или двусмысленными наставленіями. Онъ возвратился еще въ большемъ затрудненіи, чѣмъ прежде, и это затрудненіе такъ замѣтно, что бросается въ глаза даже „становому,“ который, возвратясь изъ губернскаго города, не замедлитъ надъ нимъ насмѣхаться.

§ 6.

Что же изъ этого слѣдуетъ заключить? Что министерскіе чиновники должны быть въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствій совершенно независимы и имѣть право явно перечить направленію принятому главными лицами административной іерархіи? Конечно, нѣтъ. Это былъ бы безпорядокъ другаго рода. Но ясно, что растянуть на всю имперію сѣть раболѣпной администраціи,

значитъ пресѣчь всякое общеніе между правительствомъ и гражданами, отказаться отъ нравственнаго вліянія на народъ, вліянія гораздо желательнѣе всякаго офиціальнаго воздѣйствія, это значитъ, уронить власть въ общественномъ мнѣніи и лишить ее почтенія, которое составляетъ первѣйшую ея потребность.

Интерессъ національной Династіи состоитъ не въ томъ, чтобы облегчать всѣ будущія министерскія уловки, но скорѣе въ томъ, чтобы принаровить свою судьбу къ специяльнымъ потребностямъ націи, мы бы должны сказать къ потребностямъ различныхъ странъ, которыя историческая необходимость сплотила въ одно государственное единство. Разъ допустивъ общій принципъ политической свободы, надо ему предоставить функціонировать, худо-ли, хорошо-ли, въ центральной власти; тамъ его идеальная область. Но дѣйствительная жизнь провинцій будетъ всегда стремиться къ осуществленію спеціальнаго права и обязанности жить и дѣйствовать для возможно большей пользы различныхъ мѣстностей, то есть, къ пріобрѣтенію возможно большаго, всеобщаго матеріальнаго благосостоянія. Поэтому, чѣмъ больше въ провинціяхъ будетъ общинныхъ и муниципальныхъ вольностей, тѣмъ менѣе ихъ жители будутъ имѣть охоты заниматься безполезными препирательствами за принципы, воспламеняющими обыкновенно воображеніе людей, когда они стѣснены у себя дома какими либо существующими или ожидаемыми преградами. Но какъ въ провинціяхъ на счетъ политическихъ правъ, уже пріобрѣтенныхъ, будутъ спокойны, то принципіяльными обобщеніями, нарушающими покой Олимпа, будутъ интерессоваться тѣмъ еще менѣе, что всѣ будутъ лично заняты развитіемъ мѣстныхъ учрежденій, полезность которыхъ очевидна.

Поэтому династическій интерессъ требуетъ, чтобы всѣ заботы и трудности политическихъ преній въ сто-

лицахъ, со всѣми ихъ обольщеніями и разочарованіями, оставить министрамъ, а лучше заняться мѣстной жизнью въ провинціяхъ, которыя всегда будутъ благодарны за свободы, пріобрѣтенныя по милости и справедливости Короны, не смотря на бюрократическое сопротивленіе центральной власти. Отношенія между Короной и подданными устроятся тогда свободно вездѣ, гдѣ это будетъ возможно, и, какъ агенты администраціи будутъ отвѣтственны передъ мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ, а не единственно передъ своимъ начальствомъ, то въ провинціяхъ на мѣсто толпы подчиненной и не имѣющей корня въ націи, появится классъ людей многочисленный, почитаемый и полезный странѣ, правда, менѣе зависимый отъ приказаній и направленія министровъ, но преданный коронѣ и готовый всегда, какъ скоро она была бы въ опасности, явиться ей на помощь, со всей своей силой и всѣмъ своимъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ, задача должна состоять не въ томъ, чтобы наводнять Россію множествомъ чиновниковъ, которыхъ необходимо или постоянно отрѣшать отъ должности, или держать въ униженіи, но въ томъ, чтобы узнать и принять свободно общность интерессовъ, съ аристократіей личностей, которыхъ превосходство признаютъ граждане. Въ тотъ день, когда Династія убѣдится въ этой истинѣ, ясной для насъ какъ дневный свѣтъ, когда она убѣдится, что люди знаменитые въ своей странѣ никогда не сдѣлаютъ революціи, печальныя послѣдствія которой постигли бы ихъ первыхъ, когда она будетъ увѣрена, что довѣряя этимъ людямъ обширныя административныя полномочія, доставляя имъ возможность быть полезными своимъ гражданамъ, она тѣмъ самымъ сильно ихъ къ себѣ привяжетъ и отниметъ у нихъ всякій предлогъ къ жалобамъ, ибо какъ они обязаны заботиться о своихъ дѣлахъ сами, то всякая съ

ихъ стороны критика была бы порицаніемъ собственныхъ ихъ дѣйствій, — лишь въ тотъ день мы вступимъ на путь обширной и истинной децентрализаціи, и тогда нельзя уже будетъ утверждать, что децентрализація значитъ перенесеніе министерской власти на губернаторовъ.

§ 7.

Могло бы почти казаться изъ нашихъ выводовъ, что преобладающую роль въ администраціи мы приписываемъ дворянству разныхъ провинцій, такъ какъ во всѣхъ странахъ на немъ лежитъ обязанность гражданскаго самоотверженія, даже тамъ, гдѣ оно не пользуется никакимъ первенствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, по нашему мнѣнію эти два положенія нераздѣльны: нѣтъ причины существованія дворянства, если на немъ не лежитъ долгъ заботиться о мѣстныхъ интерессахъ, точно также какъ дѣйствительныя общинныя свободы не могутъ существовать, если нѣтъ вліятельныхъ знаменитостей, готовыхъ употребить свой долгъ и посвятить свои заботы интерессамъ своихъ согражданъ.

По несчастью, въ Россіи, со времени введенія „чиновъ,“ званіе дворянина чаще всего пріобрѣталось искусственной способностью къ прибыльной работѣ или выгоднымъ раболѣпствомъ, чѣмъ личнымъ достоинствомъ или благороднымъ самоотверженіемъ; поэтому и вліяніе этого сословія сдѣлалось лишь мнимымъ, такъ какъ доступъ къ нему сталъ слишкомъ легкимъ. Впрочемъ что касается національнаго вліянія, то пользоваться имъ никогда не можетъ цѣлое сословіе, вся облагороженная толпа, но, по самой природѣ вещей, лишь лучшія личности изъ ея среды, болѣе всего самостоятельныя, то есть, не все дворянство, но одна лишь „аристократія.“ Но новѣйшая исторія Россіи доказываетъ намъ, что

можно имѣть дворянство и не имѣть вліятельной аристократіи. Это отъ того, что неограниченной власти нѣтъ ничего противнѣе національной аристократіи; она никогда не можетъ служить орудіемъ рабства. Это также отъ того, что въ дворянствѣ истинно и полезно лишь то, къ чему его обязываетъ прирожденное чувство чести, то есть то именно, что ни мало не зависитъ отъ воли Государя. Но никакая человѣческая власть не въ силахъ надѣлить кого либо ни личной славой, ни очарованіемъ воспоминаній. Правительство можетъ обогатить человѣка, сдѣлать его могущественнымъ, и тѣмъ доставить ему возможность облагородиться въ общемъ мнѣніи; но едва-ли правительственная канцелярія, желая это мнѣніе констатировать дипломомъ, не будетъ нѣкоторымъ образомъ способствовать его измѣненію. Это потому, что въ этомъ случаѣ государь, находя себя недостаточно украшеннымъ собственной славой или собственнымъ могуществомъ, желаетъ повидимому, чтобы дворянство и титулы служили прикрасами его порфиры. Пожалованное отличіе, и тѣмъ еще больше, если злоупотребляется его предполагаемымъ обаяніемъ, вырождается такимъ образомъ въ пустое подобіе или въ театральное представленіе, отнестись серьёзно къ которому само даже правительство не въ состояніи. Впрочемъ, естественнымъ послѣдствіемъ этой обыкновенной и часто бѣдственной миссіи бываетъ, что жалуется значеніе безъ должности и возвышеніе безъ вліянія. Такимъ образомъ возбуждается и образуется лишь тщеславіе, но никакъ не общественный духъ; ибо можно даровать привилегіи, даже очень значительныя, если поводомъ къ этому служитъ общій интерессъ, но безполезно и часто даже вредно жаловать привилегіи самыя малыя, если онѣ лишены всякаго основанія.

§ 8.

Всѣ неограниченныя монархіи всегда привлекали дворянъ ко двору и къ службѣ, не столько для поддержанія этого сословія, сколько для того, чтобы оно не находилось внѣ вліянія правительства и чтобы отнять у него возможность порицать дѣйствія власти. Въ Россіи было еще хуже; съ давнихъ временъ владѣніе землею, „тягло", было соединено съ разными повинностями и службой, часто даже очень обременительной. Возможность достигнуть дворянскаго званія посредствомъ канцелярской службы, равно какъ и обязанность служить лично, хотя и отмѣненная закономъ, но всегда при послѣднихъ Императорахъ поддерживаемая правительствомъ нравственно, повліяли на привычки деревенскаго дворянства и побудили его мало жить въ деревнѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что для увеличенія благосостоянія своихъ семействъ, дворяне не прибѣгали къ медленному и постоянному труду земледѣльческому, но стали надѣяться на недозволенныя или законныя выгоды государственной службы. Эта привычка такъ вкоренилась во всѣхъ умахъ, что особенно послѣ отмѣны крѣпостнаго состоянія, когда условія земледѣльческаго производства сдѣлались тягостнѣе, абсентеизмъ дворянства сдѣлался всеобщимъ. Дворяне привыкли жить на счетъ государства изъ болѣе или менѣе значительнаго жалованія, которое при томъ стараются получить скорѣе по особенной милости, чѣмъ за дѣйствительныя заслуги. Въ деревнѣ остается лишь тотъ, кто оставитъ ее не въ состояніи. Нравы разслабляются, живется со дня на день, то есть пріобрѣтается бюрократическая привычка жить на счетъ управляемыхъ. Но деревенская жизнь дворянъ должна бы скорѣе побуждать ихъ къ благородной простотѣ нравовъ, а исторія доставляетъ намъ доказательства, что удаленіе отъ великаго свѣта нигдѣ не убивало

сердца дворянства и не дѣлало его нрава грубымъ. Поэтому лишь занимая такое положеніе, дворянство можетъ сохранить свое достоинство, свою независимость и возможность благороднаго покровительства, которое при новыхъ обстоятельствахъ должно составлять единственное его превосходство. Если мы такъ негодуемъ на привычный абсентеизмъ большихъ собственниковъ въ Россіи, то это потому, что онъ лишаетъ деревни центра попечительства, призрѣнія и улучшеній земледѣлія, а это не только не способствуетъ сближенію сословій, но напротивъ ихъ разъединяетъ, усиливаетъ прискорбныя и дурнаго качества вліянія и заставляетъ жителей, за недостаткомъ хорошихъ примѣровъ, держаться рутины, или по не имѣнію достаточнаго заработка, нанимать земли по цѣнамъ непомѣрнымъ. Но если политическое вліяніе большихъ собственниковъ можетъ въ государствѣ быть полезно, то ихъ вліяніе экономическое въ Россіи, способствующее введенію раціональнаго и интенсивнаго земледѣлія, тѣмъ болѣе необходимо. Поэтому, аристократія въ новѣйшей цивилизаціи, должна бы происходить отъ аристократіи цивилизаціи прежде бывшей; узы, созданныя временемъ и воспоминаніями, не должны быть порваны, а права и обязанности, хотя вновь пріобрѣтенныя, тѣмъ не менѣе должны вкорениться въ почвѣ, освященной почтеніемъ къ вѣкамъ минувшимъ. Вотъ почему мы съ прискорбіемъ замѣчаемъ, что въ Россіи, тѣ, на которыхъ должна бы прежде всего лежать эта достославная задача, не занимаются своимъ дѣломъ съ достаточнымъ рвеніемъ и, указывая имъ на примѣръ аристократіи въ другихъ странахъ, мы ихъ въ этомъ справедливо и строго упрекаемъ.

§ 9.

Если бы намъ предстояло выразить наше сужденіе

на счетъ общественныхъ отличій въ Россіи, мы бы сказали, что по нашему мнѣнію аристократія благородства должна стоять на равнѣ съ аристократіей интеллигенціи; тѣмъ болѣе, что нынѣ различія между идеями консервативными и либеральными у насъ, такъ какъ въ другихъ странахъ, даже по истинѣ быть не можетъ; потому что однѣ и другія стараться должны убѣдить правительство въ зловредности послѣдствій неограниченнаго режима и совмѣстно общими силами бороться противъ превратныхъ тенденцій бюрократіи и соціализма, ихъ общихъ враговъ. Надо правду сказать, что въ Россіи аристократія противополагается не демократіи. Если бы существовало теперь, или даже прежде, сословіе, котораго привилегіи состояли бы въ ненарушимости правъ, властное составлять собранія, свободно разсуждать, до нѣкоторой степени независимое, способное сопротивляться и защищаться, — если бы, однимъ словомъ, исключительно и на основаніи привилегій, изъ гражданъ состояло бы теперь одно лишь дворянство, остальная же часть націи, третье сословіе, демократія, какъ ее называть угодно, была въ совершенномъ подданствѣ неограниченной власти, въ такомъ случаѣ, противоположность между аристократіей и демократіей существовала бы дѣйствительно: что одна бы выиграла, другая бы теряла. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ одна, такъ и другая, своею условной независимостью обязаны лишь нашимъ современнымъ учрежденіямъ, то есть, относительной благосклонности власти. Такимъ образомъ, всякое уменьшеніе свободы принесло бы пользу не аристократіи, которая ни прежде, ни теперь настоящей силы не имѣла, но было бы лишь приращеніемъ министерской власти, которая старается держать подъ однимъ и тѣмъ же игомъ какъ аристократію, такъ и демократію. Вотъ почему въ русскомъ обществѣ, подведенномъ подъ одинъ уровень, въ сущности демо-

кратическомъ, какъ отсутствіе благородной частицы при фамиліяхъ не дозволяетъ различать фамилій дворянскихъ отъ недворянскихъ, точно также черный фракъ, а особенно интеллигенція, повидимому даетъ въ общественномъ мнѣніи право названіе благороднаго. Поэтому, какъ между общественными сословіями, помимо опредѣленныхъ закономъ категорій, нѣтъ въ дѣйствительности нравственнаго различія, на почвѣ общаго образованія, ни соперничества правъ политическихъ, такъ не можетъ быть и рѣшительной борьбы между враждующими мнѣніями, которыя всѣ бы должны соединиться въ твердомъ намѣреніи, дружно и съобща бороться противъ крайностей и сумасбродствъ деспотической бюрократіи и соціальной демагогіи.

Вотъ почему, при рѣшеніи вопроса о децентрализаціи, которымъ мы здѣсь занимаемся, всѣ искреннія мнѣнія должны бы дружно желать увеличенія правъ „земствъ,“ для того, чтобы облегчить имъ исполненіе ихъ обязанностей.

Вотъ почему важно, какъ для монархіи, такъ и для развитія свободы, вызвать къ жизни мѣстныя, коренныя въ странѣ знаменитости. Наслѣдственное богатство, воспоминанія, значеніе рода и общественнаго положенія, составляютъ основаніе того вліянія, которое обыкновенно называютъ аристократическимъ. Богатство вновь пріобрѣтенное и движимое, значеніе пріобрѣтенное лично, благосклонность публики, признанная ученость и таланты, на оборотъ, доставляютъ вліяніе демократическое. Поэтому, избирательный законъ долженъ допускать равно всѣ эти знаменитости. Тогда именно на аристократію будетъ давать право интеллигенція, а благородство будетъ состоять не въ пользованіи излишними правами, но лишь въ преемственности обязанностей и самоотверженія. Такимъ образомъ, дворянство будетъ составлять званіе,

правда, почетное, но сопряженное съ обязанностями, которое монархическая власть съумѣетъ заставить уважать.

§ 10.

Но есть еще одна черта, соединяющая свободы національныя и свободы общинныя. Вслѣдствіе нашего злополучнаго положенія, намъ придется предоставить обществу имѣть общественное представительство задолго прежде, чѣмъ оно устроится окончательно, чѣмъ оно получитъ средства сознавать себя. Отъ времени до времени мы будемъ собирать гражданъ, другъ отъ друга отчужденныхъ, никогда не имѣвшихъ между собою сношеній, которымъ единственной связью и, вмѣстѣ, основаніемъ ихъ распредѣленія служить будутъ мнѣнія о томъ, о чемъ большая ихъ часть не будетъ имѣть никакого понятія. Тогда они будутъ лишь умѣть вотировать на основаніи всѣхъ обольщеній, которыя могутъ быть вызваны разными интригами. Если же напротивъ на первыхъ порахъ найдутся люди, заслужившіе всеобщее одобреніе за свои успѣшныя дѣйствія на поприщѣ мѣстной администраціи, принесшіе пользу всему, что ихъ окружаетъ, снискавшіе въ своей мѣстности уваженіе и вліяніе, тогда намъ нечего будетъ опасаться, что разные исполнительные комитеты, подпольныя правительства или столичныя газеты, станутъ бороться съ крѣпкими и спасительными привычками провинціи. Тогда вездѣ откроются или вновь образуются мудрыя и опытныя личности, и станутъ заниматься дѣлами своей страны. Если они будутъ въ оппозиціи, какъ они были избраны не потому лишь, что объ ихъ образѣ мыслей шла громкая молва, то имъ не будетъ предстоять прискорбной обязанности пріобрѣтать уличную популярность, что желающему быть избраннымъ, бываетъ иногда необходимо,

если у него нѣтъ другаго способа заявить о себѣ иначе, какъ разсуждая объ общихъ дѣлахъ. Если они помѣстятся на скамьяхъ министерскихъ, они правда не принесутъ гибкаго раболѣпства, но ихъ нельзя будетъ заставить вотировать сегодня одно, а завтра другое; ибо своимъ избраніемъ они будутъ обязаны не вліянію партій, но всеобщему почтенію ихъ личности, которое не выдержало бы долго подобнаго униженія.

Такимъ образомъ для насъ очевидно, что для того, чтобы удержать націю въ разумной тишинѣ, уменьшить число лицъ, занимающихся общей политикой и ничего въ ней непонимающихъ, самый лучшій способъ, ибо онъ никогда не будетъ внушать безпокойства, это — соединить въ одно и перемѣшать личности, пользующіяся по различнымъ поводамъ личнымъ значеніемъ, занимая ихъ мѣстными дѣлами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, чтобы дать имъ средства проявить свою дѣятельность въ публичной жизни, въ которой они, по своимъ дарованіямъ, почитаютъ себя способными. Такимъ именно образомъ умы научатся направлять свою дѣятельность на дѣла положительныя и привыкнутъ сближаться между собою, узнать другъ друга, вмѣсто того, чтобы взаимно поносить себя издали. Граждане научатся быть свободными гораздо лучше посредствомъ дискуссіи интерессовъ, чѣмъ посредствомъ преній о принципахъ; ибо часто полезнѣе защищать противъ злоупотребленій или взяточничества рубли, чѣмъ безсодержательно разглагольствовать противъ власти. Это будетъ способствовать образованію людей, которые, пріобрѣтя довѣріе своей провинціи, принесутъ въ послѣдствіи парламенту дань своей опытности.

Поэтому, въ заключеніе, мы утверждаемъ, что истинной національной свободы не будетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ истинной свободы общинной и муниципальной,

и что доколѣ дѣла націи будутъ управляться по стариннымъ обычаямъ централизаціи, болѣе или менѣе ограниченной или скрытой, мѣстное благосостояніе будетъ исключительнымъ случаемъ, а неудовольствіе будетъ чувствомъ всеобщимъ.

§ 11.

Если мы пожелаемъ изобразить въ общихъ чертахъ теперешнее „земство,“ мы должны согласиться, что предоставленная ему степень власти, для достиженія желанной цѣли была бы совершенно достаточна, если бы послѣдующія ограниченія не дѣлали пользованія, дарованными ему правами совершенно призрачнымъ. Но коренной недостатокъ этого учрежденія составляетъ то, что у него очевидно нѣтъ средствъ для исполненія лежащихъ на немъ обязанностей; и какъ на первыхъ порахъ права земства не были точно опредѣлены, то это естественно подало поводъ позже къ разнымъ бюрократическимъ увертками и оговоркамъ, которыя были бы невозможны, если бы кругъ его дѣйствія опредѣленъ былъ точнѣе. Поэтому, здѣсь важна не столько обширность правъ земства, сколько значительность его средствъ для исполненія требованій закона.

Но кромѣ того, всѣ земства равно стѣснены не только ограниченіями ихъ власти, предѣлами, поставленными ихъ правамъ, но еще и ограниченіемъ круга административной ихъ дѣятельности предѣлами одной лишь губерніи, что въ свою очередь естественно лишаетъ ихъ возможности пріобрѣтенія средствъ для полезнаго примѣненія своихъ правъ, и часто принуждаетъ смежныя земства употреблять разнообразные способы для удовлетворенія однѣхъ и тѣхъ же потребностей. Этотъ дѣйствительный недостатокъ средствъ, въ соединеніи съ притѣснительнымъ попечительствомъ бюрократіи, доводитъ

земства до состоянія ослабленія, отъ котораго страдаетъ общественное дѣло. Причина этому заключается столько же въ уныніи гражданъ, сколько и въ ослабленіи солидарности между смежными губерніями. Поэтому мы полагаемъ, что правительство должно бы освободить земство отъ бюрократическаго попечительства, соединяя при томъ сосѣднія губерніи солидарностью однообразныхъ интерессовъ.

§ 12.

Такимъ образомъ права земствъ были сначала дѣйствительно не ясны, а болѣе всего не точно опредѣлены; ибо что могутъ значить громкія выраженія или сомнительныя очертанія предѣловъ власти, въ родѣ: „поощреніе промышленности" или „наблюденіе надъ первоначальнымъ образованіемъ" въ такой обстановкѣ, при которой все зависитъ отъ благоусмотрѣнія министра? Но ошибка законодателя была тѣмъ болѣе прискорбна, что неопредѣленность выраженій послужила поводомъ къ разнообразнѣйшимъ толкованіямъ даже тѣмъ, которые, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, не имѣли съ начала преобразованія, надо въ этомъ сознаться, въ дѣлахъ никакой опытности.

Цѣль новыхъ учрежденій, по словамъ закона, состояла въ томъ, чтобы „выработать подробности правильной раскладки податей." Но правильное опредѣленіе этихъ подробностей возможно лишь тогда, когда вся податная система основана на ясномъ сознаніи ихъ соразмѣрности съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ общаго благосостоянія. Законъ, за „существенное основаніе распредѣленія податей" принималъ „цѣнность и доходность облагаемой собственности." Но въ тоже время законодатель повидимому игнорировалъ, что вся финансовая система государства основывалась главнымъ обра-

зомъ не на дѣйствительной доходности или цѣнности собственности, но на неслыханномъ обремененіи всего платящаго подати населенія. Законъ установилъ послѣдовательныя законныя инстанціи правительственнаго надзора, но въ тоже время повидимому забылъ, что въ дѣйствительности высшее управленіе новыми учрежденіями поручилось тѣмъ именно людямъ, которые болѣе всего имѣли интересса выказать всю несостоятельность новыхъ принциповъ. Вся эта нерѣшительность и неопредѣленность необходимо вызвала безпрестанныя препирательства съ мѣстной администраціей, которая очень хорошо съумѣла, посредствомъ искусственно разсчитанныхъ замедленій или умолчаній и тенденціозныхъ намековъ, затмить благія намѣренія самаго даже законодателя.

Такимъ образомъ, неуспѣхъ новыхъ учрежденій состоитъ въ томъ, что они очевидно представляютъ возникновеніе новой системы, которая должна бы развиваться прогрессивно и сообразно пріобрѣтенной опытности; ибо общественная жизнь народовъ есть не что иное, какъ непрерывное сцѣпленіе потребностей и правъ; одни основываются на другихъ, точно также какъ необходимость правъ выводится изъ неотложности потребностей и на ней основывается. И такъ, это было преобразованіе рѣшительное, которое провозглашало идеи, идущія въ разрѣзъ съ существующимъ режимомъ. И однако, предлагая общественному легковѣрію какъ бы охотно новые принципы, это повидимому игнорировали. Но при обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ, такое преобразованіе не могло привиться, такъ какъ въ Россіи, по несчастью, нѣтъ законодательной власти независимой, безпристрастной и благосклонной, которой были бы дѣйствительно знакомы мѣстные интерессы, и которая по этому

самому была бы способна развить учрежденія, по необходимости въ началѣ не полныя.

Общественная опасность состоитъ въ томъ, что администрація и земство, дѣйствуя въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ независимо, и принужденные обращаться въ одномъ и томъ же кругу дѣятельности, необходимо должны другъ друга контролировать или взаимно осуждать свои дѣйствія. Эти два различные рода дѣятельности, стремящіяся къ одной и той же цѣли, но съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, должны необходимо порождать частыя административныя пререканія, тѣмъ болѣе, что въ Россіи, на нерѣшительность законодателя можетъ имѣть вліяніе очень естественное невѣденіе мѣстныхъ особенностей.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого ненормальнаго состоянія бываетъ то, что какъ бюрократическія учрежденія сильнѣе земствъ, то правительствующая власть остается за первыми, хотя отвѣтственность за успѣшное веденіе дѣлъ имъ не принадлежитъ, такъ какъ ихъ вліяніе болѣе скрытно, чѣмъ явно. Но какъ отъ самоуправленія законъ требуетъ очень многаго, то предметы его вѣдомства безчисленны, а ему недостаетъ силы исполнить требованія закона, такъ какъ всѣ его постановленія могутъ быть опротестованы или обязательно измѣнены той самой администраціей, противъ прошедшихъ дѣйствій которой оно само повидимому служитъ протестомъ. Отсюда произошло постоянное и угрюмое соперничество, проявляющееся на мѣстѣ выдуманными обвиненіями, скрытной клеветой и взрывами личнаго самолюбія; которыя въ центральной администраціи возбуждаютъ очевидное неудовольствіе на то, что свободныя силы націи усиливаются высказать недостатки существующаго режима. Но какъ бюрократія болѣе чѣмъ когда либо ревностно дорожитъ своими правами, то отсюда про-

исходитъ, что въ высшихъ сферахъ, повидимому, на органы самоуправленія смотрятъ скорѣе какъ на случайное дополненіе, чѣмъ какъ на составную часть общей системы администраціи государства. Безпрестанныя пререканія наконецъ утомляютъ, при всякомъ случаѣ стараются отъ нихъ отдѣлаться и обойти ихъ различными окольными путями, будто придуманными очень искуссно, или прекратить всякіе затруднительные споры новыми прибавленіями къ самому закону, для того, чтобы держать всегда въ рукахъ власть непогрѣшимую, неотвѣтственную и прибыльную. Отсюда происходитъ, что одни всегда обладаютъ въ администраціи властью дѣйствительной, не имѣя никакого видимаго вѣдомства, другіе же имѣютъ въ самоуправленіи воображаемую компетенцію, безъ всякой дѣйствительной власти. Отъ этого дѣла страдаютъ, порядокъ разрушается, а страна несетъ убытки. Очевидно, такое странное положеніе не можетъ продолжаться. Необходимо, чтобы въ цѣломъ кругу провинціяльнаго вѣдомства была одна лишь власть отвѣтственная, хорошо знакомая съ дѣлами и ничѣмъ не стѣсняемая.

Но кромѣ того необходима и высшая дирекція. Вотъ почему можно основательно предполагать, что одно лишь національное представительство въ состояніи объяснить правительству дѣйствительныя потребности населенія, и что лишь общественный голосъ съумѣетъ провести границы между общинными правами и вѣдомствомъ центральной администраціи. До тѣхъ же поръ, пока земства будутъ представлены собственнымъ силамъ, несознающимъ себя и хилымъ, ихъ относительное безсиліе будетъ лишь возбуждать въ завистливо оберегающей вѣковыя свои преимущества администраціи всегдашнія поползновенія къ захватамъ. Въ этой неравной борьбѣ, независимость новыхъ учрежденій, которой полезность

была искренно признана, хотя и недостаточно опредѣлена первоначальнымъ закономъ, необходимо уступитъ наконецъ сосредоточеннымъ силамъ бюрократической администраціи, и то, что намъ казалось либеральнымъ прогрессомъ, сдѣлается окончательно лишь безполезнымъ усложненіемъ, которое будетъ стоить тѣмъ дороже, чѣмъ многочисленнѣе будутъ злоупотребленія.

Вся исторія дѣятельности земствъ, до настоящаго времени, составляетъ лишь печальное повѣствованіе о постоянномъ выжиданіи полученія возможности служить общественному благу и о неопытной благонамѣренности, которой нарочно дозволили преувеличивать свои стремленія до тѣхъ поръ, пока окончательныя ограниченія, вызванныя повидимому вредными заблужденіями, не положили конца всѣмъ надеждамъ и не возбудили всеобщаго разочарованія. Первоначальный законъ, передѣланный въ томъ, что касалась независимости земствъ, составляетъ нынѣ въ дѣйствительности не больше, какъ отяготительное дозволеніе заниматься мѣстными дѣлами, съ обязательнымъ ограниченіемъ быть всегда одного мнѣнія со всемогущею бюрократіей. Это уже составляетъ ложный кругъ, выйти изъ котораго, при настоящемъ режимѣ, нѣтъ возможности. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, чтобы убѣдить во всей безполезности единоличныхъ усилій.

Земства имѣютъ, правда, право избирать своихъ должностныхъ лицъ, — но занимающіе высшія мѣста должны быть утверждены въ нихъ правительствомъ, а всѣ безъ исключенія могутъ быть отрѣшены отъ должности по его усмотрѣнію. (Рѣш. Пр. Сен. 16 Декаб. 1866 г. Рѣш. Пр. Сен. 17 Янв. 1873 г. № 555. Общее полож. о земск. учрежд. ст. 48. Св. Зак. Т. II, ч. 2, ст. 511. Законъ 19-го Августа 1879 г.).

Земство есть собраніе свободно избранное, представ-

ляющее специальные интерессы мѣстнаго самоуправленія, опредѣленные закономъ, но его предсѣдателю дана произвольная власть рѣшительно воспретить всякое преніе и обсужденіе фактовъ или всякое предложеніе мѣропріятій, которыя бы ему показались несоотвѣтствующими общимъ, т. е. негласнымъ, стало быть ему только одному извѣстнымъ, видамъ власти; надо полагать, для того, чтобы не затронуть просвѣщенныхъ тенденцій правительства. (Наставл. 13 Іюня 1867 г., ст. 6, 7, 19.)

Земства имѣютъ право контроля надъ своими расходами и должностными лицами. — Но если они замѣчаютъ преступленія по должности, то преслѣдовать виновныхъ судебнымъ порядкомъ могутъ за преступленія лишь мелкія, что же касается болѣе значительныхъ, то есть всѣхъ незаконныхъ постановленій управы, то на нихъ преслѣдованіе они должны предварительно испрашивать дозволеніе правительства. (Рѣш. Прав. Сен. 13 Янв. 1870 г. № 284.)

Земства составляютъ политически признанныя общественныя собранія, у нихъ есть свои частные интерессы, какъ у всякаго законно признаннаго юридическаго общества, — но они не могутъ обеспечить своихъ правъ законнымъ порядкомъ, такъ какъ имъ не дозволено имѣть особеннаго повѣреннаго для защиты этихъ правъ передъ судомъ, — надо предполагать, противъ злоупотребленій правительства. (Рѣш. Прав. Сен. 30 Мая 1873 г. № 4551).

Земствамъ предоставлено закономъ право представлять мѣстный и специальный интерессъ каждому своей губерніи. — Но хотя въ неограниченномъ государствѣ право петиціи должно бы быть невозбранно для всѣхъ, какъ единственное средство узнать расположеніе страны, земства лишены права обращаться съ ходатайствомъ о своихъ самыхъ неотложныхъ потребностяхъ къ лицу

Государя, надо предполагать потому, чтобы они не могли докучать правительству.

Земства имѣютъ право дѣйствовать по своему собственному побужденію, какъ представители страны, въ границахъ опредѣленныхъ закономъ, — но всѣ ихъ постановленія то подвержены протесту губернатора, то для того, чтобы получить обязательную силу, требуютъ правительственнаго утвержденія. (Земск. учрежд., ст. 95. Рѣш. Прав. Сен. 2 Мая 1873 г. № 3664, 11-го Марта 1871 г. № 2113).

Земства имѣютъ право требовать исполненія своихъ постановленій, и законъ старается обеспечить ихъ независимость въ достаточномъ количествѣ инстанцій, — но губернаторъ въ правѣ, не смотря ни на что, остановить исполненіе всякаго ихъ законнаго опредѣленія подъ своей личной отвѣтственностью, которая, такъ какъ земство не можетъ его привлечь къ суду за превышеніе или злоупотребленіе властью, лишь мнимая, ибо онъ всегда будетъ дѣйствовать по внушенію правительства. (Земск. учрежд. ст. 96. Рѣш. Прав. Сен. 7 Іюня 1879 года, № 4660).

Земства могутъ подъ собственною отвѣтственностью производить всѣ обязательные расходы настоящаго „самоуправленія." — Но у нихъ нѣтъ ни единства дирекціи, ни необходимыхъ правъ, ни даже денежныхъ средствъ, достаточныхъ для того, чтобы исполнить всѣ эти дорого стоющія обязанности, которыя на нихъ возложены, повидимому, ради большаго удобства правительства.

Такое состояніе относительной свободы и очевидной зависимости земствъ было причиной, что они опротивѣли даже самымъ сначала пылкимъ въ своихъ надеждахъ гражданамъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе убѣдились въ полномъ своихъ дѣйствительныхъ силъ ничтожествѣ.

Вслѣдствіе этого общество сдѣлалось уже почти равнодушнымъ къ цѣлой институціи самоуправленія.

Но какъ законъ все таки требуетъ отъ земства какой бы то ни было дѣятельности, то и появились люди, которые стараются попасть на мѣста, зависящія отъ земства по милости или по истинѣ, чтобы пользоваться возвышеннымъ жвлованьемъ, назначеннымъ спеціально для поощренія честности или дѣятельности должностныхъ лицъ. Отсюда произошло, что новое учрежденіе сдѣлалось такъ же бюрократическимъ, какъ и всѣ другія, то есть коснымъ, неспособнымъ и часто продажнымъ.

Какъ всѣ земства, въ слѣдствіе преувеличенія требуемыхъ правительствомъ издержекъ, уже до крайности обременили источники своихъ доходовъ, то онѣ стараются игнорировать потребности, не имѣя способности ихъ удовлетворить. Поэтому публика утверждается въ безусловной необходимости бездѣйствія и скупости, такъ какъ лучше не имѣть необходимаго, чѣмъ входить въ долги.

Такъ какъ постоянными ограниченіями, вводимыми съ цѣлью воспрепятствовать злоупотребленію свободой, доказали странѣ всю безполезность единоличныхъ усилій, то придется наконецъ всю тяжесть дѣлъ выносить самимъ. А потому, дѣла не пойдутъ лучше прежняго.

И такъ, если обратимъ вниманіе на характерическія черты земства, то мы будемъ вынуждены сознаться, что она, подъ наружнымъ видомъ либеральнаго прогресса, не болѣе какъ мѣстное учрежденіе, низшая и незначительная инстанція, которой обязанность состоитъ въ томъ, чтобы узнавать потребности населенія и удовлетворить ихъ не по мѣрѣ дѣйствительной необходимости, но по мѣрѣ требованій настоящаго режима.

За то, вслѣдствіе постоянной своей зависимости,

необходимо происходящей изъ бюрократическихъ принциповъ правительства, земства наконецъ выродились и сдѣлались не больше, какъ учрежденіемъ, обязаннымъ составлять росписи податей и дѣлать точное ихъ распредѣленіе между плательщиками болѣе справедливо и на основаніи данныхъ, по всей вѣроятности центральной власти неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ, и вопреки общему ожиданію, отрицательныя стороны дѣятельности земствъ состояли въ увеличеніи налоговъ, особенно прямыхъ. Вотъ почему общественное мнѣніе съ неудовольствіемъ утверждаетъ, что центральная власть желала косвеннымъ образомъ, подъ видомъ дарованія необходимыхъ льготъ и для избѣжанія нареканій за наложеніе новыхъ податей, перенести неприглядность этой операціи на земства, ссылаясь на сомнительное желаніе самыхъ плательщиковъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что не такое было первоначальное намѣреніе; но надо сознаться, что окончательно вышло такъ.

§ 13.

Если все это изобиліе непослѣдовательныхъ и безцѣльныхъ ограниченій, стѣсняющихъ законную дѣятельность земствъ, основано на недовѣріи къ нимъ самаго законодателя, тогда говорить нечего! Впрочемъ, это естественное послѣдствіе нашего подчиненнаго положенія имѣло бы лишь второстепенное значеніе и должно бы быть устранено, такъ какъ уже дошло до того, что все идетъ вкривь и вкось. Подъ вліяніемъ искривленныхъ разсужденій можетъ быть и возможно увлечься односторонностью, но это не заставитъ дѣла подвинуться ни на шагъ и послужитъ лишь къ ускоренію роковой развязки.

Мы однако полагаемъ, что одна изъ причинъ зла

заключается въ ошибочной оцѣнкѣ дарованныхъ правъ, обоюдныхъ обязанностей и средствъ, необходимыхъ для довершенія дѣла. Учрежденіе существуетъ, и, какъ уничтожить его нельзя, то необходимо искать причинъ, почему не оправдались надежды и явилось всеобщее разочарованіе. Мы ихъ видимъ всѣ въ реакціи, продолжающейся уже десять лѣтъ съ единственной цѣлью, подавить развитіе великихъ принциповъ, давшихъ начало самому преобразованію.

§ 14.

Органы самоуправленія не могутъ считаться учрежденіями, произвольно установленными лишь по желанію центральной власти или по свободной волѣ гражданъ. Они происходятъ изъ общности естественныхъ интерессовъ и на ней основываются; ибо эта общность по причинѣ самаго своего существованія, вызываетъ нѣкоторыя административныя задачи, которыя можно разрѣшить или ими пренебречь, но которыхъ постоянно игнорировать или выдушить, безнаказанно нельзя. Поэтому, если извѣстная мѣстность представляетъ такую общность интерессовъ, то она по самой своей природѣ должна быть признана за административную единицу, и, въ предѣлахъ своего естественнаго вѣдомства, пользоваться извѣстными административными правами и нести извѣстныя обязанности. Поэтому она необходимо составляетъ собирательную юридическую личность. Всякое земство (единица провинціяльная), всякая волость (единица окружная), всякое сельское общество (единица общинная), какъ только они существуютъ, подобно всякой другой, допускаемой закономъ корпораціи, по самой своей природѣ составляютъ юридическую личность, у которой есть свои собственные интерессы, допускаемые и гарантируемые естественнымъ закономъ. Поэтому, если цен-

тральная власть самовольно ограничиваетъ или стѣсняетъ вѣдомство ихъ спеціальныхъ правъ, она причиняетъ тѣмъ самымъ ущербъ матеріальнымъ интерессамъ членовъ гражданскаго общества. Тогда граждане будутъ оскорблены тѣмъ болѣе, что дурное положеніе общественныхъ дѣлъ докажетъ имъ всю непослѣдовательность режима, который отнимаетъ съ недовѣрчивостью то, что прежде далъ послѣ зрѣлаго размышленія.

И такъ, земство есть юридическая личность. Въ тоже время оно составляетъ и административный органъ. Поэтому оно должно имѣть опредѣленный кругъ вѣдомства и соотвѣтственную независимость; то есть независимымъ оно должно быть въ предѣлахъ принадлежащаго ему естественнаго вѣдомства. Но какъ земство составляетъ еще часть дѣйствующаго въ государствѣ административнаго организма, и потому подчинено общей гармоніи исполнительной власти, то очевидно, если желаетъ расширить въ чемъ нибудь свою естественную компетенцію, оно должно ожидать разрѣшенія отъ той же исполнительной власти. Отсюда необходимо заключить, что отношенія провинціяльнаго самоуправленія къ высшему правительству государства, должны быть основаны на слѣдующемъ принципѣ: автономія земства состоитъ въ правѣ дѣйствовать въ предѣлахъ принадлежащей ему естественной компетенціи, независимо и по собственному почину; вліяніе же центральной власти не должно состоять въ докучливомъ и постоянномъ направленіи общей дѣятельности юридической личности, но лишь въ постоянномъ и благосклонномъ надзорѣ за отношеніями административнаго органа къ его мѣстному и ограниченному вѣдомству. То есть, земство имѣетъ право по собственному почину дѣлать распоряженія и издавать повелѣнія по принадлежащему ему естественному, но ограниченному вѣдомству въ предѣлахъ своей

провинціи, приводя ихъ въ исполненіе посредствомъ своихъ, лишь ему одному подчиненныхъ исполнительныхъ органовъ; между тѣмъ какъ высшая дирекція центральной власти должна быть основана на постановленіяхъ закона, опредѣляющихъ необходимое согласованіе провинціяльнаго автономическаго самоуправленія съ общимъ единствомъ цѣлаго государства, какъ общества политическаго.

Если поэтому дѣйствія земства, не выступающія изъ предѣловъ ихъ обыкновенныхъ занятій, не могутъ подлежать утвержденію центральной власти, то тѣмъ еще больше выборъ его должностныхъ лицъ не можетъ зависѣть отъ утвержденія недоброжелательной бюрократіи. Гдѣ выборы несвободны, тамъ учрежденія существуютъ лишь по названію. Предѣлы власти тамъ лишь номинальны, а вѣдомство воображаемое. Поэтому лучше имѣть самое ограниченное вѣдомство и свободу выборовъ, чѣмъ пользоваться самой обширной компетенціей и не быть свободнымъ въ выборѣ должностныхъ лицъ. Право утверждать выборы необходимо вызываетъ постоянное и докучливое вмѣшательство со стороны мѣстной бюрократіи, которое при всякомъ случаѣ уменьшаетъ авторитетъ провинціяльнаго собранія. Отсюда происходитъ, что, какъ права больше не привлекательны ни для кого, а обязанности не вызываютъ самоотверженія, учрежденіе земства не можетъ преуспѣвать. Но въ такомъ случаѣ не надо было его предлагать съ такою оглаской публичной благодарности, лишь для того, чтобы послѣ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдить націю въ ничтожности ея правъ и скудости ея рессурсовъ.

§ 15.

Но самый большой недостатокъ настоящихъ земствъ мы находимъ не въ томъ, что у нихъ нѣтъ достаточно правъ, этому можно пособить, отмѣнивъ всѣ прискорбныя

ограниченія, но скорѣе въ стѣснительномъ разграниченіи территоріяльнаго ихъ вѣдомства, которое обращаетъ ихъ въ административную единицу слишкомъ незначительную, не даетъ имъ средствъ для производства необходимыхъ издержекъ и не дозволяетъ исполнять всѣхъ лежащихъ на нихъ по закону обязанностей. Если бы вмѣсто того, чтобы чахнуть въ предѣлахъ одной губерніи, которая, какъ произвольно очертанная частица территоріи, часто не представляетъ никакого полнаго единства спеціальныхъ интерессовъ, земство могло безпрепятственно дѣйствовать въ предѣлахъ цѣлой провинціи, то есть въ предѣлахъ нѣсколькихъ губерній, соединенныхъ сообразностью экономическихъ отношеній и общихъ интерессовъ, напримѣръ въ предѣлахъ прежнихъ „генералъ-губернаторствъ,“ тогда оно могло бы успѣшно заняться финансовыми расчетами и соображеніями, и не только пополнять свою казну всевозможными поборами, но вмѣстѣ могло бы дѣлать производительныя затраты, могущія увеличить ея доходы въ будущемъ. Если бы вмѣсто ограниченія доходовъ земствъ налогомъ почти лишь на одну и безъ того уже чрезмѣрно обремененную поземельную собственность, налогомъ, который вслѣдствіе очевидной недостаточности рессурсовъ земствъ все болѣе и болѣе увеличивается, правительство разрѣшило имъ привлечь къ платежу въ надлежащей мѣрѣ всѣ прочіе источники дохода; если бы финансовая система самаго государства, вмѣсто слѣпой эксплоатаціи неблагодарной глебы или невѣрнаго заработка поденщика, была дѣйствительно основана на обложеніи очевидной цѣнности или доказанной доходности облагаемой собственности; если бы наконецъ движимая собственность была привлечена къ платежу податей въ пропорціи, соотвѣтствующей налогамъ, лежащимъ на собственности поземельной; тогда лишь бюджеты земствъ могли бы имѣть правильное

основаніе и удовлетворять дѣйствительныя потребности страны.

Очевидно, что такой бюджетъ долженъ быть составленъ и распредѣленъ на основаніи напередъ закономъ опредѣленныхъ правилъ. Его дефицитъ могъ бы быть пополненъ добавочными копѣйками къ подоходному налогу или къ другимъ казеннымъ податямъ. При такихъ обстоятельствахъ, земства имѣли бы въ своемъ распоряженіи доходъ вѣрный, который могъ бы еще увеличиваться сообразно общественнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ земства, получивъ необходимыя средства, сдѣлались бы вмѣстѣ учрежденіями цѣлесообразными, а провинціальныя знаменитости стали бы интерессоваться ими тѣмъ болѣе, чѣмъ бы свобода ихъ дѣйствія была значительнѣе. Между тѣмъ какъ теперешнее разграниченіе земствъ, по истинѣ, прискорбно; такъ какъ законъ, назначая ничтожные территоріяльные предѣлы ихъ вѣдомства, и вмѣстѣ громко заявляя о значеніи мнимой ихъ власти ради большей важности новыхъ учрежденій, выдаетъ приходскіе интерессы за общественныя дѣла цѣлой націи, и въ тоже время лишаетъ земства средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія самыхъ естественныхъ стремленій. Отсюда происходитъ, что вслѣдствіе излишняго ограниченія территоріяльнаго круга вѣдомства земствъ, при совершенномъ отсутствіи гласности, обиліи различныхъ толкованій и при очень естественномъ незнакомствѣ съ дѣлами, трудность исполнить свои обязанности, побуждаетъ земства примѣнять къ однороднымъ мѣстностямъ прискорбный рядъ совершенно различныхъ мѣропріятій и, наконецъ, заставляетъ ихъ по смежнымъ исходнымъ уѣздамъ, для достиженія одной и той же цѣли, издавать совершенно разнообразныя постановленія. Такое прискорбное положеніе не можетъ продолжаться, ибо оно представляетъ странную неурядицу финансовыхъ

уловокъ, которой допустить никакъ нельзя и которая вызываетъ всеобщее негодованіе.

§ 16.

Я хорошо понимаю, что употребляемое мною часто слово „провинція" или страна, неизвѣстное въ офиціяльномъ словарѣ, можетъ не понравиться, а больше всего показаться непонятнымъ, такъ какъ оно не общеупотребительно. Поэтому мнѣ необходимо дать нѣсколько предварительныхъ объясненій. Я желаю здѣсь говорить лишь въ династическомъ интерессѣ, ибо я здѣсь государство обособляю въ монархіи.

Однообразность стремленій въ обществѣ демократическомъ, даже при неограниченномъ образѣ правленія, приведетъ наконецъ всегда къ республикѣ. Этотъ исходъ будетъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что бюрократическая централизація, по самой силѣ вещей, всегда повидимому склоняется къ безусловной нивеллировкѣ. Очевидное этому доказательство представляетъ намъ исторія Франціи за послѣднее столѣтіе. Революція положила тамъ основанія всеобщей и демократической однообразности, лишь посредствомъ приведенія въ одинъ уровень всѣхъ завѣщанныхъ преданіемъ особенностей. Но настоящимъ основателемъ бюрократической централизаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, демократическаго однообразія, былъ деспотическій режимъ первой имперіи, потому именно, что довелъ все и всѣхъ до одного государственнаго уровня. Всѣ безъ исключенія правительства во Франціи, безмѣрно сосредоточивъ дирекцію въ одномъ центрѣ, этимъ указали цѣль и дали демократіи возможность собрать всѣ свои силы и направить рѣшительный ударъ на этотъ именно центръ. Кратковременная борьба или несчастная случайность именно потому и могли рѣшить участь цѣлой націи, что вся національная жизнь была сосредото-

чена въ столицѣ. Вотъ почему, въ интерессахъ самой монархіи, мы бы желали, чтобы въ различныхъ провинціяхъ государства были сохранены отдѣльныя мѣстныя особенности. Мы такое общественное устройство для монархической будущности Россіи считаемъ до того необходимымъ, что даже если бы историческая дѣятельность основателей имперіи, различныя ея части, совершенно разнородныя и часто другъ другу враждебныя, соединила путемъ мирнымъ, а не принудила ихъ, какъ это случилось дѣйствительно, составить однообразное, часто притѣснительное единство силою, мы всегда бы совѣтовали, для поддержанія династическаго вліянія, обращать вниманіе на мѣстные интерессы различныхъ провинцій, чтобы не дать возникнуть, въ общихъ стремленіяхъ, однородныхъ тенденцій необходимо демократическихъ. Тѣмъ болѣе, когда наши принципы согласуются съ естественными стремленіями отдѣльныхъ мѣстностей, мы заявляемъ безусловную необходимость покровительствовать желанному разнообразію по мѣрѣ общественной пользы. У насъ было много провинцій, то есть губерній, соединенныхъ подъ управленіемъ генералъ-губернаторовъ. До настоящаго царствованія было даже обыкновеніемъ центральной власти довѣрять администрацію такихъ провинцій высшимъ сановникамъ, и лишь въ недавнее время бюрократическій духъ пожелалъ лучше имѣть дѣло съ чиновниками, подчиненными какъ губернаторы и зависимыми отъ министерскаго вліянія, чтобы имѣть въ рукахъ орудія болѣе послушныя и болѣе податливыя. Поэтому, тѣ же губерніи должно бы соединить вновь, только не ради выгодъ службы, но на основаніи экономическихъ отношеній, путей сообщенія и вѣковыхъ привычекъ. Такая административная единица была бы провинціей и составляла бы высшую инстанцію земскаго самоуправленія въ отношеніяхъ

между земскою дѣятельностью и надзоромъ центральной власти.

Разграниченіе этихъ провинцій не было бы трудно, и не представляло бы ничего небывалаго. Города какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Варшава, Оренбургъ, Вильно, Харьковъ, Рига, Гельсингфорсъ, Одесса, Воронежъ, Казань, Иркутскъ, Томскъ, Астрахань, Тифлисъ, или еще другіе, сдѣлались бы главными городами провинцій, мѣстомъ соединенія провинціяльныхъ собраній или земствъ. Пусть намъ не возражаютъ, что это бы значило административно розорвать государство на части. Такое разграниченіе существовало же прежде, и дѣла отъ этого не шли хуже. Впрочемъ, такой генералъ-губернаторъ не былъ бы надѣленъ никакими исключительными правами. Онъ въ концѣ концовъ былъ бы лишь начальникомъ большой губерніи, а его обязанность состояла бы въ томъ, чтобы контролировать отъ имени центральной власти администрацію провинціяльнаго самоуправленія. Во всякомъ случаѣ лучше представителемъ Верховной власти имѣть члена Императорской фамиліи или высокаго сановника имперіи, чѣмъ поручить отношенія Короны къ обществу подчиненному чиновнику, который всегда будетъ стараться принизить ихъ къ уровню министерскаго удобства. Что же касается предположенія, что такая децентрализація можетъ побудить воображенія нѣкоторыхъ личностей къ сепаратистскимъ стремленіямъ, то Россія не почитаетъ еще себя до такой степени заслуживающей подозрѣнія, чтобы отвѣчать на это; ибо ея патріотизмъ, слава Богу, всегда силенъ, а ея вѣрность ни мало не требуетъ поручительства.

У подобныхъ провинцій были бы дѣйствительно важныя мѣстныя дѣла и исключительныя особенности, необходимо имѣющія вліяніе на стремленія ихъ населенія. Удовлетворяя въ надлежащей мѣрѣ эти стремленія,

Династія была бы въ состояніи имѣть на своей сторонѣ мѣстный интерессъ, который достаточно будетъ занимать гражданъ, и не допуститъ провинціальныя знаменитости бросаться, очертя голову, въ безвыходную борьбу принциповъ, которую обыкновенно затѣваетъ праздное честолюбіе.

Впрочемъ, если уже признано нужнымъ расширить еще кругъ дѣятельности земскихъ учрежденій, то тѣмъ болѣе безполезно имѣть одну копу главныхъ, а десять копъ второстепенныхъ собраній, такъ какъ очевидно не будетъ никакой возможности руководить оными, поощрять полезную дѣятельность или воспрепятствовать вреднымъ стремленіямъ. Этотъ трудъ непосильный по истинѣ превосходитъ способности человѣческія самаго трудолюбиваго министра внутреннихъ дѣлъ. Отъ этой то причины и происходитъ теперь, что весь мнительный надзоръ надъ дѣйствіями нынѣшнихъ органовъ самоуправленія сосредоточивается въ канцелярской тайнѣ министерства, а государственная бюрократія, убѣдившись въ невозможности бдительнаго контроля надъ ея дѣяніями, то и дѣлаетъ, что пренебрегаетъ тѣми свободными учрежденіями, которыя по точному смыслу закона должны противодѣйствовать ея вредному вліянію.

Поэтому мы утверждаемъ, что правительство обязано значительно расширить права земства, чтобы облегчить имъ исполненіе ихъ обязанностей; но что въ тоже время, лишь болѣе нормальное разграниченіе всякаго земства въ особенности, то есть расширеніе предѣловъ его территоріяльнаго вѣдомства, можетъ имъ доставить средства исполненія этихъ обязанностей, сдѣлавъ изъ интересса отдѣльнаго и мѣстнаго интерессъ общій всѣмъ согражданамъ.

§ 17.

Если мы обратимъ вниманіе на принципы, послу-

жившіе основаніемъ при введеніи городскаго самоуправленія, то мы въ нихъ найдемъ обыкновенныя ограниченія правъ, и недостатокъ средствъ для исполненія возложенныхъ на города обязанностей; но кромѣ того мы еще принуждены будемъ признать, что одна лишь странная боязливость могла внушить изданіе такого агломерата необыкновенныхъ и противурѣчивыхъ постановленій.

Подразумѣвается, что городская администрація, въ предѣлахъ своего вѣдомства, независима точно также, какъ и земство.

Но городской голова, какъ и слѣдуетъ ожидать, долженъ быть утвержденъ въ своей должности то министромъ, то губернаторомъ. (Городск. полож. ст. 92), которые въ оцѣнкѣ избранной личности должны руководиться даже „своими предположеніями о политической ея благонадежности.“ (Рѣш. Прав. Сен. 16 Декабря 1866 г.). Даже допускается, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, министръ имѣетъ право самъ назначить на эту должность кандидата, способнаго наиболѣе отвѣчать видамъ правительства. (Прим. къ город. полож. 16-го Іюня 1870 г., ст. 1, 2). Но что еще больше, городская Дума не въ правѣ привлечь къ суду своего Голову безъ предварительнаго разрѣшенія Сената. (Город. полож. ст. 159); даже не смотря на то, что Дума составляетъ контрольную инстанцію, рѣшающую о жалобахъ на злоупотребленія муниципальной власти (Городск. полож. ст. 150), она не въ правѣ „выразить въ своихъ рѣшеніяхъ неодобреніе или какое либо порицаніе дѣйствій городского головы.“ (Рѣш. Прав. Сен. 20 Іюля 1873 г. № 27,004).

Такимъ образомъ очевидно, что независимость городской администраціи лишь фиктивна, ибо глава городскаго управленія, въ дѣйствительности, зависитъ только

отъ благосклонности или скорѣе отъ бюрократическаго произвола самаго министра.

За то и можно постоянно встрѣчать, особенно въ малыхъ городахъ, легче всего поддающихся вліянію мѣстной бюрократіи, городскихъ головъ беззаботныхъ, неспособныхъ или продажныхъ, такъ какъ они надѣются на полную безнаказанность подъ непремѣннымъ условіемъ, быть одного мнѣнія съ окружающимъ ихъ мѣстнымъ чиновничествомъ.

Но этого еще мало. Избирательныя собранія учреждены такимъ образомъ, чтобы невыгодное единомысліе не могло въ нихъ состояться никогда. Въ нашемъ изслѣдованіи о значеніи земства мы вопросъ объ избирательныхъ коллегіяхъ оставили въ сторонѣ, предоставляя себѣ заняться имъ болѣе спеціальнымъ образомъ здѣсь; мы это сдѣлали съ умысломъ, такъ какъ по нашему мнѣнію, постановленія городоваго положенія еще яснѣе выказываютъ опасность принятой избирательной системы. Во всѣхъ вообще нашихъ реформахъ, насъ поражаетъ всегда одна странная тенденція нашихъ современныхъ законодателей, а именно: никогда не обобщать принциповъ. Мы полагаемъ, что это происходитъ отъ обыкновенной и прискорбной привычки возобновлять лишь подробности, въ то время, когда скорѣе было бы необходимо преобразовать самые принципы. Эта постоянная недовѣрчивость къ общественному мнѣнію до того очевидна, что центральная власть, даже довѣряя ему по наружности выборъ должностныхъ лицъ, не въ состояніи, въ тоже время, рѣшиться предоставить избирателямъ дорогу къ необходимому между собою соглашенію. Въ земскихъ собраніяхъ выборы производятся по сословіямъ; дворяне, мѣщане и крестьяне вотируютъ отдѣльно. Но въ городахъ бываетъ еще хуже. Тамъ дали мѣсто странной идеѣ представительства, основаннаго уже не на исто-

рическихъ преданіяхъ кастовыхъ разногласій, а прямо на предположеніи о благонамѣренности карманныхъ интерессовъ, опредѣляемой количествомъ платимыхъ податей.

Мы никакъ не станемъ спорить, что платящій въ десять разъ больше, имѣетъ и правъ больше именно въ десять разъ; но мы бы желали, чтобы намъ было доказано, что онъ и правъ въ десять разъ больше.

Но всего страннѣе то, что какъ законъ къ представительству въ городахъ допускаетъ лишь только собственность недвижимую, даже мелкую и разносную торговлю (Городск. полож. ст. 17), вся національная интеллигенція, которая обыкновенно сосредоточивается въ городахъ, тѣмъ самымъ исключена изъ городскихъ собраній, которыя бы она могла озарить свѣтомъ и направить къ полезной цѣли.

Нѣмцы въ Остзейскихъ губерніяхъ хорошо замѣтили всю неосновательность такого закона, такъ какъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ они добились въ немъ исключенія для себя и допущенія въ Остзейскихъ городахъ участія въ городскихъ собраніяхъ мѣстной интеллигенціи, правда подъ немного загадочнымъ наименованіемъ „литераторовъ.“ (Городск. полож. прибалт. губ. 16 Іюня 1870 г., ст. 4).

Мы бы никакъ не желали казаться недоброжелательными къ нашимъ добрымъ согражданамъ, мы бы лишь желали, чтобы намъ объяснили, какой вредъ государству причинили бы представители русской интеллигенціи, „литераторы,“ какъ насъ угодно называть, если бы законъ допустилъ ихъ къ участію въ администраціи русскихъ городовъ?

Но прискорбныя послѣдствія этого страннаго узаконоположенія тѣмъ еще вреднѣе, что законъ, по самой неожиданной странности, не допускаетъ даже, чтобы всѣ

избиратели, при выборѣ должностныхъ лицъ, вотировали совмѣстно, и избирали ихъ безусловнымъ большинствомъ голосовъ. Ст 24 Городоваго положенія постановляетъ, что граждане, имѣющіе право быть избирателями, должны быть внесены въ избирательные списки въ порядкѣ и по мѣрѣ платимыхъ ими городскихъ повинностей, начиная съ тѣхъ, которые обложены меньше всѣхъ, до тѣхъ, которые несутъ повинности самыя значительныя. Тогда всѣ избиратели раздѣляются на три отдѣльные разряда, изъ которыхъ каждый вотируетъ отдѣльно. Первый и самый многочисленный разрядъ состоитъ изъ тѣхъ, которые платятъ меньше всего; всѣ они, вмѣстѣ взятые, платятъ треть городскихъ налоговъ. Всѣ они съобща избираютъ треть гласныхъ (членовъ думы). Дальше идетъ второй разрядъ, въ немъ уже избирателей меньше, такъ какъ каждый изъ нихъ платитъ больше; всѣ они избираютъ тоже треть гласныхъ. Наконецъ идетъ третій разрядъ платящихъ самые большіе налоги; здѣсь избирателей меньше, чѣмъ во всякомъ изъ двухъ предидущихъ разрядовъ, и они избираютъ тоже треть гласныхъ. Такимъ образомъ у насъ три различныя городскія представительства, изъ которыхъ первое избирается толпою, которая, разобщенная съ классами зажиточными и интеллигентными, своими естественными руководителями, не можетъ вотировать съ достаточнымъ пониманіемъ общественнаго дѣла, послѣднее же, вотируя подъ вліяніемъ кумовства, выбираетъ своихъ благопріятелей и всегда успѣваетъ чрезмѣрно обеспечить свои исключительные интерессы. Поэтому мы полагаемъ, что такое раздѣленіе городскихъ представителей на три соединенные въ одномъ собраніи разряда, вмѣсто сближенія различныхъ стремленій, лишь разъединяетъ сходные интерессы гражданъ; такъ какъ оно въ сущности представляетъ неравную борьбу бѣдныхъ съ богатыми, труда

съ капиталомъ, борьбу бѣдственную, выдуманную, внушенную и вызванную самымъ закономъ. Такое нераціональное представительство способствуетъ только образованію жадной буржуазіи, денежной аристократіи, которую законодатель не въ правѣ навязывать націи, такъ какъ она неизвѣстна въ русской исторіи. Дѣйствіе такого представительства тѣмъ вреднѣе, что обычаи облегчаютъ во всѣхъ городахъ преобладающее вліяніе всѣмъ низкимъ интригамъ. Предпріимчивый городской голова и члены управы, разъ выбранныя, умѣютъ очень хорошо пріобрѣсти среди разряда избирателей наименѣе обложенныхъ скрытное и неудобосознаваемое вліяніе. Заставляютъ городское собраніе избрать представителей, потворствующихъ личнымъ ихъ стремленіямъ. Заставляютъ избрать себя вновь, когда захочется; присуждаютъ себѣ непомѣрное содержаніе, и отсюда происходитъ, какъ обыкновенно у насъ бываетъ вездѣ и всегда, расхищеніе общественной казны. Мы не желаемъ этому другихъ доказательствъ, какъ министерскій циркуляръ 5-го Іюня 1873 г. Въ немъ констатируется все, какъ неспособность, такъ и продажность городской администраціи. Въ немъ есть все, недостаетъ лишь яснаго пониманія причинъ и послѣдствій! Видно, въ истинѣ трудно сознаться, ибо тогда прежде всего надо бы было обнаружить злонамѣренность самыхъ внушителей и истолкователей законовъ. Эти бѣдственныя стремленія, какъ мы уже сказали, доказываютъ лишь націи, что прежде обновленія подробностей, необходимо преобразовать самые принципы.

§ 18.

Но одна изъ самыхъ важныхъ причинъ неурядицы въ дѣлахъ городской администраціи, это — неясность ея отношеній къ собраніямъ земствъ. Этотъ постоянный

раздоръ происходитъ отъ очевиднаго недостатка средствъ у обоихъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, которыя какъ будто, вмѣсто того, чтобы соединить, законъ, относительно вѣдомства однородныхъ интерессовъ, напротивъ положительно разъединяетъ. Почти казалось бы, что эти два однородныя учрежденія могли бы существовать, не имѣя между собою постоянныхъ сношеній, и что интерессы городовъ и деревень не должны бы быть никогда обсуждаемы совмѣстно, на основаніи естественнаго сходства ихъ обоюдной полезности. Хотя этотъ очевидный недостатокъ закона и былъ замѣченъ офиціально (Мнѣн. Госуд. Сов. III отд. 16 Іюня 1870 г.), но это однако не вызвало никакихъ соотвѣтствующихъ постановленій, ибо сходство воззрѣній и совокупность стремленій гражданъ казались всегда настоящему режиму чрезмѣрно опасными. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы сгладить несогласія, облегчая взаимное снисхожденіе, основанное на обоюдныхъ интерессахъ, введеніемъ принципа общаго представительства и общей администраціи, напротивъ вызвали различіе взглядовъ, которымъ мѣстная бюрократія успѣла воспользоваться, чтобы по своему прибрать городскую администрацію въ свои руки. Это тѣмъ болѣе очевидно, что законъ въ сущности постановляетъ (Гор. пол., ст. 11), что всѣ безъ исключенія постановленія городской администраціи подвергаются протесту губернскаго присутствія, спеціальной комиссіи, составленной изъ различныхъ начальниковъ правительственныхъ канцелярій, то есть представителей бюрократическаго вліянія, подъ предсѣдательствомъ губернатора. Что же удивительнаго, если независимость городскаго самоуправленія исчезаетъ подъ напоромъ непохвальныхъ стремленій мѣстной бюрократіи, которая тѣмъ болѣе заинтерессована въ поддержаніи стараго порядка, что извлекаетъ изъ него матеріальныя выгоды.

Надо ли удивляться, что вся городская автономія дѣлается лишь пустымъ призракомъ, если въ сущности она не болѣе, какъ безполезное право обязательно облагать себя налогами для удовлетворенія накладныхъ потребностей, подъ предлогомъ проблематическаго согласія самихъ плательщиковъ?

Очевидно, города, въ сравненіи съ земствами, находятся въ стѣснительномъ положеніи, такъ какъ, хотя несутъ болѣе значительныя обязательныя издержки, однако не имѣютъ въ земскихъ собраніяхъ представителей, въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы успѣшно защищать тамъ свои интерессы. Выдѣлить городскую администрацію изъ земскаго самоуправленія невозможно, такъ какъ оба эти административные органа дѣйствуютъ въ кругу тождественнаго вѣдомства. Это невозможно тѣмъ болѣе, что значительная часть доходовъ земства получается изъ налоговъ, платимыхъ жителями городовъ и что бѣдность земскихъ собраній не допускаетъ мысли объ уменьшеніи доходовъ, безъ того недостаточныхъ для исполненія налагаемыхъ закономъ обязанностей. Если же очевидно, что интерессы городовъ и деревень должны бы быть сходны, то и слѣдуетъ ихъ сблизить при совмѣстномъ рѣшеніи общихъ дѣлъ и облегчить такимъ образомъ взаимныя ихъ отношенія, которыя необходимо вызовутъ чувство обоюдной пользы. Городская община различается отъ сельской лишь большимъ скопленіемъ жителей. Поэтому эта большая община можетъ имѣть множество своихъ особенныхъ интерессовъ, но она, ни въ какомъ случаѣ, не должна заявлять тенденціозныхъ стремленій, несовмѣстныхъ съ благосостояніемъ сосѣдняго населенія. Поэтому, такое необходимое сходство естественныхъ стремленій не должно быть причиной административнаго разлада, который, ни мало не облегчая исполненія законовъ, напротивъ въ сущности лишь

увеличиваетъ недостатокъ необходимыхъ рессурсовъ какъ городовъ, такъ и деревень. Если деревенскія общины пользуются достаточнымъ представительствомъ и надзоромъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, то тоже право должно принадлежать и общинамъ городскимъ. Если поэтому сельскія общества или власти участвуютъ въ автономической администраціи губерніи, то это же право равнымъ образомъ, въ такихъ же размѣрахъ, естественно принадлежитъ и всѣмъ городамъ. Исключеніе изъ этого общаго правила могло бы быть допущено лишь для столицъ и для нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ имперіи, которые сами по себѣ образуютъ общество до того отдѣльное отъ остальнаго населенія, что оно можетъ не имѣть тождественныхъ интерессовъ съ сосѣднимъ округомъ. Городская автономія независимая, основанная на просвѣщенномъ голосованіи, руководимая свободной гласностью и дѣйствующая подъ контролемъ провинціяльнаго представительства, дала бы намъ самую лучшую гарантію порядка и административной честности. Тогда именно отвѣтственность вызвала бы самоотверженіе, такъ какъ контроль общественнаго мнѣнія съумѣлъ бы обеспечить принципы, которые повидимому игнорируетъ настоящая бюрократическая опека.

§ 19.

Намъ, можетъ быть, возразятъ еще, что нельзя же дозволить безконтрольно разсуждать о предметахъ, касающихся общественнаго порядка. Это правда; но есть различіе между самымъ даже взыскательнымъ контролемъ и рѣшительнымъ ограниченіемъ. Повидимому почти боятся, что города не захотятъ имѣть мостовой или фонарей, и что земства вздумаютъ уничтожить пути сообщенія и бросятъ первоначальное образованіе, общественное призрѣніе и санитарное дѣло! Есть же въ мірѣ

люди, которыхъ, разсужденія всякаго собранія, состоящаго изъ лицъ избранныхъ свободными голосами гражданъ, пугаютъ и опечаливаютъ; эти люди воображаютъ себѣ всегда, что такое собраніе въ своихъ разсужденіяхъ непремѣнно должно дойти до нелѣпости; между тѣмъ какъ безапелляціонное рѣшеніе одного человѣка или составленной изъ чиновниковъ коммиссіи, въ ихъ мнѣніи всегда имѣетъ право на готовый дипломъ справедливости и разумной послѣдовательности. Но на дѣлѣ бываетъ вовсе не такъ. Граждане никогда не питаютъ отвращенія къ тому, въ пользѣ чего они убѣждены; опытъ можетъ намъ доказать это вездѣ. Какъ нѣтъ необходимости въ особенныхъ приказаніяхъ правительства, чтобы города, какъ скоро имъ позволяютъ средства, мостили и освѣщали свои улицы, такъ точно и провинціальныя земства станутъ вводить тѣмъ больше улучшеній, чѣмъ больше будутъ имѣть средствъ и увѣренности въ безпрепятственномъ употребленіи вотированныхъ суммъ. По нашему мнѣнію, всѣ опасенія на этотъ счетъ неосновательны; земства и города пойдутъ по этой дорогѣ тѣмъ бодрѣе, чѣмъ муниципальный и общинный духъ будетъ въ состояніи дѣйствовать свободнѣе.

§ 20.

Кругъ дѣятельности настоящаго самоуправленія требуетъ совершенной свободы дѣйствія въ предѣлахъ интерессовъ специальныхъ, исключительнаго мѣстнаго интересса въ собственномъ смыслѣ, то есть такого, съ которымъ лишь одна община, „Commune“, специально знакома и который она удовлетворить можетъ собственными своими денежными средствами. Поэтому нѣтъ никакой надобности составлять для общины программу ея специяльныхъ занятій, такъ какъ предметомъ ея дѣятельности должно быть все, что только относится къ

мѣстной жизни. Отношенія общины къ центральной власти поэтому должны бы быть устроены такимъ образомъ, чтобы дѣйствіе государства касалось исключительно общихъ дѣлъ политическаго единства. Но какъ отдѣльнымъ общинамъ или городскимъ обществамъ невозможно предоставить право, создавать всякому свое особенное административное право, что скоро породило бы вредное для государства различіе взглядовъ, то естественно предположить, что центральная власть имѣетъ право согласовать между собою всѣ различныя мѣстныя стремленія и направлять ихъ къ государственной пользѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ государству общины поэтому обязаны примѣнять на мѣстѣ общіе принципы, по повелѣнію и подъ наблюденіемъ самаго правительства. Онѣ на это имѣютъ право, такъ какъ это составляетъ ихъ обязанность. Но какъ общины имѣютъ право подвергать разбору и устроивать по собственному усмотрѣнію все, что имѣетъ связь съ ихъ мѣстнымъ интерессомъ, то отсюда само собою необходимо слѣдуетъ, что онѣ составляютъ природные органы исполненія законовъ, относящихся до внутренней администраціи края. Поэтому, общины въ границахъ своей мѣстности имѣютъ право организаціи, распоряженія и побужденія, и никакого ограниченія вѣдомства не можетъ быть допущено иначе, какъ относительно разграниченія территоріяльныхъ округовъ. Всякій органъ исполнительной власти, безъ сомнѣнія, ограниченъ предѣлами мѣстнаго округа. Но разграниченіе вѣдомства общинъ не только относится къ территоріяльному кругу ихъ дѣйствія; это разграниченіе основано еще на оцѣнкѣ различныхъ независимыхъ особенностей, свойственныхъ мѣстной жизни. Отсюда необходимо сдѣлать еще одно заключеніе объ отношеніяхъ общинъ къ государству. Всѣ мѣропріятія, недопускающія никакого различія въ ихъ примѣненіи, не

могутъ поэтому быть предметомъ рѣшеній общинной администраціи. Эти однообразные, общіе для всего государства законы, должны быть примѣняемы посредствомъ соотвѣтственныхъ органовъ центральной власти; ибо государство должно имѣть въ виду прежде всего охраненіе политическаго единства. Но исполненіе законовъ, которые при всей однообразности принциповъ, допускаютъ различіе средствъ примѣненія, можетъ быть поручено органамъ свободнаго самоуправленія, ибо эти послѣдніе имѣютъ болѣе способовъ опредѣлить на мѣстѣ пригодность принциповъ и своевременность ихъ примѣненія.

Такимъ образомъ, общинное или муниципальное право опредѣляетъ отношенія власти къ свободному самоуправленію провинціи. Но государственная польза требуетъ, чтобы основаніемъ этого права былъ общій принципъ, по которому община, какъ органъ мѣстной исполнительной власти, должна быть зависима отъ общественнаго единства, представляемаго центральнымъ правительствомъ. Поэтому, при исполненіи законовъ, не смотря на нѣкоторую разнобразность въ ихъ примѣненіи, основнымъ принципомъ должно бы всегда служить однообразіе, котораго требуетъ интерессъ политическаго единства и чувство правительственной отвѣтственности. Въ слѣдствіе такой отвѣтственности, центральная власть должна имѣть право принуждать административные органы провинціяльнаго самоуправленія къ немедленному исполненію общихъ законовъ. Это значитъ, что общіе предѣлы общинной и муниципальной зависимости опредѣляются естественно необходимыми условіями національнаго единства, которое олицетворяетъ собою государство, представляетъ центральная власть и гарантируетъ правительственная отвѣтственность.

§ 21.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящаго сочиненія, о поземельныхъ и экономическихъ отношеніяхъ страны, мы старались доказать, что какъ „сельское общество“ есть не болѣе, какъ необходимое соединеніе крестьянъ одной деревни, основанное лишь на общинномъ владѣніи землею, то за первый административный округъ, общій для всѣхъ жителей, безъ различія состоянія или сословія, должна быть принята „Волость.“ Намъ кажется, что мы тамъ ясно доказали неотложность такого преобразованія, такъ какъ оно вмѣсто того, чтобы разединять общіе интерессы, какъ это имѣетъ мѣсто при дѣйствіи настоящаго закона, напротивъ неизбѣжно сблизила бы всѣ общественныя сословія въ честной общности естественныхъ интерессовъ. Но кромѣ того и прежде всего мы должны заявить и настоять какъ можно сильнѣе, что предлагая такое преобразованіе, которое соединило бы всѣ общественныя сословія въ одной административной единицѣ: „всесословной волости,“ мы откровенно выражаемъ желанія всей національной интеллигенціи, почти безъ различія партій, то есть всѣхъ честныхъ людей, мыслящихъ, надѣющихся и трудящихся для блага Россіи. Мы полагаемъ, что на правительствѣ лежитъ нравственная обязанность исполнить такія желанія, ежедневно выражаемыя въ газетахъ, запискахъ и прошеніяхъ. Разъ допустивъ дѣйствительность такого всеобщаго желанія, объ его исполненіи мы говорить не будемъ, а станемъ продолжать разсужденіе о нашемъ предметѣ, какъ будто это преобразованіе было уже рѣшено оффиціяльно.

Мѣстная община это — деревня, сельское общество; то есть, это необходимое соединеніе крестьянъ одной деревни, основанное на общности хозяйственныхъ интерессовъ, вызванной общиннымъ владѣніемъ землею. Въ

этомъ качествѣ сельское общество составляетъ юридическую личность; мы ее назовемъ, на основаніи опредѣленія, принятаго въ дѣйствующемъ законодательствѣ, „сельской общиной.“

Волость представляетъ передъ лицомъ государства первую административную единицу, заключающую въ себѣ всѣхъ, безъ различія состоянія и сословія, гражданъ, жительствующихъ въ ея предѣлахъ и связанныхъ естественною общностью тождественныхъ интерессовъ („всесословная волость“). Въ случаѣ спора на счетъ правъ и обязанностей, волости принадлежитъ качество юридической личности. Но по отношенію къ центральному правительству, она въ тоже время составляетъ первый органъ исполнительной власти. Поэтому, такая волость составляетъ собственно то, что во всѣхъ странахъ называютъ общиной (commune).

Такимъ образомъ, волость составляетъ первую административную единицу, и этимъ самымъ отличается отъ сельскихъ общинъ, которыя никакого административнаго значенія не имѣютъ, а представляютъ лишь общность хозяйственныхъ интерессовъ деревенскаго населенія. Отсюда слѣдуетъ, что центральная власть, въ своихъ сношеніяхъ съ самоуправленіемъ, можетъ не считать сельской общины за первую инстанцію, такъ какъ за порядокъ въ деревняхъ передъ ней отвѣчаетъ волость. Поэтому сельская община должна быть подчинена волости, и законъ долженъ опредѣлить право этой послѣдней понуждать общину къ исполненію ея предписаній, такъ какъ за исполненіе законовъ передъ общею администраціею государства отвѣчаетъ волость. Отсюда слѣдуетъ еще, что въ случаѣ спора или упущеній, центральная власть съ приказаніями и понужденіями обращается къ волости, такъ какъ дѣйствовать по закону должна волость, а не сельская община, которая въ Россіи, въ сущ-

ности, представляетъ лишь утвержденное закономъ товарищество для эксплоатаціи общинныхъ земель.

§ 22.

Намъ остается еще опредѣлить составъ и подчиненность провинціяльнаго самоуправленія. Но прежде мы бы желали дать нѣсколько объясненій по спеціальнымъ вопросамъ, которые относятся къ этому предмету.

Мы полагаемъ, что уѣздъ, ежели бы онъ былъ принятъ въ расчетъ какъ первая земская единица, не можетъ представлять никакихъ естественныхъ связей общности интерессовъ; что дѣйствительнымъ первымъ членомъ гражданскаго тѣла можетъ быть только всесословная волость (la commune); что въ сущности нынѣшняя волость — исключительно крестьянская, въ существующемъ обособленіи отъ другихъ общественныхъ сословій есть не что иное, какъ даровой органъ правительственной власти для взиманія податей „съ казенныхъ людей,“ прикованныхъ къ мѣстности общиной и круговой порукой. Но и земская дѣятельность вообще, если не происходитъ отъ общественнаго тѣла, внушающаго уваженіе полностью вѣса и могуществомъ вліянія въ составѣ государства, а равно и изобиліемъ средствъ для удовлетворенія мѣстнымъ нуждамъ, и дѣйствительнымъ довѣріемъ, оказываемымъ ему Короной, не можетъ успѣшно бороться противъ бюрократической рутины, съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдующей всѣ поползновенія къ земской самостоятельности въ Россіи.

Въ административной іерархіи мы допускаемъ три инстанціи: 1) волость или городъ; 2) губернію; 3) провинцію или генералъ-губернаторство.

Сельское общество сохраняетъ свои экономическія права, основанныя на общинномъ владѣніи землею.

Но относительно административнаго округа уѣзда мы полагаемъ, что онъ не долженъ имѣть никакой административной самостоятельности, а составлять лишь подраздѣленіе администраціи губернской, для того, чтобы облегчить на мѣстѣ исполненіе административныхъ распоряженій, исходящихъ изъ губернскаго центра.

Всѣ должностныя лица самоуправленія должны быть свободно избраны и въ тоже время состоять подъ контролемъ избирателей.

Но мы полагаемъ, что на званіе начальника губерніи кандидаты должны быть представляемы на утвержденіе центральной власти, чтобы обеспечить ея вліяніе.

Двѣ высшія инстанціи, которыя въ настоящее время составляютъ „губернское правленіе“ и „губернская управа,“ по нашему мнѣнію, излишни, ибо онѣ лишь вызываютъ постоянныя административныя пререканія. Вотъ почему мы полагаемъ подлежащія имъ дѣла соединить подъ предсѣдательствомъ губернатора, въ губернскомъ правленіи, состоящемъ изъ членовъ, избранныхъ гражданами уѣздовъ.

Мы полагаемъ необходимымъ, для обеспеченія единства въ исполненіи законовъ, сосредоточить личную отвѣтственность въ лицѣ волостнаго старшины или городскаго головы и губернатора.

Административный контроль мы бы поручили волостнымъ или городскимъ думамъ и сосредоточили бы его въ провинціяльномъ земствѣ.

Судебный контроль мы сосредоточили бы въ съѣздахъ ѣуздныхъ мировыхъ судей, для того, чтобы дать болѣе вліянія этому учрежденію, которое уже намъ доказало свою практическую полезность.

Мы полагаемъ необходимымъ расширить кругъ дѣйствія волостныхъ и городскихъ судовъ, прибавляя къ ихъ вѣдомству разборъ мелкихъ процессовъ, для того,

чтобы облегчить исполненіе должности мировымъ судьямъ, которые, по нашему мнѣнію, слишкомъ обременены.

Высшая дирекція администраціи самоуправленія должна быть, по нашему мнѣнію, сосредоточена въ провинціяльномъ земствѣ и въ его исполнительномъ комитетѣ, подъ контролемъ генералъ-губернатора и съ правомъ обжалованія въ Сенатъ. Предсѣдатель земства, по нашему мнѣнію, долженъ быть назначаемъ Государемъ Императоромъ, для того, чтобы придать его личности болѣе блеска и вліянія.

За центральною властью необходимо оставить право отрѣшать, впредь до новыхъ выборовъ, должностныхъ лицъ, неспособныхъ или недобросовѣстныхъ, а также закрывать упорныя собранія, на основаніи спеціальнаго закона, который долженъ опредѣлить случаи и способъ ихъ понужденія къ исполненію долга, для того, чтобы сохранить въ государствѣ единство администраціи.

Такимъ образомъ наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы къ участію въ выборахъ привлечь лишь людей спеціальныхъ, то есть всѣ завѣдомыя знаменитости, и устранить отъ нихъ тѣ личности, которыя, удаляясь отъ жизни дѣятельной, доказываютъ свое равнодушіе къ общественному благу. По нашему мнѣнію, это самый лучшій способъ побороть равнодушіе, вызывающее въ деревняхъ абсентеизмъ образованныхъ сословій.

Поэтому, право голоса должно быть зависимо отъ извѣстнаго имущественнаго ценза; но въ тоже время законъ бы долженъ предоставить право голоса, въ провинціяльныхъ собраніяхъ, также лицамъ, пріобрѣвшимъ извѣстную степень высшаго образованія. Ввести общее голосованіе въ Россіи было бы рискованно и преждевременно, тѣмъ болѣе, что въ провинціяльныхъ собраніяхъ представляются матеріальные интерессы, а не политическія тенденціи. Вотъ почему мы желаемъ, чтобы

извѣстный цензъ, имущественный или образовательный, служилъ образованному сословію гарантіей противъ обычныхъ поползновеній необразованныхъ классовъ, слишкомъ легко поддающихся разнымъ постороннимъ вліяніямъ.

Право голоса должно быть личнымъ, то есть голоса нельзя будетъ подавать по довѣренности. Изъ этого должны быть исключены личности, которыя, служа по выборамъ въ какой нибудь волости, уѣздѣ, губерніи или провинціи, въ тоже время владѣютъ недвижимой собственностью въ другомъ административномъ участкѣ. Очень естественно имъ должно быть предоставлено право избирать повѣреннаго изъ гражданъ, имѣющихъ право голоса на общемъ основаніи.

Самоуправленіе есть естественное право, но въ тоже время оно составляетъ общественную обязанность для всѣхъ гражданъ. Поэтому, если участіе въ общественномъ дѣлѣ составляетъ неотъемлемое право гражданина, то общественная служба въ тоже время должна быть обязательна, и законъ долженъ ее признать за такую.

Такъ какъ дѣятельная и добросовѣстная гражданская служба также обязательна, часто даже болѣе обществу полезна, и всегда болѣе производительна, чѣмъ служба военная, то естественно всѣ служащіе по выборамъ должны быть отъ обязательной военной службы освобождены. Составъ арміи отъ этого потерялъ бы очень мало, но общество получило бы увѣренность, что въ спеціальныхъ интеллигенціяхъ у него недостатка не будетъ никогда; ибо такое законоположеніе внушило бы желаніе служить въ общественныхъ должностяхъ, которыхъ получить нельзя бы было иначе, какъ принося пользу своимъ согражданамъ.

По той же причинѣ, такъ какъ служба по выборамъ, въ самоуправленіи, должна быть обязательна, она должна быть почетной и безъ жалованья; если оно бу-

детъ необходимо для лицъ не богатыхъ, то должно имѣть скорѣе характеръ исключительнаго вспомоществованія, чѣмъ постояннаго содержанія.

§ 23.

Теперь мы можемъ опредѣлить составъ провинціяльной администраціи, примѣняя по возможности новые принципы къ настоящему положенію, съ которымъ мы должны сообразоваться.

Общее собраніе домохозяевъ сельскаго общества, большинствомъ голосовъ избираетъ сельскаго старосту и его помощника.

Это же собраніе, подъ предсѣдательствомъ старосты, производитъ періодическіе передѣлы общинной земли; въ случаѣ же окончательнаго раздѣла общинныхъ земель въ частную собственность, рѣшеніе этого собранія требуетъ утвержденія волостнаго совѣта, съ правомъ апелляціи въ провинціяльное земство, чрезъ Губернское правленіе.

Староста передъ волостнымъ обществомъ служитъ представителемъ экономическаго товарищества сельской общины.

Онъ, въ качествѣ повѣреннаго, защищаетъ права этой общины, какъ юридической личности.

Въ тоже время онъ первый полицейскій чиновникъ въ общинѣ и дѣйствуетъ по наставленіямъ своего непосредственнаго начальника, волостнаго старшины. Но въ случаѣ злоупотребленій съ его стороны, онъ можетъ быть отрѣшенъ отъ должности волостнымъ совѣтомъ, который сейчасъ же назначаетъ новые выборы.

Жалобы крестьянъ на злоупотребленія старосты или сельскаго схода, рѣшаются волостнымъ совѣтомъ. Высшую инстанцію для окончательнаго рѣшенія такихъ жалобъ составляетъ Съѣздъ уѣздныхъ мировыхъ судей.

Жалобы сельскихъ обществъ на волостной совѣтъ приносятся генералъ-губернатору, чрезъ Губернское правленіе, окончательное же по нимъ рѣшеніе принадлежитъ правительствующему Сенату.

§ 24.

Всесословная волость или городъ, въ общемъ собраніи обывателей, составленномъ на основаніи извѣстнаго имущественнаго и образовательнаго ценза, избираетъ волостную или городскую думу, волостнаго старшину или городскаго голову, и двоихъ къ каждому изъ нихъ товарищей.

Эти должностныя лица участвуютъ въ совѣщаніяхъ волостной или городской думы.

Въ случаяхъ опредѣленныхъ закономъ, генералъ-губернаторъ можетъ эту думу распустить и назначить новые выборы.

Избирательное право въ волости, какъ и въ городѣ, основывается равно на имущественномъ, какъ и на образовательномъ цензѣ.

Разграниченіе волостей можетъ остаться приблизительно то же, что и теперь; но во всякомъ случаѣ оно должно сообразоваться съ мѣстными выгодами, о которыхъ должны рѣшать сами обыватели.

Всякій русскій гражданинъ, безъ различія званія или сословія, долженъ быть приписанъ къ какой либо волости или городу.

Для пріобрѣтенія качества русскаго подданнаго, необходимо также приписаться предварительно къ какой либо волости или городу.

Всякій русскій гражданинъ, жительствующій въ какомъ либо городѣ или волости въ теченіе одного года, можетъ пріобрѣсти въ нихъ право голоса.

Городской голова, а равно волостной старшина, есть

глава волости или города, и предсѣдательствуетъ въ волостномъ правленіи или въ городской управѣ.

Городской голова и волостной старшина и ихъ два товарища составляютъ волостное правленіе или городскую управу, которыя представляютъ исполнительную власть города или волости.

Волостной или городской думѣ принадлежитъ право контроля волостнаго правленія или городской управы, а также сельскихъ старостъ.

Къ вѣдомству волостной или городской думы относятся слѣдующіе предметы:

Онѣ постановляютъ рѣшеніе, въ случаѣ жалобы, на раскладку между обывателями податей и натуральныхъ повинностей.

Онѣ совѣщаются о протестахъ относительно количества податей, налагаемыхъ на волость или на городъ; о спорахъ относительно границъ сельскаго общества, волости или города, объ общественныхъ искахъ, которые надо поддерживать или предъявлять, объ уплатѣ долговъ лежащихъ на волости или на городѣ; о пріобрѣтеніи недвижимостей и объ установленіи косвенныхъ поборовъ въ пользу волости или города; о первоначальномъ образованіи, публичной гигіенѣ и общественномъ призрѣніи; о содержаніи училищъ, богадѣлень и другихъ учрежденій; о постройкахъ и путяхъ сообщенія; о содержаніи опрятности на улицахъ и объ ихъ освѣщеніи; объ открытіи, содержаніи или отмѣнѣ проселочныхъ дорогъ; о ежегодныхъ расходахъ волости или города; объ отчетности за предыдущіе годы; о распредѣленіи волостныхъ или городскихъ повинностей.

Онѣ рѣшаютъ дѣла о причисленіи и отчисленіи лицъ къ городскому или волостному обществу.

Волостная дума наблюдаетъ за общиннымъ пользованіемъ полевыми и лѣсными угодіями и рѣшаетъ дѣла

о раздѣлѣ общинной земли, передавая свое по этимъ дѣламъ рѣшеніе на утвержденіе провинціяльнаго земства.

Жалобы на рѣшенія волостной или городской думы, по текущимъ дѣламъ, подлежатъ окончательному рѣшенію земства.

Жалобы на превышеніе власти должны быть приносимы генералъ-губернатору, и окончательно разрѣшаются правительствующимъ Сенатомъ.

Но требованія вознагражденія за убытки, должны обращаться къ обыкновеннымъ судамъ.

Волостная дума совмѣстно со всѣми сельскими старостами, точно также какъ и городская дума, разсматриваетъ представленный старшиной или городскимъ головой, годичный бюджетъ доходовъ и расходовъ, и представляетъ его на утвержденіе провинціяльнаго земства посредствомъ Губернскаго правленія.

Провинціяльное земство можетъ отказать въ утвержденіи какой нибудь статьи расхода, но перенести требуемую сумму на другіе расходы не въ правѣ.

Обязательные расходы волостей и городовъ должны быть поименованы въ законѣ.

Законъ долженъ опредѣлить максимумъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ, которыми въ правѣ обложить себя волости или города; наложить больше этого волостная и городская дума ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права. Для такого обложенія свыше назначенной суммы, необходимо всякій разъ изданіе новаго закона.

Займы волостей и городовъ въ суммѣ, превышающей годовой приходъ послѣдняго бюджета, должны быть утверждены провинціяльнымъ земствомъ и генералъ-губернаторомъ.

Отчеты городскаго головы и волостнаго старшины утверждаются окончательно городскою или волостною думою, съ правомъ апелляціи къ провинціяльному земству.

Къ вѣдомству волостной или городской думы принадлежатъ жалобы на распоряженія старшины и головы, или волостнаго правленія и городской управы; апелляція на рѣшенія думы по этимъ жалобамъ приносится провинціяльному земству. Но требованія вознагражденія за убытки разбираются обыкновенными судами.

Волостная или городская дума можетъ ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ о временномъ отрѣшеніи, до новыхъ выборовъ, головы, старшины и ихъ товарищей.

Волостная или городская дума можетъ ходатайствовать передъ уѣзднымъ съѣздомъ мировыхъ судей о преданіи суду головы или всякаго другаго чиновника, или какого либо лица обязаннаго отдать отчетъ въ общественныхъ суммахъ, за растрату, лихоимство и притѣсненія.

Волостная дума рѣшаетъ дѣла по жалобамъ на распоряженія сельскихъ старостъ и сельскихъ сходовъ.

Волостная дума въ правѣ отрѣшить отъ должности за злоупотребленія сельскихъ старостъ и назначить новые выборы.

Волостныя и городскія думы изъ своей среды избираютъ предсѣдателей и собираются акуратно четыре раза въ годъ. Ни старшина, ни голова, ни ихъ товарищи предсѣдателями въ думахъ быть не могутъ.

Въ случаѣ неотложности думы собираются чаще, по приглашенію своихъ предсѣдателей.

Въ экстренныхъ случаяхъ онѣ, по требованію одной трети своихъ членовъ, должны собираться для совѣщаній о злоупотребленіяхъ волостной или городской администраціи и о жалобахъ, приносимыхъ на эту администрацію.

Онѣ избираютъ ежегодно, изъ среды своихъ членовъ,

достаточное количество волостныхъ и городскихъ судей, которые составляютъ первую мѣстную инстанцію по разбирательству дѣлъ объ обидахъ.

Старшина, голова и ихъ товарищи не могутъ быть въ числѣ этихъ судей.

Волостные и городскіе судьи составляютъ въ тоже время первую инстанцію для гражданскихъ исковъ цѣною до 100 руб., и рѣшаютъ дѣла безапелляціонно до 15 руб.

Съѣздъ мировыхъ судей составляетъ высшую инстанцію апелляціонную и кассаціонную.

Волостное правленіе или городская управа приводитъ немедленно въ исполненіе всѣ окончательные приговоры волостныхъ или городскихъ судей, а также и приговоры мировыхъ судей въ уѣздахъ.

Но одни лишь волостные старшины или городскіе головы, въ качествѣ предсѣдателей волостнаго правленія и городской управы, занимаются дѣятельной администраціей; поэтому они назначаютъ на всѣ волостныя или городскія должности, если законъ не опредѣлилъ другаго способа назначенія; они же имѣютъ право, въ случаѣ необходимости, отрѣшать этихъ чиновниковъ отъ занимаемыхъ ими должностей.

Первые помощники волостнаго старшины это сельскіе старосты — каждый въ своемъ обществѣ — и его товарищи.

Поэтому товарищи городскаго головы или волостнаго старшины, при рѣшеніи текущихъ дѣлъ, могутъ заступать ихъ мѣсто.

Старшина и голова руководствуютъ волостною или городскою полиціей, подъ наблюденіемъ уѣзднаго полицейскаго правленія.

Они раскладываютъ между обывателями всѣ подати

и повинности, и наблюдаютъ за своевременнымъ ихъ поступленіемъ.

Они приводятъ въ исполненіе предписанія закона о натуральныхъ повинностяхъ.

Они содѣйствуютъ исполненію судебныхъ приговоровъ.

Имъ принадлежитъ надзоръ за первоначальными училищами, за проселочными дорогами, за освѣщеніемъ улицъ, за больницами, богадѣльнями и другими волостными или городскими учрежденіями.

Въ своей официальной дѣятельности они отдаютъ отчетъ уѣздному полицейскому правленію, которое контролируетъ ихъ дѣйствія съ правительственной точки зрѣнія и можетъ, посредствомъ губернскаго правленія, ходатайствовать объ ихъ смѣщеніи, впредь до новыхъ выборовъ.

Они представляютъ волость или городъ при всѣхъ къ нимъ относящихся дѣйствіяхъ, они управляютъ ихъ имуществомъ, заботятся объ ихъ интерессахъ, принимаютъ мѣры по мѣстной полиціи.

Поэтому, какъ городской голова, такъ и волостной старшина вмѣстѣ — агентъ правительства, мѣстный хозяинъ и чиновникъ судебной полиціи.

По всѣмъ дѣламъ общей полиціи они сносятся съ уѣзднымъ полицейскимъ правленіемъ и приводятъ въ исполненіе его административныя распоряженія, въ предѣлахъ своего законнаго вѣдомства.

Жалобы на городскаго голову и волостнаго старшину за превышеніе власти должны быть приносимы генералъ-губернатору, окончательное же по нимъ рѣшеніе принадлежитъ правительствующему Сенату.

Но обвиненія въ растратѣ общественныхъ суммъ или жалобы на лихоимство должны быть подаваемы

волостной или городской думѣ, которыя рѣшаютъ ихъ въ обыкновенномъ порядкѣ.

§ 25.

Всѣ волостныя и городскія думы, вмѣстѣ со съѣздомъ уѣздныхъ мировыхъ судей, избираютъ отъ каждаго уѣзда одного совѣтника на члена губернскаго правленія и его помощника.

Думы вотируютъ на мѣстѣ и передаютъ свои голоса съѣзду мировыхъ судей, который собирается въ уѣздномъ городѣ для производства выборовъ.

Эти совѣтники должны обладать извѣстными способностями, опредѣленными спеціальнымъ закономъ.

Вмѣстѣ съ губернаторомъ въ составѣ губернскаго правленія они избираютъ исправника, его помощника и двухъ ихъ товарищей или засѣдателей въ каждомъ уѣздѣ.

Всѣ четыре (исправникъ, его помощникъ и два ихъ товарища) составляютъ уѣздную административную коллегію подъ предсѣдательствомъ исправника.

Административная коллегія дѣйствуетъ въ качествѣ мѣстной делегаціи губернскаго правленія подъ названіемъ Уѣзднаго полицейскаго правленія.

Оно наблюдаетъ за общественнымъ порядкомъ и исполненіемъ законовъ.

Оно вѣдаетъ общую полицію уѣзда.

Оно контролируетъ дѣятельность волостныхъ старшинъ и городскихъ головъ.

Оно сносится съ губернскимъ правленіемъ и приводитъ въ исполненіе его предписанія, въ кругу своего законнаго вѣдомства.

Оно приводитъ въ исполненіе законы посредствомъ старшинъ и головъ, а также и полицейскихъ приставовъ.

Всѣ дѣла уѣзда, равно какъ и дѣла уѣздной земской

управы и обыкновенной полиціи, сосредоточиваются въ полицейскомъ правленіи и рѣшаются коллегіяльно, съ правомъ обжалованія ея рѣшеній передъ губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ.

Законъ опредѣляетъ дѣла, которыя исправникъ можетъ рѣшить подъ личною своей отвѣтственностью, равно какъ тѣ, которыя непремѣнно должны быть рѣшаемы коллегіяльно полицейскимъ правленіемъ въ полномъ составѣ.

Всѣ въ уѣздѣ спеціальныя административныя учрежденія различныхъ наименованій: управа, присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, упраздняются.

Низшіе чиновники, полицейскіе пристава или другіе назначаются и отмѣняются исправникомъ, съ утвержденія губернатора.

Полицейскіе пристава дѣйствуютъ въ качествѣ уполномоченныхъ полицейскимъ правленіемъ, наблюдаютъ за исполненіемъ предписаній общей полиціи и употребляются для повѣрки дѣятельности волостнаго или городскаго правленія, которыя лишь одни окончательно приводятъ въ исполненіе законы.

Губернаторъ въ правѣ удалить исправника или отрѣшить отъ должности всѣхъ членовъ уѣзднаго полицейскаго правленія, и на мѣсто ихъ назначить временныхъ, впредь до окончательнаго назначенія, которое должно имѣть мѣсто никакъ не позже трехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ.

Жалобы на распоряженія или апелляція на рѣшенія уѣзднаго полицейскаго правленія за превышеніе власти должны быть обращаемы въ губернское правленіе, которое само отвѣчаетъ за дѣйствія своей делегаціи въ уѣздѣ.

Иски о вознагражденіи за убытки должны быть предъявляемы обыкновеннымъ судамъ.

Но обвиненія въ растратѣ общественныхъ суммъ или въ лихоимствѣ должны быть предъявляемы уѣздному съѣзду мировыхъ судей.

Съѣздъ мировыхъ судей имѣетъ право наблюденія надъ дѣйствіями полицейскаго правленія и всѣхъ волостныхъ старшинъ и городскихъ головъ въ уѣздѣ.

Онъ въ тоже время составляетъ окончательную инстанцію по жалобамъ крестьянъ на злоупотребленія сельскихъ старостъ или сельскихъ сходовъ.

Въ качествѣ инстанціи административнаго надзора съѣздъ мировыхъ судей имѣетъ лишь совѣщательный голосъ, который долженъ быть принятъ во вниманіе подлежащими властями.

Вообще по всѣмъ предметамъ, касающимся мѣстной администраціи, онъ обязательно представляетъ свои заключенія по принадлежности.

Вѣдомству его подлежатъ: заключеніе на счетъ употребленія назначенныхъ на потребности уѣзда суммъ и надзоръ за ихъ расходованіемъ; заключеніе на счетъ общественныхъ работъ въ уѣздѣ и надзоръ за правильностью составленія смѣтъ; общій надзоръ за законнымъ распредѣленіемъ прямыхъ податей и подоходнаго налога между обывателями уѣзда; я совѣщаніе и заключеніе въ случаѣ жалобъ на правильность распредѣленія государственныхъ и земскихъ повинностей, и представленіе своихъ по этому предмету заключеній на утвержденіе земства. — Совѣщанія на счетъ учрежденія сельской полиціи и представленіе своего мнѣнія на утвержденіе земства. — Совѣщанія и заключенія въ случаѣ жалобъ по поводу волостныхъ или городскихъ бюджетовъ и представленіе ихъ на утвержденіе земства. — Заключенія о способахъ раздѣла общественныхъ земель, а также на счетъ отмѣны сельскихъ сервитутовъ. — Повѣрка счетовъ уѣзднаго полицейскаго правленія.

Съѣздъ мировыхъ судей, вмѣстѣ съ волостными и городскими думами, избираетъ одного представителя уѣзда, который засѣдаетъ въ губернскомъ правленіи въ качествѣ совѣтника.

Съѣздъ мировыхъ судей можетъ ходатайствовать о преданіи суду всякаго должностнаго лица въ уѣздѣ, которому ввѣрены общественныя суммы за опредѣляемыя уголовными законами злоупотребленія и растраты.

По этому предмету онъ обращается съ ходатайствомъ къ провинціяльному земству.

Съѣздъ мировыхъ судей составляется слѣдующимъ образомъ:

Волостныя и городскія думы, избираютъ назначенное закономъ количество судей дѣйствительныхъ или окружныхъ.

Всякій мѣстный и постоянный житель уѣзда, удовлетворяющій извѣстному имущественному цензу или обладающій опредѣленными закономъ личными образовательными качествами, можетъ просить генералъ-губернатора о назначеніи его почетнымъ мировымъ судьею; отказъ свой генералъ-губернаторъ долженъ мотивировать.

На вступленіе въ исправленіе должности, такой судья долженъ пріобрѣсти согласіе съѣзда мировыхъ судей. Отказъ долженъ быть мотивированъ.

Послѣ своего принятія и утвержденія правительствующимъ Сенатомъ, онъ вступаетъ въ исполненіе должности судьи, на равнѣ съ существующими дѣйствительными мировыми судьями.

Съѣздъ мировыхъ судей, въ качествѣ судебной инстанціи, дѣйствуетъ на основаніи существующихъ теперь законоположеній, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что отдѣльный мировой съѣздъ долженъ существовать для каждаго уѣзда.

Въ качествѣ инстанціи административнаго надзора, съѣздъ мировыхъ судей собирается четыре раза въ годъ, въ уѣздномъ городѣ.

Тогда онъ избираетъ своего предсѣдателя на все время засѣданій.

Его засѣданія публичны; протоколы его совѣщаній должны быть публикованы въ мѣстныхъ офиціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

§ 26.

Генералъ-губернаторъ провинціи назначаетъ въ каждой губерніи губернатора, изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ провинціяльнымъ земствомъ. Изъ двухъ остальныхъ кандидатовъ онъ избираетъ вице-губернатора, который предсѣдательствуетъ въ Губернскомъ правленіи, въ отсутствіе губернатора.

Всѣ три кандидата должны обладать необходимыми качествами, опредѣленными въ спеціальномъ законѣ.

Губернатору принадлежитъ право контроля надъ всею губернскою администраціей.

Губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя губернскаго правленія, представляетъ вездѣ провинціяльное земство.

По этому предмету онъ сносится непосредственно съ исполнительнымъ комитетомъ земства.

Въ тоже время онъ начальникъ общей полиціи въ губерніи.

Онъ въ правѣ въ экстренныхъ, предвидѣнныхъ закономъ случаяхъ, устранить отъ должности всякаго выборнаго чиновника, до надлежащаго рѣшенія дѣла, и подъ собственной отвѣтственностью замѣстить его другимъ, впредь до новыхъ выборовъ.

Онъ имѣетъ право отрѣшить отъ должности всѣхъ

членовъ уѣзднаго полицейскаго правленія и замѣстить ихъ временными, впредь до новаго назначенія.

Ему, какъ предсѣдателю губернскаго правленія, принадлежитъ дѣятельная администрація; поэтому онъ совмѣстно съ губернскимъ правленіемъ назначаетъ на всѣ административныя должности въ губерніи, если специяльный законъ не опредѣлилъ другаго способа ихъ замѣщенія; онъ же, въ случаѣ необходимости, имѣетъ право отрѣшать отъ должности служащихъ подъ собственною своею отвѣтственностью.

Въ его вѣдѣніи находятся: первоначальное образованіе, санитарное дѣло, общественное призрѣніе, пути сообщенія и другія общественныя учрежденія.

Въ качествѣ предсѣдателя губернскаго правленія, онъ въ правѣ отмѣнять постановленія уѣзднаго полицейскаго правленія.

Онъ имѣетъ право пріостановить исполненіе постановленій головы или старшины, впредь до надлежащаго разрѣшенія, но лишь въ случаѣ основательной жалобы заинтерессованыхъ сторонъ на превышеніе власти.

Онъ наблюдаетъ за правильностью раскладки налоговъ между волостями и городами, а также и за своевременнымъ ихъ взносомъ и за исполненіемъ натуральныхъ повинностей.

Поэтому ему лично принадлежитъ званіе главы исполнительной власти въ губерніи, непосредственный же его начальникъ по государственному управленію есть генералъ-губернаторъ провинціи.

Но въ качествѣ завѣдывающаго мѣстными интерессами, онъ дѣйствуетъ посредствомъ губернскаго правленія и подчиняется распоряженіямъ провинціяльнаго земства.

Настоящее губернское правленіе вѣдаетъ всѣ дѣла

прежняго губернскаго правленія, а также дѣла прежней губернской земской управы.

Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе упраздняется, а его дѣла распредѣляются между земствомъ, губернскимъ правленіемъ и общими судами.

Губернское правленіе есть главный органъ исполнительной власти самоуправленія въ губерніи, приводящій въ исполненіе, подъ наблюденіемъ губернатора, законныя распоряженія провинціяльнаго земства, какъ равно и требованія центральнаго правительства.

По этому предмету оно входитъ въ сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ земства и получаетъ отъ него общіе указы, которые приводитъ въ исполненіе на мѣстѣ, въ кругу своего законнаго вѣдомства, посредствомъ волостныхъ старшинъ или городскихъ головъ, подъ надзоромъ уѣздныхъ полицейскихъ правленій.

Въ тоже время оно составляетъ органъ исполнительной полиціи въ губерніи.

Губернское правленіе состоитъ изъ одного совѣтника и его помощника, избранныхъ въ каждомъ уѣздѣ съѣздомъ мировыхъ судей, совмѣстно съ волостными и городскими думами, и изъ мѣстнаго вице-губернатора, въ качествѣ заступающаго мѣсто предсѣдателя.

Въ губернскомъ правленіи предсѣдательствуетъ губернаторъ.

Законъ долженъ опредѣлить случаи, въ которыхъ рѣшеніе принадлежитъ лично губернатору, подъ его собственной отвѣтственностью, равно какъ тѣ дѣла, которыя должны быть рѣшаемы губернскимъ правленіемъ коллегіяльно.

Въ случаѣ несогласія мнѣній и споровъ между губернаторомъ и губернскимъ правленіемъ на счетъ компетенціи дѣлъ, рѣшаетъ генералъ-губернаторъ. Отъ

его рѣшеній апелляція приносится правительствующему Сенату.

Всѣ дѣла самоуправленія, а также дѣла административныя и общей полиціи, сосредоточиваются и рѣшаются въ Губернскомъ правленіи, сообразно законному кругу его вѣдомства, всегда съ правомъ апелляціи въ соотвѣтственную высшую инстанцію.

Жалобы на постановленія губернскаго правленія по дѣламъ, касающимся самоуправленія, приносятся провинціяльному земству, которое по нимъ рѣшаетъ окончательно.

Иски объ удовлетвореніи за убытки предълвляются общимъ судамъ.

Жалобы на превышеніе власти губернскимъ правленіемъ приносятся генералъ-губернатору, а окончательно по нимъ рѣшаетъ правительствующій Сенатъ.

Но жалобы и обвиненія въ растратѣ общественныхъ суммъ и лихоимствѣ должны быть подаваемы для разсмотрѣнія въ съѣздъ мировыхъ судей губернскаго города, который произноситъ о нихъ рѣшенія въ обыкновенномъ порядкѣ.

Генералъ-губернаторъ провинціи имѣетъ право отрѣшить губернатора отъ должности, и на мѣсто его назначить другаго, впредь до представленія новыхъ кандидатовъ.

§ 27.

Генералъ-губернаторъ провинціи назначается Высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ.

Генералъ-губернаторъ представляетъ передъ гражданами провинціи величіе Короны.

Онъ глава государственной исполнительной власти въ провинціи.

Онъ дѣйствуетъ по повелѣніямъ и подъ отвѣтственностью министерства.

Посредствомъ его всѣ министры сносятся съ провинціяльнымъ земствомъ и прочими административными учрежденіями провинціи.

Онъ отвѣчаетъ за дѣйствія и стремленія губернаторовъ, которыхъ назначаетъ по представленіямъ земства, устраняетъ, или въ случаѣ неотложности замѣщаетъ другими, до представленія новыхъ кандидатовъ.

Всѣ административныя распоряженія центральной власти передаются въ провинцію для исполненія черезъ его посредство.

Онъ утверждаетъ административныя постановленія земства въ законномъ кругу его вѣдомства, на основаніи спеціяльнаго закона.

Онъ въ правѣ протестовать противъ введенія земствомъ всякихъ новыхъ уставовъ, превышающихъ предѣлы правъ земства. О своемъ протестѣ онъ доводитъ до свѣденія министра внутреннихъ дѣлъ, который рѣшаетъ споръ; но окончательное его рѣшеніе, въ случаѣ апелляціи, принадлежитъ правительствующему Сенату.

Онъ открываетъ и закрываетъ засѣданія земства.

Онъ можетъ его распустить по повелѣнію министра.

Онъ можетъ, въ случаяхъ предвидѣнныхъ закономъ, распустить всякое выборное собраніе провинціи, подъ собственною отвѣтственностью.

Онъ можетъ также, посредствомъ мѣстныхъ губернаторовъ, распорядиться объ отрѣшеніи всякаго выборнаго должностнаго лица, въ извѣстныхъ, закономъ предвидѣнныхъ случаяхъ, и о замѣщеніи его другимъ, до новыхъ выборовъ.

Въ подобныхъ случаяхъ, онъ обязанъ назначить новые выборы или требовать представленія новыхъ кан-

дидатовъ, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ закрытія собранія или устраненія должностнаго лица.

Въ этомъ онъ несетъ личную отвѣтственность передъ закономъ.

Апелляціи о превышеніи власти на рѣшенія генералъ-губернатора, со стороны провинціяльнаго земства, должны быть приносимы министру внутреннихъ дѣлъ; окончательное же по нимъ рѣшеніе принадлежитъ правительствующему Сенату.

§ 28.

Провинціяльное земство есть официальное представительство и правительствующее учрежденіе провинціяльнаго самоуправленія.

Исполнительные органы провинціяльнаго собранія составляютъ: исполнительный комитетъ земства въ провинціи, губернское правленіе во всякой губерніи, волостное правленіе во всякой волости и городская управа во всякомъ городѣ.

Провинціяльное земство составляется слѣдующимъ образомъ: всѣ члены волостныхъ и городскихъ думъ уѣзда и всѣ мировые судьи, какъ почетные и такъ и дѣйствительные, собираются въ опредѣленный закономъ срокъ въ уѣздномъ городѣ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, и избираютъ трехъ депутатовъ, осѣдлыхъ въ провинціи, которые, во все время засѣданія земства, дѣйствуютъ тамъ какъ представители интерессовъ уѣзда.

Города съ населеніемъ превышающимъ 10,000 жителей, избираютъ соотвѣтствующее число депутатовъ.

Запрещается давать и принимать повелительныя полномочія.

Его Императорское Величество назначаетъ предсѣ-

дателя земства изъ важнѣйшихъ личностей, входящихъ въ составъ провинціяльнаго представительства.

Земство избираетъ изъ своей среды вице-предсѣдателя и трехъ членовъ, которые образуютъ исполнительный комитетъ земства.

Предсѣдатель земства въ тоже время есть предсѣдатель исполнительнаго комитета.

Исполнительный комитетъ провинціяльнаго земства есть офиціяльный органъ, въ которомъ первоначально сосредоточиваются всѣ распоряженія центральной власти, дѣлаемыя земству посредствомъ генералъ-губернатора; посредствомъ того же комитета общее собраніе земства представляетъ центральной власти свои жалобы и свои ходатайства.

Исполнительный комитетъ земства засѣдаетъ постоянно.

Исполнительный комитетъ занимается лишь приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній общаго собранія земства, и согласно этому управляетъ текущими дѣлами.

Онъ посылаетъ отъ имени земства указы губернскимъ правленіямъ, волостнымъ правленіямъ и городскимъ управамъ, съ требованіемъ немедленнаго ихъ исполненія.

Общее собраніе земства собирается однажды въ годъ, въ главномъ городѣ провинціи.

Оно собирается по приглашенію своего предсѣдателя и въ срокъ имъ назначенный.

Его засѣданія публичны.

Засѣданіе не можетъ продолжаться болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Общее собраніе земства учреждаетъ свой исполнительный комитетъ, который дѣйствуетъ въ промежуткѣ между однимъ собраніемъ и другимъ.

Земству запрещается заниматься другими предметами кромѣ тѣхъ, которые опредѣлены закономъ.

Земства сносятся одно съ другимъ посредствомъ генералъ-губернаторовъ.

Годичный бюджетъ провинціи, отчеты и совѣщанія земства печатаются и публикуются.

Лежащіе на провинціяльномъ земствѣ расходы, должны быть исчислены въ законѣ.

Никакой расходъ не можетъ быть возложенъ на обязанность земства иначе, какъ по спеціяльному, всякій разъ издаваемому закону.

Законъ долженъ опредѣлить извѣстный максимумъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, которыми земство въ правѣ обложиться; возвысить эти налоги земство можетъ не иначе, какъ по особому всякій разъ закону.

Въ обыкновенномъ кругу своихъ правъ и обязанностей провинціяльное земство составляетъ юридическую личность, признанную закономъ и представляющую матеріальные интерессы провинціи. Въ этомъ качествѣ оно, поэтому, можетъ предъявлять иски о вознагражденіи за убытки въ общихъ судахъ или приносить апелляцію о превышеніи власти въ правительствующій Сенатъ.

Кромѣ того, земство составляетъ инстанцію для разбора жалобъ на постановленія волостныхъ правленій, городскихъ управъ и губернскаго правленія. На этотъ предметъ оно изъ среды своей избираетъ судебную делегацію, которая собирается четыре раза въ годъ, подъ предсѣдательствомъ самаго предсѣдателя земства.

Земство въ правѣ, по предложенію уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей, ходатайствовать объ отдачѣ подъ судъ всякаго должностнаго лица въ провинціи или всякаго обязаннаго дать отчетъ въ общественныхъ суммахъ, за растраты и лихоимства, предвидѣнныя въ уголовныхъ законахъ.

Провинціяльное земство имѣетъ право подвергать у Престола заявленія о своихъ нуждахъ и подавать адрессы. На этотъ предметъ оно избираетъ торжественную депутацію.

Право петиціи земства къ національному представительству будетъ опредѣлено спеціальнымъ закономъ.

§ 29.

Къ вѣдомству общаго собранія провинціяльнаго земства относятся слѣдующіе предметы:

Оно, въ качествѣ инстанціи исполнительной власти, вѣдаетъ общую полицію провинціи.

Въ качествѣ высшей административной инстанціи, оно завѣдываетъ матеріальными интерессами провинціи.

Въ его вѣдѣніи и управленіи находятся всѣ общественныя недвижимыя имѣнія и капиталы провинціи, оно правоспособно совершать договоры продажи и купли, такъ какъ ему принадлежатъ всѣ качества и права признанной закономъ юридической личности.

Оно тщательно заботится о развитіи земледѣлія.

Вслѣдствіе этого оно обращаетъ вниманіе на всѣ относящіеся къ земледѣлію законы и оказываетъ покровительство всѣмъ обществамъ сельскаго хозяйства и всѣмъ подобнаго рода учрежденіямъ.

Оно поощряетъ развитіе мѣстной промышленности; по этому предмету оно, въ предѣлахъ предоставленной ему закономъ власти, издаетъ разныя экономическія распоряженія и постановленія.

Оно содержитъ общественныя зданія и располагаетъ ими.

Оно содержитъ и ремонтируетъ пути сообщенія въ провинціи, употребляя на этотъ предметъ налоги или натуральную повинность.

Оно въ правѣ проводить для своихъ потребностей новые пути сообщенія.

Оно наблюдаетъ за общественными работами, производимыми на счетъ государства, и обязано повѣрять смѣты и отчеты такихъ работъ производимыхъ въ границахъ провинціи.

Оно содержитъ находящіяся въ провинціи мѣста заключенія и наблюдаетъ за ними.

Въ его вѣдѣніи состоитъ пересылка подсудимыхъ и приговоренныхъ по суду.

Въ его вѣдѣніи состоитъ администрація богоугодныхъ заведеній, больницъ и пріютовъ для умалишенныхъ.

Оно устроиваетъ и поддерживаетъ санитарное дѣло.

Оно наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ относительно всеобщей воинской повинности въ провинціи.

Оно завѣдываетъ общественнымъ призрѣніемъ и предпринимаетъ надлежащія мѣры въ случаѣ свирѣпствованія голода.

Оно устроиваетъ первоначальное образованіе, основываетъ первоначальныя и профессіональныя училища, а также учительскія семинаріи, и наблюдаетъ за ними.

Оно основываетъ и поддерживаетъ агрономическія училища и опытныя фермы.

Оно устроиваетъ въ провинціи мѣстныя земледѣльческія и промышленныя выставки.

Его надзору подлежатъ провинціяльныя образцовыя стада и случныя конюшни.

Его вѣдѣнію принадлежитъ организація и администрація поземельнаго кредита.

Оно устроиваетъ общества взаимнаго обязательнаго страхованія отъ скотскихъ падежей, пожаровъ и пр.

Оно основываетъ и устроиваетъ въ провинціи кадастръ и за нимъ наблюдаетъ.

Оно рѣшаетъ дѣла по административному разграниченію сельскихъ обществъ, волостей и городовъ.

Оно наблюдаетъ за способомъ раздѣленія общественныхъ земель, а также за отмѣной сельскихъ сервитутовъ.

Оно, совмѣстно съ государствомъ, содержитъ почтовыя станціи.

Посредствомъ губернскихъ правленій, оно дѣлаетъ между волостями и городами раскладку всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, натуральныхъ повинностей, поземельнаго и подоходнаго налога и всѣхъ прочихъ государственныхъ податей.

Оно дѣлаетъ раскладку обязательныхъ издержекъ между бюджетами волостей и городовъ съ одной стороны, и провинціяльными бюджетами — съ другой.

Всю общую сумму этихъ издержекъ, падающую на цѣлую провинцію, оно распредѣляетъ между волостями и городами, посредствомъ губернскихъ правленій.

Оно разбираетъ судебнымъ порядкомъ всѣ требованія и возраженія на счетъ раскладки налоговъ и натуральныхъ повинностей, и, выслушавъ мнѣніе съѣзда мировыхъ судей подлежащаго уѣзда, постановляетъ рѣшеніе посредствомъ своей судебной делегаціи.

Оно утверждаетъ волостные и городскіе бюджеты, въ случаѣ жалобъ, выслушивая предварительно заключеніе съѣзда мировыхъ судей подлежащаго уѣзда.

Оно наблюдаетъ посредствомъ губернскихъ правленій за своевременнымъ поступленіемъ государственныхъ налоговъ.

Оно контролируетъ годичные отчеты губернскихъ правленій.

Оно контролируетъ отчеты по исполненію волостныхъ и городскихъ бюджетовъ, въ случаѣ поступившихъ жалобъ.

Оно повѣряетъ отчеты по собственному своему последнему бюджету.

Оно свободно назначаетъ свой годичный бюджетъ, въ границахъ, опредѣленныхъ закономъ.

Бюджетъ прихода его состоитъ изъ дохода собственныхъ его движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ и пособій отъ государства.

Остальное оно дополняетъ изъ налоговъ, которыми облагать себя дозволяетъ ему законъ.

Съ этой цѣлью оно облагаетъ недвижимую собственность, мѣстныя промышленныя заведенія и купеческія свидѣтельства, въ надлежащихъ размѣрахъ и опредѣленнымъ въ законѣ образомъ.

Перевышка расходовъ покрывается добавочными копѣйками къ подоходному налогу.

Акцизъ „Octroi“ въ городахъ и взыманіе платежей по дорогамъ не могутъ быть введены иначе, какъ съ утвержденія генералъ-губернатора провинціи.

Всякій провинціяльный заемъ, котораго сумма превышаетъ годичный приходъ послѣдняго бюджета, требуетъ необходимо утвержденія генералъ-губернатора.

Въ случаѣ какого либо умышленнаго упущенія со стороны провинціяльнаго собранія земства, генералъ-губернаторъ имѣетъ право певелѣть исполнить лежащія на земствѣ повинности, посредствомъ подлежащаго губернскаго правленія, на счетъ самаго же того упорнаго земства.

Жалобы на превышеніе земствомъ власти должны быть приносимы генералъ-губернатору; окончательно же по нимъ рѣшаетъ правительствующій Сенатъ.

Административныя пререканія между генералъ-губернаторомъ провинціи и провинціяльнымъ земствомъ, разрѣшаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ; отъ его рѣшенія апелляція можетъ быть приносима правительствующему Сенату.

§ 30.

Іерархическое расписаніе учрежденій провинціяльнаго самоуправленія.

Іерархическое росписаніе учрежденій провинціяльнаго самоуправленія.

Центральная власть,

Министръ внутреннихъ дѣлъ.

Обыкновенные суды, какъ судебная инстанція.	Генералъ-губернаторъ (исполнительный органъ министерства).	Сенатъ (инстанція. административнаго контроля.	Національное представительство (послѣдняя инстанція).

Провинціяльное земство

Обыкновенные суды, какъ судебная инстанція.	*Инстанція административнаго контроля*, судебная делегація, избранная общимъ собраніемъ земства; въ ней предсѣдательствуетъ предсѣдатель земства. Собирается четыре раза въ годъ и разбираетъ жалобы.	*Делиберативное собраніе*, провинціяльное представительство, рѣшаетъ провинціяльныя дѣла въ общемъ собраніи представителей, и управляетъ посредствомъ исполнительнаго комитета. Общее собраніе собирается однажды въ годъ.	*Исполнительный комитетъ*, избранный общимъ собраніемъ въ немъ предсѣдательствуетъ самъ предсѣдатель земства, назначенный центральной властью; представляетъ исполнительную власть провинціяльнаго самоуправленія. Засѣдаетъ постоянно.	Генералъ-губернатор. Административный контроль.	Послѣдняя инстанція: Сенатъ.

Обыкновенные суды, какъ судебная инстанція | *Губернаторъ*, назначенный генералъ-губернаторомъ, по представленію провинціяльнаго | Общее собраніе земства, | Соотвѣтству[ющая инстан...] | Послѣдняя

своей исполнительной делегаціи во всякомъ уѣздѣ, которую составляетъ:

Обыкновенные суды, какъ судебная инстанція.	Съѣздъ мировыхъ судей уѣзда, какъ мѣстный контроль, съ совѣщательнымъ голосомъ.	*Полицейское правленіе*, назначенное губернскимъ правленіемъ совмѣстно съ губернаторомъ.	Единственный порядокъ административной отвѣтственности въ губернаторѣ и губернскомъ правленіи.

Волостные старшины и городскіе головы представляютъ власть исполнительную

Обыкновенные суды, какъ судебная инстанція.	Съѣздъ уѣздныхъ мировыхъ судей составляетъ мѣстный контроль, съ совѣщательнымъ голосомъ.	Делиберативная власть принадлежитъ волостнымъ и городскимъ думамъ. онѣ рѣшаютъ дѣла и управляютъ посредствомъ старшинъ и головъ.	Общее собраніе провинціяльнаго земства дѣйствуетъ въ качествѣ высшаго органа административнаго контроля, и рѣшаетъ жалобы.	Соотвѣтствующая инстанція: Генералъ-губернаторъ.	Послѣдняя инстанція: Сенатъ.

Сельское общество, представляетъ лишь общность хозяйственныхъ интерессовъ деревни.

Его администраціей завѣдываетъ собственный его староста и общее собраніе отцовъ семействъ и хозяевъ.

Подъ надзоромъ Волостнаго правленія и съѣзда уѣздныхъ мировыхъ судей, а также соотвѣтственныхъ высшихъ инстанцій.

Я кончилъ, и полагаю, сказалъ что нужно.

При ограниченномъ объемѣ, котораго требуетъ мой трудъ, я старался быть сжатымъ, но не пропустилъ ничего. Если недостаточность моихъ свѣдѣній и не дозволило мнѣ быть довольно яснымъ для того, чтобы убѣдить, то во всякомъ случаѣ у меня не было недостатка въ прямодушномъ намѣреніи.

Не смотря на мое ревностное желаніе не умолчать ни о чемъ, я всегда старался быть объективнымъ и вмѣстѣ избѣгать личностей. Это потому, что я всегда желалъ быть также лойяльнымъ, какъ и правдолюбивымъ. Можетъ быть форма моего изложенія покажется иногда рѣзкой, но сущность его всегда честна. Я прошу читателей извинить нѣкоторую жесткость моихъ выраженій; она была необходима для того, чтобы лучше оттѣнить истинность показаній.

Говорить всегда лишь истину, не обидѣвъ невольно тѣхъ, чьи дѣйствія порицаются, очень трудно, особенно когда надо произносить сужденіе о причинахъ и послѣдствіяхъ. Но я рѣшился высказаться вполнѣ, „sine ira et studio,“ лишь изъ желанія исполнить прямодушно мой гражданскій долгъ.

Поэтому своего оправданія я ожидаю отъ людей честныхъ и доброй воли, которымъ и посвящаю мой трудъ.

И такъ, я обращаюсь ко всѣмъ, кто вѣруетъ, надѣется и страдаетъ.

Sursum corda! ибо одно лишь общее соглашеніе способно доставить торжество истинѣ.

Но есть другіе, которыхъ наши лойяльныя намѣренія обидятъ. Они въ нихъ усмотрятъ посягательство на свою вѣковую монополію.

Мы ихъ знаемъ, этихъ противниковъ, и то ожесточеніе, съ которымъ они отстаиваютъ свои привилегіи.

Намъ очень хорошо извѣстно, что наши бюрократы не знаютъ предѣловъ своего усердія и не останавливаются ни предъ чѣмъ; имъ всякое море по колѣна. Они сами себѣ даютъ всевозможныя полномочія, присвоиваютъ себѣ всевозможныя порученія и сами себѣ навязываютъ всевозможныя призванія и миссіи. Они считаютъ себя единственно надежными правителями мѣстнаго интересса, единственными органами заявленія общественныхъ желаній и самыми бдительными надсмотрщиками партій. Одна мысль о провинціяльной автономіи приводитъ ихъ въ несказанное волненіе и сильное раздраженіе; по ихъ мнѣнію, специяльныя свѣдѣнія частныхъ лицъ слишкомъ ограничены, и эти лица никакъ не въ силахъ справиться съ задачами общественной администраціи. Они бы желали изъ этихъ общественныхъ задачъ образовать для себя монополію!

Но они сами, откуда же они набрались этихъ свѣдѣній, которыми такъ гордятся?

Не составляютъ-ли они сами часть той націи, о неопытности которой они отзываются съ такимъ пренебреженіемъ?

Чтобы покончить съ этимъ споромъ, мы повторяемъ: „искусство самопомощи происходитъ изъ одного лишь источника, изъ привычки пособлять самому себѣ; а незнаніе этого искусства происходитъ единственно отъ непривычки имъ пользоваться.“

Будемъ же смѣлы, и не станемъ терять увѣренности въ успѣхѣ, а время исполнитъ свой долгъ какъ посредникъ и примиритель.

По моему мнѣнію, общественная опасность состоитъ не въ смѣлости дѣйствія, но скорѣе въ малодушной медлительности или въ упрямомъ эгоизмѣ, которые вездѣ и всегда увеличивали тяжесть положенія. Это доказы-

ваетъ намъ исторія, а мы знаемъ, что историческія аналогіи повторяются.

По несчастью, когда общественный кризисъ приближается, боязливые умы обыкновенно ставятъ опасности мелкія преграды, стараются ограничить и уменьшить ее мелкими мѣропріятіями, не изслѣдуютъ источника зла, а запруживаютъ лишь его теченіе. Въ подобныхъ случаяхъ поступаютъ такъ обыкновенно.

Достовѣрно, что чѣмъ болѣе люди господствующаго класса приспособлены къ извѣстному положенію, тѣмъ менѣе они годятся для положенія противоположнаго. Это потому, что привычки и способности, которыя были имъ полезны прежде, въ новомъ положеніи дѣлаются вредными. Это еще потому, что ихъ привычки слишкомъ стары и слишкомъ сильны, а въ новой средѣ, куда они попали внезапно, ихъ ослѣпляетъ собственная ихъ тонкость; ибо никогда никто мелкими средствами не достигалъ большаго успѣха.

Знаю очень хорошо, что льстецы возразятъ мнѣ, что въ Россіи все обстоитъ благополучно, какъ въ самомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; что прямодушная преданность простонародья обеспечивается общепризнательнымъ обожаніемъ личности Государя; и что если явное неудовольствіе интеллигентнаго меньшинства побуждаетъ его къ порицанію, то правительству не слѣдуетъ обращать на это вниманія, въ виду равнодушнаго и безстрастнаго одобренія необразованнаго большинства, а противъ нарушителей господствующаго порядка надо лишь употребить строгія мѣры, такъ какъ правительство имѣетъ за собою численность и силу.

Но одно лишь число не составляетъ силы и никогда не доставляло торжества ни одному дѣлу!

Знаю очень хорошо, что говорятъ также: свобода нужна лишь малочисленному классу, надѣленному отъ

природы болѣе возвышенными, чѣмъ простой народъ, способностями; что поэтому, дарованіе ея можетъ быть отложено на неопредѣленное время, такъ какъ въ Россіи ея жаждетъ лишь безпокойное меньшинство, между тѣмъ какъ равенство, хотя бы оно даже состояло, въ сущности, въ безусловномъ подчиненіи всѣхъ общему порабощенію, угодно множеству, то есть необразованнымъ массамъ, на которыхъ настоящій режимъ желалъ бы основать прочность своего существованія.

Увы! это — бѣдственная ошибка, ибо необразованная и бѣдная толпа въ концѣ всегда дозволитъ сдѣлать то, чего будутъ желать интеллигентныя и дѣятельныя партіи. Въ сущности вопросъ будетъ касаться лишь способа или времени совершенія того, что совершиться должно. Русская исторія за послѣднее столѣтіе доставляетъ намъ очень вѣское тому доказательство въ послѣднихъ дворцовыхъ переворотахъ, измѣнившихъ порядокъ престолонаслѣдія. Необразованныя массы никогда не произвели ни одной революціи и нигдѣ ни одной изъ нихъ не предотвратили.

Впрочемъ, до генеральнаго сраженія дѣло не дойдетъ. Но если бы какой нибудь заговоръ, также мрачный какъ смѣлый, имѣлъ успѣхъ въ столицѣ, что бы тогда было съ нами?

Мы повторяемъ: „при центральномъ режимѣ нѣсколькими людьми меньше, нѣсколькими больше, нѣсколько указовъ, обнародованныхъ Сенатомъ, — этого довольно, и дѣло сдѣлано.“

Поэтому мы думаемъ, что отрицать не значитъ еще убѣждать; тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ непріятныя истины не допускаются, за догматъ можетъ быть принята химера, такъ какъ она тамъ дѣлается условно принятымъ афоризмомъ. Какъ идиліи въ модѣ, то имъ никто не смѣетъ противорѣчить; всякое другое предположеніе,

потому только, что оно непріятно, считается ложнымъ, и если лжемудрецы рѣшили, что все благополучно, то все и считается благополучнымъ, хотя бы дѣла шли часъ отъ часу хуже.

По несчастью, такимъ образомъ начинаются всѣ общественные перевороты.

Но мы никогда не знаемъ какъ онѣ оканчиваются, ибо великія революціи подобны безсознательнымъ силамъ природы; онѣ производятъ послѣдствія, неожиданныя даже для того, кто имъ сообщилъ первый толчекъ.

Тацитъ говоритъ, что во время общественныхъ кризисовъ честному человѣку не столько трудно исполнить свою обязанность, сколько ее знать. Эти его слова вполнѣ могутъ быть отнесены къ намъ.

Но мы полагаемъ, что наша обязанность теперь заключается въ томъ, чтобы сказать лишь чистую истину, безъ замедленія и умолчаній.

По счастью, у государей не должно бы быть частныхъ интерессовъ. Сама сила вещей соединяетъ ихъ жизнь съ жизнью націи. Со дня, въ которомъ они пріемлютъ въ свои руки скипетръ, разумъ предписываетъ имъ не присоединяться ни къ одной партіи, чтобы не подвергаться однѣмъ съ нею случайностямъ.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что для Династіи существуетъ лишь одна опасность, особенно при началѣ возникновенія новыхъ учрежденій; одинъ только способъ отнять силу у крамолы; одинъ лишь способъ лишить прелести дурныя страсти, которыя безпрестанно стараются привлечь народъ къ себѣ, развращать націю, возбуждать въ ней изувѣрство, чтобы обратить ее противъ существующей власти, — а этотъ способъ состоитъ въ томъ, чтобы отнять у этихъ крамольныхъ партій, изъ ихъ программъ, ихъ нечестивыхъ возбужденій, всю долю истины и справедливости, которая въ нихъ

можетъ находиться. Но доколѣ истина будетъ находиться внѣ учрежденій страны и бороться противъ нихъ, мы не должны никогда предаваться спокойствію, ибо эта истина, которую мы оставляемъ внѣ, сдѣлается раньше или позже грознымъ оружіемъ, которое будетъ употреблено для того, чтобы побороть и уничтожить законный порядокъ.

Если бы мы имѣли честь принадлежать къ числу совѣтниковъ имперіи, мы бы предложили слѣдующее:

Для того, чтобы пресѣчь всякое волненіе и вразумить страну на счетъ либеральныхъ намѣреній Династіи, правительство должно бы въ торжественномъ манифестѣ провозгласить передъ страною новые принципы власти, а также тѣ права, которыя Его Величество благоволитъ даровать на всегда своимъ подданнымъ. Эти права должны быть достаточно полны, чтобы уже не оставалось желать пріобрѣтенія еще послѣдуемыхъ заключеній, что могло бы послужить крайнимъ партіямъ поводомъ къ возбужденію новаго бунта, для достиженія правъ еще болѣе обширныхъ. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, мы ясно убѣдились, что лучше дать увѣренность въ исполненіи ожидаемаго, чѣмъ принуждать добиваться необходимаго пополненія того, что уже даровано. Мы полагаемъ, что благородная откровенность рѣчей Государя болѣе всего способна внушить живую увѣренность въ томъ, что правительство рѣшилось продолжать слѣдовать по предполагаемой дорогѣ; ибо по нашему мнѣнію, опаснѣе всего было бы обмануть націю пустыми обѣщаніями или хитрыми увертками. Но какъ было бы равно же опасно возлагать на народное представительство, еще впрочемъ довольно неопытное, обязанность вновь перестроивать весь общественный порядокъ, ибо это бы значило призывать его съ самаго начала скорѣе къ горячей борьбѣ общихъ принциповъ,

чѣмъ къ полезной практической законодательной дѣятельности, то по нашему мнѣнію необходимо назначить срокъ опредѣленный, но не очень отдаленный, до истеченія котораго, прежде созванія парламента, правительство было бы обязано обнародовать и ввести необходимые законы, принаровленные къ новому общественному порядку, которыхъ основанія были бы сразу всенародно провозглашены верховной волей Государя.

Мы полагаемъ, что такія законоположенія, по ихъ неотложной необходимости, должны бы быть обнародованы въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Императорскій манифестъ, объявляющій о наступленіи новой эры.

2) Свобода печати.

3) Совершенная административная децентрализація.

4) Преобразованіе правительствующаго Сената въ кассаціонный судъ, высшую инстанцію по пререканіямъ о подсудности, по отвѣтственности министровъ, по административнымъ процессамъ, и какъ верховную государственную палату для охраненія законовъ и спеціальнаго контроля расходовъ.

5) Экономическая и финансовая реформа.

6) Учрежденіе однороднаго и отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ министерства.

7) Упраздненіе Государственнаго Совѣта.

8) Конституція, пожалованная Государемъ Императоромъ и утвержденная его присягой.

9) Національное представительство, состоящее изъ Боярской Думы и Земскаго Собора, пользующихся всѣми правами, присвоенными національному представительству въ странахъ свободныхъ, хотя бы съ тѣмъ безусловнымъ ограниченіемъ, что для изданія законовъ необходимо полное согласіе всѣхъ троихъ факторовъ власти.

Такихъ именно преобразованій законодательства, по

нашему мнѣнію, настойчиво и безусловно требуетъ настоящая критическая минута. Съумѣть уступить своевременно требованіямъ неумолимаго рока, составляетъ истинную политическую мудрость, такъ какъ это значитъ взять въ свои руки направленіе общественнаго движенія, даже въ то время, когда оно казалось враждебнымъ.

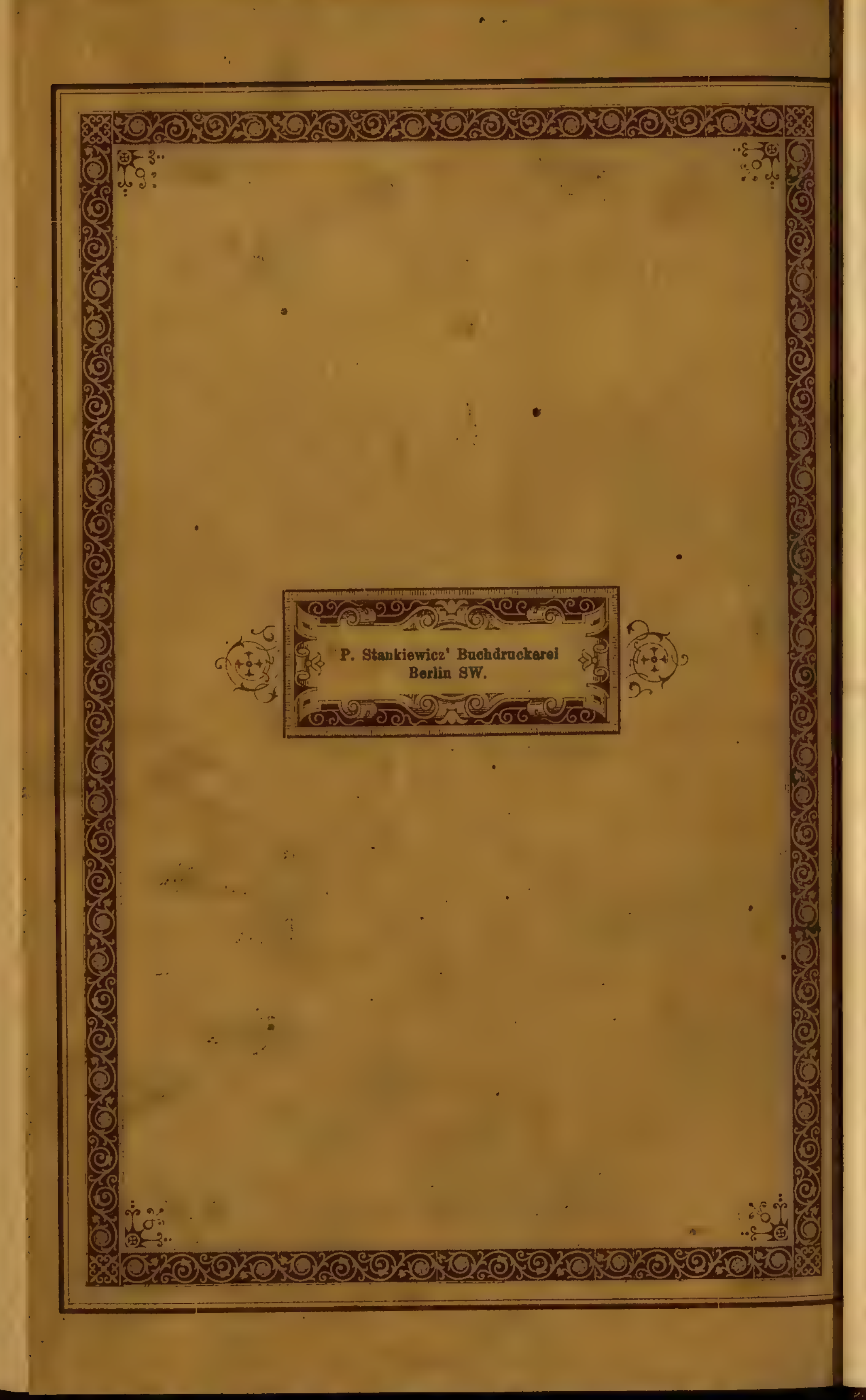
Роковая минута приближается! Мы поэтому желали бы предупредить кризисъ, чтобы сохранить за собою починъ прогресса и не быть вынужденными уступить позже враждебному и недоброжелательному давленію.

Вотъ почему мы рѣшились заговорить откровенно, въ томъ, можетъ быть, наивномъ ожиданіи, что нашъ голосъ будетъ той слабой каплей, которая наконецъ заставитъ пролиться переполненный сосудъ колеблющихся рѣшеній.

Но мы знаемъ, что судьбы народовъ въ рукѣ Божьей!

Типографія П. Станкевича, Берлинъ. — P. Stankiewicz' Buchdruckerei, Berlin.

P. Stankiewicz' Buchdruckerei
Berlin SW.

БИБЛИОТЕКА
Ленингр. от
Коммунист. А
при ЦИК С СР

